Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

ВОРОНЕЖСКАЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА:

ЮБИЛЕИ, НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ, СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Воронеж
НАУКА-ЮНИПРЕСС
2021

УДК 81-11
ББК 80
В75

Редакционная коллегия:
проф. О. А. Бердникова, доц. Ж. В. Грачева, проф. О. В. Загоровская,
проф. Т. А. Никонова, проф. Т. А. Тернова

В75 **Воронежская филологическая школа: Юбилеи, научные контакты, современная практика**. Сборник научных статей. Вып 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. – 296 с.

ISBN 978-5-4292-0222-8

Данный сборник продолжает серию научных трудов, представляющих историю и современную практику Воронежской филологической школы – старейшей научной школы Воронежского государственного университета.

Сборник составили материалы двух конференций, прошедших на филологическом факультете Воронежского государственного университета в 2020 году.

14-16 мая 2020 года состоялась вторая научная конференция «Воронежская филологическая школа: история и современное состояние», посвященная истории, памятным датам и научным юбилеям ведущих ученых факультета.

18 сентября 2020 года в рамках Международного Платоновского фестиваля искусств была проведена вместе с Платоновской группой ИМЛИ РАН всероссийская научная конференция, посвященная 121-й годовщине со дня рождения А.П.Платонова (совместный научный проект «В краю отеческой приявязанности»).

Сборник адресован всем, кто интересуется историей образования, литературы и культуры Черноземного края.

УДК 81-11
ББК 80

ISBN 978-5-4292-0222-8

© Коллектив авторов, 2021
© НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021

Содержание

I. История и научный опыт Воронежской филологической школы

Удодов А.Б. История Воронежской филологической школы как учебная дисциплина магистерской подготовки. 6

Цветова Н.С. Русская литература XX века в интерпретации Воронежской филологической школы 9

Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Новые направления лингвистических исследований в Воронежском государственном педагогическом университете. 13

Ковалев Г.Ф. Иван Степанович Торопцев: к портрету ученого. 19

Кондратенко А.И. Орловские годы профессора И.С. Торопцева. 23

Стернин И.А. Теоретико-лингвистическая школа профессора ВГУ З.Д.Поповой в области общего и русского языкознания 30

Стернина М.А. Сопоставительные исследования научной школы проф. З.Д. Поповой. 41

Картавцев В.Н. Идеи воронежской синтаксической школы в изучении скрытой языковой категориальности. 46

II. Memoria
Юбилейные даты

К 90-летию профессора Владислава Петровича Скобелева (1930-2004)

Алейников О.Ю. В. П. Скобелев в работе над книгой об Артеме Веселом. 50

Рогова Г.И. О слове далеком и близком Владислава Петровича Скобелева. 60

К 80-летию профессора Владислава Анатольевича Свительского (1940 –2005)

Подшивалова Е.А. В.А. Свительский. In memoriam 64

К 75-летию профессора Екатерины Григорьевны Мущенко (1945-2000)

Бердникова О.А. Екатерина Григорьевна Мущенко: дни и годы трудных побед 71

Рогова Г.И. Алгоритм мышления Екатерины Григорьевны Мущенко в монографии «Путь к новому роману на рубеже XIX-XX веков» 80

Памяти наших учителей

Слинько М.А. Дружбы «светлые беседы»: встречи с учеными Воронежской филологической школы 85

III. «В краю отеческой привязанности»: «Воронежский текст» русской культуры

Корниенко Н.В. О некоторых контекстах романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» 89

Антонова Е.В. Воронежцы в истории романа А.Платонова «Чевенгур» (А.Н. Новиков, Г.З. Литвин-Молотов). 99

Колесникова Е.И., Лозовая Л.М. Роман А. Платонова «Чевенгур» в интерпретации воронежских исследователей. 106

Никонова Т.А. «Рядовой народ» в повести А.Платонова «Котлован». . 114

Грязнова А.Ю. Стыд в художественной антропологии А.Платонова . . 118

Крючков К.Н. Финал повести А.Платонова «Котлован» в религиозно-философской перспективе 124

Азизова С.В. Платоновское мировосприятие в понимании его переводчиков (немецкая и японская версии) 134

Дьякова Т.А. С мыслями об Андрее Платонове: Письма М.А. Платоновой в Дом-музей И.С. Никитина 137

Тимофеева В.Г. Опыт изучения языка произведений А.П. Платонова в старших классах средней школы 147

Соловьева О.А. Война в восприятии героев повести Андрея Новикова «Барский двор» 155

IV. Научная проблематика в современных работах ученых Воронежской филологической школы. Творческие контакты

Богданова О.В., Некрасов С.М. Анекдот и девиация как доминантные черты главы «Последыш» (поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») 159

Тернова Т.А. Представление о творческой личности в эссеистике Л. Улицкой из сборника «Священный мусор» 165

Боева Г.Н. «Зеленые берега» Геннадия Алексеева: Интермедиальный аспект. 169

Кретов А.А. Принципы позиционного анализа корневых морфем . . 175

Грачева Ж.В. Роман В. В. Набокова «Машенька» в зеркале внутритекстовой фильтрации. 191

Сидорова Е.А. Национально-культурная специфика лексики в произведениях Беки Сейтакова 196

Недосейкин М.Н. Бунт и эксперимент. Об одном мотиве в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884) 200

Чугунов Д.А. Ключевые аллюзии в произведениях Й. Винклера 205
Рыбачева Л.В. Функциональные корреляции глагола и имени в составе вариативных синтаксических рядов 210
Пляскова Е.А., Погорелова М.В. Из опыта дистанционного обучения русскому языку иностранных студентов-филологов в ВГУ 215
Белякова С.М., Никифорова М.В. Феминитивы в современном славянском континууме (на материале русского и чешского языков) . 221
Валеева Н.И. Особенности семантико-синтаксической организации полипредикативных сложных предложений-микротекстов – паремиологических образований разных жанров 225
Романова Г.В. Лингводидактика на службе культуры речи (на примере обучения падежной вариативности имён существительных) . . 233
Швецова О.А. Сложносочинённые предложения, выражающие отношения противоречия-ограничения. 237
Федотова Н.В. Работа над метафорическими значениями авиационной лексики как компонент формирования коммуникативной компетенции иностранных военнослужащих. 245
Федулова Е.Г. Фреймовый подход на уроках русского языка как иностранного: плюсы и минусы 250
Щербакова Э.В. Постижение русского языка через национальную культуру: из опыта преподавания РКИ. 255

V. Научный дебют

Артеменко Н.С. Традиционные лирические жанры и их трансформация в поэзии Ивана Савина 259
Витович А. Литературные аллюзии в повести Василия Аксенова «Звездный билет» 264
Попова О.И. Жанр пасхального рассказа в раннем творчестве Валентина Свенцицкого («Из дневника странного человека» и «Христос в детской») 271
Гальцова Д.Н. Описание говора села Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области 278
Бустос Санчес Л.М. Эволюция военно-научного подстиля: история и современность 286
Торопчина А. Наименования волка в воронежских говорах 291

I. ИСТОРИЯ И НАУЧНЫЙ ОПЫТ ВОРОНЕЖСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

А.Б. Удодов
Воронежский государственный педагогический университет

История Воронежской филологической школы как учебная дисциплина магистерской подготовки

Дисциплина «История Воронежской филологической школы» изучается в цикле дисциплин направления «*Педагогическое образование*» для магистерской программы «*Литературное, языковое и эстетическое образование*» в статусе регионального компонента на гуманитарном факультете ВГПУ.

Необходимость изучения данной дисциплины в системной координации с обязательными дисциплинами Федерального государственного образовательного стандарта («Методология и методика научных исследований», «Современные проблемы науки и образования») обусловлена как широким междисциплинарным профилем указанной магистерской программы, так и спецификой обучения в магистратуре, нацеленного на всестороннюю подготовку педагога-исследователя, владеющего научным инструментарием филологической науки.

Изучение регионального компонента в данной области предстает важным слагаемым процесса формирования филологической культуры студентов-магистрантов, где опора на конкретный научно-творческий опыт и потенциал выпускающих образовательных учреждений актуализирует возможность непосредственного участия в развитии традиций местных научных школ и направлений исследований.

Цель дисциплины – формирование представлений об исторической динамике и основных направлениях развития филологической науки – на материале социокультурных реалий Воронежского края в его региональной специфике, при соотнесении общего и особенного применительно к общероссийским процессам научно-исследовательской деятельности в указанной области.

Задачи дисциплины:

- определить исторические этапы становления и развития филологической научной мысли в региональной конкретике Воронежского края;
- охарактеризовать наиболее значимые и продуктивные направления региональных исследований, дать представление о формировании научных школ в различных предметно-проблемных областях;
- очертить организационные формы и основные центры филологических исследований в научно-образовательных структурах и учреждениях региона;
- представить ведущие исследовательские персоналии и фундаментальные труды воронежских ученых-филологов;
- сформировать направленность интересов исследовательской дея-

тельности студентов-магистрантов в ориентации на опыт и актуальные научные направления Воронежской филологической школы.

Формирование ключевых компетенций

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта для направления 44.04.01 *Педагогическое образование* и компетентностной моделью выпускника магистратуры, разработанной в ВГПУ для учебного плана 2019 г., освоение дисциплины «История Воронежской филологической школы» нацелено на формирование у обучающихся обязательных профессиональных компетенций (ПКО):

- *способен анализировать и систематизировать результаты научных и научно-методических исследований в области филологии и филологического образования (ПКО-3);*

В результате изучения дисциплины студент должен:

Знать – основные достижения в предметной области филологической науки и образования с учетом региональной специфики Воронежского края и исторической динамики научно-образовательной деятельности.

Уметь – осуществлять анализ, систематизацию и обобщение результатов научных и научно-методических исследований в сфере филологической науки и образования, использовать в профессиональной деятельности инструментарий, позволяющий продуктивно решать конкретные исследовательские задачи.

Владеть – методиками анализа научного опыта, его пополнения и развития; выработки критериев оценки научных результатов – исходных и прогнозируемых

Тип задач профессиональной деятельности в структуре образовательной программы – «*Научно-исследовательский*»:

– анализ, систематизация и обобщение результатов научных и научно-методических исследований в сфере филологического образования и в контексте художественной культуры путём применения комплекса исследовательских методов и результатов экспериментальной деятельности при решении конкретных научно-исследовательских задач.

Планируемые уровни сформированности компетенции ПКО-3.

Структура компетенции	**Уровень сформированности компетенции**	
	Базовый уровень (основные признаки)	**Повышенный уровень** (основные признаки)
Знает – совокупный опыт результирующих научных исследований в намеченном предметно-проблемном плане.	Знает основные типы изучаемых источников и формы заключенной в них информации.	Знает большинство существующих типов источников и форм заключенной в них информации.
	Знает содержание основных источников, наиболее важные положения и концепции в избранной области исследования.	Знает содержание большинства источников, значимые положения и результирующие концепции с выделением смысловых единиц и сущностных признаков.

Умеет – систематизировать имеющиеся научные результаты в качестве исходных позиций для собственного исследования.	Умеет разграничивать сферы истории и теории вопроса в намеченной области научного познания	Умеет дифференцировать научный опыт по значимости (с выделением приоритетов) в синхронном и диахронном планах его осмысления.
	Способен к определению проблемных зон, актуальных для собственного исследования и решения конкретных образовательных задач.	Способен к системному анализу имеющихся результатов в контексте развития научного познания для избранной области исследования; способен к определению цели, задачи, методов, этапов структуры собственного исследования.
Владеет – методологией и методикой анализа научного опыта, его пополнения и развития.	Владеет методологией сбора и обработки информации в различных формах существования научного опыта.	Владеет навыками дифференцирующего и интегрирующего подходов в аналитическом освоении научного опыта; способен к выработке и применению критериев оценки научных результатов – исходных и прогнозируемых.
	Владеет основными методическими приемами для формирования понятийно-терминологического аппарата собственного исследования.	Владеет научной методологией в избранной области исследования с учетом новейших достижений и современных концепций научного познания и образовательной деятельности.

Принципы отбора содержания и организации учебного процесса.

Программа носит *интегративный* характер, поскольку предусматривает проецирование общих закономерностей и тенденций развития отечественной филологической науки на конкретные реалии указанного процесса, воплощенного в социокультурной специфике Воронежского региона. Здесь важным методологическим аспектом выступает *принцип дополнительности*, нацеленный на уяснение динамики общего и особенного в развитии науки и образования.

В композиционном построении программы использованы *культурно-исторический* и *проблемно-тематический* подходы (при рассмотрении, соответственно, исторических этапов и научных направлений в становлении и развитии Воронежской филологической школы). Критериями отбора материала здесь выступают научно-теоретическая и практическая значимость научных трудов, их общественная востребованность и степень научного признания, продуктивность в создании исследовательской традиции и формировании контингента исследователей. Программа предусматривает проведение практических занятия и семинаров, си-

стемно организованных в изучении узловых проблем содержания дисциплины.

Текущая аттестация качества усвоения знаний.

Проверка качества усвоения знаний проводится в устной и письменной форме: проверка конспектов и рефератов обязательной и дополнительной литературы, оценка выступлений на семинарских занятиях.

Итоговая аттестация: итоговая (промежуточная) аттестация проходит в форме экзамена по списку предлагаемых тем и вопросов с учетом результатов текущего контроля качества знаний.

В качестве учебно-методического обеспечения дисциплины в ВГПУ подготовлен ряд пособий. Последнее издание: История Воронежской филологической школы: избранные страницы. Учебно-методическое пособие для магистратуры / А.Б. Удодов, О.В. Загоровская, Т.Г. Струкова; под общ. ред, А.Б. Удодова – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – 68 с.

В пособии представлены программное содержание и методические рекомендации по изучению дисциплины «История Воронежской филологической школы»; даны тематические планы рабочей программы и семинарских занятий, темы рефератов и списки литературы; представлены ключевые компетенции в соответствии с ФГОС магистерской подготовки, а также информационные материалы по ряду научно-организационных структур филологического профиля.

Н.С. Цветова
Санкт-Петербургский государственный университет

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Мое представление о Воронежском университете сформировалось в далекие теперь семидесятые годы прошлого века. Училась я на филологическом факультете Липецкого государственного педагогического института, в создании которого участвовали многие воронежцы. Первой из многих была Тамара Александровна Никонова. Уже тогда, в конце 1970-х, ее присутствие в лекционной аудитории стопроцентно гарантировало, как минимум, внимательное, как максимум, любовное отношение к русской литературе XX века, тогда этот период называли эпохой советской литературы. Я уже почти сорок лет сама читаю этот курс, но конспекты лекций моего учителя до сих пор храню, несмотря на многочисленные переезды, жизненные перемены. В последние годы к нам, в Высшую школу журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, часто приходят воронежские выпускники, чтобы учиться в магистратуре. И с таким же восторгом, как я вспоминаю Тамару Александровну, рассказывают о своих сегодняшних педагогах. Никогда не забуду восторги одной из моих дипломниц в адрес А.В. Фроловой! И мне кажется, сегодня особенно ценно то, что до сих пор воронежская филологическая школа в сознании огром-

ного количества людей отмечена, в первую очередь, педагогическими успехами.

Но в современной ситуации, наверное, не менее значительны суждения о вкладе универсантов в отечественную филологию. Кто бы ни говорил в очередном приступе глубочайшего поклонения заморским специалистам о незначительности современной отечественной гуманитарной мысли, зафиксированной в разнообразных международных индексах и рейтингах, как бы мы сами ни сетовали по поводу недостаточности новейших филологических концепций, многие публикации последних лет отчетливо свидетельствуют не просто об активизации гуманитарной мысли, но и о серьезности достигнутых результатов. Как правило, результативность обусловлена в значительной степени наличием филологической школы, представленной в изданиях научно-дидактических, обобщающих, имеющих отчетливо проявленную концептуальную основу. В этом смысле я могу профессионально судить о книгах, подготовленных кафедрой русской литературы XX века.

Хотелось бы обратить особое внимание на переиздание учебного пособия, первый вариант которого появился в 1999 году. Этот вариант пособия был рекомендован Министерством образования РФ для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология». В солидном томе был обобщен многолетний кафедральный опыт преподавания русской литературы. Учебник 1999 года получил высочайшую оценку не только российских, но и европейских коллег. В. Казак, один из самых авторитетных немецких славистов, в рецензии, посвященной этой книге, фиксируя ее феноменальность, цитировал одного из редакторов – сегодняшнего руководителя кафедры Т.А. Никонову. Тогда профессор Никонова, определяя специфику подхода авторского коллектива к историко-литературному материалу, писала, что «Русская литература XX века» появилась в ответ на «настоятельную потребность оглянуться назад – не столько для того, чтобы пересмотреть традиционные взгляды и свергнуть былые кумиры, сколько для того, чтобы по-новому, свежо и остро увидеть сегодняшний день, его истоки» [1, 68].

Через два десятилетия почти тот же авторский коллектив предложил второе издание книги. О.А. Бердникова, Г.Н. Боева, Т.А. Тернова, Т.А. Никонова, А.В. Фролова, Н.А. Молчанова существенно обновили учебный материал, уточнили структуру, пересмотрели многие разделы. Но в целом взгляд на русскую литературу XX века, принятый в первой редакции учебного пособия, остался прежним. Появился учебник, в котором сохранился сложившийся еще в девятнадцатом веке принцип рассмотрения историко-литературного материала в органической связи с национальной традицией.

Второе, не менее бесспорное достижение авторского коллектива, – выход за пределы «политизированной антикоммунистической доктрины в область философскую и эстетическую» [2, 6], следование которой уничтожало усилия многочисленных предшественников воронежских ученых. Коллективу, усилия которого направляла редактировавшая том

профессор Т. А. Никонова, заведующая кафедрой русской литературы XX века, удалось показать результаты первого испытания литературы прошлого столетия веком нынешним, увидеть и продемонстрировать логику литературного развития, обусловленную динамикой художественной картины мира, изменением представлений о человеке и его возможностях, зафиксированным, отраженным в поэзии, прозе, драматургии. Ключевая установка определена четко и однозначно: «как и любая европейская, русская культура XX века была антропоцентричной» [2, 6].

Серебряный век представлен в главах, посвященных В. Брюсову и А. Блоку, Н. Гумилеву и О. Мандельштаму, А. Ахматовой и И. Бунину, А. Куприну и М. Горькому, Л. Андрееву и А. Ремизову, Е. Замятину и русским футуристам. Русская литература 1920-1930-х годов, пережившая «достаточную свободу», отказ от «ориентации на эстетику авангарда революционных лет» [2, 256], подчинившаяся в конце концов требованиям «жизнеподобия», – это поэтические опыты В. Маяковского, Б. Пастернака, С. Есенина, Н. Заболоцкого, литературные достижения «орнаменталистов», М. Горького, А. Толстого, М. Булгакова, А. Платонова, М. Шолохова, постреволюционная сатирическая драматургия. Специальный раздел посвящен «русскому литературному рассеянию», осмыслению трагического опыта существования русской литературы. Объем историко-литературного материала огромный. Как когда-то А. Ахматова, с наивысшей точностью определившая творческую индивидуальность Н. Гумилева, свойства его поэтического дара, исследователи «доверялись знанию и сердечной проницательности» [2, 56], указывая путь прочтения литературного наследия классиков XX века. Авторам книги удалось добиться глубочайшего погружения «в чудовищно уплотненную реальность художественного произведения» [2, 75], зафиксировать тончайшие нюансы, в которых отражаются неустранимые связи разных литературных эпох и пространств: набоковские нотки в стихах нашего современника, петербуржца А. Кушнера, мельчайшие нюансы диалога Л. Толстого и М. Шолохова, метафизическое противостояние Сартра и Л. Андреева…

«Ни одно учебное пособие не может ответить на все вопросы и рассмотреть все художественные явления» [2, 7]. Утверждение бесспорное. Но качество любого учебника определяется его концептуальной целостностью, принципами отбора историко-литературного материала и аналитическими, доминирующими интерпретационными вариантами. Одна из старейших российских филологических школ, к счастью, сохранила классический литературоведческий и специально-дидактический подход к историко-литературному материалу, при этом не осталась на обочине современной гуманитаристики, блестяще использовала идеи Х. Ортега-и-Гассета, Р. Гвардини, Ж. Нивы, Х. Барана, Х. Гюнтера, Э. Гринвуда, Э. Дж. Брауна и других западных исследователей.

И последнее, о чем необходимо сказать, это структурирование материала, учитывающее современные требования учебных планов, ориентированных на подготовку бакалавров и магистров, на усиление значения самостоятельной работы студентов. Когда система двухступенчатого ву-

зовского образования только вводилась в России, казалось, что проблема учебно-методического обеспечения модернизирующегося учебного процесса превратится в неразрешимую. В ВГУ нашли решение: обзорные главы дают замечательный материал для бакалавров, а монографические, которые по сути своей представляют оригинальное авторское прочтение ключевых произведений русской литературы XX века, – база для более зрелой профессиональной рецепции художественного текста.

В 2017 году на V Приволжском межрегиональном конкурсе вузовских изданий «Университетская книга – 2017», который проводился на базе Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации совместно с информационно-аналитическим журналом «Университетская КНИГА», работа авторского коллектива Воронежского государственного университета (О.А. Бердникова, Г.Н. Боева, А.А. Кретинин, П.В. Куприяновский, Н.А. Молчанова, Е.Г. Мущенко, Т.А. Никонова, Т.А. Тернова, А.В. Фролова), на наш взгляд, абсолютно заслуженно была признана лучшим учебным изданием по филологическим наукам.

Знак продолжения научной жизни замечательной кафедры – опубликованный второй том учебника, посвященный самому трудному для историков литературы периоду – от времени Великой Отечественной войны до 1990-х годов. Как и первая, вторая часть пособия включает обзорные главы. Авторы, среди которых уже не только «маститые» В.М. Акаткин, О.А. Бердникова, но и представители младшего «школьного» поколения, предлагают своё, убедительно аргументированное видение ключевых тенденций развития той или иной тематической группы в соотнесении с магистральными процессами развития русской литературы послевоенной эпохи. Принципиально важно, что сохраняется структура первой части пособия: есть обращение к студентам бакалавриата, в учебных планах которого предусмотрено системное рассмотрение истории литературы, в то же время представлены монографические главы. В этих главах рассматриваются конкретные темы, характеризуются отдельные произведения, творчество того или иного писателя. Эти разделы адресованы магистрантам, призванным размышлять над частными проблемами эволюции литературной эпохи.

В новом учебнике – полезные для всех нас, неотменимые уроки. Читала и восхищалась талантливым прочтением А. Твардовского и Б. Пастернака. Испытывала огромное чувство благодарности за возращение Ю. Казакова, А. Битова, Ю. Домбровского, за главу о «русскоязычном творчестве национальных писателей».

Литература

1. *Kasack W*. Die Welt der Slaven. XLVII, 2002, 385-398. Русский вариант рецензии / W. Kasack. – Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж, 2001. –Вып. 17. – С. 67–69.

2. Русская литература XX века. Часть 1. Человек и художественная реальность в литературе 1890-1940-х годов. Учебное пособие: в 2 ч. / Под ред. Т.А. Никоновой. – Изд. 2-е, испр. и доп.: Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 484 с.

О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова
Воронежский государственный педагогический университет

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОРОНЕЖСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ[1]

Как известно, научные лингвистические исследования, проводимые в рамках Воронежской филологической школы (ВФШ), развиваются прежде всего в двух наиболее крупных научно-образовательных центрах Воронежского региона – Воронежском государственном «классическом» университете (ВГУ) и Воронежском государственном педагогическом университете (ВГПУ). При этом, несмотря на то что в силу различий во времени образования (ВГУ – 1918 г.; ВГПУ – 1931 г.) и различий в структурной организации (лингвистика ВГУ имеет более длительную историю развития и более широкий спектр научных направлений в целом), обе названные лингвистические школы характеризуются значительными достижениями в области изучения общетеоретических вопросов языкознания и специальных проблем русистики, включая историю русского языка и диалектологию, общую и русскую семасиологию, социолингвистику, когнитивную лингвистику, лингвофольклористику, лингвостилистику, лексикографию и др. (см., например: [1], [2], [4], [8], [9], [12], [13]).

Одной из ярких особенностей развития лингвистики в Воронежском государственном педагогическом университете в последнее десятилетие является разработка принципиально новых лингвистических направлений, основанных на методологии современной постнеклассической науки (предполагающей обязательную направленность на междисциплинарность исследований и опору на значительные объемы языковых данных) и проводимых с использованием новейших методов научного анализа.

Основы научных разработок, ориентированных на новейшие проблемы современной лингвистики и формирование новых лингвистических направлений, были заложены в деятельности научной лингвистической)школы по проблемам развития русского языка на рубеже XX-XXI вв., созданной в Воронежском государственном педагогическом университете профессором О.В. Загоровской, а также в исследованиях Центра русского языка ВГПУ (с 2013 года – Регионального центра русского языка (РЦРЯ)), возглавляемого названным ученым с 2004 г.

Первоначально основная научная деятельность РЦРЯ была ориентирована, прежде всего, на проблемы развития русского языка и динамические процессы в его системе и функционировании на рубеже XX-XXI вв. Наряду с этим лингвистами ВГПУ рассматривался широкий круг других проблем современной русистики, в том числе вопросы семасиологии, лингвостилистики, русской грамматики и диалектологии. История 15-летних исследований, проводимых на базе РЦРЯ, представлена в работе [4].

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 18-78-10081 «Моделирование идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификации автора текста».

В ходе своего развития Региональный центр русского языка расширил тематику своих научных исследований двумя принципиально новыми направлениями: «Лексикографическое портретирование языковой личности на основе создаваемых ею текстов» и «Моделирование личности автора русского письменного текста». Оба названных направления были ориентированы на изучение проблем взаимосвязи языка и личности, выявление особенностей отражения личности в тексте и с необходимостью предполагали применение новейших лингвистических методов, в том числе методов корпусной и компьютерной лингвистики. Первое из направлений было предложено руководителем Центра проф. О.В. Загоровской, а второе было инициировано канд. филол. наук Т.А. Литвиновой, включившейся в исследования научной лингвистической школы проф. О.В. Загоровской и, соответственно, в исследования РЦРЯ. В дальнейшем работы по второму из названных направлений научных исследований стали вестись в рамках нового научного подразделения в составе ВГПУ – научно-исследовательской лаборатории теоретической и прикладной идиолектологии (сокращенно – лаборатория корпусной идиолектологии, ЛКИ), возглавляемой Т.А. Литвиновой. Таким образом, в настоящее время лингвистические исследования в ВГПУ осуществляются, помимо профильных кафедр, в двух отдельных структурных научных подразделениях вуза – РЦРЯ и ЛКИ.

В настоящее время РЦРЯ и ЛКИ совместно ведут работу по следующим основным направлениям лингвистических исследований, ориентированным на исследование продуктов повседневной речевой деятельности (в том числе «клавиатурных» текстов) рядовых носителей современного русского языка:

1. Речевое портретирование социальных групп как задача современной лексикографии

Данное научное направление является первым совместным направлением исследований РЦРЯ и ЛКИ и ориентировано на решение ряда теоретических и прикладных проблем, в частности на решение теоретических проблем современной социолингвистики и электронной лексикографии (e-lexicography), а также на разработку методов диагностирования социальных характеристик автора текста, что является актуальной междисциплинарной задачей, имеющей высокую социальную значимость.

Данное направление исследований было впервые сформулировано в работе О.В. Загоровской [5].

Среди основных теоретических результатов, полученных в ходе работ, следует отметить, прежде всего, разработанную в РЦРЯ концепцию многоаспектного автоматизированного словаря социальной группы – принципиально нового лексикографического продукта.

Важнейшей особенностью названного направления является опора на существующие корпусы текстов русского языка, а также на создание специальных исследовательских корпусов. В рамках выполнения работ по данному направлению исследований в РЦРЯ был впервые создан электронный корпус текстов студенческих эссе, снабженный метаразметкой в виде информации о групповых характеристиках авторов и легший в ос-

нову многочисленных исследований, ориентированных на диагностирование социальных характеристик авторов, а также на собственно речевое портретирование одной из социальной групп носителей современного русского языка – студентов российских вузов [6].

Помимо собственных баз данных, в рамках исследований по рассматриваемому лингвистическому направлению активно используются уже существующие корпусы текстов русского языка, при этом при отборе таких ресурсов особое внимание уделяется представленности в них текстов, являющихся продуктом повседневной речевой деятельности рядовых носителей русского языка (т.н. «непрофессиональных» текстов, в том числе «клавиатурных») [3], [7]. Известно, что современные корпусы текстов русского языка содержат преимущественно «профессиональные тексты», то есть созданные лицами, для которых создание текстов является профессиональной деятельностью (художественные, научные, публицистические тексты), что не позволяет в полной мере решить задачи речевого портретирования; кроме того, важным в свете задач названного направления является анализ текстов, созданных в новейший («клавиатурный») период развития современного русского языка. Среди корпусов текстов русского языка, наиболее полно удовлетворяющих исследовательским запросам в рамках данного направления, следует отметить RuTenTen (https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/) – крупнейший интернет-корпус русского языка, снабженный разнообразной лингвистической разметкой и предоставляющий обширные возможности поиска, создания и анализа конкордансов и т.д. В частности, в настоящее время в рамках специального кандидатского исследования с использованием данного ресурса ведутся работы по составлению частотных списков и конкордансов лексем, номинирующих женщину и функционирующих в новейших жанрах «клавиатурной» речи (блогах, форумах, комментариях) с учетом гендерной принадлежности авторов текстов.

2. Теоретическая и прикладная идиолектология

В ходе научных изысканий РЦРЯ были заложены основы нового научного направления – теоретической и прикладной идиолектологии [11], работы в русле которого ведутся в ВГПУ в самостоятельной научном подразделении – ЛКИ. Данное научное направление возникло как следствие многолетней работы Лаборатории моделирования личности по тексту РЦРЯ, ориентированной на исследование особенностей отражения социальных характеристик автора текста в его речевой продукции и диагностики названных характеристик путем построения прогностических моделей с использованием методологии authorship profiling – активно развивающегося междисциплинарного направления исследований, направленных на построение математических моделей, прогнозирующих те или иные характеристики автора текста (см. подробнее о данном направлении в монографии [10]). В течение длительного времени работы подобного типа велись преимущественно на материале текстов на английском языке. Исследования в русле authorship profiling на русском языке были инициированы Т.А. Литвиновой и велись на материале созданного в РЦРЯ первого корпуса текстов

на русском языке, содержащего метаразметку в виде информации об авторах RusPersonality [14; ср.:15]. Работы воронежских лингвистов в данном направлении привлекли внимание международной научной общественности: в 2017 г. Т.А. Литвиновой совместно с коллегами из ведущих мировых лабораторий, занимающихся проблематикой authorship profiling, был организован первый международный хакатон по диагностированию пола автора текстов на русском языке [16]. Однако дальнейшие исследования показали, что доминирующий в настоящее время «инженерный» подход к решению проблемы диагностирования личности автора текста, имеющий безусловную социальную значимость в связи с бурным распространением интернет-коммуникации, увеличением случаев интернет-травли, вовлечения носителей разных языков и культур в экстремистскую деятельность и т.д., является недостаточно эффективным. Для решения прикладных задач идентификации и диагностирования личности автора текста необходимы теоретические изыскания в области идиолекта, понимаемого нами как совокупность языковых выборов, совершаемых носителем языка под влиянием совокупности факторов интеридиолектного и интраидиолектного варьирования; разработка общей теории идиолекта и факторов идиолектного варьирования, методологии поуровневого описания идиолектов и создание системы идиолектных маркеров. Принципиальной особенностью данного направления является опора на корпусы текстов и использование новейших методов многомерного анализа и визуализации данных. В частности, базой для проводимых в настоящее время исследований в рамках данного направления является не имеющая аналогов в российской лингвистике база данных RusIdiolect (https://rusidiolect.rusprofilinglab.ru), позволяющая производить поиск по целому ряду факторов идиолектного варьирования, относящихся как к зоне «автор», так и к зоне «коммуникативная ситуация». В настоящее время на материале данной БД в ЛКИ ведутся исследования, направленные на разработку общей методологии стилеметрической индивидуальной (ИИИ) и групповой (ГИИ) идентификации идиолекта.

3. Экспериментальные исследования особенностей порождения клавиатурного текста как идиолектной характеристики носителя языка

В настоящее время в ходе совместных исследований РЦРЯ и ЛКИ происходит формирование нового направления на стыке психолингвистики, когнитивной лингвистики и экспериментального анализа дискурса. Наблюдаемый экспоненциальный рост числа «клавиатурных» текстов, а также возможности современных технических средств позволяют совершенно по-новому взглянуть на проблему порождения текста в режиме «онлайн», при этом принципиальной особенностью работ в данном направлении является изучение особенностей клавиатурного поведения авторов как их идиолектной характеристики в совокупности с особенностями порождения текста на других уровнях. Так, в настоящее время О.В. Загоровской и Т.А. Литвиновой ведутся предпроектные исследования, направленные на сравнительный анализ особенностей порождения русского рукописного и клавиатурного текста одними и теми же носителями совре-

менного русского языка. Данная проблема, помимо сугубо теоретического, имеет и важное социальное значение: в современном образовательном офлайн и онлайн-пространстве учащиеся создают как рукописные, так и цифровые («клавиатурные») тексты, в том числе и служащие средством контроля знаний, однако до настоящего времени не исследованы в сравнительном аспекте особенности порождения таких текстов и трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся в ходе создания текстов данных типов.

Работы РЦРЯ и ЛКИ по указанным выше научным направлениям совместных лингвистических исследований были поддержаны грантами ведущих научных фондов РФ – Российским фундаментальным научным фондом (РФФИ) и Российский государственным научным фондом (РГНФ, присоединен к РФФИ). Исследования в направлении корпусной идиолектологии поддержаны крупнейшим из действующих научных фондов РФ – Российским научным фондом (Президентская программа поддержки ведущих молодежных коллективов, рук. – Т.А. Литвинова). Результаты исследований по первым двум направлениям отражены в десятках статей в ведущих российских и зарубежных изданиях (см. некоторые работы в списке литературы: [4]), а также профили авторов статьи в РИНЦ и Scopus: Zagorovskaya Olga V., ссылка на профиль в БД Scopus https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57190963628; Litvinova Tatiana, https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56638057700).

Таким образом, можно с уверенностью констатировать активное развитие лингвистических исследований в Воронежском государственном педагогическом университете, сочетающее в себе как опору на теоретические достижения широко известной в России научной лингвистической школы, так и использование новых методов лингвистического анализа и анализа данных, а также ориентацию на разработку научных подходов к решению различных задач, представляющих глобальные вызовы современного общества.

Литература

1. Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность: сборник научных статей / под ред. Т.А.Терновой; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. – 309 с.

2. Воронежский государственный педагогический университет: время, события, люди: [монография] / [ред.колл. В.В. Подколзин, Г.П. Иванова и др.]. – Воронеж, 2006. – 454 с.

3. *Загоровская О.В.* Естественная (непрофессиональная) письменная речь как модус существования современного русского языка и «зеркало» идиолекта его носителя / О.В. Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (283). – С. 202-206.

4. *Загоровская О.В.* Научные исследования Регионального центра русского языка Воронежского государственного педагогического университета: направления работы и основные результаты (к 15-летнему юбилею РЦРЯ при ВГПУ) // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3. – С.174-177.

5. *Загоровская О.В.* Речевое портретирование социальной группы как задача современной лексикографии / О.В. Загоровская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 2. – С.174-177.

6. *Загоровская О.В.* Электронный корпус студенческих эссе и его возможности для современных гуманитарных исследований / О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова, О.А. Литвинова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 387-389.

7. *Загоровская О.В.* Языковая норма в современной русской визуально-письменной речи, функционирующей в интернет-коммуникации: к постановке проблемы / О.В.Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4 (277). – С. 168-172.

8. *Загоровская О.В.* Из истории научной школы учебной лексикографии Воронежского государственного университета (вопросы методологии) / О.В. Загоровская // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2019. – №1 (282). – С.200-203.

9. История Воронежской филологической школы: избранные страницы. Учебно-методическое пособие для магистратуры / А.Б. Удодов, О.В. Загоровская, Т.Г. Струкова; под общ. ред. А.Б. Удодова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 39-69.

10. *Литвинова Т.А.* Идентификация и диагностирование автора письменного текста / Т.А. Литвинова, О.А. Литвинова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – 332 с.

11. *Литвинова Т.А.* Идиолект как объект корпусной идиолектологии: к становлению нового лингвистического направления / Т.А. Литвинова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2019. – № 7.

12. *Попов С.А.* Филологический факультет ВГУ: прошлое, настоящее, будущее. – Воронеж: Изд-во им. Е.А.Болховитинова, 2001. – 248 с.

13. Теоретические проблемы современного языкознания / Под ред. И.А. Стернина и М.А.Стерниной. – Воронеж: Истоки, 2009. – 356 с.

14. *Litvinova T.* Ruspersonality: A Russian corpus for authorship profiling and deception detection / T. Litvinova, O. Litvinova, O. Zagorovskaya, P. Seredin, A. Sboev, O. Romanchenko // Proceedings of the International FRUCT Conference on Intelligence, Social Media and Web. ISMW FRUCT, 2016. – P. 1-7.

15. *Загоровская О.В.* Корпус текстов Ruspersonality как основа исследований «реальной» языковой нормы в современной русской письменной речи / О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / под ред. О.В. Загоровской. – Вып.28. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2018. – С. 51-57.

16. *Litvinova T.*, Pardo F.M., Rosso P., Seredin P., & Litvinova O. (2017). Overview of the RUSProfiling PAN at FIRE Track on Cross-genre Gender Identification in Russian. FIRE.

Г.Ф. Ковалев
Воронежский государственный университет

Иван Степанович Торопцев (1922-1989) (к портрету ученого)

В истории российской лингвистики бывают случаи, когда ученый, особенно провинциал, давший импульс целому направлению в науке, остается в тени, а лидерами становятся совсем другие люди, которые позднее подхватили и развили чужие идеи. Сам же зачинатель направления оказывается незаслуженно оттесненным на обочину, а на его работы даже не принято ссылаться.

К исследователям, так и не попавшим при жизни в круг «столичной» науки, принадлежал и И.С. Торопцев – родоначальник отечественной ономасиологии. Иван Степанович родился 9 сентября 1922 г. в крестьянской семье в селе Коршево Бобровского района Воронежской области. С детства проявлял он огромную любознательность и недюжинные способности; окончив школу, поступил в Бобровское педагогическое училище. После успешного завершения учебы в 1940 г. был направлен по распределению в Узбекистан (кишлак Чаканд Хавастского района Ташкентской области). Долго работать учителем русского языка и литературы в узбекской школе молодому специалисту не пришлось – грянула Отечественная война. В 1942 г. И.С. Торопцев был призван в Красную Армию, где всю войну прошел в саперном батальоне. У Ивана Степановича и там была неприметная роль: строил оборонительные укрепления, под огнем наводил переправы для наших наступающих частей. Сколько было этих мостов и переправ в России и на Украине, Румынии и Венгрии, Чехословакии и Австрии! Неоднократно раненный, Иван Степанович за ратные заслуги был награжден медалями, среди которых самая ценная для настоящего фронтовика – медаль «За отвагу».

Своим командиром И.С. Торопцев был представлен к ордену «Красная звезда». Однако получил боец лишь медаль «За боевые заслуги».

После демобилизации из армии в 1946 г. перед Иваном Степановичем не стоял вопрос: куда идти? Тяга к знаниям, особенно к постижению языковых законов, привела его в Воронежский университет на филологическое отделение историко-филологического факультета. Учеба для солдата, прошедшего через кровавую войну, была трудной и сложной. Приходилось восстанавливать корпуса университета, разрушенные фашистами, приходилось и прирабатывать, чтобы чувство постоянного голода не столь сильно мешало занятиям. Но фронтовик держал марку: он стал одним из лучших студентов на факультете. В 1950 г. университет был окончен. Получив диплом с отличием, Иван Степанович начал работать учителем в Эртильской средней школе Воронежской области, но уже в декабре того же года посту-

пил в аспирантуру. Под руководством доцента В.И. Собинниковой была подготовлена кандидатская диссертация по словообразованию и его специфике в говоре родного села Коршева. Защита диссертации прошла успешно, и новоиспеченный кандидат филологических наук направляется в Орловский педагогический институт. Позднее коллеги выдвинули его на должность заведующего кафедрой русского языка.

В 1958 г. И.С. Торопцева направляют в страну, которую он освобождал от фашизма. Два года работы в Праге, в Высшей школе русского языка и литературы, не прошли бесследно для Ивана Степановича. Он довольно хорошо освоил чешский язык, познакомился со многими видными чешскими лингвистами (среди них – Милош Докулил и Александр Вурм), оказавшими на него значительное влияние в научном плане. Ученый буквально «заражается» новыми идеями деривационных процессов в лексике славянских языков. Именно с этой поры у него зарождается идея ономасиологического подхода к изучению словообразовательных процессов в языке и речи.

Вернувшись в Орел, Иван Степанович организовал на общественных началах лабораторию ономасиологических исследований; в ее работе участвовало более двадцати языковедов из различных вузов и исследовательских организаций страны (именно в этой лаборатории и начинала свою деятельность по ономасиологии Е.С. Кубрякова). Результаты этой деятельности нашли отражение в многочисленных публикациях. Под научной редакцией И.С. Торопцева вышли из печати четыре тома «Проблем ономасиологии» (Орел-Курск, 1974-1978) – единственного в ту пору специализированного издания, которое, однако, той же Е.С. Кубряковой даже не упомянуто в довольно обширной статье «Ономасиология», помещенной на страницах Лингвистического энциклопедического словаря (М.,1990, с.345-346). Не названа в нем и фамилия родоначальника этого языковедческого направления. А между тем через торопцевскую лабораторию прошли десятки начинающих ученых, ставших затем кандидатами и докторами наук. Руководитель лаборатории в марте 1970 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Очерк русской ономасиологии». Это была первая докторская диссертация по ономасиологии в СССР.

В отличие от словообразования и семасиологии ономасиология рассматривает не содержательные компоненты готового слова (морфемы, семы) и систему их организации, а процессы формирования слов из еще более первичных, чаще всего описательных, номинантов, естественных семантических элементов. Заслуга И.С. Торопцева в том и состоит, что он первым обосновал методику исследования, подробно описал этапы формирования того, что еще не объективировалось в языке до вербально выраженных номинантов.

В 1976 г. И.С. Торопцева приглашают на работу в Воронежский государственный университет. Здесь на должности профессора кафедры русско-славянского языкознания начинается новый этап научной и педагогической деятельности ученого. Не прошло и полугода, как И.С. Торопцев избирается деканом филологического факультета. Сердечный и открытый, глубоко порядочный и доброжелательный человек, Иван Степанович заслужил любовь и уважение не только коллег, но и студентов. В филфаковском гимне, который любят исполнять уже несколько поколений студентов (слова – Л.Е. Кройчика, музыка – Б.Ш. Окуджавы), есть и строки, посвященные Ивану Степановичу Торопцеву:

Приходит расставанья час,
Уходят в школу ветераны,
Нелегок миг, но согревает нас
Улыбка нашего декана

Именно в Воронежском университете ученый смог подготовить и опубликовать две свои программные монографии. Работа над ними определила эволюцию научных интересов И.С. Торопцева. Если в первой книге ономасиологический анализ словообразовательных процессов проводился в основном на материале русского языка («Словопроизводственная модель», Воронеж, 1980), то вторая уже касалась проблем общего языкознания («Язык и речь», Воронеж, 1985).

И.С. Торопцев проводил также большую педагогическую работу. Он был не только оригинальным исследователем и прекрасным администратором, но и любимым наставником аспирантов, которые приезжали к нему буквально отовсюду (Курск, Белгород, Орел, Липецк, Глухов, Тамбов, Душанбе, Тюмень, Луцк, Свердловск, Глазов …). Были воспитанники и за рубежом.

Весьма интенсивной и плодотворной была научно-организаторская деятельность И.С. Торопцева. Вместе с профессором И.П.Распоповым он стал инициатором создания на филологическом факультете ВГУ специализированного диссертационного совета по присуждению ученых степеней, а с 1982 г. до самой своей смерти бессменно его возглавлял. Он руководил экспертной комиссией по филологическим наукам в ВГУ. Далеко не случайно И.С.Торопцев был награжден медалью «За доблестный труд», удостоен званий «Отличник народного просвещения» и «Отличник высшей школы» (правда, эти награды он получил еще работая в Орле, в Воронеже не очень беспокоились о наградах).

Иван Степанович Торопцев оставил неизгладимый след в благодарной памяти всех тех, кто работал с ним рядом, кого он вывел на нелегкий путь языкознания и педагогики. Молодые ученые еще долго будут впитывать плодотворные мысли лингвиста, изложенные в его замечательных трудах.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ПРОФЕССОРА ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ТОРОПЦЕВА

Суффиксальное словопроизводство имен категории общего рода в говоре села Коршева Бобровского района Воронежской области // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. – 1958. – Т.13. – Вып. 5. – С.56-90.

Суффиксальное словопроизводство имен существительных, обозначающих лиц мужского пола, в говоре с.Коршева Бобровского района Воронежской области // Учен. записки Борисоглебского пед. ин-та. – 1958. Вып.4. – С.3-69.

К вопросу о принципах подбора слов для областного словаря в связи с подготовкой словаря орловских говоров // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. – Воронеж, 1959. – С.39-42.

Заметки о системе языка и синонимики // Bulletin Vysoké školy ruskěho jazyka a literatury. Praha. 1960. Vol.IV. (Совместно с А.Вурмом).

Явления замещения основ в отношении к опрощению и переразложению // Bulletin Vysoké školy ruskěho jazyka a literatury. – Praha. 1960. Vol.IV. (Совместно с А.Вурмом).

Несколько дискуссионных положений по фразеологии // Изв. Воронежского гос. пед. ин-та. – 1962. Т.42. – С.5-11.

Несколько соображений о базе словообразования // Учен. записки Орловского пед. ин-та. – 1962. Т.21, вып. 6. – С.41 -51.

Лексическая мотивированность (на материале современного литературного языка) // Учен. записки Орловского пед. ин-та. – 1964. Т.22. – С. 3-178.

Идеальная сторона лексической единицы в отношении к другим результатам отражательной деятельности психики человека // Краткие очерки по русскому языку. – Воронеж, 1964. – С. 17-27.

Исходные моменты лексической объективации // 1975. Т. 46. С.3-146.

К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц // Учен. зап. Московского обл. пед. ин-та. – 1966. Т.160. – С.8-25.

К вопросу о специфике звукоподражательных слов // Вопросы современного русского языка и методики его преподавания в педагогическом вузе. Ч.1. Вопросы теории грамматики. – Курск, 1974. – С.3-12.

Очерк русской ономасиологии (Возникновение знаменательных лексических единиц). Автореф. дисс. … доктора филол. наук. – Л., 1970. – 37 с.

Предмет, задачи, материалы и методы ономасиологии // Науч. труды Курского пед. ин-та. – 1974. Т.21. – С.3-75.

О словопроизводственной модели и методике ее выявления // Там же. 1976. Т.62. – С.3-20.

О содержательной стороне понятия словопроизводственный процесс // Науч. труды Ташкентского пед. ин-та. – 1976. Т. 174. – С.7-12.

О направлениях в изучении словопроизводственного процесса // Науч. труды Курского пед. ин-та. – 1977. Т. 175. – С.5-9.

О направлениях в изучении словопроизводственного процесса // Проблемы ономасиологии. – Курск, 1977. Т. 175. С. 5-9.

Словопроизводственная модель. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. 148 с.

Ономасиологический аспект деривации и проблема интеграции деривационных форм // Деривация и полисемия. – Тамбов, 1984. – С.24-44.

Словопроизводственная модель. – Воронеж, 1980. – 148 с.

Язык и речь. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 199 с.

Образование прилагательных в современном русском языке. – Воронеж, 1994. (Совместно с И.А. Устименко.)

А.И. Кондратенко
Орловский государственный университет

Орловские годы профессора И.С. Торопцева

Профессор Иван Степанович Торопцев (1922 – 1989) – одна из ярких фигур Воронежской филологической школы. Выпускник ВГУ и ученик профессора В.И. Собинниковой, он после защиты кандидатской диссертации более двух десятилетий заведовал кафедрой в Орле. Не теряя связей с воронежскими лингвистами, активно и плодотворно занимался научной деятельностью, в итоге защитил докторскую диссертацию и вернулся на работу в Воронежский университет, был избран деканом. Восстановить ряд фактов и обстоятельств биографии выдающегося учёного помогло личное дело И.С. Торопцева, хранящееся ныне в архиве Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. Также автор статьи обратился с просьбой поделиться воспоминаниями к ряду учеников профессора и его коллегам по Орловскому пединституту.

Торопцев был одним из первых аспирантов, защитивших диссертацию по филологической специальности в ВГУ. По строгим правилам того времени (1954 год), кандидата наук ждало распределение – скорее всего, в один из периферийных вузов СССР. Вакансия появилась в Орловском педагогическом институте. Заведовавший там с 1944 года кафедрой русского языка Сергей Иванович Котков (1906–1986) накануне защитил докторскую диссертацию и получил приглашение на должность заместителя директора Института русского языка Академии наук СССР. Пока шло оформление Коткова в столице, и.о. директора орловского вуза математик С.М. Горшенин обратился в союзное министерство высшего образования с просьбой срочно найти молодого высококвалифицированного лингвиста. Выбор пал на Торопцева, который в то время был преподавателем-почасовиком кафедры русского языка Воронежского пединститута.

Однако, несмотря на официальное направление министерства, в апреле 1954 года Торопцева оформили в Орле лишь на должность старшего преподавателя-почасовика. Руководство вуза приглядывалось к новичку. И только вновь назначенный ректор Орловского пединститута Георгий Михайлович Михалёв (прежде он работал в Тамбове, в 1937 году окончил пединститут в Воронеже, так что вполне представлял, «кто есть кто» среди научных кадров Черноземья), принял в конце августа 1954 года однозначное решение: рекомендовать Торопцева на должность заведующего кафедрой ОГПИ. Соответствующие документы были отправлены в Министерство просвещения РСФСР (оно принимало окончательное решение), и спустя две недели был получен приказ главного управления подготовки учителей о назначении Торопцева.

Котков был кумиром орловских студентов, но его преемнику Торопцеву предстояло идти дальше. И это не банальная фраза, если вспомнить, что молодой учёный защитил кандидатскую диссертацию всего год спустя после смерти Сталина. Тот же профессор Котков ещё в 1952 году начинал свои научные труды таким вступлением: «Товарищ Сталин указы-

вает, что курско-орловский диалект “лёг в основу русского национального языка”. Поэтому выяснение истории носителей курско-орловских говоров представляется очень важным»…

Так совпало, что Торопцев в годы Великой Отечественной войны принимал участие в освобождении города Орла от немецко-фашистских захватчиков. Тогда он не щадил жизни ради свободы Орловщины, теперь не жалел сил и времени для подготовки учителей, развития вузовской науки в Орле, в городе, где относились с особым уважением к фронтовику-освободителю. Возрождавшаяся после войны земля Тургенева и Фета, Лескова и Леонида Андреева была необыкновенно богата своим народным языком, литературными памятниками. Торопцев сразу берётся за работу над темой использования краеведения в преподавании языка, в 1959 году в сборнике совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности (ВГУ, 1959) появляется его статья «К вопросу о принципах подбора слов для словаря орловских говоров». По инициативе заведующего кафедрой начинаются фольклорные экспедиции студентов. Так было положено начало масштабной (на несколько десятилетий) собирательской и аналитической работе. Так налаживалась прочная связь филологов ОГПИ с ВГУ.

В личном деле Торопцева даны такие ответы на традиционный вопрос «Пребывание за границей»:

«1944 – 1946 гг. – с частями Советской Армии в Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

1958 – 1959 гг. – преподавал русский язык в Институте русского языка и литературы в Праге.

1961 г. – преподавал русский язык на курсах усовершенствования учителей в Дьёре (Венгрия)».

Заграничные поездки не были для него некоей формой «делового туризма». Вот свидетельство профессора Г.Ф. Ковалёва, бывшего аспиранта Торопцева: «Он довольно хорошо освоил чешский язык, познакомился со многими видными чешскими лингвистами (среди них – Милош Докулил и Александр Вурм), оказавшими на него значительное влияние в научном плане. С этой поры у него зарождается идея ономасиологического подхода к изучению словообразовательных процессов в языке и речи» [3, 9].

Торопцев углублял свои познания не только о русском языке, но и об иностранных – овладел немецким, польским, чешским, украинским и белорусским языками (он был убеждён, что каждый филолог, даже аспирант, должен знать как минимум один славянский язык). Выступал с докладами на международных конференциях, создал в Орле проблемную лабораторию ономасиологических исследований и руководил ею, это научное сообщество объединило два десятка языковедов. Уже в феврале 1965 года в передовой статье «Выше уровень научной работы» в многотиражной газете вуза «За педагогические кадры» кафедра Торопцева была на 2-м месте в ОГПИ по этому направлению.

Регулярно печатается Торопцев в «Учёных записках Орловского государственного педагогического института» (1958, 1962, 1964), в аналогичном издании Курского пединститута (1974 – 1978), в сборниках 1-го Мос-

ковского государственного педагогического института иностранных языков (1961), Московского областного пединститута, Ростовского университета (1961), ВГПИ (1962), ВГУ (1959, 1962, 1964), в изданиях Ташкента, Тамбова, Борисоглебска.

Иван Степанович – по решению Министерства высшего образования – с 1962 года руководил аспирантами. В следующем году он был назначен руководителем секции русского языка на конференции вуза по итогам научной работы преподавательского состава. Возглавлял библиотечный совет ОГПИ, был деканом общественного факультета русского языка и литературы, читал лекции по путёвкам общества «Знание».

Усилия Торопцева и его коллег-преподавателей уже скоро привели к весомым результатам. Орловский пединститут поначалу имел 3-ю категорию, в 1962 году получил 2-ю, спустя четыре года – 1-ю категорию и вскоре прочно обосновался в десятке лучших педагогических вузов СССР.

С 1966 года, после разрушительного землетрясения в Ташкенте, на национальном отделении историко-филологического факультета ОГПИ стали учиться студенты из республик Средней Азии, будущие учителя русского языка и литературы. В 1971 году началась переподготовка преподавателей педагогических училищ РСФСР, чуть позже был открыт факультет повышения квалификации учителей из Польши (тому предшествовала поездка Торопцева по вузам Польской народной республики в составе делегации Орловского и Киевского пединститутов – её пригласило Министерство просвещения ПНР для ознакомления с организацией преподавания русского языка).

Профессор Орловского госуниверситета Борис Иванович Прутцев в то время преподавал в Польше и на месте вошёл в состав делегации: «Иван Степанович был настолько деликатен и деятелен в общении с польскими коллегами, что, казалось, он много лет только и готовился к этой встрече. И там, и впоследствии, в Орле, я всегда обращал внимание на его выступления на учёном совете: конкретные, не крикливые, а доброжелательные. Он никогда себя не выпячивал, не любил панибратства».

Заместитель директора орловского Музея И.С. Тургенева, заслуженный работник культуры России Лариса Викторовна Дмитрюхина вспоминает: «Торопцева мы, студенты, все любили. Это бы истинный человек науки. И свой предмет он преподавал так методично и чётко, как можно преподавать только математику». А вот мнение заведующей читальным залом отдела фондов этого же музея Светланы Дмитриевны Симеоновой: «Учиться у Торопцева было интересно, но очень трудно – приходилось скрупулёзно вникать во все тонкости ономасиологии, прорабатывать каждую строку конспекта. У него не было любимчиков – зато он всегда прекрасно чувствовал способности и уровень знаний каждого студента. О войне, о боях за Орёл никогда не вспоминал. Удивительно скромный и доброжелательный человек, настоящий профессор».

Нина Дмитриевна Кабанова, приехавшая в Орёл из Алма-Аты в 1973 году и трудившаяся на факультете по работе с иностранными учащимися, отзывается о своём научном руководителе как о человеке исключительной

порядочности, нетерпимом к верхоглядству в научной работе, тактичном, немногословном. Впервые приехав в институт и не зная, как выглядит её научный руководитель, она интуитивно выделила его среди группы преподавателей, шедших из одного учебного корпуса в другой. Он очень отличался от всех: и осанкой, и одеждой (весьма скромной), и выражением лица.

Доцент Орловского госуниверситета, кандидат филологических наук Татьяна Алексеевна Глущенко: «Очень независимый человек, имевший своё мнение. Для нас он был образцом учёного, мы понимали, что это человек из других, очень высоких сфер. Ходил всегда в чёрном классическом костюме. Атрибуты – галстук и портфель – также всегда на месте.

Коллеги порой тихо посмеивались: “Эту науку знает только он сам”. На спецсеминаре я “переводила” своим однокурсникам то, что он говорил. Это было очень интересно – понимать, как рождается слово. Он был всегда вежливым и корректным, но иногда могли прозвучать нотки раздражительности, негодования. Однажды услышала через дверь жёсткость в его разговоре – он выговаривал на кафедре преподавательнице, которая не понимала и не хотела что-то понимать и делать.

Торопцев – тот человек, который “толкнул” меня в науку. После работы учителем в сельской школе пришла на кафедру лаборантом. Он однажды сказал: “Вы всегда хорошо учились. Возьмите тему, начните сдавать кандидатский минимум”. И я записалась на сдачу экзамена… Да, он мог строго спросить с учеников, но, когда защищала диссертацию в ВГУ, принял самое радушное участие».

Филологический факультет ОГПИ жил тогда насыщенной жизнью: помимо учёбы – спорт, туризм, художественная самодеятельность, клуб поэзии, объединение вожатых, стройотряды и народные дружины… Здесь тогда работали выдающиеся тургеневеды Г.Б. Курляндская и В.А. Громов, литературоведы М.В. Минокин, А.В. Кушаков, знаток зарубежной литературы И.Г. Гусманов, писатель-литературовед Л.Н. Афонин – по его инициативе собирались поэтические часы и семинары, литературные среды, служившие развитию творческих и научных способностей студентов.

Тогда в ОГПИ было всего несколько профессоров – докторов наук. Естественно, и руководство вуза, и заведующие кафедрами настойчиво ставили в повестку дня вопрос о защите докторских диссертаций. Торопцев интенсивно работал над фундаментальным очерком ономасиологии, на время (с марта 1962 по февраль 1964 года) стал старшим научным сотрудником кафедры. Проводя свои научные исследования, он стоял у истоков когнитивной лингвистики, был первым в стране ономасиологом. Профессор Г.Ф Ковалёв отмечал: «В отличие от словообразования и семасиологии ономасиология рассматривает не содержательные компоненты готового слова (морфемы, семы) и систему их организации, а процессы формирования слов из первичных, чаще всего описательных, номинантов. Заслуга И.С. Торопцева в том и состоит, что он первым обосновал методику исследования, подробно описал этапы формирования того, что ещё не объективировалось в языке до вербально выраженных номинантов» [2, 214].

Докторская диссертация «Очерк русской ономасиологии (возникновение знаменательных лексических единиц)» была готова уже в 1965 году, защита её состоялась в марте 1970 года в Ленинградском университете. В том же году Торопцев вошёл в состав Учёной комиссии по русскому языку при Министерстве просвещения РСФСР, в следующем году был утверждён в звании профессора и возглавил кафедру общего языкознания и истории языка ОГПИ.

Увлечённый идеей развития вуза, ректор Михалёв всегда поддерживал и поощрял Торопцева: неизменные благодарности к праздникам, представления к награждениям (юбилейные медали, медаль «За доблестный труд», знаки «Отличник народного просвещения» и «Отличник высшей школы», грамоты Орловского обкома КПСС и облисполкома). Так, в спецвыпуске газеты «За педагогические кадры» для абитуриентов (1970) Торопцев был назван на первом месте среди кандидатов наук историко-филологического отделения. Его имя поставлено первым в приказе о занесении на доску почёта лучших преподавателей ОГПИ – к 40-летию вуза. Особая благодарность была выражена за образцовую постановку работы со студентами-заочниками – по этой позиции ОГПИ был признан одним из лучших педагогических вузов СССР. В 1974 году возглавляемая Торопцевым кафедра получила право издавать республиканские (РСФСР) проблемные сборники по русской ономасиологии, под его научной редакцией вышли из печати четыре тома «Проблем ономасиологии» (Орёл-Курск, 1974 – 1978) – единственного специализированного издания по этой теме. Торопцев организовал содружество учёных Черноземья, занимавшихся ономасиологией и словопроизводством: проходили конференции, встречи в Орле, Рязани и других городах. По мнению профессора Орловского университета имени И.С. Тургенева, доктора филологических наук Маргариты Сергеевны Зайчёнковой, это был образец научной школы, более того, традиции современного филологического факультета ОГУ появились во многом благодаря Торопцеву.

Неожиданным летом 1975 года было заявление Торопцева о его желании принять участие в конкурсе на замещение должности профессора ВГУ. Недоумение очевидно в характеристике, подписанной ректором ОГПИ Михалёвым 15 июля 1975 года: «Тов. И.С. Торопцев читает лекции и проводит практические, семинарские занятия на высоком научно-теоретическом уровне, большое внимание уделяет организации учебного процесса на факультете и повышению научной квалификации сотрудников кафедры, руководит аспирантами и индивидуальной научной работой студентов.

Под его руководством обучалось 12 аспирантов, из которых защитили шесть кандидатских диссертаций, двое допущены к защите.

Свою производственную и научную работу тов. Торопцев умело сочетает с общественной, но не всегда проявляет достаточную активность, особенно после защиты докторской диссертации.

Тов. Торопцев И.С. добросовестно относится к работе, дисциплинирован, требователен к себе и членам кафедры, пользуется заслуженным авторитетом среди товарищей. 3 июля 1975 г. по конкурсу был избран заве-

дующим кафедрой языкознания и истории языка, но без всяких оснований и без предупреждения решил уйти из института, что окажет отрицательное влияние на работу кафедры».

Решения и поступки личности такого масштаба, как Торопцев, если и судить, то столь же масштабной мерой. Можно предположить, что ректор института расценивал защиту его докторской диссертации как некий итог, в сам Торопцев – как старт новой большой научной работы. Уехать, как в молодости, начать всё сначала: университет объективно давал больше возможностей. Ещё две возможные причины – квартирный вопрос (большая семья: два сына, дочь, невестка, – жили в Орле в трёхкомнатной квартире, переоборудованной из послевоенного студенческого общежития), желание быть ближе к родным местам, к родным людям. Один брат, Андрей, уже вышел в отставку с военной службы в звании подполковника, другой, Дмитрий, инвалид Великой Отечественной войны, был колхозником в родном селе Торопцевых Коршеве.

На выборе профессора сказывалось, вероятно, и то, что оттепель конца 1950-х – середины 1960-х годов окончилась, началась «зима» начала 1970-х. Честные и независимые люди становились не востребованы. В таланте и гармонии власть имущие особо не нуждались; индивидуальность и собственный стиль отступали под натиском прагматики и казённого энтузиазма. Наверное, судьбы учёных-гуманитариев и науки в целом в 1970-е годы – тема целой книги, вот лишь эпизод: осенью 1970 года Торопцев был на два года командирован на преподавательскую работу в Польшу, но в последний момент по неизвестным нам причинам его командировка была отменена.

К середине 1970-х в пединституте уже выросли новые кадры языковедов, в Орёл приехал Ростислав Николаевич Попов, профессор из Череповца, в 1970 году защитивший докторскую диссертацию в Ленинграде (но не в ЛГУ, как Торопцев, а в ЛГПИ имени А.И. Герцена).

Торопцев победил в конкурсе и в феврале 1976 года был назначен на должность профессора кафедры русско-славянского языкознания ВГУ. Из ОГПИ, как ни парадоксально, он тогда не ушёл – ещё несколько лет руководил здесь своими аспирантами и докторантами, регулярно приезжал в Орёл на своеобразные «научные сессии». Не случайно на конференции в Орле, посвящённой 85-летию со дня рождения Ивана Степановича, его первая аспирантка М.С. Зайчёнкова сказала так: «Неоценимая заслуга его как руководителя состояла в том, что он дал великолепный импульс и научил нас работать – работать в отнюдь не лабораторных условиях, преодолевая подчас очень нелицеприятную реакцию оппонентов. Поэтому сохранилась лаборатория ономасиологических исследований, состоялись защиты докторских диссертаций сначала О.А. Габинской, потом мною. А самое главное – ономасиологическая теория И.С. Торопцева получила развитие в докторских диссертациях III поколения – В.П. Изотова, Л.В. Алёшиной, Л.И. Плотниковой» [1, 7].

Хорошо знавшие Торопцева воронежские филологи всегда ценили его твёрдый характер, выдержку и доброжелательное отношение к людям. Поэтому уже в июле 1976 года, всего через четыре месяца после прихода в

университет, он был избран деканом филологического факультета (вновь избран на эту должность в ноябре 1981 года).

По мнению профессора ВГУ И.А. Стернина, Торопцев стал одним из первых в отечественной науке последовательных представителей такого направления, как изучение языка в тесной связи с человеческим фактором [4; 214]. Он был в ВГУ председателем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по русскому языку (создавал совет вместе с профессором И.П. Распоповым, а с 1982 года, после смерти Игоря Павловича, руководил советом). Здесь защищались не только воронежцы, но и соискатели из Свердловска, Душанбе, Тюмени, Глазова, Луцка, Глухова. Немало было и работ, выполненных под руководством Торопцева, – защищались его ученики из Свердловска, Волгограда, Белгорода, Тамбова. В июне 1984 года Иван Степанович ушёл с должности декана. Работал на кафедре русского языка, редактировал сборники научных статей, руководил экспертной комиссией по филологическим наукам в ВГУ, был председателем ГЭК в ВГПИ.

В Воронежском университете Торопцев подготовил и опубликовал две свои программные монографии: «Словопроизводственная модель» (1980) – на материале русского языка; «Язык и речь» (1985) – о проблемах общего языкознания.

Иван Степанович Торопцев умер 15 мая 1989 года. Вся его жизнь – жизнь воина, педагога и учёного – была школой доброты и порядочности для окружавших его людей. Её итог – создание научной школы, сотни подготовленных специалистов-филологов, три десятка учеников, защитивших диссертации. Представитель этой плеяды М.С. Зайчёнкова посвятила ему такие строки: «Иван Степанович был и останется учителем для всех, кому посчастливилось учиться у него и работать рядом с ним – УЧИТЕЛЕМ, у которого удачно сочетались учёность и интеллигентность, житейская практичность и уважительно отношение к окружающим, порядочность и принципиальность, такт руководителя и человеческое обаяние» [1, 8].

Литература

1. *Зайчёнкова М.С.* Слово об учителе / М.С. Зайчёнкова // Проблемы ономасиологии и теории номинации. Сборник материалов международной научной конференции 11 – 13 октября 2007 г. В 2-х частях. Ч. I. – С. 78.

2. *Ковалёв Г.Ф.* Иван Степанович Торопцев (1922 – 1989): К портрету учёного / Г.Ф. Ковалев // Филологические записки. – 1994. – Вып. 2. – С. 212-216.

3. *Ковалёв Г.Ф.* Иван Степанович Торопцев: к портрету учёного / Г.Ф. Ковалев // Проблемы ономасиологии и теории номинации. Сборник материалов международной научной конференции 11 – 13 октября 2007 г. В 2-х частях. Ч. I. – С. 8-11.

4. *Стернин И.А.* Теоретические идеи И.С. Торопцева и современная лингвистика / И.А. Стернин // Филологические записки. – 1999. – Вып. 12. – С. 212-215.

И.А. Стернин
Воронежский государственный университет

Теоретико-лингвистическая школа профессора ВГУ З.Д.Поповой в области общего и русского языкознания

Понятие научной школы широко используется в научном обиходе, вузовской практике, при характеристике деятельности известных ученых. Положительно-оценочная коннотация этого понятия, престижность наличия собственной научной школы для любого ученого, важность показателя «наличие научных школ» для различных форм оценки деятельности учебных и научных подразделений, вузов в целом приводит в последнее время к высокой частотности этого словосочетания и, как следствие, к определенной девальвации этого понятия.

Представляется, что научная школа – это не любая совокупность учеников профессора, не любой коллектив, работающий под его руководством, это не любая кафедра, на которой есть научный руководитель и аспиранты. Кафедра, лаборатория, исследовательский центр, несколько родственных кафедр – это организационная база научной школы, материальная база школы, но еще не сама школа. У отдельного профессора может быть собственная научная проблемная группа, исследовательское направление, но это вовсе не всегда следует называть школой. Руководство курсовыми и дипломными, магистерскими работами не свидетельствуют о научной школе – даже если много лет студенты пишут работы по единой проблематике.

Нам представляется, что подлинная научная школа, прежде всего, *не должна обязательно являться административной единицей.* Признание этого факта может многое сразу же поставить на свои места. Для подлинной научной школы важно признание ее руководителя и значительного количества его учеников, их достижений *именно за пределами той организационной структуры, в которой непосредственно работает руководитель школы или его основные ученики.*

Это должна быть обширная группа ученых разного возраста, статуса, ученых званий, должностей и территориальной расположенности, действующая в едином научном направлении в течение десятилетий. Научная школа – это научный коллектив, объединение исследователей вокруг проблемы и путей ее решения.

Наши многолетние исследования понятия *научная школа* приводят нас к выделению набора ***основных критериев отнесения коллектива к рангу научных школ.***

Основные

Каждый из них необходим, а все вместе достаточны, чтобы отнести коллектив к категории научной школы.

- Воспитание в коллективе школы не менее 5 докторов по научному профилю школы (за все время), включая руководителя, подготовившего докторов наук.

- Подготовленные руководителем или его учениками доктора наук внутри школы.

- Наличие регулярных монографических изданий.
- Высокий средний индекс цитирования членов школы (по данным Электронной библиотеки).
- Высокий средний индекс Хирша членов школы.
- Наличие не менее 10 защит диссертаций в рабочем коллективе школы за последние 10 лет.
- Наличие многочисленных публикаций по проблематике школы за последние 10 лет (авторские и коллективные монографии, продолжающиеся научные издания, межвузовские сборники, материалы научных конференций).
- Подготовка кадров высшей квалификации (учитываются защиты диссертаций за весь период существования школы).
- Наличие своих учеников у учеников руководителя научной школы.
- Единство научной проблематики членов школы.
- Новизна проблематики исследований.
- Наличие развернутой опубликованной научной концепции.
- Наличие регулярно выходящих продолжающихся тематических научных изданий по проблематике школы.
- Регулярное проведение научных конференций.
- Регулярное выполнение научной школой функций внешнего рецензента кандидатских и докторских диссертаций из других вузов и регионов.
- Жизнеспособность школы (многолетний характер ее устойчивого существования и развития).
- Доступность научной информации о достижениях школы.

Дополнительные

Соответствие этим критериям желательно, но не обязательно, они являются показателями, усиливающими значимость научной школы, но не влияют на ее статус как школы.

- Базой научной школы должна быть кафедра, возглавляемая ученым-руководителем школы.
- Цитируемость в международных изданиях.
- Наличие учебных пособий с грифами Министерства, УМО.
- Публикации за рубежом.
- Наличие у школы грантов.
- Наличие академических, лауреатских, почетных званий и наград у членов школы.
- Наличие в организации докторского или кандидатского совета по научной специальности школы.
- Медали и дипломы выставок.
- Участие в международных проектах.
- Многолетние научные проекты с другими организациями.
- Проведение регулярных конференций, мастер-классов, семинаров по проблематике школы.
- Наличие ВАКовского журнала.
- Наличие прикладного использования фундаментальных результатов научных исследований.

- Эффективная организация научной работы студентов.

- Приглашение ученых школы с лекциями в другие учебные заведения, за границу.

- Приглашение ученых школы для оппонирования по кандидатским и докторским диссертациям.

- Вхождение сведений о членах школы в профессиональные энциклопедии, справочники, библиографические указатели.

Научный коллектив, объединяемый именем З.Д. Поповой, в полной мере соответствует выделенным критериям, что было развернуто изложено в коллективной монографии «Научная школа профессора Зинаиды Даниловны Поповой» (2018) [1], обобщающей монографии И.П. Конопелько «Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка» – Воронеж: РИТМ, 2019. – 226 с. [2]

На сайте И.А. Стернина sterninia.ru открыт раздел «Научная школа профессора З.Д. Поповой», в котором регулярно отражаются публикации о З.Д. Поповой и текущая деятельность Школы. Адрес раздела: http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/itemlist/category/85-nauchnaja-shkola-professora-zd-popovoj

В коллектив научной школы в настоящее время входит около 350 учеников и «научных внуков» профессора Зинаиды Даниловны Поповой.

Проиллюстрируем хронику деятельности коллектива научной школы З.Д. Поповой за последние три года.

ХРОНИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ВГУ В ОБЛАСТИ ОБЩЕГО И РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ «ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ» ЗА 2018-2020 ГГ.

2018

Январь 2018 – опубликован вып. 24 продолжающегося научного издания «Язык и национальное сознание» (Воронеж: РИТМ, 2018. – 160 с. Научный редактор И.А. Стернин). В вып. 24 представлены результаты исследований авторов из Воронежа, Москвы, Новосибирска, Уссурийска, Ярославля, Бишкека, Белгорода, Ельца.

2-3 февраля 2018 – 5-ая Всероссийская научная конференция «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», посвященная 100-летию ВГУ. 60 участников.

Февраль 2018 – опубликован вып.15 продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования 2018». Сборник посвящен памяти основателя теоретико-лингвистической школы ВГУ Зинаиды Даниловны Поповой (Воронеж: РИТМ, 2018. – 227 с. Научн. ред. М.А. Стернина).

В сборнике представлены материалы 4-ой Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление», состоявшейся 2-3 февраля 2018 г., отражены материалы докладов, сделанных учеными

Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Старого Оскола, Тольятти, Симферополя, Тирасполя (Приднестровье), Бишкека (Киргизия).

Февраль 2018 – научный проект «Значение как феномен языкового сознания» (Стернин И.А., Маклакова Е.А., Рудакова А.В., Виноградова О.Е.) занял 1 место, а монография М.А. Стерниной «Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований» – 3 место в номинации «Филологические науки» 8-го международного профессионального конкурса преподавателей вузов Pedagogical Discovery: University – 2018.

Март 2018 – опубликован выпуск 34 продолжающегося научного издания «Культура общения и ее формирование». Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: РИТМ, 2018. – 139 с.

В сборнике публикуются статьи авторов из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Благовещенска, Дербента, Тольятти, Череповца; из воронежских вузов – ВГУ, ВГМУ, Института ФСИН России, а также Воронежской духовной семинарии, Воронежского электро-механического колледжа. Среди авторов – преподаватели вузов, аспиранты, магистранты и студенты, а также учителя и учащиеся воронежских средних учебных заведений.

Апрель 2018 – опубликована коллективная монография «Научная школа профессора З.Д. Поповой» / Научные редакторы И.А. Стернин, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – 242 с.

В монографии отражены основные направления исследований научной школы З.Д. Поповой за почти 50 лет ее существования, представлена научная концепция, сформировавшаяся в рамках данной научной школы в работах З.Д. Поповой и ее учеников, обобщены основные полученные результаты.

В монографии также представлены биографические, библиографические и справочные материалы о З.Д. Поповой. Посвящено столетию ВГУ.

Издание осуществлено за счет средств факультета РГФ ВГУ (декан О.О. Борискина) и «Фонда поддержки молодых ученых-лингвистов (Фонд Стерниных)».

Май 2018 – опубликован вып. 9 продолжающегося научного издания «Семантико-когнитивные исследования**».** Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: РИТМ, 2018. – 104 с.

В девятом выпуске сборника опубликованы исследования авторов из Воронежа (ВГУ, ВГПУ, ВГМУ), Москвы, Мурманска, Уссурийска, Ярославля, Волгограда, Китая, Вьетнама.

Май 2018 – на арабском языке вышло учебное пособие О.Н. Чарыковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина «Основы теории языка и коммуникации» – издательство Дар Аль Алам Аль Араби: Дубай, 2018. – 425 с. Перевел книгу иракский выпускник аспирантуры кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ Тахсин Раззак Азиз.

Июль 2018 – опубликован вып. 5 продолжающегося научного издания «Психолингвистика и лексикография». Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2018. – 178 с.

В сборник вошли работы ученых научных коллективов вузов Воронежа и других городов России (Борисоглебска, Москвы, Мурманска, Саратова, Тольятти, Якутска, Ярославля), а также Казахстана, работающих в русле проблематики научной школы и тематики сборника.

26-27 октября 2018 **–** состоялась IV Всероссийская научная конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка». 50 участников.

Октябрь 2018 **–** опубликован вып. 4 продолжающегося научного издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка. Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2017. – 97 с.

Сборник включает материалы IV Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной Воронежской психолингвистической ассоциацией и Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета в рамках научно-исследовательского проекта Центра коммуникативных исследований ВГУ «Значение как феномен языкового сознания».

В сборнике отражены материалы докладов, сделанных учеными таких городов, как Борисоглебск, Брянск, Воронеж, Липецк, Москва, Мурманск, Омск, Пермь, Саратов, Тула, Ярославль, а также Ирака**.**

Октябрь 2018 – на сайте И.А. Стернина sterninia.ru открыт раздел «Научная школа профессора З.Д. Поповой», в котором регулярно отражаются публикации о З.Д. Поповой и текущая деятельность Школы.

Адрес раздела: http://sterninia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/itemlist/category/85-nauchnaja-shkola-professora-zd-popovoj

Октябрь 2018 **–** опубликована монография А.П. Бабушкина и И.А. Стернина «Когнитивная лингвистика и семасиология» – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с. В монографии в рамках семантико-когнитивного подхода, сформулированного в научной теоретико-лингвистической школе Воронежского университета, авторы рассматривают основные понятия когнитивной лингвистики и соотношение когнитивного и семантического подхода к слову. В работе показано, что современный когнитивный подход – закономерный этап развития современной лингвистики, обогащающий, в частности, семасиологию новыми идеями и углубляющий описание семантики слова, открывающий новые возможности в описании семантики языковых единиц.

2019

Январь 2019 – опубликована монография И.А. Стернина «Исследование значения как феномена языкового сознания» (Алматы, 2019. – 136 с.). В монографии с позиций теоретико-лингвистической школы Воронежского университета рассматривается семантическое описание лексики экспериментальными методами. Она логически продолжает и развивает идеи автора, изложенные в книгах: Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение и его описание. Воронеж: Ламберт, 2011; Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методики в описании семантики слова. – Воронеж: Истоки, 2016, конкретизируя их в практическом плане –

предлагая описание разных вариантов представления лексического значения, сформулированного по результатам психолингвистических экспериментов разных типов, в лексикографической практике.

Январь 2019 – опубликован вып. 25 продолжающегося научного издания «Язык и национальное сознание». Научный редактор И.А. Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 103 с.

Сборник отражает результаты исследований коллективов-учредителей в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка.

В вып. 25 представлены результаты исследований авторов из Воронежа, Белгорода, Липецка, Москвы, Ярославля, Приднестровья, Сенегала, Словакии.

1-2 февраля 2019 – состоялась 5-ая Всероссийская научная конференция с международным участием *«Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление».* 60 участников.

Февраль 2019 – опубликован вып. 16 продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования 2019». – Воронеж: РИТМ, 2019. – 233 с. Научный редактор – М.А. Стернина.

В сборнике представлены материалы 5-ой Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление, 1-2 февраля 2019. В сборнике отражены материалы докладов, сделанных учеными Воронежа, Москвы, Ярославля, Симферополя, Калининграда, Новосибирска, Липецка, Алматы.

8 февраля 2019 – в День российской науки на филологическом факультете Воронежского государственного университета состоялось открытие мемориальной доски в память о профессоре ВГУ, докторе филологических наук, заслуженном деятеле науки Российской Федерации, основателе Воронежской теоретико-лингвистической школы Зинаиде Даниловне Поповой. В мероприятии приняли участие представители университетского сообщества, ученики, друзья и близкие ученого.

Организаторами мероприятия выступили кафедра общего языкознания и стилистики ВГУ, кафедра английского языка естественно-научных факультетов ВГУ, Центр коммуникативных исследований ВГУ, Фонд поддержки молодых ученых-лингвистов ВГУ.

– Зинаида Даниловна заслуживает самого пристального и глубокого внимания и людей, которые с ней работали, и общественности. Она не только выдающийся учёный, она замечательный человек. Научная работа Зинаиды Даниловны продолжает жить и развиваться в трудах ее учеников, – отметил профессор И.А. Стернин.

Теплые слова в память о профессоре сказал проректор по науке и инновациям ВГУ Олег Александрович Козадёров:

– Зинаида Даниловна – замечательный педагог, Учёный с большой буквы. Судьба сложилась так, что она поступила в университет в 1946 году, закончила его с отличием и посвятила всю свою жизнь науке. Её вы-

дающиеся качества как человека, как учёного, как организатора позволили решить целый ряд проблем, которые ставило перед ней время. Несмотря на сложности, Зинаида Даниловна находила силы, время и возможности, чтобы заниматься наукой, уделять время своим ученикам, заниматься организацией научной школы.

Советник ректора ВГУ Владимир Семенович Листенгартен рассказал о том, что помнит Зинаиду Даниловну со студенческих лет:

– Зинаида Даниловна Попова была представителем первого послевоенного поколения в университете, на плечи которого легла сложная задача – показать, что гуманитарные науки – это важная составляющая всей нашей советской и мировой науки. Зинаида Даниловна была человеком университетским ещё со студенческих лет: талантливая, открытая, позитивно настроенная, она была лучшим представителем этого студенческого поколения, и ни у кого не было сомнений, что ее жизнь и впоследствии будет связана с университетом. Ей очень много удалось сделать, а главное – сформировать замечательную научно-педагогическую школу, устремлённую в будущее.

Март 2019 – опубликован вып. 35 продолжающегося научного издания «Культура общения и ее формирование». Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2019. –152 с.

В сборнике публикуются статьи воронежских авторов – из Воронежского государственного университета, Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко, Воронежского института МВД РФ, филиала РГУПС «Электромеханический колледж».

Апрель 2019 – в Москве подведены итоги традиционного ежегодного международного конкурса преподавателей вузов Pedagogical Discovery: University – 2019.

Победителем в разделе «Филологические науки» стала коллективная монография «Научная школа профессора Зинаиды Даниловны Поповой» (2018), представленная ее составителями и научными редакторами профессорами ВГУ Стерниным Иосифом Абрамовичем и Стерниной Мариной Абрамовной.

Апрель 2019 – опубликован вып. 10 продолжающегося издания «Семантико-когнитивные исследования». Научный ред. И.А.Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 115 с.

В очередном, десятом выпуске сборника публикуются исследования авторов из Воронежа (ВГУ, ВГПУ, ВГМУ, ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е.Жуковского и Ю.А.Гагарина»), Борисоглебска, Волгограда, Владивостока, Грозного, Москвы, Ярославля.

Май 2019 – вышла из печати обобщающая монография И.П. Конопелько «Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка» (Воронеж: РИТМ, 2019, – 226 с.). Рецензенты: доктор филологических наук, доцент Е.А. Маклакова; доктор филологических наук, профессор, засл. деятель науки РФ И.А. Стернин. Научный редактор доктор филологических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ М.А. Стернина.

Рекомендовано к печати Научным советом Центра коммуникативных исследований Воронежского ГУ (30 января 2019 г., протокол № 1).

В монографии предлагается обзор, систематизация, осмысление теоретических достижений и методик, обобщение результатов сопоставительных исследований, проводимых в рамках научной школы в области русского и общего языкознания Воронежского государственного университета, созданной проф. З.Д. Поповой.

Монография подготовлена на базе обзора и обобщения опубликованных в рамках Школы (1972-2018) научных статей, монографий, пособий и защищенных диссертаций, а также на базе собственных исследований автора, в течение многих лет работающего в рамках Школы З.Д. Поповой.

В монографии показано, что в настоящее время можно говорить об активном формировании Воронежской школы сопоставительных исследований как самостоятельного научного направления в рамках научной школы проф. З.Д. Поповой на базе Воронежского университета.

Июнь 2019 – научная библиотека З.Д. Поповой (словари, монографии, редкие научные издания) была передана ее семьей на кафедру общего языкознания и стилистики ВГУ, в Центр коммуникативных исследований, на кафедру славянского языкознания и в телефонную «Службу русского языка». Всего было передано университету более 200 изданий из библиотеки ученого.

Июль 2019 – опубликован вып. 6 продолжающегося издания «Психолингвистика и лексикография**».** Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 164 с.

В сборник вошли работы ученых вузов Воронежа и других городов России (Белгорода, Грозного, Москвы, Ярославля), а также Китая, работающих в русле проблематики научной школы и тематики сборника.

9 августа 2019 – исполнилось 90 лет со дня рождения Зинаиды Даниловны Поповой (9.8.1929 – 27.9.2017).

Ученики З.Д. Поповой посетили могилу ученого на Юго-Западном кладбище Воронежа и возложили цветы к памятнику З.Д. Поповой.

31 августа 2019 – на заседании Научно-технического совета ВГУ был утвержден обновленный список ведущих научных школ ВГУ. В числе 13 ведущих научных школ университета был подтвержден статус научной школы проф. З.Д. Поповой:

Научная школа в области общего и русского языкознания.

Основатель школы – Попова Зинаида Даниловна, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Руководитель – Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры общего языкознания и стилистики.

Сентябрь 2019 – на всероссийском конкурсе «Лучшая научная книга 2018 года», который проводился Фондом развития отечественного образования, диплом конкурса получили профессора Воронежского университета М.А. Стернина и И.А. Стернин за подготовку коллективной монографии «Научная школа профессора Зинаида Даниловны Поповой».

Вручение награды состоялось в рамках всероссийской Недели вузовской науки, проходившей в Сочи с 9 по 13 сентября 2019 г.

Сентябрь 2019 – в Бейруте в издательстве «Ибн аль Надим» на арабском языке вышла в свет монография профессоров ВГУ З.Д. Поповой и И.А. Стернина «Лексическая система языка». Перевел книгу выпускник аспирантуры кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ доктор Тахсин Разак Азиз (Ирак)

25-26 октября 2019 – пятая Всероссийская научная конференция «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», организуемая Воронежской психолингвистической ассоциацией и Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета в рамках научно-исследовательского проекта Центра коммуникативных исследований ВГУ «Значение как феномен языкового сознания». 50 участников.

Октябрь 2019 – опубликован вып. 6 продолжающегося издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка». Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 89 с.

Сборник включает материалы V Всероссийской научной конференции «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной Воронежской психолингвистической ассоциацией и Центром коммуникативных исследований Воронежского государственного университета в рамках научно-исследовательского проекта Центра коммуникативных исследований ВГУ «Значение как феномен языкового сознания». В сборнике отражены материалы докладов, сделанных учеными Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Костромы, Борисоглебска, Ст. Оскола, Великобритании, Китая.

7 ноября 2019 – на филологическом факультете состоялся вечер памяти доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Зинаиды Даниловны Поповой, основателя ведущей научной школы ВГУ в области общего и русского языкознания (в связи с 90-летием со дня рождения ученого).

Почтить память ученого пришли коллеги и многочисленные ученики Зинаиды Даниловны, а также ее «научные внуки» – ученики ее учеников.

С теплыми воспоминаниями о своем учителе выступили профессора О.Н. Чарыкова, И.А. Стернин, М.А. Стернина, А.П. Бабушкин, О.В. Загоровская, В.И. Топорова, Л.В. Лаенко, старейший преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики ВГУ доцент А.Г. Лапотько, последняя аспирантка З.Д. Поповой к.ф.н. А. Маслова.

Организаторы вечера профессора И.А. Стернин и М.А. Стернина рассказали об увековечении памяти З.Д. Поповой – на средства, собранные учениками, установлен памятник на кладбище, мемориальная доска на факультете, на средства факультета РГФ и Фонда Стерниных выпущена коллективная монография «Научная школа профессора Зинаиды Даниловны Поповой», которая стала победителем двух научных конкурсов.

Ольга Попова от имени семьи Зинаиды Даниловны поблагодарила участников вечера за внимание и память о Зинаиде Даниловне, за помощь семье.

На вечере было отмечено, что созданная З.Д. Поповой школа продолжает развиваться. Научная тема, над которой работает научная школа, – «Язык и национальное сознание». Результаты исследований ежегодно отражаются в одноименном продолжающемся периодическом издании школы, которое выходит с 1998 года (вышло уже 25 выпусков). Выходят и другие продолжающиеся издания по направлениям деятельности школы.

Присутствовавшими на памятном вечере членами научной школы З.Д. Поповой был утвержден Совет научной школы в составе ведущих профессоров для координации работы школы в дальнейшем в составе: Стернин И.А. – председатель, Стернина М.А. – зам. председателя, профессора А.П. Бабушкин, О.И. Быкова, А.А. Кретов, Л.В. Лаенко, М.Е. Новичихина, Е.А. Маклакова, В.М. Топорова, О.Н. Чарыкова.

Вечер завершился поминальной встречей на кафедре общего языкознания и стилистики ВГУ и общей фотографией.

2020

Январь 2020 – опубликован вып. 26 продолжающегося научного издания «Язык и национальное сознание». Научный ред. – И.А. Стернин. – Воронеж: издательство «ООО РИТМ», 2020. – 127 с.

В вып. 26 представлены результаты исследований авторов из Воронежа, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Великобритании, Ирака, Сенегала.

Февраль 2020 – опубликован вып. 17 продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования 2020», Воронеж: РИТМ, 2020. – 210 с.

В сборнике представлены материалы шестой Всероссийской научной конференции с международным участием *«Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление»,* состоявшейся в Воронежском госуниверситете 31 января – 1 февраля 2020 г.

Март 2020 – ***о***публикован вып. 36 продолжающегося научного издания «Культура общения и ее формирование»: межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 36 / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: РИТМ, 2020. –173 с.

В сборнике публикуются статьи авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Костромы, Ярославля, Борисоглебска, Лисок, Боброва, различных учебных заведений Воронежа (Воронежского государственного университета, Воронежского государственного педагогического университета, ВУНЦ ВВС ВВА, колледжа физической культуры «ВГИФК», колледжа филиала РГУПС), а также Сенегала.

Март 2020 – в Москве завершился Международный профессиональный конкурс преподавателей вузов PEDAGOGICAL DISCOVERY: UNIVERSITY-2020. По результатам конкурса в числе победителей оказалось трое ученых-филологов Воронежского университета из научной школы проф. З.Д. Поповой.

В номинации «Практический проект» 1 место заняли доц. Анна Махонина и проф. Марина Стернина за проект «Англо-русский тематический словарь безэквивалентной лексики».

Анна Махонина и Марина Стернина вошли также в Топ-10 результативности участников конкурса, заняв в нем 3 место.

Проф. И.А. Стернин стал победителем конкурса в номинации «Информационный проект» с проектом «Веб сайт ученого» (сайт sterninia.ru).

Апрель 2020 – опубликован вып. 11 продолжающегося научного издания «Семантико-когнитивные исследования» / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: РИТМ, 2020. – 140 с.

В выпуске сборника публикуются исследования авторов из Воронежа (ВГУ, ВГМУ, ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»), Санкт-Петербурга, Костромы, Ярославля, Сенегала.

Научная школа З.Д. Поповой продолжает дело своего учителя, углубляя начатые ею исследования, расширяя и обновляя современную научную проблематику в русле высказанных З.Д. Поповой идей и намеченных направлений.

Литература

1. Научная школа профессора З.Д. Поповой. Коллективная монография / Научные редакторы И.А. Стернин, М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2018. – 242 с.

2. *Конопелько И.П.* Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка (*из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований)* / И.П. Конопелько. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 226 с.

М.А. Стернина
Воронежский государственный университет

Сопоставительные исследования научной школы проф. З.Д. Поповой

В рамках одной из ведущих научных школ ВГУ – теоретико-лингвистической школы проф. З.Д. Поповой «Язык и сознание» – сложилось отдельное направление, посвященное сопоставительным исследованиям. В 2022 году исполняется 50 лет с момента возникновения в Воронеже данного направления, что является поводом для осмысления сделанного и подведения некоторых итогов.

Родоначальником сопоставительных исследований, равно как и самой теоретико-лингвистической школы в Воронежском университете, является основатель Школы доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Зинаида Даниловна Попова.

Первое диссертационное исследование по сопоставительным исследованиям было выполнено под руководством З.Д. Поповой в 1972 году Зинаидой Васильевной Белкиной и посвящено семантическому анализу глагольной лексемы «давать» в сопоставлении с немецкими и француз-

скими эквивалентами. В дальнейшем под руководством Зинаиды Даниловны было защищено еще 38 кандидатских диссертаций, посвященных проблемам сопоставления концептов, а также отдельных фрагментов лексических, фразеологических и грамматических систем русского, английского, немецкого и французского языков.

З.Д. Попова явилась также научным консультантом семи докторских диссертаций, посвященных сопоставительному изучению проблем когнитивной лингвистики (Топорова В.М., Ковалева Л.В., Лаенко Л.В., Федоров В.А.), синтаксиса (Копров В.Ю.), семантики (Стернина М.А., Гольдберг В.Б.).

Впоследствии целый ряд сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований был выполнен уже под руководством учеников З.Д. Поповой.

Так, в частности, под руководством проф. В.Ю. Копрова были защищены четыре кандидатские диссертации по сопоставительному синтаксису русского, английского, французского, немецкого и испанского языков.

Под руководством проф. А.П. Бабушкина подготовлено четыре диссертационных исследования по сопоставительным проблемам когнитивной лингвистики на материале русского и английского языков.

Когнитивным проблемам в сопоставительном аспекте на материале русского и немецкого языков посвящены три диссертационных исследования, выполненные под руководством проф. В.М. Топоровой.

Семнадцать сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований на материале русского и английского языков по различным аспектам лексики и фразеологии, включая и проблемы лакунарности, выполнены под руководством проф. М.А. Стерниной.

Семь кандидатских диссертаций на материале русского и английского, русского и македонского, русского и французского языков, а также каталанского языка на романском фоне выполнены под руководством проф. А.А. Кретова. Проф. А.А. Кретов также явился научным консультантом четырех докторских диссертаций, посвященных проблемам сопоставления романских (В.Т. Титов) и германских языков (О.М. Воевудская), французского и русского языков (Н.А. Фененко), славянских языков (И.А. Меркулова).

Тридцать пять диссертаций по сопоставительным и контрастивным исследованиям, включая восемь докторских, защищены под руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации проф. И.А. Стернина.

Помимо сопоставительных и контрастивных диссертационных исследований, выполненных в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, следует отметить также многочисленные монографии и периодические издания. В первую очередь, это изданные под редакцией З.Д. Поповой две получившие заслуженное признание лингвистической общественности монографии: «Семантическая специфика национальных языковых систем» (Воронеж, 1985) и «Семантическая общность национальных языковых систем» (Воронеж, 1986), а также два выпуска коллективной монографии «Сопоставительно-семантические исследования русского языка» (Воронеж 1979, 1980).

Отметим также еще ряд монографий сопоставительной проблематики: Стернин И.А., Флекенштейн К. «Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии» (Галле, 1989), Стернин И.А., Флекенштейн К. «Studien zur kontrastiven Lexikologie und Phraseologie» (Voronez, 1994), «Контрастивная лексикология и лексикография» /Ред. И.А. Стернин, Т.А. Чубур (Воронеж, 2006), Стернин И.А. «Контрастивная лингвистика» (М.: Восток-Запад, 2007), Маклакова Е.А. Стернин И.А. «Теоретические проблемы семной семасиологии» (Воронеж, 2013), а также две монографии Е.А. Маклаковой: «Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика)» (Воронеж, 2009) и «Семное описание и контрастивный анализ значения слова. На материале наименований лиц в русском и английском языках» (Саарбрюкен: Ламберт, 2013).

Упомянем также монографии Г.В. Быковой «Лакунарность в лексической системе русского языка» (Благовещенск, 1998) и «Феноменология лексической лакунарности русского языка» (Благовещенск, 1999), а также монографию Л.И. Зиминой «Контрастивная фразеография» (Ярославль, 2011).

В рамках школы сопоставительных исследований Воронежского университета был подготовлен ряд словарей нового типа, отражающих результаты сопоставления лексики разных языков:

- Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки, 2006.
- Петросян Ж.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Прилагательное. – Воронеж: Истоки, 2011.
- Суханова О.В., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Глагол. – Воронеж: Истоки, 2012.
- Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский тематический словарь безэквивалентной лексики. – Москва: Флинта, 2019.
- Быкова Г.В., Фраер В.Л. Лакуны русского языка. – Благовещенск, 2009.
- Кривенко Л.А., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных субстантивных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2013.
- Никитина И.Н., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных глагольных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2013.
- Кочетова Н.В., Стернина М.А. Словарь коммуникативной релевантности семем наиболее частотных адвербиальных лексем русского и английского языков. – Воронеж: Истоки, 2016.
- Козельская Д.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках. – Воронеж: Ритм, 2018.
- Лукина Л.В., Стернина М.А. Контрастивный семный словарь наименований речевых событий в русском и английском языках. – Воронеж: Ритм, 2019.

- Селезнева К.О. Проблемы русско-испанской контрастивной лексикографии. Контрастивный словарь наименований профессий и должностей в области образования. – Борисоглебск, 2014.

- Книга А.В. Русско-английский дифференциальный толково-переводной словарь. Наименования явлений природы. – Воронеж: Истоки, 2015.

Словари доступны на сайте Центра коммуникативных исследований ВГУ – http://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/

Несомненным вкладом в развитие сопоставительных исследований является и выпуск двух продолжающихся научных изданий: издающийся с 1998 г. под редакцией И.А. Стернина межвузовский научный сборник «Язык и национальное сознание» (на данный момент вышло уже 26 выпусков) и издающийся под нашей редакцией с 2004 г. межвузовский научный сборник «Сопоставительные исследования» (на данный момент выпущено 17 выпусков).

Следует отметить, что статьи по проблемам сопоставительной и контрастивной лингвистики издаются воронежскими учеными не только в вышеперечисленных сборниках, но и во многих других, в том числе и многочисленных журналах, входящих в перечень ВАК. Предметом сопоставления становятся семантика, концепты, грамматика, фонетика, дискурс, коммуникативное поведение. Материалом сопоставления являются не только такие популярные языки, как русский, английский, немецкий, французский, испанский, но и многие другие. В частности, в работах проф. А.А. Кретова и его учеников проводится сопоставление славянских языков, русского и финского языков, балканских языков, русского и латыни.

В середине первого десятилетия XXI-го века в рамках сопоставительных исследований Воронежской теоретико-лингвистической школы начал складываться новый метод лингвистических исследований, получивший название сопоставительно-параметрического. Суть данного метода заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языков, концептосфер и их национальной специфики.

Метод предлагает две принципиальные исследовательские описательные процедуры – *индексализация* параметров и аспектов и *шкалирование* выявленных различий. Через систему представленных в виде индексов формализованных параметров и шкал сопоставительно-параметрический метод дает возможность лингвистам делать объективные выводы о степени выраженности того или иного языкового явления в языке или проявлении национальной специфики и давать выявленным различиям качественную характеристику.

Сопоставительно-параметрический метод активно используется для сопоставительных и контрастивных исследований лексических группировок, семантем, сем, концептов, сопоставления текстов перевода и оригинала, применяется для создания семантической типологии языков.

Итоги первого десятилетия развития сопоставительно-параметрического метода подведены в монографии М.А. Стерниной «Сопоставительно-

параметрический метод лингвистических исследований» (Воронеж, 2014), ставшей лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу.

Представляет интерес и развитие направления, связанного с *внутриязыковым сопоставлением.* В 2019 г. вышли первые выпуски психолингвистических дифференциальных словарей русского языка, составленных по материалам психолингвистических экспериментов, в которых сопоставляются по семантике синонимы, гендерные и возрастные значения:

Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 8/1. Синонимы. С комментариями / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 140 с.;

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 9/1. Возрастные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 178 с.;

Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 10/1. Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2019. – 176 с.

Готовятся к печати территориальные и темпоральные дифференциальные сопоставительные словари.

Внутриязыковое сопоставление позволяет с достаточно высокой точностью дифференцировать значения слов одного языка на семемном и семном уровне, при этом выявляются как совпадающие значения и семантические компоненты, так и дифференциальные семемы и семы.

В заключение отметим, что почти 50 лет плодотворного развития сопоставительных исследований в рамках Воронежской теоретико-лингвистической школы, результатом которых стали защиты по этой тематике 98 кандидатских и 16 докторских диссертаций, издание 15 монографий, 12 словарей новых типов, 43 выпуска двух продолжающихся научных изданий, многочисленные статьи в российских и зарубежных изданиях и выступления по данной тематике на российских и международных конференциях, равно как и разработка нового метода сопоставительных исследований, дают основание говорить о состоявшемся формировании Воронежской школы сопоставительных исследований, в рамках которой разработаны основные теоретические проблемы сопоставления, разграничены разные типы сопоставительных исследований, описаны и разработаны методы сопоставления, описаны в сопоставительном и контрастивном плане значительные массивы языковых явлений русского, германских, романских и ряда других языков.

Этот вывод убедительно подтверждается в обобщающей монографии И.П. Конопелько «Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка» (из опыта Воронежской школы сопоставительных исследований). – Воронеж: РИТМ, 2019. –226 с.

В данной монографии на базе обзора и обобщения опубликованных в рамках Школы (1972-2018) научных статей, монографий, пособий и защищенных диссертаций, а также на базе собственных исследований автора, в течение многих лет работающего в рамках школы З.Д. Поповой, предложен детальный обзор, систематизация, осмысление и обобщение

результатов сопоставительных исследований, проводимых в рамках научной школы в области русского и общего языкознания Воронежского государственного университета, созданной проф. З.Д. Поповой.

В монографии убедительно показано, что в настоящее время можно говорить о сложившейся на базе Воронежского университета воронежской школе сопоставительных исследований как самостоятельном научном направлении в рамках научной школы проф. З.Д. Поповой.

В.Н. Картавцев
Воронежский государственный университет

Идеи воронежской синтаксической школы в изучении скрытой языковой категориальности

Языковая категориальность, то есть «свойство языка поддаваться синтетико-аналитическому описанию через определенное количество разрядов языковых элементов, вступающих друг с другом в парадигматические отношения» [3, 12], традиционно описывалась в рамках грамматики (разработка понятия грамматического значения слова, восходящая к учению А. А. Потебни, изучение категоризации в грамматической системе в трудах исследователей Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики; см.: [1, 14]). Однако сама постановка проблемы языковой категориальности подразумевала распространение этого свойства и на лексическую подсистему языка. Лексикологическое осмысление проблем языковой парадигматики, в том числе и с учетом такого фундаментального свойства языковой системы, как градуальность (степень грамматикализованности), позволило исследователям Воронежской лексико-типологической группы сформулировать основные положения теории скрытой языковой категориальности и описать ряд скрытых классов именной лексики в разных языках и вариантах языка (см.: [2], [4], [5], [8]).

При этом, как нам кажется, эвристический потенциал вышеназванной теории не ограничивается выявлением именных категорий, а дает возможность, «вернувшись» в грамматику, описывать категории глагола в аспекте их скрытости / явности через призму характеристик глагольной лексики. Целям и задачам подобного исследования отвечает методология функциональной грамматики как одного из путей лексикализации грамматического знания (см.: [10]). В частности, методологию нашего исследования составляют идеи и принципы Воронежской синтаксической школы, особенно лексически ориентированного синтаксиса (см.: [12], [15]), поскольку, в конечном счете, интересующим нас предметом являются закономерности лексико-грамматического выражения языковых категорий в высказывании.

В качестве рассматриваемой языковой категории мы избрали реципрокальность – систему различных вариантов семантики взаимности и разноуровневых средств ее выражения в языке. В.П. Недялков подразде-

ляет множество средств выражения реципрокальности на лексические и грамматические (различных видов) реципроки [13]. Рассмотрение данной категории в аспекте явности / скрытости на основе анализа структурных свойств и функционирования глагольного предиката дает возможность развить идеи В.П. Недялкова и построить дополнительную классификацию реципроков.

Обратимся к материалу русского языка. На синтаксическом уровне в высказывании, несущем реципрокальное значение, в качестве предиката может выступать лексема, не имеющая значения взаимности. При этом реципрокальное значение высказывания передается различными средствами контекста (см. в этой связи о понятии грамматико-контекстуального комплекса в работе [6]). Например, развернутой или свернутой редупликацией:

Все кончилось тем, что я ***простил*** *ее, она* ***простила*** *меня.*

Ты мне не ***снишься****, я тебе* ***тоже****.*

С предикатом может быть синтагматически сочленен специальный лексический показатель реципрокальности. В русском языке есть различные лексические показатели: ядерный – наиболее универсальный и частотный показатель *друг друга* (см. об этом: [7]) и периферийные, куда входят, например, такие средства, как *между собой*, *взаимно* и т. д. [11].

Чего только писатели и поэты ***друг о друге*** *не говорят!*

Несомненно, что связи писателей и мыслителей, художников и поэтов Египта и России ***взаимно*** *обогащали и обогащают русскую и арабскую культуры.*

Глагольная лексема может выражать реципрокальную семантику ингерентно, если она заложена в ее «словарном» значении:

Нынче эти две монархии ***дружат****, пережив свои революции.*

В том случае, когда одно из функционально-синтаксических звеньев предложения выражается местоименной лексемой, «специализирующейся» на выражении реципрокальности, нам представляется справедливым говорить о явном выражении семантики взаимности.

К скрытым средствам выражения реципрокальной семантики на синтаксическом уровне в русском языке, таким образом, относятся варианты редупликации синтаксической структуры. В тех же случаях, когда выражение реципрокальности происходит с помощью периферийного показателя или полнозначной глагольной лексемы, передающей значение взаимности только в составе определенных синтаксических конструкций, мы будем говорить о промежуточных с точки зрения явности / скрытости способах выражения реципрокальной семантики.

На морфологическом уровне (к нему в нашем случае относятся все случаи ингерентного выражения реципрокальности глагольной лексемой) также существуют скрытые и явные способы выражения реципрокальности. Если выражение семантики взаимности в глаголе связано с теми или иными аффиксами, в большей или меньшей степени частотными для выражения реципрокальности, то эти глаголы относятся к явному сегменту данной категории: *драть****ся****,* ***пере****шептывать****ся****,* ***раз****говаривать*.

Если же значение взаимности сосредоточено в корне глагольной лексемы и, как пишет А.А. Кретов, «морфологически не выражено» [9; 9], мы имеем дело со скрытым сегментом категории реципрокальности: *говорить, дружить, воевать, враждовать, беседовать*.

Принципиально важным является тот факт, что и на морфологическом уровне наблюдается градация степени явности выражения реципрокальности. Так, стопроцентно явным является выражение с помощью специализированного аффикса, на основе которого в языке создается лексико-грамматический разряд, прибавляющегося к глаголу, изначально несущему одностороннее значение, когда в результате деривации в значении слова появляется только одна новая сема – сема взаимности: *обнимать – обниматься*.

Однако таких «чистых» случаев в русском языке немного. Чаще всего мы имеем дело с трансформацией исходного значения при деривации (*ходить – **рас**ходить**ся**, соединять – соединять**ся***) или же дериватором служит аффикс, наличие которого не является основанием для отнесения глагола к определенному лексико-грамматическому разряду, в нашем случае – разряду возвратных глаголов. Например, такими аффиксами являются *раз-* и *об-* (***раз**говаривать*, ***об**суждать*).

В ряде случаев аффикс может быть выделен из корня лишь при обращении к этимологии: *сплетничать, соперничать*.

Таким образом, и на морфологическом уровне наблюдаются переходные зоны между однозначно явным и однозначно скрытым способами выражения категориальной семантики. Поскольку в русском языке эти случаи, как и на синтаксическом уровне, не образуют вместе с явным и скрытым выражением жесткую дискретную шкалу, нам представляется возможным говорить о континуальном характере категории реципрокальности в данном языке. При этом анализируемая категория, как было показано выше, является в русском языке смешанной, то есть имеет в своем составе явный и скрытый сегменты как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне.

Литература

1. *Бондарко А.В.* Категоризация в системе грамматики / А.В. Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 488 с.
2. *Борискина О.О.* Криптоклассы английского языка / О.О. Борискина. – Воронеж: Истоки. 2011. – 333 с.
3. *Голикова О.А.* Именная классификативность в языке: криптокласс «Res Planae»: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / О.А. Голикова. – Воронеж, 2018. – 28 с.
4. *Донина О.В.* Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Донина. – Воронеж, 2017. – 24 с.
5. *Задобривская О. Ф.* Эмоции как «вместилище» в вариантах английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / О.Ф. Задобривская. – Воронеж, 2019. – 23 с.
6. *Кашкин В.Б.* Функциональная типология (неопределенный артикль) / В.Б.Кашкин. – Воронеж: Издательство ВГТУ, 2001. – 255 с.

7. *Князев Ю.П.* Местоименные конструкции с взаимным значением: друг друга, один другого, между собой / Ю.П. Князев // Вестник Новгородского государственного университета. – 1998. – № 9. URL: http: //admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/E18F8B7F4D0A93F8C3256727002E7BA3.

8. *Кретов А.А.* Съедобное – несъедобное или криптоклассы русских существительных / А.А. Кретов // Linguistica Silesiana. – Warszawa. – 1992. – № 14. – С. 104-114.

9. *Кретов А.А., Титов В.Т.* Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / А.А. Кретов, В.Т. Титов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 7-12.

10. *Кубрякова Е.С.* Лексикализация грамматики: пути и последствия / Е.С. Кубрякова // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей. – М.: Наука, 1995. – С. 16-25.

11. *Летучий А.Б.* Периферийные показатели реципрока в русском языке / А.Б. Летучий. – 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru /Archive/2005/Letuchiy/Letuchiy.pdf.

12. *Ломова Т.М., Чирко Т.М.* «Язык как фразеология»: опыт лексико-синтаксического описания / Т.М. Ломова, Т.М. Чирко // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 8. – 2010. – С. 202-212.

13. *Недялков В.П.* Типология взаимных конструкций / В.П. Недялков // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб: Наука, 1991. – С. 276-312.

14. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: [в 4 т.] / А.А. Потебня. – М.: Просвещение, 1958-1985. – Т. 1-4.

15. *Чирко Т.М., Ломова Т.М.* Активная грамматика: к содержанию понятия / Т.М. Чирко, Т.М. Ломова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 51–55.

II. MEMORIA
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

К 90-летию профессора Владислава Петровича Скобелева (1930-2004)

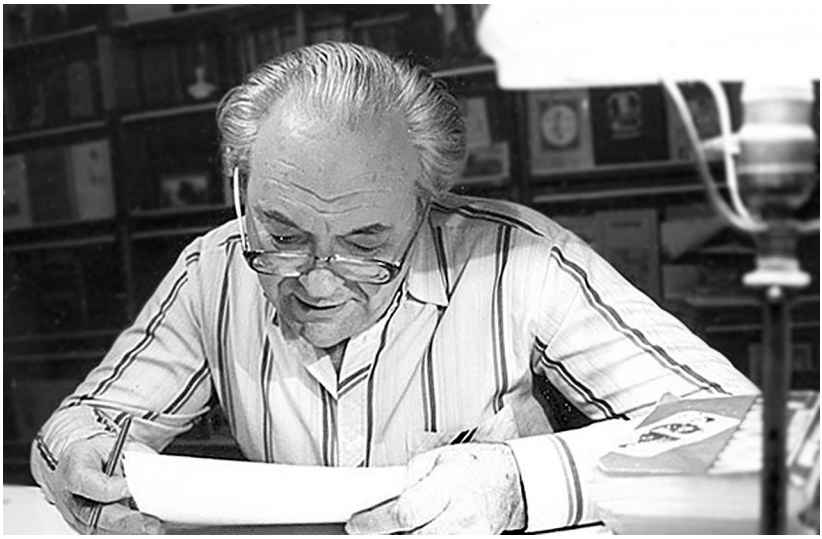

О. Ю. Алейников
Воронежский государственный университет

В. П. Скобелев в работе над книгой об Артеме Веселом

Круг писателей, интересовавших В. П. Скобелева в 1960-е и 1970-е годы, был чрезвычайно широким: И. Бабель, А. Веселый, М. Горький, Вс. Иванов, Б. Лавренев, Л. Леонов, А. Малышкин, А. Неверов, Б. Пильняк, А. Платонов, Л. Сейфуллина, А. Серафимович, А. Фадеев, К. Федин, Д. Фурманов, М. Шолохов. Называю лишь тех, чье творчество анализируется в монографии «Масса и личность в советской прозе 1920-х годов» [15], подводившей итоги разысканий ученого в середине семидесятых. Однако опубликованные труды В. П. Скобелева, материалы его личного архива, переданные на хранение в Самарский литературно-мемориальный музей, рукописи, сохранившиеся у воронежских коллег, друзей, учеников и коллекционеров, убеждают, что – несмотря на столь внушительный список – Артему Веселому уделялось особое внимание. Проблемы творчества писателя оказывались в поле зрения литературоведа не только в шестидесятые и семидесятые [6; 7; 13; 14], но и позже – в восьмидесятые и девяностые годы минувшего века [16; 17; 18].

Эта многолетняя сосредоточенность на Артеме Веселом имела не всем известную предысторию. Интерес к создателю «Дикого сердца» и «Страны родной» у В. П. Скобелева проявился уже в пятидесятые годы, после аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в ИМЛИ АН СССР [1, 31]. Вернувшись в Куйбышев и приступив к работе в Литературном музее им. М. Горького, молодой исследователь с энтузиазмом занялся поиском «забытых» произведений писателей, связанных с Самарой творчески и биографически. В периодике первых пореволюционных лет ему удалось найти почти никому не известные очерки и статьи Николая Кочкурова, выступавшего в региональной печати под разными псевдонимами. Однако в конце пятидесятых обнародовать эти материалы в провинции не представлялось возможным: по известному свидетельству В. П. Скобелева, «контролирующие инстанции» в те времена «разрешали публиковать лишь то, что переиздавалось в Москве» [1, 31]. Поэтому статья «Артем Веселый в годы революции и гражданской войны (1917–1921)», вводившая в научный оборот весомые историко-биографические материалы и факты, была напечатана только в 1963 году в «Ученых записках Муромского педагогического института» [6] (до переезда в Воронеж будущий профессор несколько лет преподавал в Муроме). К статье прилагался перечень ранних произведений писателя. «Ступая по целине, я опасался, что эти вещи могут затеряться», – признается позже ученый [1, 31].

Уточненная «фактография» открывала перспективы для дальнейших разысканий. В статье «От газеты к роману (Артем Веселый в Среднем Поволжье)» [7] исследователь выясняет, какую роль играли ранние очерки и газетные источники для творческой самоидентификации прозаика. Эти наблюдения (и новые находки), соотнесенные со зрелыми произведениями

Артема Веселого, приводили к мысли, что Средняя Волга для будущего романиста – «это не только географическая точка, где он родился, учился и вырос, начал сознательную жизнь, но и та исходная позиция, откуда начался его творческий путь, когда молодой самарский журналист, сотрудник большевистских газет, сын волжского крючника Николай Иванович Кочкуров своими статьями, рассказами, рецензиями и очерками подготавливал появление известного советского писателя Артема Веселого» [14, 6].

«Волжские» и другие материалы, выявленные в труднодоступных изданиях и архивах Москвы, Куйбышева, Тулы, Ульяновска, со значительными дополнениями войдут в первую главу книги «Артем Веселый. Очерк жизни и творчества» [14], занимающей особое место в научной биографии ученого.

Замысел этого исследования родился не сразу. Во второй половине 1960-х годов интересы В. П. Скобелева были главным образом сосредоточены на проблеме «стилевого воплощения народного характера в русской советской прозе 1920 годов», в которой привлекали «хорошая дерзость, новизна стиля», «атмосфера поиска, внутренней раскованности» (привожу записи из наших бесед с ученым). Сходные критерии, связанные с ощущением внутренней свободы, литературовед считал возможным применять к научно-критическому творчеству, откликаясь на литературные новинки или занимаясь кропотливой историко-биографической работой. Свою книгу об Александре Неверове [8], опубликованную в 1964 году, но написанную еще в Муроме, он оценивал весьма строго, так как считал ее «сшитой по меркам, принятым в официальном литературоведении». На склоне лет, говоря о первой «пробе пера» в издательстве «Советский писатель», В. П. Скобелев вспоминал слова Л. А. Шубина о том, что книга литературоведа не должна быть «застегнута, как мундир, на все пуговицы» [1, 31].

Но случай Артема Веселого был особым. В провинции и в Москве по отношению к его художественному наследию насаждалась жесткая регламентация. Стоило М. Чарному, лично знавшему писателя, в периодике и вступительной статье [22] к «Избранным произведениям», вышедшим после реабилитации А. Веселого [2], сказать об эстетическом значении его творчества, как «по тому же поводу» последовали строгие разъяснения. Критик А. Макаров, состоявший в Правлении Союза писателей СССР, редакционном совете издательства «Советский писатель» и Ученом совете ИМЛИ АН СССР, не соглашаясь с «чрезмерно высокими» оценками произведений прозаика, еще недавно вычеркнутого из истории советской литературы, настаивал, что на разных этапах своего творчества этот «художник не был хозяином материала, а наоборот, материал владел им» [4, 194]. В той же статье, много раз переиздававшейся в 1960-е годы, говорилось, что создатель «Рек огненных» и «России, кровью умытой» испытал пагубное влияние «декадента А. Белого», не выработав «ясного коммунистического мировоззрения» [4, 181], не усвоил партийного воспитания и потому «отпал от генеральной линии нашей литературы» [4, 190]. С подобными оценками, отчасти перенятыми из прошлого, соглашались многие.

Позиция В. П. Скобелева была совсем иной. По его глубокому убеждению, о писателе, «рассказавшем о разрушении старого и утверждении нового такими темпераментными и такими самобытными словами, которые до него еще никем не были найдены и произнесены», нельзя было вести разговор, послушно внимая нормативным предписаниям [7, 116].

В книге воронежского исследователя об Артеме Веселом многие страницы посвящены поэтике писателя. Обращаясь к повестям «Реки огненные» и «Дикое сердце» В. П. Скобелев выявляет «черты "музыкальной прозы", особенно очевидные, когда прозаик» прибегает к «смелым экспериментам в сфере звукоподражания», другим способам «трансформации повествовательной речи» [14, 72]. «Метафорическая насыщенность», эмоционально-оценочная характеристика пейзажных деталей, людей и предметов», приводящие к преобладанию выражения над изображением», по мнению исследователя, «роднит ранние повести писателя … с лирикой прежде всего начала XX века, в которой почти исключительно преобладал субъективный тип творчества» [14, 74-75]. Проводить параллели с «модернистской эпохой» подчеркнуто спокойно, не дистанцируясь, в начале 1970-х годов было «не принято», но воронежский исследователь шел дальше, устанавливая, что «взаимопроникновение субъективной и объективной тенденций повествовательной речи», будучи «типичным явлением» для советской прозы 20-х годов, открывали «возможности более широкого и емкого охвата действительности» [14, 81]. И в главах о романах «Страна родная», «Гуляй Волга», «Россия, кровью умытая» восприятие Артема Веселого как яркого участника литературной жизни 1920-х – 1930-х годов определяется объективными наблюдениями над его поэтикой.

Говоря о позиции А. Веселого-художника, В. П. Скобелев одним из первых поставил вопрос «о сложности авторского отношения» к изображаемому, «в рамках и структуре которого дается неоднозначный ответ на вопрос о перспективах революционного бытия…» [14, 52], на многочисленных примерах доказывал, что «авторская позиция не может быть сведена к однолинейному пониманию, односложному ответу» [14, 67].

Заметим также: уже на первом этапе работы над книгой записи из личного архива ученого указывают на его интерес к идеям Б. О. Кормана о «концепированном авторе». Вот один из характерных примеров «Когда Вяч. Полонский в предисловии к "Пирующей весне" говорит: "Артем Веселый – сам мужик и солдат", – это важно не столько потому, что обращает внимание на социальное происхождение биографического автора, сколько потому, что позволяет зафиксировать особую позицию автора как части идейно-художественной структуры произведения – позиции, реализовавшейся в образе повествователя, сливающегося с массой, взирающего на мир с позиции этой массы» (запись от 20 декабря 1969 года).

У читателей периодических изданий может сложиться впечатление, что архив Скобелева – это разрозненные черновики, «наброски… множество тетрадных и календарных листков, оборотных сторон каких-то бланков. То, что для любого из нас – хлам, для него – послание к другу или заметка для себя самого. Архив Скобелева – это целый шкаф таких черно-

виков» [3, 37]. Материалы из личного архива ученого, объединенные темой «Артем Веселый», выглядят иначе. Большая часть записей, выполненных на обложках и листах ученических тетрадей, строго систематизирована. Пагинация чаще всего отсутствует, но листы либо датированы, либо скреплены между собой.

Эти данные позволяют утверждать, что обдумывать будущую книгу об Артеме Веселом литературовед начинал уже на рубеже 1960-х – 1970-х годов, в период своей интенсивной научной, преподавательской и литературно-критической деятельности. В памяти читателей остались такие заметные статьи, как «В пятом измерении (М. Булгаков. "Мастер и Маргарита")» (1967), «Спор Горького и Федина о мужике в 20-е годы (к проблеме "власти земли" и революции» (1969), «О двух стилевых тенденциях в прозе 20-х годов» (1969), «О прозе А. Платонова» (1969).

В 1969 году вышла книга В. П. Скобелева о творчестве Г. Н. Троепольского [11]. Но «жанр литературно-критического очерка мне тогда уже сильно наскучил, – вспоминал ученый. – Привлекали литературный процесс, поэтика, стиль». Труды выдающихся филологов старшего поколения – М. М. Бахтина, Г. А. Гуковского, В. М. Жирмунского, Ю. Н. Тынянова, ставшие доступнее в годы «оттепели», знакомство с основными положениями «теории автора» Б. О. Кормана и предложенной им методикой анализа художественного текста [9, 174-176] помогали по-новому сфокусировать «оптику» исследований, совершенствовать язык научных описаний.

Вместе с тем приходилось сталкиваться и с противодействием. «Через цензурные рогатки не всегда удавалось пройти, – рассказывал ученый. – Помню "юбилейный" 1967 год. В "Филологических науках" цензура срезала статью о Дм. Фурманове и Вс. Иванове (не приняли, судя по всему, прочтения "Партизанских повестей")». Резкую критику вызвала статья, опубликованная в первом номере журнала «Русская литература» за 1969 год [10]. Сотрудник «Литературной газеты» Ф. Чапчахов, выступавший в печати по вопросам идеологии, посчитал неприемлемой новую трактовку «спора М. Горького с К. Фединым о мужике». Суть претензий [21] заключалась в том, что основные положения работы воронежского исследователя, спроецированные на художественные практики участников той давней полемики, существенно расходились с официальной версией взаимоотношений М. Горького и К. Федина. Как показывал Скобелев, неверным было упрощать их до «позиции сидящего за партой ученика и восседающего за высокой кафедрой учителя» [10, 17] или до «неточного прочтения Горьким писем Федина», как иногда предлагалось считать [10, 26]. В статье, необычной для тех лет и, несомненно, показательной для ее автора, «литературный процесс в целом и влияние одного писателя на другого» (на примере понимания такой значимой проблемы, как «власть земли» в революционную эпоху) представали как «сложная система взаимных притяжений и отталкиваний» [10, 17], требующая добросовестного изучения. «Основная мысль К. Федина, вызвавшая резкие возражения М. Горького, – уточнял Скобелев, – состоит в утверждении, что в условиях великой ломки необходимо сберечь важнейшие основы крестьянской

земледельческой и нравственно-бытовой традиции, исторически сложившейся, выражающей некие итоги национального развития. К. Федин считал нужным сохранить то, что Гл. Успенский определял как "власть земли". Между тем к земледельческим и нравственно-бытовым традициям деревни М. Горький относился в лучшем случае настороженно-недоверчиво» [10, 19-20].

В. П. Скобелев учитывал «эстетический контекст переписки», творчество самих участников спора. Но ревнители «чистоты идеологии» отвергали саму мысль об особой позиции К. Федина «в оценке тех, кого он называл "понукальщиками". Для Федина эти "понукальщики" были чем-то чужеродным деревне, не затрагивающим основ ее жизни» [10, 27], – считал ученый. Но в 1969 году подобные выводы вызывали несогласие. В сущности, говоря о насилии над привычным для деревни укладом, автор статьи восстанавливал в правах «мужицкую правду», писал об «исконной любви» крестьян к труду, о путях воплощения в прозе «этого трудолюбия, прошедшего школу жестоких испытаний в годы революции и гражданской войны» [10, 27]. К тому же, подчеркивая значение обсуждаемой проблематики для других «писателей, биографически и художнически связанных с деревней (Вс. Иванов, А. Неверов, Артем Веселый, Л. Леонов)» [10, 21], Скобелев не считался с нормативной иерархией имен, установленной для официальной истории советской литературы, и полагал, что без Артема Веселого, ярче многих современников выразившего в слове «миропонимание мужика, одетого в солдатскую шинель» (В. Полонский), литературоведческий «анализ стихийных сил революционной эпохи был бы неполным» (из беседы с ученым).

Свои взгляды, несмотря на их несовпадение с официальными установками и оценками, ученый отстаивал и в работе над монографическом исследованием об Артеме Веселом. Одну из задач автор книги видел в том, чтобы дезавуировать или вписать в реальный историко-литературный контекст аттестации писателя, высказанные критиками в 1920 – 1930-е годы и отчасти «подхваченные» в 1960-е. А. Веселому, как известно, приписывали «исчерпанность» творческих ресурсов (Е. Никитина), «слишком индивидуалистичную манеру» (А. Аллавердова), сомнительный «мольеризм» (Дм. Мазнин), «мнимое новаторство» (А. Макаров) и т. п.

Подборка записей в самодельной папке из личного архива Скобелева озаглавлена весьма показательно: «Артем Веселый и писатели». Приведу несколько цитат, не вошедших в опубликованные труды ученого. «Как и Артем Веселый, Бабель по-своему тяготел к воспеванию буйства раскованной человеческой силы: мужественности и чувственности одновременно. Только у Артема меньше было внимания к чувственному началу. Больше – к буйству стихийного порыва массы.

Бабель вообще больше интересовался человеком, а Артем – массой, но оба они с самого начала романтическому пафосу выдали векселей на большую сумму. По ним надо было платить, и эти платежи, естественно, затянулись», – пишет ученый, перефразируя слова одного из литературных критиков 1920-х годов. И на оборотной стороне листа продолжает: «Подобно

тому, как Бабель от чисто романтических вещей (“Переход через Збруч“) тяготел к “зрелости суровой“ (в новелле “Нефть“), а в промежутке создавал такие синтетические новеллы, как “Соль“ и “Смерть Долгушова“, – точно так же Артем Веселый от “Рек огненных“, от “Дикого сердца“ тянулся к суровой эпической простоте. Только эта эпическая простота так ему и не далась: он остановился на той манере, которая оказывалась как бы полем битвы между сдержанностью и пафосом» (запись от 5 января 1969 года).

Приведенные наблюдения совпадали с работой Скобелева над статьей «О двух стилевых тенденциях в прозе 1920-х годов», опубликованной в сборнике «Революция. Жизнь. Писатель» (Воронеж, 1969) и вызвавшей замечания А. И. Метченко в «Литературной газете», а затем в книге «Кровное, завоеванное» [5], отмеченной Государственной премией за 1973 год. Оппонент считал неверным предложенный в статье подход к проблемам литературного процесса (выбор «персоналий», демонстративный отказ от «социологии» и «политики»). Претензии касались и автора статьи, опубликованной в воронежском сборнике, и других литературоведов-романтиков, «забывавших» в своих трудах упрекать писателей за «ошибочные идеологические позиции».

В книге об Артеме Веселом положения, раскритикованные профессором А. И. Метченко, сохранены [14, 76-81], правда, из списка литературы название работы перенесено в текст исследования [14, 81], но в предисловии к исследованию В. П. Скобелев не скрывает полемической тональности: «Самобытный художник, идущий своими, неизведанными путями, он не был застрахован от крайностей, от ошибок, но если говорить о творчестве Артема Веселого в целом, то нельзя не видеть, что главное здесь не ошибки и крайности, а их преодоление на путях упорной учебы, беззаветного служения литературе» [14, 6].

Ученый пишет о закономерностях развития советской прозы в 1920-е годы, вместо «борьбы писателя с собой» и участниками литературного процесса обращается к проблемам эволюции, связанной с изменениями мировидения, а не социально-политической конъюнктуры.

В книгу не вошли (очевидно, были отклонены редактором) следующие заметки: «Многие наши писатели, со всем пылом творческой молодости полюбившие и восславившие стихийность, уже к середине 20-х годов стали относиться к ней все более сдержанно. И вот что показательно: преодоление патетики в изображении стихии было непосредственно связано с усилением интереса к внутреннему миру человека … Малышкин от “Падения Даира“ приходит к “Севастополю“ … Неверов от сумрачной патетики мужицкого бунта в “Андроне…“ – к “Ташкенту…“, где есть и психология главного героя, и стихия» (запись от 17 декабря 1970 года).

В опубликованном тексте исследования из широкого контекста созвучий и соответствий, приведенных нами выше, в книгу перейдут сравнения произведений Артема Веселого с «Барсуками» Л. Леонова [14, 69], «Партизанскими повестями» Вс. Иванова [14, 83-84], «Падением Даира» А. Малышкина [14, 81], «Перегноем» Л. Сейфуллиной [14, 81; 117-118], «Ташкентом – городом хлебным» и «Андроном Непутевым» А. Неверова [14, 67; 117-119].

Добавлено также краткое сравнение с «Железным потоком» А. Серафимовича [14, 90]. Зато обращения к прозе Н. Гоголя [14, 91-92], дореволюционным рассказам и очеркам М. Горького [14, 92-96], лишь намеченные в рукописи, дополнены наблюдениями, подтверждающими идеи М. М. Бахтина о «карнавальном мироощущении, связанном с большим эпическим масштабом» [14, 87]. По мысли В. П. Скобелева, это качество эпоса «неотделимо от массовой народной жизни, в первую очередь крестьянской»: именно ей в романе «Страна родная» «отданы наиболее мажорные описания, исполненные жизнерадостного чувства» [14, 87].

Особенно внимателен ученый к специфике изображения праздников и «буден "простонародной революции"». Примерам «веселой театральности», воссозданной на «фоне конфликтов подлинной действительности», в рукописных материалах и в книге отведено значительное место (записи относятся к февралю 1972 года). В опубликованном исследовании эти примеры получают дальнейшее осмысление: «"Страна родная… Дым, огонь – концакраю нет…" Здесь подводится черта "карнавальной" тенденции в изображении народной жизни <…>» «Разрушение, распад "карнавального элемента" в романе свидетельствует о художнической зоркости Артема Веселого» [14, 116], – пишет Скобелев и уточняет, что «историческая перспектива предстает» пока в «публицистическом плане» [14, 120]

О роли различных форм «авторского присутствия в тексте» – «лирической субъективности» отступлений, а также публицистичности, особенно ощутимой в поздней редакции романа «Россия, кровью умытая», идет речь в записях из личного архива ученого за 1972 год. Однако в книгу не были включены следующие наблюдения:

«Есть несомненная внутренняя перекличка между "Тихим Доном" и "России, кровью умытой". Перекличка эта проявляется:

- в наличии лирической субъективности авторских отступлений (см. в "Стране родной" о родине, в "Тихим Доне" – о степи, о казачьей песне);

- в интересе и пристрастии к сочным жанровым зарисовкам (праздники, еда, драки, любовь);

- в соединении сдержанности и патетики; в использовании юмористических вставных новелл (рассказы Прохора в "Тихим Доне", письмо Фильки Великанова в "России, кровью умытой");

- в поиске эпической формы, формы романа-эпопеи.

Разница – в том, что Артем позже Шолохова начал искать путь к изображению внутреннего мира главных героев. То, что писатель хотел показать Максима Кужеля чуть ли не во время коллективизации, свидетельствует о запоздалом (несколько запоздалом) интересе Артема Веселого к внутренней жизни личности, психологии» (запись от 20 февраля 1972 года).

Отметим также, что в рукописных материалах ученого содержатся наблюдения об «общечеловеческом измерении» созвучий «Тихого Дона» с «Россией, кровью умытой»: «Раздумья Ивана Черноярова о всечеловеческой (надсословной, надказацкой) справедливости перекликаются с размышлениями казака Ивана Лагутина, который, по его словам, «об поляке,

изболелся весь, на его горькую землю интересуясь» (запись от 20 февраля 1972 года).

В прошедшем цензуру и опубликованном тексте акцентированы другие значения: «Подобно донскому казаку Лагутину из романа «Тихий Дон», Иван Чернояров за войну научился оглядываться на окружающих, честно сопоставляя сытую казачью жизнь с нищенским мужицким существованием: «Нагляделся я на рязанские деревни; плохо живут – теснота, духота» [14,163].

В книге об Артеме Веселом В. П. Скобелев возвращается к ряду положений своей статьи о «споре Горького с Фединым», выясняя причины, из-за которых «подтачивается», а затем «разрушается изнутри замкнувшееся в себе патриархальное казацкое бытие» [14, 162]. Полагает, что, порывая с традицией, герой, разрушающий старый мир, может остаться без «исторической перспективы» [14, 163]. Немаловажной для дальнейшей работы ученого была мысль о «центробежных и центростремительных силах», взаимодействующих в системе «большого эпического жанра». Как мы помним, об этом феномене русской истории и литературы Владиславом Петровичем будут прочитаны доклады и лекции, написаны статьи и монографии.

По свидетельству В. П. Скобелева, в период работы над книгой об Артеме Веселом не все источники были доступны. Варианты и редакции произведений приходилось приводить по открытым публикациям, в том числе по воспоминаниям [14, 60; 146; 174]. «Остается только гадать, – ограничивал себя в выводах литературовед, – вошли или не вошли бы в “Россию, кровью умытую“ фрагменты, рисующего Максима Кужеля деятелем колхозного движения. Несомненно одно: во второй половине 30-х годов Артем Веселы приступает к реализации» [14, 180] нового плана.

Книга В. П. Скобелева проходила в печать непросто. Сокращения и исправления, вынужденно сделанные в условиях цензуры (помимо указанных выше), касались имен и произведений репрессированных писателей: развернутые сопоставления и параллели с «Конармией» И. Бабеля были отвергнуты, Б. Пильняк даже не упомянут.

Но, несмотря на противодействие цензуры, анализируя на страницах книги, посвященной жизни и творчеству Артема Веселого, формы «авторского и личностного самосознания» в революционную эпоху, воронежский исследователь нарушал писаные и неписаные законы советского литературоведения, обходясь без обязательной для того времени риторики о «путях развития литературы социалистического реализма», применяя идеи М. М. Бахтина к прозе 1920-х годов, предлагая новаторское прочтение произведений писателя.

Трудность задач, стоявших перед литературоведом, и новизна их решения отчасти были «объяснены» и защищены от нападок в рецензии, переданной в Куйбышевское издательство Екатериной Стариковой и опубликованной вместо развернутой аннотации: «Сложная история литературного наследства писателя обязывала советских литературоведов в конце концов объективно разобраться в тех проблемах, которые поставил перед на-

ми Артем Веселый своими книгами и своей жизнью, – писала Е. В. Старикова. – В. Скобелев осуществил во всяком случае первый этап этой трудной задачи, тем более неотложной, что, при всей оригинальности Артема Веселого – художника, он находился в самом центре рождения и движения художественных проблем 20-х годов. … Ново и ценно то, как делает это В. Скобелев, отказываясь от нормативного и дидактического подхода, относясь с глубоким вниманием и уважением к реальным историческим процессам и поэтому видя их во всей диалектической сложности. За таким его подходом к историческим процессам и явлениям вырастает глубокое уважение к родному народу, к его многотрудной судьбе и великим свершениям. В этом заключается уже не только литературоведческий, но и более широкий литературный смысл работы В. Скобелева» [20, 4].

Литература

1. *Алейников О. Ю.* Человек из легенды / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского государственного университета. Проблемы высшего образования. – 2010. – № 2. – С. 30-36.
2. *Веселый А.* Избранные произведения [Подготовка и примеч. З. Веселой] / А. Веселый. – М.: Гослитиздат, 1958. – 647 с.
3. *Игнашов А.* Владислав Скобелев / А. Игнашов // Самарские судьбы. – 2011. – № 5. – С. 26-37.
4. *Макаров А.* Разговор по поводу // Макаров А. Разговор по поводу. Литературно-критические статьи. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 177-199.
5. *Метченко А. И.* Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы / А.И. Метченко. – М.: Советский писатель, 1971. – 472 с.
6. *Скобелев В. П.* Артем Веселый в годы революции и гражданской войны (1917–1921) / В. П. Скобелев // Ученые записки Муромского ГПИ. Вып. № 6, филологический. – Муром, 1963. – С. 85-108.
7. *Скобелев В. П.* От газеты к роману (Артем Веселый в Среднем Поволжье) / В.П. Скобелев // Волга. – 1964. – № 32. – С. 110-116.
8. *Скобелев В. П.* Александр Неверов. Критико-биографический очерк / В.П. Скобелев. – М.: Советский писатель, 1964. – 196 с.
9. *Скобелев В. П., Свительский В. А.* Борисоглебская встреча / В.П. Скобелев, В.А. Свительский // Подъем. – 1967. – № 4. – С. 174-176.
10. *Скобелев В. П.* Спор Горького и Федина о мужике в 20-е годы (к проблеме «власти земли» и революции» / В. П. Скобелев // Русская литература. – 1969. – № 1. – С. 17-27.
11. *Скобелев В. П.* Гавриил Троепольский / В. П. Скобелев. – М.: Советский писатель, 1969. – 115 с.
12. *Скобелев В. П.* О двух стилевых тенденциях в прозе 1920-х годов / В. П. Скобелев // Революция. Жизнь. Писатель. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. – С. 46-72.
13. *Скобелев В. П.* К вопросу о соотношении субъективного и объективного в стиле повестей Артема Веселого «Реки огненные» и «Дикое сердце» / В. П. Скобелев // Вопросы литературы и фольклора. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. – С. 55-70.
14. *Скобелев В. П.* Артем Веселый. Очерк жизни и творчества / В. П. Скобелев. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1974. – 192 с.

15. *Скобелев В. П.* Масса и личность в русской советской прозе 1920-х годов: К проблеме народного характера / В. П. Скобелев. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975. – 341 с.

16. *Скобелев В.П*. В поисках романа (Н. Степной, П. Дорохов, Артем Веселый) / В. П. Скобелев // Русская литература. – 1988. – № 1. – С. 79-91.

17. *Скобелев В.* Об Артеме Веселом и его романе «Россия, кровью умытая» / В.Скобелев // Веселый Артем. Россия, кровью умытая. Роман. Фрагмент. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 3-22.

18. *Скобелев В. П.* Веселый Артем / В. П. Скобелев // Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. А-Д. – Самара: Самарский Дом печати, 1993. – 348 с.

19. *Скобелев В. П.* Записи к Артему Веселому. Автограф (Частное собрание рукописей).

20. *Старикова Е.* Об этой книге / Е. Старикова // Скобелев В. П. Артем Веселый. Очерк жизни и творчества. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1974. – С. 4.

21. *Чапчахов Ф.* В угоду концепции / Ф. Чапчахов // Литературная газета. – 1969. – 25 июня. – С. 7.

22. *Чарный М.* Артем Веселый // Артём Веселый. Избранные произведения. – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 3-22.

Г.И. Рогова
Тобольск

О слове далеком и близком Владислава Петровича Скобелева

В. П. Скобелев принадлежит к той когорте преподавателей второй половины 60-70-х годов XX века, которые были в то время интеллектуальной элитой факультета, властителями дум студенческой молодежи. Среди преподавателей-мужчин обращали на себя внимание многие, в их числе были А.М. Абрамов, Б.Т. Удодов, В.А. Скогорев, но особое влияние на студентов имели, прежде всего, Игорь Павлович Распопов, Владислав Петрович Скобелев, Анатолий Михайлович Ломов. Их отличало удивительное обаяние, они обладали какой-то особенной элегантностью общения, были внимательны и деликатны, остроумны и добродушно ироничны. Это были талантливые ученые и педагоги.

Женская часть факультетской элиты той поры была явлена целым рядом не менее блестящих дам: Полина Андреевна Бороздина тогда возглавляла факультет и потрясала студентов своей влюбленностью в древние восточные литературы, Алла Борисовна Ботникова, казалось, скрывала в себе тайны западно-европейских литератур; Тамара Александровна Никонова привлекала к себе внимание, вызывая нескончаемое изумление изяществом, глубиной и точностью мысли; Светлана Николаевна Сычева, сдержанная в своих суждениях и оценках, деликатно и умело заботилась о грамотности будущих филологов. Самой старшей в этом окружении была Антонина Ивановна Чижик-Полейко – ей тогда было всего 58 лет, но порой казалось, что она была сопричастна далекому старославян-

скому бытию, в котором «человек един имел два сына…». Она завораживала своим неторопливым чтением наизусть древних текстов, а студенты наслаждались благозвучием старославянского языка и открывали для себя его премудрости и красоту. Вселяя в первокурсников веру в свои возможности, Антонина Ивановна частенько говорила им о том, что они многое знают, только пока об этом не догадываются.

Именно эти преподаватели были в большей степени любимы и почитаемы студентами за человеческое обаяние и особую манеру общения – у каждого она была своя, но общим качеством оставались не только интеллигентность и доброжелательность, но еще и удивительное умение погружать своих учеников в просторы филологических раздумий, открывать безграничность горизонтов научной мысли.

На фоне этой блестящей плеяды Владислав Петрович выделялся немыслимой эрудицией – порой казалось, что в его активе была не только вся мировая литература, но и все мировое литературоведение. При этом он обладал особым даром: умением слушать, слышать и понимать не только своих коллег, но и еще не очень ясные юношеские проблески мысли, радуясь им как своим, он деликатно правил и доводил их до логического совершенства. В студентах Владислав Петрович видел своих коллег, а те вслед за ним учились глубине его размышлений и искусству профессионального общения. Умение слышать другого, доводить до совершенства его идеи и блистательная эрудиция – основа профессионального мастерства В.П. Скобелева.

Яркое воплощение этого можно увидеть в книге «Поэтика сказа» (Воронеж, 1978), написанной им в соавторстве с молодыми коллегами (Е.Г. Мущенко и Л.Е. Кройчиком). Им было позволено сказать свое слово, выразить свое видение проблемы. Мысль каждого была самостоятельна и оригинальна, техническое воплощение у всех – на одном уровне. И это сделало сборник статей монографией, в которой обозначенная проблема рассматривалась с различных сторон и на разных уровнях ее бытования, с самоценными открытиями на каждом. Начало второй главы акцентирует внимание на этом: «До сих пор мы рассматривали сказ, если можно так выразиться, изнутри, т.е. описывали его признаки, идя от содержательного ядра к границам. Сами же границы оставались вне поля нашего зрения. <…> Теперь нам нужно подойти к сказу с точки зрения того, как выделить его среди других видов и разновидностей стилизованного прозаического повествования от первого лица» [1, 35]. И эту проблему решали все, каждый по-своему, но объединяющим центром был Владислав Петрович.

В монографии поэтика сказа рассматривается на широком материале художественной литературы, включающей произведения писателей XIX века и первой половины XX века. В центре внимания – проза А. Пушкина, Н. Гоголя, В. Даля, произведения писателей 1920–30-х, а затем и 60–70-х годов. Исторический экскурс в недавнее прошлое русской литературы был необходим для выявления генезиса сказовой формы повествования.

Традиционно ученые разрабатывали проблему сказа в двух направлениях: литературоведческом и лингвистическом [1, 20]. В книге воронеж-

ских литературоведов привлекалось внимание и к сказу как особой форме повествования, и к его сугубо речевым проявлениям в художественном тексте.

Во всех главах сохраняется характерная для В.П. Скобелева тщательность в проработке теоретической основы исследования: сноски изобилуют указаниями на многочисленные работы предшественников, предопределяя основательность рассмотрения всех возможных аспектов избранной проблемы и оригинальность собственных наблюдений. Вот, например, одно из них: «… в сказовой форме повествования налицо определенный "потолок громкости": это не просто устный рассказ, это всегда негромкая беседа. <…> Разговор с собеседником негромок потому, что в сказовой форме повествования рассказчик всегда доверительно рассчитывает на сочувствие аудитории. <…> Собеседник и рассказчик в сказе – единомышленники, и им нет нужды повышать голос, настаивая на своем» [1, 31]. Характерные особенности мышления Владислава Петровича отчетливо прослеживаются в обстоятельности и в многоаспектности подходов к рассмотрению проблемы.

В.П. Скобелев был сотрудником кафедры советской литературы, однако студентов он удивлял своей погруженностью в прозу А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Его наблюдения нашли отражение в монографии «Слово далекое и близкое», изданной в Самаре в 1991 году и, очевидно, адресованной молодым филологам, чтобы стать путеводной нитью в профессию.

Гипотетический собеседник автора монографии получал возможность приблизиться к тайнам, если можно так сказать, «филологической кухни» и стать участником магического преобразования художественных символов в рациональное логическое знание. Так формировалось умение мыслить: думать и самостоятельно понимать текст.

Монография «Слово далекое и близкое» имеет четкую структуру, позволяющую читателю-собеседнику подняться от начальной точки осмысления текста (фабула, сюжет) через определение форм выражения авторского сознания в сюжетно-композиционной и субъектной организации текста к постижению законов жанра. Привлекает внимание многогранность аспектов художественного текста, выделенных исследователем именно в той последовательности, которая позволяет осмыслить разные составляющие форм выражения авторского сознания. Это чрезвычайно полезно для молодого филолога-читателя – ему предлагается путь к осмыслению многообразия художественного текста.

Прочтение повести А. Пушкина «Выстрел», предложенное в книге [2, 60-63], запоминается и приглашает к соразмышлению. В.П. Скобелев дает оригинальную трактовку этого произведения, выстраивая с помощью фабулы, замкнутой на образ Сильвио, художественную реальность повести и формулируя самые проблемные вопросы. Каким образом складывается судьба героя, почему месть и унижение другого человека приводят к гибели самого мстителя, в чем его ошибка, почему он оказывается обреченным на смерть? В свете поставленных проблем текст открывается читателям по-новому.

Теоретическая часть каждого из разделов монографии чрезвычайно полезна для формирования литературоведческого мастерства молодого ученого, а практический анализ художественных текстов убеждает в продуктивности предложенного подхода. Четкость и логичность рассуждений исследователя дисциплинируют интуицию, учат подчинять ее рациональному восприятию. Так воспитывается мысль не только молодого исследователя, которому адресована эта монография, но и молодого читателя – происходит их приобщение к культурному наследию и жизненному опыту предшественников.

В работе, написанной в далекие теперь для нас 1990-е годы, когда шла перестройка школьного образования, а перед школьными преподавателями стоял вопрос о том, чему и как учить на уроках литературы, Владислав Петрович Скобелев предложил молодым филологам продуманный подход и пути решения этой проблемы. Его книга не потеряла своей значимости и сегодня, она учит искусству осознанного чтения художественной литературы, умению, используя опыт предшественников, выстраивать свою линию «научного поведения». Называя свою книгу «Слово далекое и близкое», Владислав Петрович Скобелев обращается и к нам – его ученикам и последователям, и к нашим теперешним ученикам – филологам XXI века.

Литература

1. *Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е.* Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П.Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1978. – 286 с.

2. *Скобелев В.П.* Слово далекое и близкое: Народ. Герой. Жанр: Очерки по поэтике и истории литературы / В. П. Скобелев. – Самара: Кн. изд-во, 1991. – 280 с.

К 80-летию профессора Владислава Анатольевича Свительского (1940-2015)

Е.А. Подшивалова
Удмуртский государственный университет, Ижевск

В. А. Свительский. In memoriam

Владислав Анатольевич Свительский (15.II.1940 – 11.III.2005) – историк литературы, исследователь творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, О.Э. Мандельштама, А.П. Платонова, редактор журнала «Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания» (с 1996 по 2005 гг.), доктор филологических наук, профессор. Родился в семье служащего. Его отец, Анатолий Федорович, погиб в 1942 г. в боях за Северную Осетию. Мать, Людмила Евгеньевна, с сыном и дочкой Танечкой, появившейся на свет в первый год войны, были вынуждены бежать из оккупированного Воронежа. Жили впроголодь, после освобождения родного города вернулись домой. Семья бедствовала и в послевоенные годы.

В 1959 г. В. Свительский поступил на историко-филологический факультет Воронежского государственного университета, предварительно проработав два года на заводе. Его однокурсница и коллега Т.А. Никонова верно заметила, что тем самым он выбирал судьбу, а не профессию. Первые статьи будущий известный историк русской литературы опубликовал в студенческие годы: «К истории собирания и изучения песен Воронежской области» (Воронежские народные песни, Воронеж, 1962), «Сложность характеров» (Подъем, 1962, № 4), «Две Антигоны. К вопросу о кон-

фликте в экзистенциалистской драме» (Сборник научных студенческих работ, Воронеж, 1963), «По точному адресу» (Подъем. – 1963. – № 3), «Необходима современность мышления» (Подъем. – 1964. – № 1), «Опираясь на схему» (Подъем. –1964. – № 2), «Время, бог Хронос и ширь эпическая…» (Подъем. –1964. – № 3).

После окончания университета, отслужив в армии, В. Свительский поступил в аспирантуру. Кандидатскую диссертацию «Мироотношение Достоевского и принципы его воплощения в романах писателя 60–70-х годов» защитил в ноябре 1971 г. Официальный оппонент – проф. Б.О. Корман писал ему: «Жаль, что нравы, царящие в нашем ведомстве, не дают шанса на присуждение сразу докторской степени». Второй оппонент С.Г. Бочаров вспоминал, что в Воронеже защита этой диссертации стала событием.

Исследование В.А. Свительского перекликалось с идеями Б.О. Кормана, М.М. Бахтина. С первым он познакомился в середине 1960-х гг. в Воронеже, у второго побывал в подмосковном интернате летом 1971 г. Развивая теорию автора преимущественно в ракурсе исследования способов выражения в тексте авторской оценки, В. А. Свительский остался «независимым» кормановцем и бахтинианцем. В статьях 1970–80-х гг. «Проблема целостности и уровни авторской оценки в произведениях психологической прозы» (Целостность художественного произведения и проблемы его анализа в школьном и вузовском изучении литературы. – Донецк, 1977), «Об изучении авторской оценки в произведениях реалистической прозы» (Проблема автора в русской литературе 19–20 вв. – Ижевск, 1978), «Авторский смысл в ряду других значений литературного произведения» (Проблема автора в художественной литературе. – Устинов, 1985) исследователь обосновывал необходимость введения в категориальный аппарат теории автора понятия «художник». В работах «Композиционное мышление и авторская оценка в романах Достоевского 1960–70-х годов» (Русская литература 1870–90-х годов. Сб.7. – Свердловск, 1974), «Проблема единства художественного мира и авторское начало в романе Достоевского» (Проблема автора в художественной литературе. Вып. 1. – Ижевск, 1974), «Жанровая специфика романов Достоевского и теория авторской оценки» (Проблемы литературных жанров. – Томск, 1975), «Авторская оценка и роль композиционных решений в про-

зе Ф.М. Достоевского» (Известия Воронежского гос. педагогического института. – Воронеж , 1976), «Композиция как одно из средств выражения авторской оценки в произведениях Достоевского» (Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования. Т.2. – Л., 1976), «Сюжет и авторское начало в романе Достоевского "Преступление и Наказание"» (Известия Воронежского гос. педагогического института. – Воронеж, 1977) ученый развивал мысль о том, что само «художество» ставит границы полифонизму, ибо сюжет и композиция в произведениях писателя являются эстетическим механизмом выражения авторского отношения к героям.

В.А. Свительский был соратником Б.О. Кормана в период его работы в Борисоглебске, а затем в Ижевске. Еще аспирантом в соавторстве с В.П. Скобелевым он откликнулся статьей «Борисоглебская встреча» (Подъем. – 1967. – № 4) на проведенную Б.О. Корманом в 1967 г. Всесоюзную научную конференцию по проблеме автора в художественной литературе. В 1970 – начале 1990-х гг. Свительский входил в состав редколлегии издаваемого в Ижевске межвузовского сборника научных трудов «Проблема автора в художественной литературе». Он продолжил дело Бориса Осиповича в роли друга нашей рано осиротевшей кафедры, опекая неоперившихся учеников Кормана.

Если Борис Осипович создал в Ижевске научную школу, то Владислав Анатольевич помог этой школе сохраниться в эпоху застоя и поддерживал ее развитие в 1990–2000-е гг. В 1980–90-е гг. он способствовал профессиональному становлению учеников Б.О. Кормана; был участником ижевских конференций «Кормановские чтения» и неизменным «публичным покровителем» своего учителя и старшего товарища. В статьях «Теория для практики» (Подъем. – 1973. – № 6), «Теория авторской оценки и научное толкование классического текста (на материале русской литературы 19 в)» (Методология и методика историко-литературного исследования. – Рига, 1990), «Теория автора и изучение русской классической прозы XIX века» (Кормановские чтения. Вып. 1. – Ижевск, 1994), «Путь Б.О. Кормана и развитие литературной науки» (Кормановские чтения. Вып. 3. – Ижевск, 1998) В. А. Свительский осмыслил значение разработанной ученым методологии для развития науки и для формирования современной литературоведческой культуры прочтения текста. Филолог, считал Свительский, должен испытывать нравственную потребность в возвращении духовных долгов. Об этом свидетельствуют его статьи: «Идеи М.М. Бахтина и современное изучение русской литературы XIX века» (М.М. Бахтин и перспективы гуманитарных наук. Москва / Витебск, 1994) и «Рыцарь культуры. Памяти Юрия Михайловича Лотмана» (Филологические записки. – 1994. – Вып. 2).

В 1970–80-е гг. Свительский исследует аксиологию русской психологической прозы 1860–70-х гг. В статьях «Трагедия Анны Карениной и авторская оценка в романе Л. Толстого (К столетию книги)» (Русская литература 1870–90-х годов. – Свердловск, 1977), «"Жизнь" и "гордость ума" в исканиях Константина Левина» (Русская литература 1870–90-х годов. – Свердловск, 1980) в центре внимания исследователя – доверие художни-

ка к личностному выбору героя и трагическое испытание человека бременем выбора. Статью 1977 г. «Композиционная структура романа Ф. Достоевского "Братья Карамазовы"» В.Ш. Кривонос назвал одной из лучших работ о последнем романе Достоевского.

Вклад В.А. Свительского в достоевсковедение общеизвестен. Уже второй выпуск сборника «Ф.М. Достоевский. Материалы и исследования» Г.М. Фридлендер открыл его статьей, а позже ученый был принят в Международное общество Ф.М. Достоевского, принимал участие во многих мероприятиях, проводимых этой организацией. Для справочника-словаря «Достоевский. Эстетика и поэтика», изданного в 1997 г. в Челябинске под ред. Г.К. Щенникова, он написал 17 статей.

Признанный историк русской литературы XIX в., воронежский литературовед с увлечением занимался творчеством А. Платонова и О. Мандельштама. Интерес к этим художникам возник не только из понимания масштаба их дарования, но и из убеждения в том, что историческое регионоведение является одной из научных методик, предоставляющих исследователю дополнительные возможности прочтения текста.

Платоновым В. А. Свительского увлек В. П. Скобелев. Ученый занимался творчеством писателя больше трех десятилетий. Итогом стали вышедший в 1998 г. сборник статей «Андрей Платонов вчера и сегодня», опубликованная в 1999 г. книга прозы «Платонов Андрей. Че-Че-О. Повести. Рассказы. Из ранних сочинений». Свительский долгие годы поддерживал дружеские связи с близкими Андрею Платонову людьми (см. опубликованную в «Филологических записках» (1999. Вып. 13) статью «Из бесед и переписки с родственниками А. Платонова»). Деятельный организатор Чтений, посвященных 90-летию и 100-летию воронежского Мастера, Свительский сумел добиться приезда в Воронеж братьев писателя – Семена и Сергея Климентовых, активно общался с отечественными и зарубежными платоноведами.

По словам О.Г. Ласунского, «другой "региональной" любовью Свительского был невольный житель нашего города О.Э. Мандельштам, и здесь тоже воедино слились чисто академические задачи и всегдашнее тяготение Владислава к непосредственному человеческому общению. Он и Нина Матвеевна Митракова входили в тесный кружок, группировавшийся вокруг Натальи Евгеньевны Штемпель, хозяйки стихийно сложившегося мандельштамовского "клуба" ». Именно она показала Свительскому «яму» – воспетую в известных стихах «улицу Мандельштама». Он был потрясен фактом соседства «домика опального поэта» со своим родовым гнездом на ул. Республиканской и водил туда многочисленных друзей и участников воронежских конференций. В.А. Свительский готовил к публикации издания: «Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама (Воронеж, 1990), «Воронежский период в жизни и творчестве О.Э. Мандельштама: Материалы» (Воронеж, 1991), «"Отдай меня, Воронеж…" Третьи международные Мандельштамовские чтения» (Воронеж. 1995). Особо следует отметить напечатанную в первом из этих сборников его статью «О поэтической логике " Воронежских тетрадей" ». В 1999 г. вышел в свет составленный им увеси-

стый том «Мандельштам Осип. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы». В 1991–94 гг. по его инициативе и при его деятельном участии в Воронеже были проведены три мандельштамовские конференции, открыта мемориальная доска на доме, где жил поэт.

Принято считать, что 1990-е годы – самые плодотворные для В.А. Свительского. В этот период со всей определенностью обозначился масштаб его личности и уровень профессионализма. В 1995 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Герой и его оценка в русской психологической прозе 60–70-х годов XIX века», где представил разработанную теорию художественной аксиологии, рассмотрел логику оценки героя в русской психологической прозе и сюжетно-композиционный способ выражения авторской оценки в романном тексте. Свительский принял участие в четырех международных симпозиумах по творчеству Достоевского (Нью-Йорк –1998, Япония – 2000, Баден-Баден – 2001, Женева – 2004). В ноябре 1999 г. он выступил с докладом по творчеству Платонова в Париже, в Венсенском Сент-Дени университете. С 1997 г. он сменил О.Г. Ласунского на посту редактора журнала «Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания». «Издание приобрело высокий научный авторитет, и он завоеван высочайшей квалификацией редактора и весьма ответственной и тщательной, буквально подвижнической работой по отбору и подготовке рукописей» (из письма Н.Т. Рымаря, адресованного редакции «Филологических записок»).

Свительский целенаправленно формировал рубрикацию и проблематику журнала. Особо следует выделить юбилейные номера, подготовленные к 200-летию публикации «Слова о Полку Игореве», к 100-летию Платонова, к 200-летию Пушкина. В «Филологических записках» были отмечены 50-летие со дня рождения И.А. Бунина и 70-летие присуждения ему Нобелевской премии, 100-летие со дня смерти А.П. Чехова, 150-летие со дня смерти Н.В. Гоголя. В издании нашли отражение теоретико-литературные вопросы, однако в нем главенствовала историко-литературная направленность. Многие номера журнала В.А. Свительский открывал разделом «Литература в движении эпох», группировал материалы таким образом, что хронологическая цепь, связывающая имена художников, оборачивалась проблемно-тематической или мотивной цепью. Художественные миры внутренне перекликались, связывались историко-литературным сюжетом. Этот раздел журнала нередко представлял собою минимонографию, например, по характерологии или романтической личности и т.д. Информационно насыщенными в журнале были разделы «В мире книг», «Из минувшего: публикации, воспоминания, сообщения», «Факты, события, имена»; в них подробно освещалась культурная жизнь Черноземья. В разделе «Учителю словесности» обсуждались проблемы преподавания литературы и языка. В разделе «Дебют» Свительский – секретарь диссертационного совета – пестовал филологическую смену. Как писал Н. Рымарь, «Филологические записки» поддерживали и формировали тот тип филологической культуры, ту духовную атмосферу, которые коренились в отечественной гуманитарной традиции – атмосферу «культурного гнезда».

В Свительском органично уживались ученый, просветитель, критик, публицист. У него всегда сохранялось желание «поучаствовать в эпохе». Поэтому в его наследии можно найти большое количество статей, представляющих собою отклики на книжные новинки и кинофильмы, спектакли, поставленные в воронежских и московских театрах. Он регулярно выступал в литературно-художественном журнале «Подъем» и газете «Воронежский курьер» с информационными и проблемными статьями. Многие из них носили полемический характер, например, «Достоевский не Ваш, господа!» (Воронежский курьер, 1995, 4 апреля), «Факты и домыслы: о проблемах освоения платоновского наследия» (Андрей Платонов. Исследования и материалы. – Воронеж, 1993). Полемическая страстность проникала и в академические статьи, когда он считал необходимым выступить против «ученого верхоглядства» и склонности к демонстрированию сенсационных фактов, против новой научной догматики, проявляющейся в работах адептов «религиозной филологии». Об этом убедительно свидетельствует его прекрасная статья «“Сбились мы, что делать нам!..”. К сегодняшним прочтениям романа “Идиот” », опубликованная в альманахе «Достоевский и мировая культура» (СПб., 2000. – 3-15).

Свительского волновало место литературы в системе гуманитарного образования. Университетский преподаватель, он занимался совершенствованием методики преподавания литературы, адресовал учителям две книги: в соавторстве с Л.Е. Кройчиком – «Русская литература XIX века. Книга для учителя» (Воронеж, 1996), в соавторстве с А.А. Слинько – «Русская литературная классика XIX века» (Воронеж, 2003).

Его отличало умение собирать вокруг себя людей, объединять их своим интересом, успокаивать. Неоднократно наблюдая за тем, как он проводит конференции, я многому научилась. Помню, меня поразило его приветственное выступление на одной из воронежских конференций 1990-х гг. Времена были трудные, в вузах не выплачивали не только командировочные, но зачастую и зарплату, поэтому людей приехало мало.

Владислав Анатольевич обратился к собравшимся: «Милые коллеги!», и независимо от регалий представил всех, кому удалось добраться до Воронежа. Это сразу создало дружескую атмосферу. И в течение двух дней он оказывал особое внимание всем гостям.

В.А. Свительский не задавался целью создать научную школу. Но гуманистический смысл его научных идей и строй его личности воздействовали на всех, кто с ним общался. А это способствовало формированию филологический среды. Несомненно, к ней примкнет и его будущий читатель.

Литература

1. *Алейников О. Ю.* «…Без истины жить трудно» (Опыт библиографической ретроспекции) // Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня. – Воронеж: Полиграф, 1998. – С. 143–155.
2. *Алейников О. Ю.* «Если выпало в империи родиться…» (биобиблиографические заметки) / О. Ю. Алейников // Владислав Анатольевич Свительский. Биобиблиографический указатель. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – С. 34–63.
3. *Анчиполовский З. Я.* В гармоническом единстве / З. Я. Анчиполовский // О Владиславе Анатольевиче Свительском: Книга памяти. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. С. 5–6.
4. *Ботникова А. Б.* Воспоминание-объяснение / А. Б. Ботникова // О Владиславе Анатольевиче Свительском: Книга памяти. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 3–4.
5. *Кройчик Л. Е.* В. А. Свительский. Образ автора / Л. Е. Кройчик // Филол. записки. – Воронеж, 2005. – Вып. 23. – С. 53–55.
6. *Ласунский О. Г.* «В потоке жизни» / О. Г. Ласунский // О Владиславе Анатольевиче Свительском: Книга памяти. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. С.
7. *Никонова Т. А.* «Не люди умирают, а миры…» / Т. А. Никонова // О Владиславе Анатольевиче Свительском: Книга памяти. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – С. 117.
8. *Подшивалова* Е. А. Автор в понимании Б.О. Кормана и В.А. Свительского / Е. А. Подшивалова // Филологические записки. – 2005. – Вып. 23. – С. 113–119.

От редакции.

Память В.А. Свительского в 2020 году была отмечена книгой, включившей, помимо воспоминаний, его работы разных лет; подготовленная женой и верным помощником Н.М. Митраковой: *В поисках мудрости и добра. О Владиславе Анатольевиче Свительском. Книга памяти* / Сост. Н.М. Митракова. – Воронеж: Кварта, 2020. – 296 с.: илл.

В научных и научно-публицистических журналах опубликованы статьи его коллег:

Хрящева Н.П. «Мы с Андреем Платоновичем на одной земле возникли…» / Н.П.Хрящева // Филологический класс. – 2020. – Том 25. – №2. – С. 114–125.

*Подши*валова Е.А. К 80-летию В.А. Свительского / Е. А. Подшивалова // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30. – Вып.2. – С. 369-373.

Фаустов А., Савинков С. «Выпрямительный вздох». О Владиславе Анатольевиче Свительском / А. Фаустов, С. Савинков // Университетская площадь. – № 11. – 2020. – С. 89-92.

К 75-летию профессора Екатерины Григорьевны Мущенко
(1945-2000)

О.А. Бердникова
Воронежский государственный университет

Екатерина Григорьевна Мущенко: дни и годы трудных побед

Екатерина Григорьевна Мущенко (урожд. Вовченко) родилась 1 мая 1945 года в семье кадрового военного и медицинской сестры. Казалось, Екатерина Григорьевна унаследовала особый победный дух тех дней и на разных этапах своей недолгой жизни одерживала большие и маленькие, но всегда трудные победы. Тяжелая болезнь, перенесенная в детстве и побежденная мужеством девочки и самоотверженной заботой матери, способствовала формированию силы воли и упорства в преодолении обстоятельств. Окончив в 1963 году среднюю школу № 28 г. Воронежа, она получила высшее образование на филологическом факультете Воронежского государственного университета.

После окончания университета в 1968 году Е.Г. Мущенко становится преподавателем факультета журналистики Воронежского университета, а в 1974 году поступает в аспирантуру на кафедру советской литературы Воронежского государственного университета. Однако защита кандидатской диссертации откладывается в связи с непростым положением ее научного руководителя В.П. Скобелева, чья докторская диссертация не была утверждена ВАК: в ней усмотрели некоторые антисоветские идеи и

настроения. Но это не помешало активной научной деятельности и самой Екатерины Григорьевны, и ее научного руководителя.

В 1978 году выходит в свет монография «Поэтика сказа», написанная Е.Г. Мущенко в соавторстве с В.П. Скобелевым и Л.Е. Кройчиком, и сразу становится библиографической редкостью. В литературоведении того времени это была одна из первых попыток теоретически осмыслить особую форму повествования, дающую возможность герою произведения не только иметь свой взгляд на мир, но и высказать его своим устным, разговорным словом во всем богатстве его эмоционально-экспрессивных оттенков. Основные теоретические положения книги нашли убедительное подтверждение в исследовании русской советской прозы 1920-х гг. – первых лет народного осознания «русского катаклизма 1917 года» (Ж. Нива). Эта книга принесла ее авторам широкое признание не только советских, но и зарубежных ученых.

В 1980 году в стенах Московского государственного университета состоялась защита кандидатской диссертации Е.Г. Мущенко «Традиции Н.В. Гоголя и Н.С. Лескова в русской советской прозе первой половины 20-х годов (к вопросу о сказовой форме повествования)», выполненной под научным руководством доцента Владислава Петровича Скобелева. Для того времени наличие в списке публикаций по теме диссертации монографии в 7 печатных листов (пусть и выполненной в соавторстве) да и еще на два года опередившей сам факт защиты – случай почти уникальный! Для молодого ученого и ее научного руководителя это была трудная победа, ставшая торжеством научной истины над идеологическим диктатом. А спустя некоторое время с блеском защитил докторскую диссертацию и Владислав Петрович Скобелев, выдающийся ученый, яркий человек, долгие годы самозабвенно служивший любимой им филологии в Воронежском и Самарском университетах.

Е.Г. Мущенко отличалась необычайно широким научным кругозором: в 1983 году в издательстве Воронежского университета выходит небольшая книжка «Поэтика прозы А.Н. Толстого», до сих пор не утратившая своей научной ценности. Екатерина Григорьевна, обратившись к изучению раннего периода творчества писателя – автора повестей «заволжского цикла» – сумела «открыть» в чем-то совершенно нового Толстого. Под пером молодого исследователя писатель предстает действительно «третьим Толстым» русской литературы, как называл его И. Бунин, – тонким стилизатором, виртуозно скрывающим под «анекдотизмом» искания глубинных основ русской жизни и души русского человека.

С середины 1980-х гг. Е.Г. Мущенко – доцент кафедры советской литературы (ныне кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук) Воронежского университета, возглавляемой в те годы (как и в настоящее время) доктором филологических наук, профессором Т.А. Никоновой. Эти годы отмечены ростом ее научного и преподавательского авторитета: по студенческим рейтингам она часто оказывалась в числе наиболее популярных преподавателей. Ее лекции всегда привлекали студентов оригинальностью трактовок художествен-

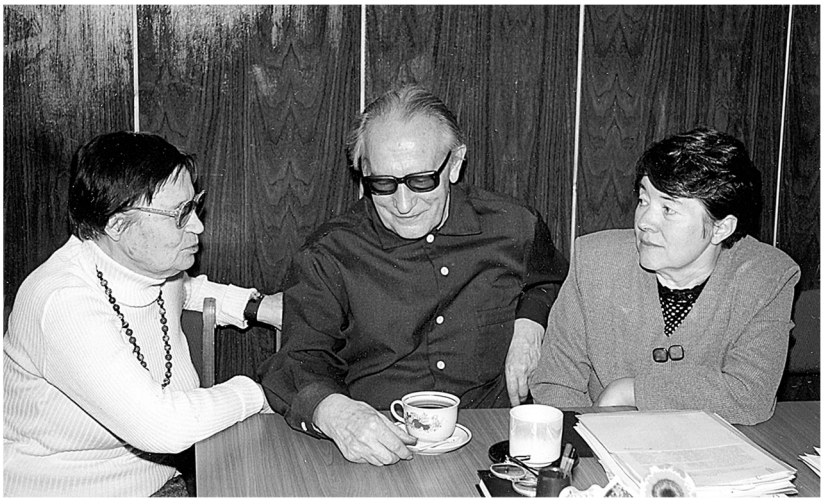
ных текстов, новизной оценок, философичностью, живой и искренней заинтересованностью в предмете. С ее приходом оживилась деятельность кафедрального научного студенческого кружка, она стала организатором литературного студенческого театра филологического факультета.

Е.Г. Мущенко была, как теперь принято говорить, трудоголиком. Будучи активным и постоянным критиком журнала «Подъем», она в течение нескольких лет делала годовые (!) обзоры материалов этого не самого тонкого литературно-художественного журнала Центрального Черноземья. В эти годы она сотрудничает с Институтом усовершенствования учителей, выполняя весьма ответственную работу по аттестации школьных учителей, читая лекции по самым трудным и спорным темам. А ведь это были годы литературного обвала первых лет перестройки, период пересмотра прежних мнений и оценок, когда оглашались запрещенные имена и произведения, и новое надо было прочитать и осмыслить, а старое – переосмыслить, освободить от вульгарно-социологической шелухи. До сих пор многие учителя с благодарностью вспоминают яркие лекции Е.Г. Мущенко, в которых тонкий анализ художественного текста сочетался с интересными методическими рекомендациями по ведению урока.

Не менее напряженным оставался собственно научный поиск: в 1986 году выходит в свет еще одна монография «Путь к новому роману на рубеже XIX–XX веков», снова опередившая защиту докторской диссертации («Формирование нового романного мышления в русской реалистической прозе конца XIX – начала XX вв.), которая состоялась три года спустя в Уральском государственном университете им. А.М. Горького. В начале 1990-х годов Е.Г. Мущенко стала заведовать кафедрой русской литературы XX века. К тому времени бывшей кафедре советской литературы, которую создал и долгие годы возглавлял известный ученый, профессор Анатолий Михайлович Абрамов, исполнилось тридцать лет. Это был сложившийся коллектив с достаточно солидным научным опытом, научными пристрастиями и традициями. Еще в самые глухие годы застоя на кафедре читался спецкурс по творчеству «эмигранта» И. Бунина, проводились научные конференции, посвященные тогда почти не известному А. Платонову, словом, всегда царил дух свободомыслия и научного поиска. Е.Г. Мущенко продолжила лучшие традиции кафедры, сохранив приоритеты и значительно расширив круг имен и научных интересов. Она возглавила кафедру в трудные, переломные годы, когда в науку пришло осознание того, что закончилось русское литературное рассеяние и произошло воссоединение всех ветвей русской литературы теперь уже прошлого века. Эту новую, оказавшуюся столь богатой и разноплановой литературу необходимо было прочитать и осмыслить, по-новому выстроить курсы лекций, подготовить новые спецкурсы, и Е.Г. Мущенко удалось в ту горячую пору «переоценки ценностей» сделать это «без гнева и пристрастия».

Те восемь лет – самый плодотворный и насыщенный период в научной деятельности молодого профессора и заведующего кафедрой. Е.Г. Мущенко стала одним из инициаторов проведения в стенах Воронежского университета международных научных конференций, посвященных

творчеству И.А. Бунина. Впервые такая конференция состоялась в 1995 году и собрала многих известных ученых не только из России, но и целого ряда европейских стран. В рамках юбилейных мероприятий на родине Бунина был воздвигнут памятник писателю – один из первых в России. Возникли научные контакты с французской ассоциацией «Друзья Бунина», которая в том же 1995 году пригласила трех ученых Воронежского университета (в числе приглашенных была и Екатерина Григорьевна) принять участие в работе Бунинского семинара (Сорбонна, Институт славистики) и посетить во Франции места, связанные с жизнью И. Бунина.

Е.Г. Мущенко стала научным редактором первых двух сборников научных трудов, опубликованных по материалам Бунинских конференций (к настоящему времени кафедрой русской литературы XX века ВГУ издано 8 Бунинских сборников), а Воронежский университет на сегодняшний день является одним из авторитетных научных центров исследования литературного наследия писателя.

Е.Г. Мущенко продолжила и другое приоритетное исследовательское направление кафедры – изучение творчества гениального писателя XX века, уроженца Воронежа А. Платонова. Вместе с известными воронежскими исследователями творчества писателя – профессором Т.А. Никоновой и профессором В.А. Свительским – Екатерина Григорьевна Мущенко направила свои научные и организаторские усилия на подготовку международных конференций и публикацию научных трудов. В 1994 году выходит ее монография «В художественном мире А. Платонова и Е. Замятина», которая была адресована учителям и студентам и помогала им в трудном деле чтения и понимания произведений этого уникального русского писателя. Философский уровень осмысления и теоретическая основательность, которыми всегда отличались работы Е.Г. Мущенко, вполне

соответствовали философской насыщенности прозы А. Платонова. Ее статьи опубликованы в платоновских сборниках академических институтов Москвы и Санкт-Петербурга,

В 1999 году в Воронежском университете состоялась весьма представительная международная научная конференция, посвященная столетию со дня рождения А.Платонова, участники и гости которой самим фактом своего присутствия доказали поистине мировую известность писателя. Ученые из Англии, Франции, Германии, Бельгии, Японии, Кореи, стран ближнего зарубежья и России говорили и спорили о произведениях писателя. У кафедры русской литературы XX века установились и до сих пор поддерживаются научные связи с платоноведами многих европейских стран, особенно с японскими коллегами, кафедра регулярно проводит международные платоновские конференции и издает Платоновские сборники.

В 1997 году немецкий университет имени Мартина Лютера (Галле) приглашает профессора Е.Г. Мущенко прочитать курс лекций по литературе XX века для студентов и преподавателей. Серьезностью отношения к предмету, высоким профессионализмом, умением общаться со студенческой аудиторией она завоевала уважение и доверие у немецких студентов. Ее лекции способствовали притоку студентов в институт славистики этого университета именно в годы наибольшего охлаждения интереса к русскому языку и русской культуре в немецких вузах. В 1998 году в университете им. Мартина Лютера было опубликовано справочное пособие Е.Г. Мущенко для студентов-филологов «Русская проза 1990-х годов XX века», обнаружившее еще одно ее увлечение - современную литературу. Каждый из современных авторов интересовал ее как самобытная творческая индивидуальность, в каждом из них, даже не очень талантливом, ей хотелось найти новое, еще не сказанное слово о мире и человеке XX века. В ее статьях о прозаиках 1990-х, о проблемах модернизма и постмодернизма отражена полноценная и разнообразная жизнь нашей словесности, дано предощущение того, что этот период, при всех его минусах, станет «замечательным десятилетием» (А. Немзер) в истории русской литературы XX века.

За восемь лет заведования кафедрой Е.Г. Мущенко удалось собрать вокруг себя большую группу аспирантов и соискателей. Для каждого из них профессор Е.Г. Мущенко проводила отдельные консультации, длящиеся часами, спорила, убеждала, но давала полную свободу научного поиска. Под руководством Е.Г. Мущенко за неполных восемь было защищено восемь кандидатских диссертаций, посвященных исследованию творчества И. Бунина, А. Платонова, Б. Пастернака, Б. Зайцева, Д. Мережковского, М. Цветаевой, Л. Андреева. Многие ее ученики преподают в разных вузах Воронежа, Москвы, Петербурга и других городов России. Екатерина Григорьевна всегда была полна научных идей и не боялась делиться ими с коллегами и учениками, причем в сферу ее интересов попадали не только сугубо литературоведческие исследования, но и книги по искусству, философии, лингвистике, психологии, даже математике.

Итогом научной деятельности Е.Г. Мущенко стало составление и редактирование учебного пособия «Русская литература XX века» (1999), вы-

полненное преподавателями и аспирантами кафедры русской литературы XX века ВГУ, получившее гриф Министерства и в настоящее время востребованное многими вузами нашей страны, получившее доброжелательные отзывы у зарубежных ученых. Вместе с профессором Т.А. Никоновой она стала редактором этого солидного научного труда, кроме того, ее перу принадлежит почти половина всех статей, составляющих книгу. Она работала над ней с таким напряжением и самоотдачей, что, казалось, хотела успеть высказаться, написать о многом, о чем думала все эти годы. В этом учебном пособии представлена русская литература XX века в ее противоречивом и сложном развитии, в ее самых ярких и талантливых именах, а авторы статей – ученые разных поколений – постарались дать интерпретацию творческого пути каждого писателя или поэта с учетом многих отягчающих естественное развитие литературы прошлого века обстоятельств.

Е.Г. Мущенко была членом Союза российских писателей, членом Академии наук региональной печати России, членом Международной ассоциации «Друзья И.А. Бунина» (Франция).

На кафедре русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук чтят память доктора филологических наук, профессора Е.Г. Мущенко. Здесь преподают многие ее ученики. Светлой памяти Екатерины Григорьевны Мущенко посвящены материалы III Международных Платоновских чтений «Осуществленная возможность: А.Платонов и XX век» (2001), в 2009 году осуществлено переиздание монографии «Путь к новому роману на рубеже XIX–XX веков». Живыми и востребованными являются ее научные идеи и формы организации учебного процесса. Ее теоретические идеи – об универсалиях литературы, о формах сти-

лизации в литературе рубежных эпох, о способах романного мышления, проблемах сказа – живут и развиваются в современной науке.

Думается, Е.Г. Мущенко успела сделать главное в своей жизни: вырастила сына, порадовалась внукам, самоотверженно служила горячо любимому делу, вывела в филологическую науку многих учеников.

СПИСОК ИЗБРАННЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА ЕКАТЕРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ МУЩЕНКО

Монографии и сборники

1. Поэтика сказа. – Воронеж, 1978 (в соавт. с В. П. Скобелевым и Л. Е. Кройчиком);
2. Поэтика прозы А.Н. Толстого: Пути формирования эпического слова. – Воронеж, 1983 (рец. Валагин А. Необходимость этики // Подъем. – 1983. – № 12);
3. Путь к новому роману на рубеже XIX-XX веков. – Воронеж, 1986; переизд. Воронеж, 2009 (рец. Инютин В. Роман рубежа // Подъем. – 1987. – №3);
4. В художественном мире А. Платонова и Е. Замятина. – Воронеж, 1994;
5. В.С. Высоцкий: исследования и материалы: межвуз. Сб. науч. тр. [науч. ред. Ю.А. Андреев, зам. науч. ред. Е.Г. Мущенко]. – Воронеж, 1990;
6. Мандельштамовские дни в Воронеже: материалы [редакц. совет В.М. Акаткин, О.Г. Ласунский, Е.Г. Мущенко и др.] – Воронеж, 1994;
7. Русская литература: Писатели XX века: кн. для учителя [отв. ред А.П.Валагин, науч. ред. Е.Г. Мущенко**]. –** Воронеж, 1994. Вып.1;
8. Русская литература: Писатели XX века: кн. для учителя [отв. ред А.П.Валагин, под общ. ред. Е.Г.Мущенко, Т.А.Никоновой]. – Воронеж, 1996. Вып.2, – Воронеж, 1997. Вып.3, – Воронеж, 1997. Вып.4;
9. И.А. Бунин и русская XIX-XX веков: тез. междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения писателя, 11-14 окт. 1995 [ред.кол.: Е.Г.Мущенко и др.] – Воронеж, 1995;
10. Царственная свобода: О творчестве И. Бунина: межвуз. сб. науч. тр., посвщ. 125-летию со дня рождения писателя.- [Отв. ред Е.Г.Мущенко] – Воронеж, 1995;
11. Традиции и поиски**:** сб. науч. тр., посвящ. 80-летию А.М. Абрамова [под ред. Е .Г. Мущенко, Т.А. Никоновой]. – Воронеж, 1997;
12. Русская литература XX века: Проза 1980-1990-х годов: справ. Пособие для филолога [науч. ред Е.Г. Мущенко]. – Воронеж, 1998;
13. Третьи Платоновские чтения**:** тез. докл. междунар. науч. конф. 24-26 сент., 1999 [отв. ред Е.Г. Мущенко, Т.А. Никонова]. – Воронеж, 1999;
14. И.А. Бунин. Диалог с миром: межвуз. сб. науч. трудов [науч. ред Е.Г.Мущенко]. – Воронеж, 1999;
15. Русская литература XX века: учеб. пособие [под общ. ред. Е.Г. Мущенко и Т.А. Никоновой]. – Воронеж, 1999 (рец. Полякова Л. Многое удалось: книга о русской литературе XX века // Подъем. – 2002. –№ 5).

(Рец. Слинько М.А. Рецензия // Вестн. Воронеж.гос.ун-та. Сер. Проблемы высш. образования. – Воронеж, 2001);

16. И. Бунин. Чаша жизни [сост. и вступ. ст. Е.Г. Мущенко]. – Воронеж, 2000;

17. Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века: лекции и материалы Зимней школы (Воронеж, 24 янв. – 4 февр. 2000 г.) [Ред кол. М.К. Попова (отв. ред.), Е.Г. Мущенко и др.] – Воронеж, 2000. Т.1, 2;

18. Человек и война в русском художественном сознании XX века: сб. науч. работ [ред. кол. В.М. Акаткин, Г.Ф. Ковалев, Е.Г. Мущенко, Т.А. Никонова]. – Воронеж, 2000;

19. З. Гиппиус. Златоцвет [сост. Е.Г. Мущенко]. – Воронеж, 2001;

20. Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век: материалы III межд. Платоновских чтений [гл. ред. Е.Г. Мущенко (и др.)]. – Воронеж, 2001.

Статьи

1. Доброе слово писателя: К 70-летию Г.Н. Троепольского // Подъем. – 1975. – №5;

2. Литературный сказ как фольклорная стилизация // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж, 1979;

3. О коммуникативных возможностях прозаического художественного текста // Коммуникативная и поэтическая функция художественного текста. – Воронеж, 1982;

4. О единстве фольклорных и литературных элементов в сказах П.Бажова (в соавт. с В.П. Скобелевым) // Проблемы взаимосвязи литературы и фольклора. – Воронеж, 1984;

5. В поисках Человека (В. Маяковский, М. Горький, Л. Андреев) // Революция. Жизнь. Писатель. – Воронеж, 1986; Современная проза // Подъем. – 1986. – №11;

6. Сюжет и фабула как категории литературоведческого анализа // Сюжет и фабула в структуре жанра. – Калининград, 1990;

7. Об одном из источников стилевого своеобразия прозы Евг. Замятина // Творчество Евг. Замятина: Проблемы изучения и преподавания. – Тамбов, 1992;

8. «Живая жизнь» как эстетическая универсалия серебряного века // Филологические записки. Вестн. литературоведения и языкознания. – Воронеж. – 1993. – Вып.1;

9. Художественное время в романе А. Платонова «Чевенгур» // Андрей Платонов: исследования и материалы: сб. трудов. – Воронеж, 1993;

10. А.П. Платонов: Учебн. пособие по курсу русской литературы XX века. Для студентов Института Славистики университета им.М. Лютера. – Галле,1993;

11. В поисках первореальности (Ранняя проза И. Бунина) // Царственная свобода: О творчестве И. Бунина. – Воронеж, 1995;

12. Русская литература XX века: Проблемы школьного изучения // Филологические записки. Вестн. литературоведения и языкознания. – Воронеж, 1995. Вып. 4 (Рец. Тимофеева В.Г. Еще раз о современном подходе к изучению литературы в школе: Размышления по поводу статьи Е.Г.Мущенко «Русская литература XX века: проблемы школьного изучения» // Филологические записки. Вестн. литературоведения и языкознания. – Воронеж, 1995. Вып. 5);

13. Художественное пространство «правды» в творчестве А. Платонова // Андрей Платонов: Проблемы интерпретации. – Воронеж, 1995;

14. Русская проза 80-90-х годов. Справочное пособие для студента-филолога. – Галле, 1997;

15. Метаязык ранней прозы И.А. Бунина// Bounine revisite. Cahiers de l' emigration russe 4. – Paris. Institut d' etudes slaves. 1997;

16. Разница «контекстов» при анализе художественного произведения в вузе и школе // Литература в школе. – 1997. – №3;

17. «Человеку нет конца пути…» Антропология русской литературы XX века // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. – 1998. – №2;

18. Свето-тени «Маленького романа» И.А. Бунина // Бунин И.А. Диалог с миром. – Воронеж, 1999;

19. Поиски «четвертого измерения» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества (ИМЛИ РАН). М.,1999. – Вып.3;

20. Die Zerstorung des Mythos und der Hunger nach dem Mythos in der russischen Literatur am Ende des 20/ Jahrhunderts/–Hamburg: Kovac, 1999;

21. Имя и судьба в художественном сознании А.Платонова // "Страна философов" Андрея Платонова: Проблемы творчества (ИМЛИ РАН). – М., 2000. Вып.4;

22. Философия «дела» у А. Платонова // Осуществленная возможность: А.Платонов и XX век. – Воронеж, 2001;

23. Свето-тени «Маленького романа» И.А. Бунина // И.А. Бунин: Pro et contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей: антология. – СПб., 2001.

Литература о Е.Г. Мущенко

1. Мущенко Екатерина Григорьевна // Кто есть кто: справочное издание: профессора/доктора наук Воронежского государственного университета. – Воронеж, 1999;

2. Мущенко Екатерина Григорьевна // Кто есть кто: справочное издание: профессора/доктора наук Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2002;

3. Мущенко Екатерина Григорьевна // Кто есть кто: справочное издание: профессора/доктора наук Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2003;

4. Памяти Екатерины Григорьевны Мущенко (Т.А. Никонова в соавт. с В.М. Акаткиным, В.А. Свительским) // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. – Воронеж, 2001. Вып.15;

5. Памяти ученого: Е.Г. Мущенко (1945-2000) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.1. Гуманит. науки. – 2001. – Вып.1;
6. Карпачев М.Д. Воронежский университет: Вехи истории. 1918-2003. – Воронеж, 2003;
7. Екатерина Григорьевна Мущенко: библиографическое пособие. – Воронеж, 2005.

Г.И. Рогова
г. Тобольск

Алгоритм мышления Екатерины Григорьевны Мущенко в монографии «Путь к новому роману на рубеже XIX-XX веков»

Этот фрагмент наблюдений над алгоритмом мышления Е.Г.Мущенко – попытка прочитать одну из глав монографии, густо насыщенную интересными рассуждениями.

Сегодняшний взгляд на монографию Е.Г. Мущенко «Путь к новому роману на рубеже XIX-XX веков» (Воронеж, 1986, 2008) позволяет оценить филологический дар человека незаурядного, наделенного нестандартным мышлением. Это проявилось уже в студенческие годы, когда доклады на заседаниях кружка СНО с участием Катюши Вовченко привлекали внимание студентов различных курсов. Доклады студентов были первой пробой научных возможностей – в вечерних разговорах отчетливо проявлялись интересы будущих филологов и их личностный потенциал. В сообщениях Катюши обращали на себя внимание оригинальность мышления, всегда удивлявшие и поражавшие простота и логичность изложения мысли и в еще большей степени – законченность и изящество формы сообщения. Все порождало у присутствующих вопросы, будоражило мысль студентов младших курсов, будило их творческий потенциал.

Эта особенность мышления позднее получила довольно яркое выражение в монографии «Путь к новому роману…». Уже во «Введении» [1, 5-9] высветился алгоритм этого дара – интерес к теоретической проблеме, «которая всегда связана с живым литературным процессом» [1, 5].

Следует заметить, что органичное единство теоретического и историко-литературного аспектов анализа художественного текста – характерная особенность большей части исследований, выполненных и позднее на научной базе кафедры русской (советской) литературы XX века. В своей монографии Е.Г. Мущенко не только отмечает недостаточную изученность типологии романного мышления в историко-литературном и теоретическом отношениях [1, 6], но и тяготеет к философским и несколько парадоксальным, казалось бы, умозаключениям, что позволило ей увидеть суть и пути становления нового романного мышления через изучение *нероманных* форм в творчестве ведущих, зачастую уже сложившихся писателей эпохи рубежа X1X-XX веков, а также их молодых современников [1, 8-9]. Любопытно, что в центре внимания литературоведа – не

только художественные детали и образы литературных персонажей, но и все способы постижения бытия в его литературно-эстетическом воплощении.

В монографии шесть глав, каждая из которых последовательно раскрывает особенности, этапы и формы становления нового романного мышления. Во введении и в первой главе обращает на себя внимание тяга исследователя к философским рассуждениям. Понятия теории литературы осмысляются в тесной связи с философскими категориями: «Время – ведущая категория в теории познания, одна из ведущих и в художественном познании мира» [1, 19]. «Композиция – это единство художественного произведения в пространстве. Сюжет, система событий, организующих ритмическую суть целого, тоже единство, но взятое и осуществляемое в процессе, во времени» [1, 21]. Отправной точкой размышления становится общественное сознание, в рамках которого «вызревает тип художественного мышления» [1, 6], порождающий определенный жанр и особенности творческой индивидуальности [1, 7], а также концепцию связей личности с миром. В центре внимания исследователя оказываются понятия сознания, мышления, познания и целый ряд других философских категорий.

Четыре части первой главы монографии позволяют судить о системности философского мышления исследователя. В центре внимания – эволюция художественного сознания – от мифологического к эпическому и романному. В первом разделе главы Е.Г. Мущенко четко определяет содержательность двух этапов в развитии мышления: для мифологического характерна общность взгляда индивида и рода на мир. Природа и человечество подчиняются единым законам. «Я» и «мы» равнозначны целому. В *эпическом* мышлении познание включает человека в целостность окружающего его мира. Один зависит от всех, случай – от судьбы, поступок – от правил рода [1, 12]. Жизнь здесь представлена прерывно, выборочно: в центре внимания эпизоды, значимые для судьбы народа, а не личная судьба, не мелкие цели. «Я» индивидуализируется, но «мы» выражает общенародную точку зрения в ее национальной специфике. Литературовед выстраивает своеобразный алгоритм художественного мышления сначала одной эпохи, а позднее и двух других. Знание этих алгоритмов делает далекие эпохи осязаемыми, мотивы и природу поведения людей понятными. Более того, такое знание формирует качественно иной уровень общения читателя с художественным текстом.

Второй раздел главы в большей степени посвящен особенностям русского эпического мышления и проблеме *национального своеобразия*. Автор монографии отмечает, что уже в былинном эпосе его необходимость представала в качестве исторической, общественной потребности. Для каждого русского человека и народа долг перед государством был неоспоримой ценностью: главная обязанность былинного героя – защищать свою землю. Пример тому – Илья Муромец, в котором живет ясное осознание своего долга. Как можно было бы заметить, внимание исследователя переключается на характеристики, отличающие русского человека, характерный тип национального поведения – русский культурный код.

Проблема национального сознания – это еще один аспект исследования, для которого характерны не столько традиционные, сколько оригинальные подходы к освоению идейного содержания литературного произведения. А нам и нашим потомкам вслед за Е.Г. Мущенко необходимо понимать, что национальное самосознание на Руси формировалось при устойчивом чувстве сопричастности одного всем, а художественное сознание в большей мере, чем в иной национальной культуре, сохраняло ориентацию на эпическое мировосприятие. Прямым «наследником» такого эпического мышления в русской литературе становится, прежде всего, роман, который при всем своем интересе к частному человеку свободно выходит к триединству народного, национального и общечеловеческого [1, 17].

Размышляя об особенностях романа как новой исторической формы усвоения эпического, автор монографии считает, что эпическое и романное мышления противостоят друг другу: взгляд эпического повествователя направлен на человека и мир со стороны коллектива, взгляд романиста – от человека, изнутри его индивидуального сознания. Эпос выделяет в индивидуальном сознании общественно значимое, роман рассматривает общественное, пропуская его через личностное сознание. Личностное и общественное сознание не развиваются синхронно, являясь противоположностями, они подчиняются общим законам диалектики [1, 19]. Итожа осмысленное, Е.Г. Мущенко приходит к выводу: романное мышление совершенствуется в те моменты исторического развития общества, когда личностное и общественное самосознания становятся равновеликими и взаимозаменяемыми.

Третья часть первой главы, чрезвычайно насыщенной интересными идеями и рассуждениями, посвящена выявлению особенностей романного мышления, которое сформировалось на базе, отличной от эпического. Как известно, романное мышление рождается с выдвижением в художественном сознании субъективного принципа «человек – мера всех вещей» [1, 18], но личность и общество в равной степени нуждаются в самопознании [1, 19]. Указывая на то, что эпический и романный типы мышления вырабатывали собственные жанровые формы и принципы воплощения, Е.Г. Мущенко подчеркивает различную содержательность эпического и романного слова: эпическое монологично, поскольку эпическое мышление не допускает расширительного толкования одного слова каждой возникшей ситуацией; романное слово – диалогично [1, 26]. Полифонический роман рассредоточивает событие до и после его свершения: прежде событие прокручивается в сознании героя, после – в целом ряде чужих сознаний (Раскольников в романе «Преступление и наказание»). Романный герой выходит на общезначимые идеалы ценой собственных усилий, в то время как эпический герой приемлет эти идеалы априорно, несет их в себе изначально как личностную ценность [1, 27].

Философский склад ума позволил автору монографии увидеть и показать особенности не только мифологического, эпического и нового романного мышления, но и социальную значимость, особенности каждого

из них. И в этом – достоинство данного исследования, которое высвечивает истоки и природу национального русского мышления, русский культурный код. Казалось бы, чисто литературоведческая, монография эта, привлекая внимание к философским проблемам, открывает пути познания писателем истоков русского национального сознания. «При этом в романном содержании эпическое превращалось во внутренний эстетический ориентир, критерий оценки и личности, и среды с позиции массы…» Писатель стремится открыть для личности и мира общие законы бытия, одинаково «добрые» для всех и каждого [1, 29].

Философские рассуждения о мышлении, сознании и их формировании в историческом процессе развития общества сопровождаются иллюстрациями из известных произведений классической русской литературы (Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского). В центре внимания исследователя – и былины, и «Повести…» древнерусской литературы, в которых «конкретный исторический факт интерпретируется с позиции эпического мышления – в категориях вечности: «вечная слава», «вечная укоризна», которые имеют под собой реальную социально-историческую основу. Эволюция эпического мышления от мифа к древней русской литературе связана с конкретизацией социально-исторических характеристик масс, общества, так и человека – органической части целого [1, 16].

Размышления литературоведа над романами Л. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина» позволяют понять, что тяготение русского классического романа к «двугеройности» связано с желанием писателя показать человека, который пробивается к личной устойчивости через выход «к коллективной одушевленности народного сознания» [1, 30]. Вот поэтому следует обратить внимание на то, как по-разному решают вопрос о жизни и смерти Анна и Левин, различное психологическое состояние переживают в ходе битвы при Аустерлице Кутузов и Андрей Болконский. Вот поэтому рядом с Андреем Болконским в романе оказывается Пьер Безухов, а у Достоевского рядом с Раскольниковым – Сонечка Мармеладова. Обращают на себя внимание в этом контексте глубокие рассуждения Е.Г. Мущенко о природе и особенностях эволюции сознания князя Андрея Болконского. Это не только открывает магию романа великого писателя, которая заставляет читать и перечитывать отдельные фрагменты этого романа-эпопеи, но и помогает думающему человеку понять природу своего собственного сознания, причастность к определенному уровню развития его социального сознания, а также мучительный процесс осознания непродуктивности своего эгоцентризма [1, 22-23].

Не менее интересны рассуждения Е.Г. Мущенко о жанровой природе «Мертвых душ» Н. Гоголя, произведения, в котором «соединение чисто романной задачи – «припряжем подлеца» – и эпической – «показать Русь с одного боку» – сказалось на внешнем и внутреннем облике произведения. Сам Гоголь понимал, что при всей непохожести «ни на повесть, ни на роман» поэма строилась по образцу творений великих мастеров, и, в первую очередь, Гомера. Именно поэтому, считал Гоголь, в ней, помимо характе-

ров героев, должно обнаружиться «свойство нашей русской природы» [1, 23].

Концентрация внимания на отдельных фрагментах произведений русской классической литературы не только учит вдумчивому чтению, но и формирует определённый (и довольно высокий!) уровень осознанного восприятия художественного текста, формирует культуру чтения. Прямая или косвенная причастность к таким рассуждениям оказывает заметное влияние на культуру мышления, способствует его развитию. Такие размышления – действенный инструмент для филолога, стремящегося совершенствовать свое мастерство в осознанном чтении и интерпретации художественного текста.

Цель данной статьи – привлечь внимание молодых исследователей к интересному и продуктивному пути осмысления историко-литературного процесса, эволюции форм художественного сознания, а также природы творческой индивидуальности писателя. Достоинство филологического анализа, предложенного Е.Г. Мущенко – триединство подхода к осмыслению содержательных форм художественного произведения, а также нацеленность на постижение типа мышления, характерного для эпохи и формирующего творческую личность художника слова.

Литература

1. *Мущенко Е.Г.* Путь к новому романа на рубеже XIX-XX веков / Е.Г. Мущенко. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 192 с.

М.А. Слинько
Воронежский государственный педагогический университет

Дружбы «светлые беседы»: встречи с учеными Воронежской филологической школы

Эпизод I. Первый зачет

Когда в 1982 году я поступила на филологический факультет ВГУ, то слышала от студентов старших курсов много легенд о преподавателях и предметах, которые нам предстояло освоить. Во время сдачи вступительных экзаменов в июле, затем во время трудовых студенческих сборов на полях Воронежской области в августе и сентябре появились личные впечатления о педагогах: в трудовых лагерях они старались организовать наш быт, с нами трудились на полях. Заодно рассказывали о том, что их увлекало, это был своеобразный интересный учебный процесс: вечерние практикумы по краеведению (вел куратор Валентин Валентинович Инютин), истории русской литературы (проводили Александр Петрович Валагин, Лев Ефремович Кройчик) и др.

В том году наша учеба в университете началось в октябре. Среди дисциплин, о существовании которых я даже не подозревала, был старославянский язык. Необычная фамилия преподавателя Чижик-Полейко, которая вела этот предмет, вызывала эмоции. Каждую неделю Андрей Ершов, единственный парень в нашей группе, в ожидании педагога выдавал экспромты, связанные с его ассоциациями со старославянским языком и с фамилией Антонины Ивановны. Много лет спустя я познакомилась с внуком Антонины Ивановны, одним из его увлечений была поэзия. Видимо, он настрадался с детства из-за своей фамилии, резко негативно относился к творческим экспромтам по этому поводу, но поэтические сборники выпускал под фамилией Чижик-Полейко, псевдоним брать не собирался, а бабушкой гордился. Антонина же Ивановна никак не реагировала на эскапады нашего сокурсника, потому что не подозревала о них, зато у студентов всегда было отличное настроение на парах по старославянскому языку. Мы с интересом читали евангельские тексты, узнавали законы древнего языка, с которым нас знакомила «мудрая бабушка» – молодой педагог разве мог такой язык преподавать? Для большинства студентов это было первое знакомство с подобного рода текстами: до сих пор помню удивление-очарование от чтения притч о блудном сыне; о человеке, который был богат; о стаде свиней, в которых вселились бесы. Форму контроля по предмету хорошо помню: зачет. Из-за того, что он был первым, я волновалась. Сердце ушло в пятки, когда преподаватель вызвала меня и еще нескольких человек. Судорожно пыталась понять, почему, Антонина Ивановна усадила нас и объявила, что мы получаем зачет автоматом по итогам занятий. Противоречивые ощущения от этой «нечаянной радости» до сих пор помню: словно оглушена, не знаю, хорошо или плохо

то, что произошло. Все-таки готовилась, случившееся представлялось несправедливым по отношению к другим одногруппникам, хотелось отвечать с остальными на равных.

Эпизод II. «История» с «Историей современного русского языка»

На втором курсе дисциплину «История современного русского языка» у нас вел Василий Алексеевич Скогорев. Предмет интересный, познавательный, записывать лекции за педагогом удобно – он находил нужный темп речи, интонацию. Было одно «но», которое практически лишало некоторых из нас надежды на успешную сдачу экзамена. У преподавателя были простые и четкие требования. На лекции нельзя было опаздывать, начинал и заканчивал занятия он минута в минуту, мог остановиться на полуслове, если звучал звонок, и мы шли на перемену, ровно с этого места Василий Алексеевич начинал следующий час или пару. А у нас по расписанию перед занятиями по истории русского литературного языка была физкультура на стадионе «Труд», между парами перемена двадцать минут, за это время даже при наличии собственного транспорта или крыльев мы не успевали оказаться в нашем корпусе на площади Ленина, 10. Договориться с преподавателями то ли мы не догадались, то ли не удалось – не помню. Успевали только на второй час пары. Пунктуальный педагог в начале каждого часа делал перекличку, отсутствие на паре, очевидно, работало против студентов. Лекции мы все, естественно, восстановили, к итоговому контролю готовились серьезно, понимали, что придется нелегко. На экзамене преподаватель после ответа на билет скрупулезно задавал вопросы по пропущенным темам. Когда дошла очередь до меня, отвечала как во сне, внутри звучал рефрен: «Сейчас прольется чья-то кровь». Василий Алексеевич стал задавать, как ожидалось, вопросы по пропущенному материалу, я неожиданно для себя тут же давала ответы. Преподаватель становился все довольней, продолжал опрос, кажется, уже из спортивного интереса, удивление проснулось и во мне – «внутренний» человек ответил на все вопросы, это было приятно и экзаменующемуся, и педагогу. Отличная оценка была заслуженной. С этого момента Василий Алексеевич относился ко мне с симпатией. В конце 80-х – начале 90-х гг. мы с вместе со В.А. Скогоревым принимали вступительные экзамены. Случайно стала свидетелем разговора Василия Алексеевича с кем-то из преподавателей о смене поколений, об «отцах и детях». Он с большим уважением отзывался о нашем поколении, чья юность пришлась на восьмидесятые, как о людях «с идеалами».

Эпизод III. «Крестный»

Об удивительной семье – Владиславе Анатольевиче Свительском и Нине Матвеевне Митраковой – уважительные отзывы слышала от папы и мамы. На третьем курсе благодаря участию в ежегодной студенческой конференции познакомилась с родственницей Владислава Анатольевича Еленой Александровной Иваньшиной. Ее доклад о «Роковых яйцах» М.А. Булгакова меня поразил. До той поры мне наука казалась делом академическим, серьезным, а здесь увлекательно, весело, с задором второкурсница интерпретировала булгаковское произведение. Когда спросила,

кто придумал увлекательную тему, Лена как само собой разумеющееся ответила: «Свительский, конечно». С этого момента от студентов, преподавателей много слышала восторженных отзывов о научной, краеведческой и педагогической деятельности Владислава Анатольевича и Нины Матвеевны. Познакомилась лично с ними, когда пришла «служить» в педагогический. Владислав Анатольевич стал моим «крестным» в науке, помогал осваивать новые курсы, не жалея времени. Посещала его лекции, семинары и видела, с каким удовольствием он проводит мастер-классы. Так он поступал не только по отношению ко мне. Общение с учениками было неформальным. Владислав Анатольевич собирал вырезки из разных журналов, имеющие отношение к темам наших работ, тратил время на чтение и обсуждение глав, статей, а заодно расширял кругозор подопечных, знакомя со сферой своих научных интересов [4, 189]. Мы могли дружной молодой кафедральной компанией неожиданно заехать к ним с Ниной Матвеевной домой, и нас ждал радушный прием. Нина Матвеевна всегда готовила сытное и вкусное угощение, Владислав Анатольевич беседовал с нами, хотя, как я понимаю, был крайне занят.

Когда заболел папа, зная, что педагогическая и научная работа поддерживает в нем силы, Владислав Анатольевич делал все, помогая коллеге, чтобы как можно дольше тот мог наслаждаться любимым делом. А после его ухода публиковал воспоминания, статьи о папе в «родном» журнале «Филологические записки», в соавторстве с Борисом Тимофеевичем Удодовым он написал обстоятельный биографический очерк «Путь ученого» для биобиблиографического пособия. К сожалению, следом за папой ушла и мама, Владислав Анатольевич к тому времени сам тяжело болел, но не оставил в горе нашу семью, нашел время, чтобы поддержать.

Эпизод IV. Светлый человек

С Екатериной Григорьевной Мущенко познакомилась уже на старших курсах, она вела у нас методику литературы, рассказывала много нового о современных авторах, учила самостоятельной интерпретации текста. Это были годы «застоя», но не для Е.Г. Мущенко и ее коллег. Опять же повезло, довелось уже по окончании вуза (конец 80-х гг.) участвовать в приеме вступительных экзаменов в университет, на консультациях для членов комиссии Екатерина Григорьевна рассказывала о новых тенденциях в современной литературе, все слушали затаив дыхание. Итог увлечения Е.Г. Мущенко литературой XX века, в том числе, современной, – уникальное для того времени учебное пособие «Русская литература XX века» (1999), не потерявшее актуальности поныне. Авторами его стали преподаватели, аспиранты кафедры, которой заведовала Е.Г. Мущенко, а сама Екатерина Григорьевна была редактором книги совместно с другим выдающимся ученым – профессором Т.А. Никоновой. Когда училась в аспирантуре (90-е гг.), видела неподдельный интерес Екатерины Григорьевны к тому, что делали молодые исследователи, она консультировала всех с удовольствием, снабжала необходимой литературой. Так совпало, что мне по теме научной работы необходимы были те книги, которые вышли из-под пера Е.Г. Мущенко. Одна из них – монография «Поэтика сказа» (1978), сразу «ставшая библиогра-

фической редкостью», написанная в соавторстве с В. П. Скобелевым и Л. Е. Кройчиком. Как отмечает О.А. Бердникова, «в литературоведении того времени это была одна из первых попыток теоретически осмыслить особую форму повествования» [3, 51]. Важна была для тех, кто изучал эпоху конца XIX – начала XX века, и другая монография – «Путь к новому роману на рубеже XIX-XX веков» (1986). Будучи аспирантом, понимала, какую огромную нагрузку взяла на себя наша милая светлая Екатерина Григорьевна. Помимо ведения занятий по плану, это и кафедральные проблемы, организация научных сборов, поддержка коллег, начинающих ученых. После защиты кандидатской диссертации пригласила меня продолжить научную работу под ее руководством. Планов у Екатерины Григорьевны было много, к сожалению, ранний уход из жизни им не дал осуществиться…

Эпизод V. Гений

Встречи с Владиславом Петровичем Скобелевым имеют двухчастную композицию. Смутные воспоминания из детства о веселом человеке с нелегкой судьбой (подробнее об этом: [1], [2]), который любит жареную картошку. Жена Владислава Петровича, медик, не позволяла ему наслаждаться «неправильной едой», в гостях он мог позволить нарушить ЗОЖ (хотя эта аббревиатура уже из 90-х, а мои смутные воспоминания – из конца 60-х – начала 70-х). Наш гость всегда так зажигательно что-то рассказывал, читал стихи экспромтом, многого я не понимала, наслаждалась только музыкой слов. Владислава Петровича слушали с восхищением. Позже В.П. Скобелев уехал из Воронежа, и, когда упоминалось в чьем-либо разговоре имя ученого, у всех светлели лица.

В Воронеж Владислав Петрович приезжал часто, читал блестящие спецкурсы, тут я «доросла», чтобы оценить лично значимость В.П. Скобелева как ученого. Его труды были для меня настольными книгами при написании кандидатской диссертации. Ученый высочайшего класса, «человек-праздник», профессор Владислав Петрович Скобелев согласился стать моим первым оппонентом! Защита диссертации запомнилась как «братский пир», «где пьют за ликованье наше» неординарные яркие талантливые люди!

Светлая память моим учителям, друзьям и наставникам!

Литература

1. *Алейников О.Ю.* «В творчестве – самоотдача…» О В.П. Скобелеве / О.Ю. Алейников // Кафедра русской литературы XX века Воронежского государственного университета. 1960-2010. – Воронеж, 2010. – С. 43-50.

2. *Алейников О. Ю.* Человек из легенды / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского государственного университета. Проблемы высшего образования. – 2010. – № 2. – С. 30-36.

3. *Бердникова О.А.* Автор трудных побед / О.А. Бердникова // Кафедра русской литературы XX века Воронежского государственного университета. 1960-2010. – Воронеж, 2010. – С. 50-56.

4. *Ласунский О.Г.* Свительский / О.Г. Ласунский // Воронежская энциклопедия. – Воронеж, 2008. – С. 189.

III. «В КРАЮ ОТЕЧЕСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ»: «ВОРОНЕЖСКИЙ ТЕКСТ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Этот раздел составили статьи и сообщения научной конференции, посвященной 121-й годовщине со дня рождения А.П. Платонова и проведенной в рамках X Международного Платоновского фестиваля искусств. Конференция организована кафедрой русской литературы XX-XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук Воронежского государственного университета и Платоновской группой Института Мировой литературы им. А.М.Горького (Москва) в рамках договора о научном сотрудничестве – проект «В краю отеческой приявязанности».

Н.В. Корниенко
Институт мировой литературы РАН (Москва)

О некоторых контекстах романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину»

К истории создания романа «Они сражались за Родину» в той или иной мере обращались все писавшие о третьем романе писателя. Первые главы романа печатались в «Правде» и «Красной звезде» в 1943 г. (май, ноябрь), затем отдельные главы – в 1944 (февраль, июль), в 1949 (июль, август), в 1954 (октябрь) и в 1969 (март). Самая большая по объему публикация приходится на 1943 г. У каждой из этих публикаций *свой* исторический, политический и литературный контекст, который необходимо описывать при анализе «глав из романа». Мы предлагаем введение в заявленную большую тему (остановимся на названии романа) и некоторые предварительные заметки по главам, опубликованным в 1969 г.

Как первые публикации глав, так и их отдельные издания сохраняли подзаголовок «Главы из романа», являющийся, на наш взгляд, важнейшей жанровой и содержательной характеристикой данного произведения Шолохова. На фоне многотомных эпопей о Великой Отечественной войне 1960 – 1980-х гг., претендовавших на то, чтобы стать второй «Войной и миром» в истории русской литературы, скромные «главы из романа» Шолохова остаются одним из самых значительных произведений, сумевших в эпическом пространстве небольшого рассказа о страшном лете 1942 года не противопоставить, а соединить солдатскую правду с лейтенантской и генеральской.

Эта установка писателя особенно ярко проявила себя в годы «оттепели», когда вместе с критикой культа личности Сталина (верховного главнокомандующего в годы войны) на первое место вышла тема солдатской, окопной правды о войне.

О причинах незавершенности работы Шолохова над романом сказано немало, при этом основным материалом для концептуальных построений на эту тему остаются воспоминания современников писателя и тема цензурных препон, которые действительно проявили свою власть в 1968 –

1969 гг. при публикации довоенных глав романа. Эта история нашла отражение в письмах Шолохова Л.И. Брежневу от 30 октября и 12 декабря 1968 г. [15, 395]; она описана в статьях Светланы Михайловны Шолоховой и подтверждена представлением фрагментов, изъятых при публикации 1969 г. Источником текста «глав романа», подготовленных С.М. Шолоховой, послужили прижизненные машинописи, в которых карандашом отмечены фрагменты, изъятые при публикации «глав романа» в 1969 г. (данные машинописи находятся в архиве Александра Михайловича Шолохова и были любезно предоставлены нам для работы над темой). В 1995 г. роман был издан с восстановленными страницами, набранными для удобства чтения курсивом и с предисловием С.М. Шолоховой «К истории ненаписанного романа» [13, 3–10].

В последнем, 9-м томном Собрании сочинений М.А. Шолохова, подготовленном В.В. Васильевым, текст романа (т. 7) печатался без восстановленных купюр, они приводились в комментариях по первой публикации Светланы Михайловны в журнале «Молодая гвардия» (1992, № 7). В этом издании в заглавии романа слово «Родина» печаталось не с прописной, а со строчной, чему давалось объяснение в комментариях В.В. Васильева:

«В названии романа Шолохов склонялся к тому, чтобы слово *Родина* печаталось не с прописной, а со строчной буквы – воля автора, до сих пор не учитываемая издателями, и объяснял существо заголовка кровной приверженностью человека к близкому с детства уголку земли: “Каждый … воевал и умирал за свою родину – родная хата, родные сад, тихая речка, любимая женщина, дети… Из этих, казалось бы, маленьких величин, понятий и складывается великое и однозначное – Родина” (*Корсунов Н.* С Шолоховым…: Встречи, беседы, переписка. Оренбургск. кн. изд-во, 2000. – С. 61). В нынешнем именовании романа, как оно прижилось в издательской практике, из заголовка, в котором *Родина* дается с большой литеры, исчезло трагическое восприятие войны как пути от Родины к родине» [3, 348].

Эту позицию разделяет, уточняет и развивает С.А. Васильев в статье «О художественной правде военной прозы (М.А. Шолохов, В.П. Астафьев, Г.Н. Владимов)»: «Так, написав в заглавии “Они сражались за родину” слово “родина” со строчной буквы (подробную аргументацию такого решения текстологического вопроса дал В.В. Васильев), Шолохов тем самым выстраивает ассоциативный ряд не с большой (это и так возникает в сознании читателя), а с малой родиной каждого бойца, что существенно меняет смысл и функции заглавия. <…> В целом же для романа более чем характерна камерность, связанная с родным началом…» [4, 259–260].

Среди сохранившихся рукописных источников глав романа имеется только одна страница автографа, где в названии романа слово «Родина» пишется со строчной: это черновик, одна из первых редакцией 2-й главы (рассказ о семье Стрельцовых). [Прим. 1]. Во всех других источниках текста – а это сохранившиеся фрагменты авторизованных машинописей довоенных глав романа – слово «Родина» в заглавии романа пишется с прописной. Так главы романа печатались и при жизни писателя.

В пользу написания в заглавии романа слова Родина с прописной стоит исторический контекст военных лет, прежде всего – 1942 год [Прим. 2], когда слово «Родина» стало писаться с прописной не только в официальных лозунгах, приказах Верховного главнокомандующего, но и в стихах, рассказах и очерках. В тяжелые июльские дни 1942 г. принимается Указ Верховного Совета СССР об учреждении военных орденов: ордена Суворова, Кутузова и Александра Невского; «Правда» на первом странице 30 июля 1942 г. печатает указ и описание орденов… В сентябре 1942 г. во всех центральных газетах печатаются материалы, посвященные 130-летию Бородинского сражения. 7 сентября «Правда» выходит под лозунгом: «Сегодня 130 лет со дня Бородинского сражения. Бородино увенчало немеркнущей славой оружие и боевые знамена русской армии. Бойцы и командиры Красной Армии! Будьте достойны наших великих предков!»; весь номер газеты посвящен этой теме: битва на Волге сравнивается с Бородинским сражением (редакционная статья «Бородинская битва – 1942»); стихи на эту тему: «Помни, что ты правнук и праправнук /Доблестных солдат Бородино» (С. Васильев. «Поле русской славы») и др. Естественно, как никогда более – за весь XX век! – именно в тяжелом 1942 г. пишут об особом значении не только для писателей, но и для всего народа романа «Война и мир» Л.Н. Толстого: «Рука бойца, не выпуская оружия, тянется к героическому рассказу об Отечественной войне 1812 года и находит его в эпопее Льва Толстого “Война и мир”. Никогда еще гениальная книга Толстого не имела такого замечательного читателя, как в наши дни. Кто же, как не советские бойцы и командиры, могут оценить по достоинству мужественную правду, силу и народную мудрость того сказания о 1812 годе, которое сложил Лев Толстой» [7, 2; также: 13, с. 2].

В суровые дни и месяцы 1942 г., когда торжественно отмечалось 25-я годовщина Октябрьской революции, выходит сборник «Родина», который открывается «Словом о полку Игореве», а его содержание представлено высказываниями русских писателей о Родине, о силе и мужестве русского народа, его беззаветной преданности отчизне [9, 1]. В докладе прозаика и академика А.Н. Толстого «Четверть века советской литературы» на юбилейной сессии Академии наук СССР (18 ноября 1942 г.) читаем: «И впервые, как колокол града Китежа, зазвучали в советской литературе слова: святая Родина» [12, 11].

Приведем еще несколько примеров из газет 1942 – 1944 гг., когда писались и публиковались первые главы романа «Они сражались за Родину»:

«Советская Родина переживает тяжелые дни. Враг продолжает рваться вперед. <…> Ни шагу назад!» [«Правда», 1942, 17 авг.];

«Воин Красной Армии! Судьба Родины решается твоим оружием, твоей стойкостью! Бей врага, не зная страха! Победа будет за нами» [«Правда», 1942, 21 авг.];

«Боец Красной Армии! Будь стойким до конца! Бейся за каждый клочок родной земли! Не отдай на поругание гитлеровцам своей матери-Родины. Победа будет за нами»!» [«Правда», 1942, 23 авг.];

«Боец Красной Армии! Немец несет тебе, твоей матери, брату, сестре, детям, друзьям позорную и страшную неволю, мучения и гибель. Не дай в обиду семью, Родину, советский народ! Бей немецкого гада насмерть!» [«Правда», 1944, 6 авг.];

«Вечная слава героям, павшим в борьбе за освобождение нашей Родины» (из приказа Верховного главнокомандующего от 5 августа 1944 г.).

Мы слишком долго отступали
Сквозь этот черный, грозный год.
И кровь друзей, что в битвах пали,
Сердца стыдом и болью жжет.
……..
Пора!
Ты не один. С тобою рядом
Друзья и Родина, и вождь. [11, 2].

«Они отдали Родине всё, что может отдать человек. Если есть бессмертие, они его достигли» [18, 2].

Когда выходит день на смену мраку.
В окопах рота слушает приказ,
За Родину, за Сталина в атаку
Любовь и ненависть выводит нас. [6, 1].

В приведенных примерах трудно разделить большую и малую Родину, лозунги и стихи словно сплавили великие и сердечные смыслы этого понятия в единый символ «святой Родины». Это, во-первых.

Во-вторых, традиция написания слова «Родина» с прописной закрепилась в философских трудах поздних лет. Богатейший материал к этой теме дает «Словарь русской ментальности», вышедший в 2014 г. под редакцией крупнейшего петербургского лингвиста В.В. Колесова. В статье, посвященной концепту «Родина», приводится большой свод примеров со словом «Родина», когда всеобщее и родное не разделяются, а выступают как синтетическая форма:

«Или жизнь согласно с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она – самоотречение, или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она бессмыслица» (А. Лосев);

«Образ Родины создается из видимого и невидимого, материального и духовного, из глубин истории и высот святости» (В. Распутин);

«У человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это и есть Родина» (Л. Гумилев) и др.

В одном из определений концепта «Родина» словарь предлагает следующую формулу: Родина – «единство земли, государства и веры предков, т.е. физической, социальной и духовной слитности представлений о том, что, являясь ключевым понятием культуры, всегда обозначалось как Родина» [9, 180].

Можно говорить, что такое глубинно символическое понятие Родины сложилось и закрепилось в сознании в тяжелейший период Великой Отечественной войны, и поэтому вряд ли правомерно менять написание слова «Родина» в названии романа Шолохова, посвященного трагическим страницам нашей истории. Примечательно, что в письмах фронтовика и прозаика Виктора Астафьева его малая, сибирская «родина» практически всегда пишется не со строчной, а с прописной: «…а Родина тянет, и уже мне 41 год» [1, 70], «…и я, минуя Родину свою, куда был твердо намерен заехать… сразу же убег в деревню» [1, 71) и др.

Безусловно, опубликованные в 1969 г. главы романа, посвященные довоенной встрече братьев Стрельцовых, необходимо рассматривать в контексте самой горячей для литературы этих лет темы политических репрессий 1937–1938 гг. и фигуры Сталина. Именно эта тема поляризовала общественное мнение и была центральной в литературно-политической борьбе этого десятилетия: запрет на издание романа Вас. Гроссмана «Жизнь и судьба» и «арест» романа в 1961 г.; вопрос А. Солженицына; «Новый мир» и борьба вокруг журнала и с журналом и т.п. Это, на наш взгляд, тот реальный исторический и литературный контекст, в котором шла, без преувеличения, битва вокруг понятия правды о Великой Отечественной войне и в котором создавался Шолоховым данный фрагмент романа. Описание контекста важно и потому, что Сталинградской битве – ключевому переломному событию Великой Отечественной войны – посвящены страницы самых значительных романов этого десятилетия. Назовем прежде всего произведения, мимо которых не прошел М. Шолохов. Это 2-я книга («Солдатами не рождаются», 1964) трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» (для Симонова сталинградская тема начиналась повестью «Дни и ночи», 1943 – 1944). В 1966 г. отдельным изданием выходят воспоминания И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», где годы войны занимают значительное место, в том числе «страшное лето 1942 года», «горькое лето 1942 года» [17, 47], [17, 97].

Особое место в контексте сталинградской темы в литературе этого десятилетия занимает запрещенный роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Для Гроссмана тема Сталинграда была главной с военных лет: он автор очерков о Сталинграде, которые печатались в «Красной звезде» (перепечатывались в других газетах, в том числе, в «Правде») и составили книгу «Сталинград, сентябрь 1942 – январь 1943» (1943), повести «Народ бессмертен» (1943). Именно Гроссман был «фактически признан первопроходцем современной военной литературы» [2, 303], и от него советская критика ждала «советскую эпопею» [2, 30].

Кстати, необходимо отметить, что о создании романа-эпопеи о Великой Отечественной войне критика заговорила после Сталинграда в 1943 г., а в качестве «удачной попытки» заложить «фундамент будущей эпопеи» называлась именно повесть Гроссмана «Народ бессмертен» [Прим. 3]. «Огромная заслуга В. Гроссмана в том, – отмечала критик Е. Книпович в статье с символическим для жанра эпопеи названием «Народ и история» («Знамя» (1943. № 7–8), – что повесть его лирической волной войдет в

будущее русло эпопеи, в том, что она учит советских людей глядеть вперед…» и т.п. [8, 34).

Роман «Жизнь и судьба», являющийся продолжением романа «За правое дело» (первое название – «Сталинград»), анонсировался в 1960 г., в газетах «Вечерняя Москва», «Литература и жизнь», «Литературной газете», где печатались главы с пометой «Отрывок из одноименного романа».

История отношения между Гроссманом и Шолоховым обросла огромным количеством слухов и литературных интриг, которые вращаются вокруг темы отношения Шолохова как члена редколлегии журнала «Новый мир» к публикации первой части романа «Сталинград» в 1952 г. По меткому замечанию Д. Фельдмана, стало привычным ссылаться на мемуары Семена Липкина, который «в отместку» за «шолоховские высказывания антисемитского характера» «сочинил антишолоховский отзыв». Из этого «отзыва», который Липкин якобы видел собственными глазами, следует, что направленный Твардовским в Вешенскую роман «Сталинград» получил следующую оценку Шолохова: «Кому вы поручили писать о Сталинграде? В своем ли вы уме? Я против» [2, 334]. Однако все было не так. В мае 1951 г. редакцией «Нового мира» в Вешенскую действительно был отправлен роман Гроссмана. В дневнике Гроссмана история с отзывом Шолохова изложена в записи его встречи с Твардовским: «По словам главреда, Шолохов сказал: “Писать о Ст[алингра]де не буду, т. к. хуже Гроссмана не положено, а лучше не смогу”» [2, 334].

Стоит также отметить, что опубликованный под названием «За правое дело» роман Гроссмана был представлен критикой в 1952 г. как долгожданное «рождение эпопеи», «эпопея народной войны» [2, 339], а в начале 1953 г. – в связи с делом врачей – критика писала уже прямо противоположное: «роман, искажающий образы советских людей», «на ложном пути» (названия рецензий) и т.п.

И если отношение Шолохова 1951 г. к роману Гроссмана было «сочинено» Липкиным, то в 1953 г. – свое сочинение на данную тему представил С. Бубеннов, который «цитировал» (!) резко отрицательный отзыв Шолохова: «Роман Гроссмана плевок в лицо русского народа»» [2, 342].

Мы привели этот сюжет для постановки не только темы «Шолохов и Гроссман», которую не обойти при реконструкции контекстов создания глав романа «Они сражались за Родину» (имя В. Гроссмана отсутствует в «Шолоховской энциклопедии»), но и проблемы воспоминаний о встрече с Шолоховым как «документальных источников», нуждающихся в критическом анализе.

Литературно-политическая ситуация вокруг первой части романа («За правое дело») и развернувшаяся с 1956 г. после XX съезда партии кампания критики Сталина и борьбы со сталинизмом определяют пафос романа Гроссмана «Жизнь и судьба», что найдет отражение, в частности, в упоминании имени Шолохова в романе. Шолохов появляется в насыщенном литературными аллюзиями рассказе о литературных пристрастиях молодого поколения, в том числе лейтенанта Ломова, влюбленных в стихотворения Ахматовой и Мандельштама (!) и их ироническом отношении

к классикам советской литературы: «Ломов, видимо, был парнишка острый, с трудным характером, ко всему признанному и установленному относился насмешливо. Он, видимо, сам писал стихи, и это от него Надя заимствовала насмешливое и презрительное отношение к Демьяну Бедному, Твардовскому, равнодушие к Шолохову и Николаю Островскому» [5, 562]. Если Твардовский, автор любимого солдатами, лейтенантами и маршалами «Василия Теркина», попал в этот ряд из-за истории публикации в «Новом мире» романа «За правое дело» (Твардовский не боролся за эту публикацию), то, думается, Шолохов в 1943 г. – время описываемых в романе событий – ничем еще не провинился перед прогрессивно-либеральной молодежью и попал в один ряд с Демьяном Бедным и Островским не за «Тихий Дон» и не за опубликованные в 1943 г. главы романа, а за сложившуюся в конце 1940 – начале 1950-х гг. (после публикации его статьи о псевдонимах и выступления на 2-м съезде писателей) в определенных кругах репутацию писателя-консерватора и антисемита.

На наш взгляд, откликом Шолохова на не исчезающую со страниц литературной печати 1940–1950-х гг. тему создания именно «эпопеи» о Великой Отечественной войне является рассказ «Судьба человека» (1956), где и прозвучит главный вопрос о человеке на войне, словно переданный герою рассказа из «Тихого Дона»:

«Иной раз спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: “За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что исказнила?” Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке… Нету и не дождусь!..» [15, 208].

Мы попытались обозначить лишь некоторые вехи исторического и литературного контекста 1960-х гг., когда Шолоховым создавались и публиковались главы романа, посвященные истории встречи перед войной братьев Стрельцовых.

Не менее сложным был исторический и литературный контекст 1943 г., когда печатаются первые главы романа. Описание литературного контекста – еще впереди. Здесь лишь отметим, что история семейной жизни Звягинцева (главы, опубликованные в 1943 г.) и, в частности, грустно-смешной рассказ о том, как испортилась через чтение художественной литературы жена героя – Настасья Филипповна, хранит в своей памяти историю знаменитой Фро-Фроси Андрея Платонова, о чем нам приходилось уже писать. Нашу догадку, выросшую из анализа интертекстуальных связей текстов Шолохова и Платонова, подтвердили сохранившиеся в архиве А.М. Шолохова первые редакции этих глав, где жена героя носила не почти эмблематическое имя Настасья Филипповна, а Ефросинья (по-простому – Фрося). В этом смысле и воронежская биография главного героя рассказа Шолохова «Судьба человека» Андрея Соколова наполнена отсылками к «жителям родного города» рассказов Платонова второй половины 1930-х – 1940-х гг.

Только некоторые пояснения к историческим событиям, нашедшим отражение в первых опубликованных главах романа.

В мае 1943 г., когда битва на Волге за Сталинград была победно завершена, Шолохов начинает печатать главы романа, посвященные «отступу» июля-августа 1942 г., когда до победы было слишком далеко. Хроника этих горьких месяцев войны предстает в романе в воспоминаниях героев «разбитого полка» и в описываемых событиях июля-августа 1942 г.: «начало этого большого отступления», «неудачное Харьковское наступление» лета 1942 г.; «идут от Харькова»; «тяжелые дни зимних боев на харьковском направлении», «выход из полуокружения»; «скоро уже Дон, а потом Сталинград»; «фронт наш прорван на широком участке», «уходят в отступ»; «горькое отступление», «немец уже миновал… на Волгу рвется. А там Сталинград»…

Словно с военных карт списана топонимика военных глав романа: хутор Сухой Ильмень (Сталинградская область) – станица Клетская (Сталинградская область) – Россошь (Воронежская область) – город Серафимович (Сталинградская область)…

Богатейший материал к комментарию воссозданных Шолоховым событий лета 1942 г. представляют вечерние и утренние сообщения Совинформбюро, печатавшиеся на первой странице газеты «Правда» и статьи военных корреспондентов (в том числе, будущего редактора и друга Шолохова К.Потапова); вот лишь несколько фрагментов с первой страницы газеты «Правда» за июль-август 1942 г.:

18 июля: «Юго-восточнее Миллерово идут напряженные бои. Наши войска, отходя под напором численно превосходящих сил противника, изматывают немцев на промежуточных рубежах и наносят им большой урон. На одном из участков наши танкисты и пехотинцы разгромили прорвавшуюся вперед часть противника. Уничтожено 11 немецких танков и 1.800 гитлеровцев. Наши артиллеристы и минометчики обстреляли пехоту и танки противника, скопившиеся у переправы через реку. Сожжено и подбито 14 танков, истреблено до 600 немецких солдат и офицеров».

«На Дону развернулась ожесточенная битва. Враг, не считаясь ни с какими потерями, бросает на поле битвы все новые и новые дивизии. <…> Наши мужественные пехотинцы, не знающие страха танкисты, бронебойщики, искусные артиллеристы, отважные летчики проявляют в этих боях изумительную стойкость, храбрость, умение».

«Южнее Миллерово продолжаются ожесточенные атаки противника…»

2 августа: «В течение 1 августа наши войска вели ожесточенные бои в районах Клетская, Цимлянская. Кущевская, Сальск <…> с превосходящими силами противника».

3 августа: «Обстановка на юге становится все более сложной. Опасность, нависшая над нашей страной, обостряется».

12 августа: «Лютый враг продолжает лезть вперед, не считаясь с большими потерями, бои в районе Клетской, северо-восточнее Котельникова, Краснодара, Воронежа».

18 августа: «В районе юго-восточней Клетской наши войска вели напряженные оборонительные бои с танками и мотопехотой противника. На участке, который обороняет Н-ская часть, немцы бросили крупные си-

лы пехоты, поддержанные 100 танками и авиацией. В ходе боев врагу нанесен большой урон в живой силе и технике…»

19 августа: «Итоги трехмесячных боев на советско-германском фронте (с 15 мая по 15 августа): Красная Армия вела и ведет ныне в районе Воронежа, в излучине Дона и на Юге непрерывные кровопролитные бои против наступающих немецко-фашистских войск. Эти бои носят крайне ожесточенный характер. <…> захватили в районе Дона и на Кубани большую территорию и важные в промышленном отношении города – Ворошиловград, Новочеркасск, Шахта, Ростов, Армавир, Майкоп…»

К документальным источникам «глав романа» Шолохова, кроме богатейших материалов периодики военных лет, мемуаров полководцев и участников войны (целая полка этих книг находится в доме писателя), также, на наш взгляд, следует отнести письма читателей – участников войны, с их рассказами о «правде» и мифологии войны. Эти контексты нам еще предстоит реконструировать и описать.

Примечания

[1] *Шолохов М.* Они сражались за родину. Автограф // Государственный Музей-заповедник М.А. Шолохова (Вешенская). Фонды. КП–17676. Л. 1.

[2] Правда. 1942. 30 июля. С. 1. Данный лозунг восходит к приказу № 227 Наркома обороны СССР И.В. Сталина от 28 июля 1942 г., который читался во всех частях и вошел в историю под заглавием «Ни шагу назад!»: «Враг бросает на фронт все новые силы не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге, хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории. Мы потеряли 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тон металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских ресурсах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Надо в корне пресечь разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, что наша страна велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог. Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв…». 3 августа «Правда» печатает статью А. Толстого «Ни шагу назад!», стихотворение И. Уткина «Клятва»: «Клянусь: назад ни шагу! / Скорей я мертвый сам / На эту землю лягу, / Чем эту землю сдам» и др.

[3] После того коренного перелома в войне, каким была Сталинградская битва, уже весной 1943 г. президиум и военная комиссия Союза писателей начинают проводить совещания, на которых отрабатываются новые задачи советской литературы, вновь ставится задача «преодоления Толстого», под-

черкивается, что для изображения советского офицера уже недостаточен опыт Толстого, что «наш капитан Тушин» не может быть сравним с толстовским, потому что идеологически он его превосходит и т.п. (см.: Образ советского офицера (Отчет о дискуссии в Союзе советских писателей) // Знамя. 1945. № 5. С. 200).

Литература

1. *Астафьев В.* Нет мне ответа… Эпистолярный дневник 1952–2001 / В. Астафьев. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 720 с.
2. *Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М.* Василий Гроссман в зеркале литературных интриг / Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман. – М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2016. – 368 с.
3. *Васильев В.В.* Примечания // Шолохов М.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – С. 347–363.
4. *Васильев С.А.* О художественной правде военной прозы (М.А. Шолохов, В.П. Астафьев, Г.Н. Владимов) / С.А. Васильев // Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: литература и история. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 253–263.
5. *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба // Гроссман В.С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Вагриус, 1998. – 656 с.
6. *Долматовский Е.* Любовь к родине (Сталинград) / Е. Долматовский // Литература и искусство. – 1942. – 10 окт.
7. *Дурылин С.* «Отечественная война 1812 года» (спектакль Малого театра) / С. Дурылин // Правда. – 1942. – 11 окт.
8. *Клинг Д.* Творчество Василия Гроссмана в контексте литературной критики / Д. Клинг. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2012. – 212 с.
9. *Колесов В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности: в 2 т. Т. 2 / В.В. Колесов, Д.В.Колесова, А.А.Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014. – 592 с.
10. Накануне 25-й годовщины Великой Октябрьской революции// Литература и искусство. – 1942. – 31 окт.
11. *Сурков А. Пора!* / А. Сурков // Правда. – 1942. – 1 сент.
12. *Толстой А.Н.* Четверть века советской литературы / А.Н. Толстой. – М.: Советский писатель, 1943. – 39 с.
13. *Шкловский В.* Бородино в романе «Война и мир»» / В. Шкловский // Литература и искусство. – 1942. – 12 сент.
14. *Шолохов М.А.* Они сражались за Родину (Главы из романа). Рассказы. С предисловием С.М. Шолоховой / М.А. Шолохов. – М.: Раритет, 1995. – 302 с.
15. *Шолохов М.А.* Они сражались за родину // Шолохов М.А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – 384 с.
16. *Шолохов М.А.* Письма / М.А. Шолохов. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 480 с.
17. *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Книга пятая и шестая / И. Эренбург. – М.: Советский писатель, 1966. – 750 с.
18. *Эренбург И.* Часы истории / И. Эренбург // Правда. – 1943. – 6 авг.

Е.В. Антонова
Институт мировой литературы РАН (Москва)

Воронежцы в истории романа А. Платонова «Чевенгур» (А.Н. Новиков, Г.З. Литвин-Молотов)

Приблизительно в то же время, когда Платонов работал над «Чевенгуром», его земляк, друг и коллега по работе в «Крестьянской радиогазете» писатель Андрей Новиков писал роман «Республика победителей (Хроника поволжских событий)». Реальной основой этого произведения являлись события 1918 г., связанные с мятежом Чехословацкого корпуса, место действия – Самара, Сызрань, Пенза, Симбирск и окрестности Иргиза.

На примере более ранней повести «Причины происхождения туманностей» (опубликована с датировкой: декабрь 1927 – май 1928) известно, насколько Новиков в этот период был склонен различными способами вводить в текст отсылки к Платонову: аллюзии на тексты, прямые упоминания о самом Платонове и т. п. Не изменил Новиков этому обычаю и при написании «Республики победителей», однако взаимосвязь двух этих произведений, писавшихся «по соседству», является, возможно, не столь однозначно линейной.

В самом начале «Республики…», в 1-й главе 1-й части (Прим., 1), очевидны, впрочем, отсылки еще не к «Чевенгуру», а к циклу радиорассказов Платонова о Макаре Прохорове (на основе этого цикла в 1929 г. был создан рассказ «Усомнившийся Макар»). Примечательно, что Новиков использует здесь для описания одного из своих героев, Степана Фомича Тынова, ту же характеризующую формулу, что и Платонов для Макара, – герой имеет «золотые руки» при «пустой голове» [2, 527]. Так, жена Степана Фомича: «…не однажды слышала от мужиков, что у ее мужа при пустой голове – золотые руки» [1, 46] и т. п. Помимо этого, Степан Фомич уподоблен Макару и в отношении тяги к изобретательству.

Явное знакомство Новикова с «Чевенгуром» обнаруживается несколько позже – в 3-й главе. В повествование вводится сельская учительница Ольга Павловна, прообразом которой является платоновская Софья Александровна (впоследствии Соня Мандрова), – только у Новикова эта героиня оказывается откровенной контрреволюционеркой. В этой же главе в отдаленное селение, где проживает учительница, уже упомянутый выше Степан Фомич в порядке гужевой повинности привозит поэта Алексея Булыжникова. По ходу действия в 4-й главе выясняется, что Булыжников носит рыжий парик, а это, между прочим, примета еще одного воронежца –Георгия / Жоржа Малюченко, выведенного в «Строителях страны» под именем Гога. Поскольку Гога не был сохранен Платоновым в «Чевенгуре», можно считать, что в данном случае мы здесь имеем дело с влиянием именно претекста «Чевенгура» – «Строителей страны».

С точки же зрения истории именно «Чевенгура», особенно интересны сюжеты, связанные в «Республике победителей» с так называемым Новым Петроградом. Об этом селении на Иргизе Новиков упоминает перво-

начально также в 3-й главе: «Территория уезда была велика и на многие административные единицы она распалась в первые дни революции. Многие селения, пользуясь лозунгом “власть на местах” объявили себя самостоятельными резиденциями. В особенности же отличилось селение на излучине Иргиза, – наименовав себя Новым Петроградом. Оно решило приобрести у заштатного города на Волге чугунно-литейный завод на слом, предлагая взамен сливочное масло и пшеницу. Разработав проект шлюзования Иргиза, “новопетроградцы”, однако его не осуществили: у них не оказалось динамита, дабы взорвать лед, сковывавший извилистое течение реки. Тогда идея шлюзования заменилась созданием речного торгового флота, чтобы сподручнее вести товарообмен с привольными волжскими городами. Когда же и этот проект не осуществился, в помещении общественного амбара они соорудили токарно-слесарную мастерскую, закупив на рынке заштатного города сорок два винчука и четыре напильника» [1, 80–81].

Проекты «новопетроградцев» (шлюзование реки, взрывные работы, проектирование речного торгового флота) – отголоски самых разных проектов Платонова 1920-х гг., и перечисляются они в стиле платоновского же «Города Градова».

Дальнейшая судьба этого селения раскрывается затем в 6-й главе: «…мнимые новопетроградцы порешили закрыть свои околицы и запретить доступ в свою сельскую местность и войсковым частям, и горожанам. Селение то, окруженное лесами и опоясанное петлей Иргиза – подтвердило, что оно – вольная республика, и вожаки, выгнав народ в спешном порядке стали сооружать укрепления, обнося территории своей резиденции высоким забором» [1, 178].

Как и в «Чевенгуре», на подходе к экстерриториальному селению появляется лозунг, хотя у Новикова он противоположен чевенгурскому по своему посылу. «Запретная надпись», укрепленная на верстовом столбе не приглашает ко входу, а отпугивает: «Мы – люди общей русской нации, но желаем территориальной независимости. Кто понимает нас, обойди стороной!» [1, 178].

Поскольку в общем замысле романа тема Нового Петрограда относится максимум ко второму-третьему плану, в той же 6-й главе Новиков завершает эту историю вполне платоновским ходом, опять-таки восходящим к «Городу Градову»: один из героев романа, Семен Шарабанов, разъяренный содержанием запретной надписи, «упростил механизм власти, превратив почти республику в сельсовет» [1, 178].

Между тем, Новый Петроград Новикова, органично укорененный на исторической почве старообрядческого Иргиза, при всех его совпадениях с Чевенгуром нельзя однозначно признать отражением последнего. К сожалению, для того, чтобы разрешить вопрос о взаимной соотнесенности этих «населенных пунктов», не хватает более-менее детальной хроники работы обоих писателей над своими романами. В отношении «Республики победителей» можно лишь указать, что в декабре 1928 г. машинопись романа находилась в журнале «Октябрь», а до того она какое-то время чита-

лась рецензентами, и даже успела затеряться. Как раз об этом сообщается в записке от 22 декабря, приплетенной к рукописи: «Уважаемый товарищ Новиков! По поручению Ф.И. Панферова редакция журнала “Октябрь” сообщает, что Ваша рукопись «Республика победителей» найдена у тов. Макаренко и в настоящее время находится в редакции журнала “Октябрь”» [1, Л. 1]. Отзыв А. Макаренко, как и более поздний отзыв М. Платошкина (Прим. 2, 3), подшиты к машинописи, но, к сожалению, датировка на них не проставлена.

Исходя из этого факта, мы полагаем, что Новиков все же опережал Платонова в своей работе над романом, а, следовательно, его Новый Петроград мог быть обязан своим происхождением не чтению «Чевенгура», а живому, непосредственному общению двух писателей, совместному обсуждению интересных для них тем. В этом случае бóльшая географическая конкретность Нового Петрограда позволяет в некоторой степени уточнить смысловое поле, породившее утопию Чевенгура, – в это поле попадают и старообрядческое скитничество, и пугачевщина… Отметим, что связанная с Пугачевым слобода Мечетная (современный город Пугачев) также фигурирует на страницах «Республики победителей».

В 1929 г. Новиков, по совету ли Макаренко или самостоятельно, начал переработку романа. В середине февраля 1929 г. из печати вышел № 1 журнала «Красная новь» [Прим. 4] с рассказом Новикова «Обиход вольного разума». Это были вариации на тему первых глав «Республики…», где главным действующим лицом являлся Степан Фомич Тынов.

Почти через год [Прим. 5], в антологии «Перевальцы» увидел свет отрывок «Республики…» (2-я часть) под заглавием «Любовь постороннего человека». Однако в подзаголовке сообщалось, что текст относится к роману с иным названием – «Резиденция свободомыслящих». Это же заглавие можно обнаружить в одном из сообщений «Литературной газеты» от 15 июля 1929 г.: «Андрей Новиков пишет роман “Резиденция свободомыслящих”, являющийся сатирой на лишних людей революции».

Таким образом, в 1929 г. «Республика победителей» претерпевала трансформацию в «Резиденцию свободомыслящих» с вероятным усилением сатирического компонента, но публикация романа в любом случае так и не состоялась.

***

Летом 1929 г. в июньском номере «Бюллетеня Государственного издательства» была напечатана заметка «Что издает “Молодая Гвардия”», из которой, в частности, следовало, что роман Платонова «Чевенгур» включен в редакционную программу издательства «Молодая гвардия» (в рубрике «Новинки молодых писателей»)[Прим. 6]. Однако в августе и сентябре того же года, в письмах к М.Горькому [3, 271–273], Платонов просил помощи в напечатании своего романа так, будто никакой договоренности с «Молодой гвардией» не существовало. Причиной этого были изменения, происходившие в издательстве, и, главным образом, смещение с поста заведующего издательством Г. Литвина-Молотова. Поскольку

архивные материалы «Молодой гвардии» довоенного периода утрачены, остается возможность отчасти прояснить ситуацию на основе сохранившихся документов из фонда ЦК ВЛКСМ.

Весной 1929 г. издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» было подвергнуто «обследованию» специальной комиссии. Неизвестно, сколько времени оно длилось, но 14 мая заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВЛКСМ С. Андреев выступил с какими-то предварительными результатами обследования на заседании бюро ЦК [Прим. 7]. Изложенная информация была принята к сведению, и комиссия должна была еще продолжить работу, «представив на следующее бюро исчерпывающие положения по вопросам о работе издательства "Молодая гвардия" и по вопросу о персональном составе работников издательства». Показательно, что на этом этапе из состава комиссии были введены входившие в нее представители издательства Литвин-Молотов и Штейн, с заменой их на «тт. Салтанова и Северьянову».

Ячейка ВКП(б) издательства, куда входил Литвин-Молотов, была явно не согласна с принятым решением и попыталась изменить наметившийся ход событий. На бюро ячейки 21 мая было постановлено:

«а) Просить ЦК ВЛКСМ привлечь представителей бюро ячейки ВКП(б) к участию во всей работе комиссии ЦК ВЛКСМ по вопросам положения издательства.

б) Признать необходимым обсудить выводы комиссии на бюро ячейки издательства перед докладом комиссии на бюро ЦК ВЛКСМ. Просить ЦК ВЛКСМ дать соответствующие указания комиссии ЦК.

в) Просить ЦК ВЛКСМ вынести решение по этим вопросам, не дожидаясь очередного заседания ввиду срочности работы комиссии ЦК» [Прим. 8].

Постановление было принято во внимание, по крайней мере его второй пункт, и 28 мая С. Андреев выступил на очередном бюро партячейки. Как можно понять, смещение Литвина-Молотова с поста заведующего издательством к этому моменту было уже решенным делом, но ячейка снова выразила свое несогласие, постановив:

«а) Информацию принять к сведению.

б) Бюро ячейки находит необоснованным с деловой точки зрения решение комиссии ЦК ВЛКСМ о снятии т. Литвин-Молотова с работы заведующего издательством и считает необходимым создание условий, способствующих улучшению руководства издательством.

в) Сообщить о настоящем решении бюро ЦК ВЛКСМ и Агитпропу ЦК ВКП(б)» [Прим. 9].

Однако уже 30 мая на заседании бюро ЦК ВЛКСМ [Прим. 10] в данном вопросе была поставлена точка. Сначала был заслушан доклад Литвина-Молотова о работе издательства, а затем – содоклад комиссии по обследованию издательства, произнесенный Андреевым. Во время обсуждения высказались товарищи Штейн, Северьянова, Кэмрад, Бобрышев, Корнюшин и Косарев (Штейн и Кэмрад являлись членами протестующей партячейки). В итоге резолюция, предложенная комиссией, в основном была утверждена, а в отношении Литвина-Молотова и Штейна были удовле-

творены их просьбы «об отпуске с работы издательства». Литвину-Молотову также был предоставлен отпуск «на срок по заключению врачебной комиссии». Агитпропу ЦК ВЛКСМ поручалось «в срочном порядке подобрать кандидатуру для работы в издательстве вместо освобожденных тт. Литвин-Молотова и Штейна».

В резолюции бюро, сразу же опубликованной в журнале «Известия ЦК ВЛКСМ», признавалось, что за последние два года издательство «достигло известного перелома в сторону повышения идеологического уровня продукции и технического ее оформления», однако «со всей решительностью» указывалось на ряд недостатков подлежащих исправлению: «…темп и размах работы издательства в области создания комсомольской и пионерской книжки, массовой политехнической, технической и художественной литературы все еще отстает от темпа и размаха работы комсомола и пионерорганизации и от роста потребности читательской массы. Слабо поставлен раздел литературы для деревенской молодежи, массовой технической книги, недостаточно книг, теоретически обобщающих работу комсомола и пионерорганизации в новых условиях, недостаточно развернута работа по выпуску литературы по политучебе <…> Редакционные планы недостаточно прорабатываются в комсомольских организациях и недостаточно реальны. <…> В области художественной литературы издательство не проводит четкой линии, не имеет своего лица. Издательство выпускало и выпускает книги, чуждые по своему содержанию комсомолу («Потомки венецианского дожа», «Луна с правой стороны», сочинения Глеба Алексеева и др. [Прим. 11]), слабо выявляет, воспитывает и оплачивает авторские кадры из среды пролетарского молодняка. Политустановка в подборе авторов не всегда была четкая. Издательство до сих пор не пользуется достаточным авторитетом среди комсомольских организаций» [Прим. 12].

Для планируемого издания «Чевенгура» все эти пертурбации не предвещали ничего хорошего. Общаясь с Литвиным-Молотовым, Платонов, надо полагать, имел возможность узнавать о происходящем в издательстве больше иных сторонних наблюдателей, и у него появились все основания опасаться за судьбу своего детища. Однако издательство отказалось от «Чевенгура» лишь в 1930 г., на стадии работы с гранками, а до того, по-видимому, было отвлечено административной «модернизацией».

Литвин-Молотов обрел новое место работы довольно быстро. Уже 7 июня на Секретариате ЦК ВКП(б) была рассмотрена и поддержана просьба ЦК профсоюза работников просвещения об утверждении Литвина заведующим издательства «Работник просвещения»[Прим. 13], однако «Молодая гвардия» еще не вполне его отпустила, поскольку назначение нового заведующего задерживалось. 28 июня на заседании бюро ЦК ВЛКСМ Литвину пришлось выступить с докладом об оборотных средствах издательства. Последний подпункт решения, принятого по данному вопросу гласил: «д) Считать необходимым максимум в недельный срок подобрать кандидатуру на зав. издательства, освободив от работы в издательстве после сдачи дел т. Литвина-Молотова» [Прим. 14]. На подбор и проведе-

ние подходящей кандидатуры через рассмотрение ЦК ВКП(б) ушел весь июль. Лишь 2-го августа на Секретариате ЦК был утвержден новый заведующий – Яков Самойлович Цванкин [Прим. 15]; 6 августа его утверждение прошло также на бюро ЦК ВЛКСМ [Прим. 16]. Первоначальное вхождение в курс дел заняло у Цванкина приблизительно полтора месяца, после чего он смог 24 сентября выступить с самостоятельным докладом о работе издательства на заседании бюро ЦК ВЛКСМ [Прим. 17]. По докладу Цванкина 1 октября была принята резолюция «О ближайших задачах издательства Молодая гвардия»; в ней, между прочим, были указаны принципы формирования редакционного плана на 1930 г.:

«3. Отмечая невыполнение издательством редакционного плана на 1929 г., бюро ЦК предлагает в месячный срок разработать редплан на 1930 г.

При выработке редплана издательство должно исходить из задачи помощи союзу книгой в его работе в условиях реконструктивного периода, обеспечив достаточный выпуск:

а) общественно-политической литературы (теоретическое движение, пятилетка, борьба с уклонами и мелко-буржуазными влияниями, интернациональное воспитание).

б) Массовой технической книги.

в) Пролетарско-художественной литературы, организующей массы молодежи вокруг задач партии и комсомола.

г) Литературы по политическим, организационным и методическим вопросам юношеского движения.

Бюро ЦК предлагает издательству обеспечить в плане по всем его разделам преобладание массовой многотиражной литературы для самых широких кругов комсомольцев, пионеров и беспартийной молодежи по всем вопросам партийно-комсомольской жизни и личного быта, волнующим организацию и молодежь» [Прим. 18].

Для достижения поставленных целей намечалось «укрепить издательство кадрами квалифицированных редакционных, издательских и книгораспространительских работников; обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой о прикреплении к издательству ряда партийных литературных работников и слушателей ИКП для нештатной работы в нем в качестве редакторов отдельных серий и произведений» [Прим. 19].

Помимо прочего, издательству требовался устав, которого ранее не существовало, и таковой был утвержден на заседании секретариата ЦК ВЛКСМ 23 января 1930 г. [Прим. 20]. Затем 15 февраля, также на секретариате, прошло очередное утверждение редакционного плана [Прим. 21], а 17 апреля, на заседании бюро, – состава правления издательства [Прим. 22]. Так прошел год преобразований, на протяжении которого «Чевенгур» продолжал свое движение в недрах издательства. Однако за прошедшее время необходимый административный потенциал для дальнейшей работы, исключающей издание подобных книг, наконец-то был накоплен.

Примечания

1. Всего в романе 13 частей, разделенных на 90 мелких главок.

2. «Книга Андрея Новикова производит общее очень приятное впечатление. Письмо замечательно симпатичного тембра, простое и спокойно-добродушное. Это очень удобно оттеняет напряженность событий. Люди интересны, но еще интереснее вещи, автор делает их с настоящей квалифицированной любовью. Главный недостаток – часто встречающиеся неточности языка. <…> Таких мест очень много. Требуется серьезная редакторская правка и, кроме того, сокращение (полагаю %% на 25) ибо есть лишние словесные поля» [1. Л. 2].

3. «Роман несколько растянут, но читается с неослабевающим интересом. Начало чехословацкого восстания и эсеровский мятеж на Волге почти не отражены в художественной литературе. Роман Андрея Новикова удачно заполняет этот пробел. Считаю, что "Республику победителей" следует напечатать в журнале "Октябрь"» [1. Л. 232а]. Данный отзыв вместе с титульным листом романа [1. Л. 232в] оказался подшитым в середине машинописи.

4. См. извещение в газете «Правда» от 14 февраля 1929 г.

5. См. извещение в «Литературной газете» от 3 февраля 1930.

6. № 20–21. С. 96.

7. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Ед. хр. 57. Л. 165.

8. Там же. Ед. хр. 58. Л. 68. Секретарем ячейки являлся т. Ярцев, вероятно, будущий директор издательства «Советский писатель».

9. Там же. Л. 69.

10. Там же. Л. 44.

11. Речь идет о книгах И. Саркизова-Серазини – «Потомок венецианского дожа», С. Малашкина – «Луна с правой стороны» и собрании сочинений Г. Алексеева.

12. Известия ЦК ВЛКСМ. 1929. № 11. С. 15.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 738. Л. 8, Л. 173.

14. Там же. Ф. М-1. Оп. 3. Ед. хр. 59. Л. 256-257.

15. Там же. Ф. 17. Оп. 113. Ед. хр. 754. Л. 8, 31-32; Ед. хр. 759. Л. 105; Ед. хр. 760. Л. 126; 761. Л. 201.

16. Там же. Ф. М-1. Оп. 3. Ед. хр. 60. Л. 105.

17. Там же. Л. 306.

18. Там же. Ед. хр. 61. Л. 13–14.

19. Там же. Л. 14. Подробности конкретных кадровых решений также обнаруживаются в некоторых протоколах бюро и секретариата ЦК ВЛКСМ, но в данном случае их анализ не входит в круг наших задач.

20. Там же. Оп. 4. Ед. хр. 42. Л. 25, 42–46.

21. Там же. Л. 132, 135–136.

22. Там же. Оп. 3. Ед. хр. 66. Л. 91.

Литература

1. *Новиков А.* Республика победителей (Хроника поволжских событий) // РГАЛИ. Ф. 619. Оп. 1. Ед. хр. 1398. Машинопись.

2. *Платонов А*. Сочинения. Т. 4. Кн. 2 / А. Платонов. – М.: ИМЛИ РАН, 2020.

3. *Платонов А*. «…я прожил жизнь»: письма. 1920–1950 гг. / А. Платонов. – М.: Астрель, 2019.

Е.И. Колесникова
Институт русской литературы
Российской академии наук (Пушкинский Дом),
Л.М. Лозовая
Воронежская областная универсальная
научная библиотека им. И. С. Никитина

Роман А. Платонова «Чевенгур» в интерпретации воронежских исследователей

«Вклад воронежских исследователей в отечественное платоноведение весьма значителен», – отмечает О. Г. Ласунский, говоря об особой роли, которую сыграл первый в СССР сборник статей «Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения» (1970) для научной традиции «рассматривать наследие всемирно известного уроженца» Ямской слободы как «некое целостное явление» [30, 7]. В этой книге, воспроизведённой впоследствии издательством «Ann Arbor» (США), «Чевенгур» не только упоминался, но и пересказывался [50].

Ответственным редактором и душой воронежского издания, вошедшего в историю науки [40, 102], был В. П. Скобелев, работавший на кафедре советской литературы ВГУ. Многое из того, что в конце 1960-х и в 1970-е годы печаталось об А. Платонове в Воронеже, задумывалось, обсуждалось и осуществлялось с участием этого ученого. В 1969 году выйдет книга избранной платоновской прозы с предисловием В. Скобелева, В. Свительского [49] и комментариями Т. Никоновой, Н. Митраковой [37]. В том же году местное книжное издательство выпустит указатель «А.П. Платонов (1899 – 1951). Материалы к биобиблиографии» [2], в котором будут систематизированы сведения об опубликованных фрагментах «Чевенгура», в том числе об «извлечениях» из романа, сделанных при жизни прозаика.

Намечались более значительные проекты, но формирование «воронежской ветви» платоноведения происходило в трудных условиях. Была отменена конференция 1969 года [29]. Возбранялось публиковать и комментировать рукописи, сбереженные в «семейном архиве» писателя. В 1970-е годы М.А. Платонова предлагала В.П. Скобелеву и руководителям Центрально-Черноземного книжного издательства подготовить к печати основной корпус платоновской прозы, включая «Чевенгур» и «Котлован» [5, 147], но «контролирующие инстанции» не разрешали даже упоминать эти «формально не запрещенные произведения» [44, 5].

«Чевенгур» начнут переводить и издавать за границей, правда, выбор названий будет не всегда удачен: «Da un villaggio in memoria del future» («Деревня в память будущего»), «Les herbes folles de Tchevengur» («Сорные травы Чевенгура»), «Don Quijote i revolutionen» («Дон Кихот в революции») и т. п. В 1972 году парижское издательство «YMCA-PRESS» впервые выпустит роман на русском языке. Однако из текста, опубликованного с предисловием М. Геллера, будет отсечена первая часть, которую сочтут «самоценной» [15] повестью. В 1978 году «Чевенгур» придет к англоязычным читателям (переведенный текст напечатает издательство «Ardis Publishers»).

Начальный этап освоения художественного наследия А. Платонова в СССР затруднялся не только цензурой, но и нерешенными историко-литературными и текстологическими проблемами. «Его произведения выходили за границей и у нас печатались чаще всего без необходимой научной подготовки», – признает В.А. Свительский на лекции «Наш союзник – Андрей Платонов», с которой выступит в 1987 году перед сотрудниками Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина. Как позже уточнит ученый, «тексты писателя ходили в "самиздате", звучали по зарубежному радио, ввозились в страну в "тамиздате". Специалисты их знали, но знание пряталось в подтекст. Исследователям той поры не была доступна вся полнота фактов и не была разрешена полнота истины» [44, 3-4].

Новый этап изучения «самого воронежского романа» А. Платонова начался в 1988 году, когда к широкому читателю пришли третий и четвертый номера журнала «Дружба народов», осуществившего в СССР первую публикацию произведения. В том же году «Чевенгур» выйдет отдельным изданием, показав полную несостоятельность «версий» о «писателе, не сумевшем раскрыться», споре «Платонова с Платоновым» и др. «Работа над ошибками» прошлых десятилетий [3], [15], [45], поиск ориентиров для «чтения и понимания платоновских текстов» [39, 5] на рубеже 1980 – 1990-х годов создавали перспективы для актуализации научной традиции, сложившейся на родине писателя [3, 138], [5]. Происходил обмен идеями, в ряде случаев сопровождавшийся полемикой.

В предисловии к воронежскому изданию романа, говоря о «духовном самоопределении героев относительно истории», В.А. Свительский анализировал «деятельность их сознания в воплощении идеала» и приходил к выводу, что уже в 1920-е годы создатель «Чевенгура» «начал существенный пересмотр расхожих представлений: именно нравственный смысл коммунизма его заботит в первую очередь» [43, 16-20]. Как отмечает Н.П. Хрящева, заслуга воронежского литературоведа уже на том раннем этапе изучения романа заключалась в том, что «он впервые внятно обозначил особый путь Платонова в литературе. Суть этого пути "в испытании утопии историей и одновременно… проверке изображаемой эпохи утопией осуществленного идеала"» [51, 123]. В.А. Свительский охарактеризовал «Чевенгур» как степную «трагическую утопию», а не «антиутопию», с которой в 1988 – 1989 годы часто отождествляли роман в научно-критической литературе. По мнению ученого, в этом произведении А. Платонов «раскрыл неизбежность встречи утопии с реальностью и выразил ее в «новом, небывалом художественном синтезе» [43, 13-28].

Проблема соотношения в «Чевенгуре» утопических и антиутопических начал обсуждалась на Первых Международных Платоновских чтениях (1989), состоявшихся в ВГУ, и в изданиях, выходивших в Воронеже. Один из участников Чтений увидел в романе «повествование о заходящей в тупик утопии» [4, 73]. Согласно другой точке зрения, для определения жанровой специфики романа требовалось установить, «насколько оправданно и возможно завершение развития: каждый идеал останавливает

движение, предполагая конечную цель развития» [26, 44]. Т.А. Никонова обратит внимание на глубинный смысл обсуждавшихся проблем, отметив, что «бесконечность пространства» в «Чевенгуре» определяется «неоформленностью, утопичностью человеческих ожиданий коммунизма как принципиально нового, ранее не бывшего всеобщего братства… Чевенгур – это не город в традиционном европейском понимании. Это пространство онтологической пустоты, ждущей своего заполнения жизнью после мора и голода, после испытаний революционных лет, которые могут быть соотнесены лишь с войной и болезнью» [38, 15]. «С уходом Саши Дванова утопический поиск неведомого не прекращается» [39, 114].

Ко многим проблемам, ставшим предметом обсуждения после отмены цензуры, воронежцы обращались уже в 1970-е годы. О «поэтике иносказаний» А. Платонова, используя аллюзивные приемы изложения [5, 150], в прежние «глухие времена» не раз говорили В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик, В.А. Свительский. Особенно показательной была статья «Тайная музыка свободы», не утратившая глубины и актуальности в наши дни (в 1976 году она была опубликована под другим названием [48]).

Работы о «тайнописи», реализованной в «Чевенгуре», в «активе» воронежской филологической школы появятся в связи с изучением историко-культурных и социально-политических контекстов романа, «способов подцензурного раскрытия замысла», «иносказательных проекций текста» [8]. На Платоновском семинаре, состоявшемся в Пушкинском Доме [17], О.А. Бердникова выявила иносказательные смыслы сюжетной перспективы романа, особенности воплощения в тексте концепта «степь» – «емкого комплекса географических, исторических, национально-психологических и духовных представлений» [18, 96]. «А. Платонов воспринимается сегодня как писатель, в произведениях которого (и в первую очередь в романе “Чевенгур”) аккумулируются основные историософские, естественнонаучные, политические и духовные константы XX века» [18, 95], – определит литературовед исходные позиции. И в ходе исследования установит глубинную связь историософских идей, укорененных в русской культурной традиции, с текстом произведения. Анализируя проблему «исторического и метаисторического», покажет, каким образом в художественном мире романа «формируется идея возвращения» [18]; [19].

О.Ю. Алейников ряд работ посвятил анализу аллегорических параллелей и специфике воплощения в романе преданий Средневековья, мотивов волшебной сказки [7]; [12]. Как отмечают специалисты, «“евангельские” параллели и семантическое расщепление имен» [7] позволили воронежскому литературоведу «обнаружить травестированный мир рыцарского романа, установив зависимость внутренней темы от пародийного использования узнаваемых образов быстроменяющейся атмосферы 20-х годов» [32, 467]. Содержательный и конструктивный диалог не раз возникал в ходе обсуждения «зашифрованных» страниц «Чевенгура». Так, обращаясь к притче «о саде истории и революции», по-разному определяя ее место в авторском дискурсе, воронежские исследователи были едины в

признании «социально-политической» подоплеки этого «иносказательного микросюжета» [44, 63]; [13, 102-105].

Большое внимание уделялось реконструкции событий и реалий, переосмысленных в романе. На родине писателя почти никто не сомневался, что его «проза на редкость автобиографична» [30, 6], однако подходы к тексту разнились. В воронежском издании «Чевенгура» читателю предлагалась вступительная статья В.А. Свительского и послесловие редактора местного издательства Л.Д. Коробкова, посчитавшего, что трагизм расправы над теми, кого в уездном степном городе зачислили в «буржуазию», «номинален», что сцена расстрела – это всего лишь фарс, снимающий «читательское сочувствие к претерпевающей стороне» [25, 424]. Последний бой защитников Чевенгура также вызвал разночтения на том уже основании, что один из представителей «машинальной силы» назван в романе «солдатом» [25, 424].

В развернувшейся полемике угадывалась более серьезная проблема, чем несовпадение оценок и трактовок. Во многих изданиях, увидевших свет в годы «ознакомительного» и «экстенсивного» освоения художественного наследия А. Платонова, границы между «вольной интерпретацией» и «реальным комментарием не всегда были четко определены» [11, 30]. Потребовались годы разысканий, скрупулезный анализ фактов, чтобы «фантастика» перестала заслонять «потенциал анализируемых источников, посылавших писателю мощные творческие импульсы, – напишет позже О.Г. Ласунский. – "Чевенгур" – чрезвычайно благодатный материал: в романе разбросана масса уже забытых примет революционной эпохи, множество требующих дешифровки намеков на невымышленные элементы фабульной канвы» [30, 9].

Изучение «исторической конкретики» приводило к пониманию воронежского контекста как прототипического для ряда чевенгурских наименований, образов, эпизодов, сюжетных линий. Многолетняя работа в архивах, беседы и переписка с людьми, знавшими А. Платонова, предпринятые исследователями старшего поколения, были весьма результативны: в научный оборот вводились новые документы и факты, прояснялась «родословная» «невыдуманных событий», образов, названий, имевших «воронежские корни» [31, 230].

Таким образом открывались перспективы для дальнейших разысканий. Анализируя источники, почерпнутые в архивах и воронежской губернской периодике первых пореволюционных лет, О.Ю. Алейников установил, какие события из «навсегда потерянного времени» 1918 и 1919 годов формируют «внутреннюю тему романа» [10, 285-287], основанную на впечатлениях, пережитых писателем и его современниками в период Гражданской войны и военного коммунизма. Продолжение этой работы позволило выявить значимые для романа контексты, соотнести художественную информацию с биографическими и текстологическими фактами, уточнить многие трактовки [13]. Заметным событием стал выход книги «Андрей Платонов. Личное дело» (2013), выпущенной в результате совместной работы специалистов из ИМЛИ, ВГУ и Дирекции

Международного Платоновского фестиваля [1]. «На современном этапе в задачу исследований входит не только систематизация отдельных реалий и текстологических данных, но и постижение их совокупности, внутренней связи и соотношений, анализ их места и роли в реализации художественного замысла» [16, 10].

К автобиографической ономастике романа «Чевенгур» чаще других воронежских исследователей обращался Г.Ф. Ковалев [22], [24]. По его мнению, имя собственное, послужившее заглавием романа, своим источником имеет не только переосмысленную топонимику, но и язык изображенной А. Платоновым эпохи (а не литературно-мифологические источники). Различные подходы ([6], [23], [43]) к этой проблеме представлены в «Википедии». «В истолковании названия наиболее продуктивными представляются точки зрения, опирающиеся на жизненные реалии, в которых создавался роман, на особенности платоновского мировидения», – определяет свою позицию Т.А. Никонова, исходя из того, что «очевидная "литературность" вступает в противоречие с природой платоновского дарования, явно избегавшего всякой "книжности", особенно нарочитой» [39, 83]. Предостерегая от «буквализма», исследователь предлагает с доверием отнестись к родившейся в Воронеже гипотезе, которую «своеобразно подытожил» известный ученый-краевед О.Г. Ласунский, определив, что «претендентом на роль чевенгурского "прототипа" может служить» уездный город Богучар [2007, 240].

В течение многих лет «вершинный роман А. Платонова» изучался на родине писателя в широком историко-литературном и культурном контекстах. Участники восьми Международных Платоновских чтений, собиравших в Воронеже «сокровенных людей со всего света» обсуждали место и роль А. Платонова в художественных исканиях XX века, предлагали разные точки зрения на важнейшие категории художественного мира писателя [19], [21], [33], [39], [46], [47], рассматривали теоретические аспекты его творчества. Е.Г. Мущенко анализировала художественное время «Чевенгура» в свете философско-эстетических исканий ушедшего столетия [33]. Литературовед уточняла слагаемые платоновского образа мира, поясняя, почему, например, не всегда корректно отождествлять позицию А. Платонова с философией «общего дела» [34]. Выступая в Воронеже, Германии и Москве, последовательно выявляла истоки и суть «мифотворчества» писателя [35], отклоняя попытки искать в его прозе лишь «критику мифологизированного сознания», о которой прежде писали с позиций «передовой марксистской теории», задавалась вопросами о том, как соотносятся «имя и судьба в художественном сознании Платонова» [36].

В наши дни «коренные вопросы онтологии человека и революции», поставленные когда-то Л.А. Шубиным, при обращении к роману «Чевенгур» и широкому контексту платоновских произведений глубоко рассматриваются в работах Т.А. Никоновой, О.А. Бердниковой, других исследователей [39], [38], [20], [21], [9]. В центре внимания находятся особенности «авторского понимания природы человека в условиях провозглашенного пути к новому социальному единству», «авантюра и драма ду-

ши» платоновских героев, поведенческие модели, реализованные в романе «Чевенгур» и прозе писателя 1920 – 1930-х годов. Продуктивным направлением работы является изучение творчества А. Платонова в «пространстве “Воронежского текста”» [42, 21-71].

Для современного прочтения «вершинного романа» писателя, изучения его творческого наследия как «целостного явления» большую роль сыграли контакты воронежцев с исследователями из крупнейших академических центров России и Зарубежья. В изданиях ВГУ принимали участие такие авторитетные ученые, как Ч. Андрушко, В. Вьюгин, Х. Гюнтер, М. Дмитровская, Н. Корниенко, Т. Лангерак, А. Левингстоун, М. Любушкина-Кох, Н. Малыгина, И. Матвеева, О. Меерсон, С. Нонака, Е. Проскурина, Йо Симада, В. Скобелев, И. Спиридонова, Р. Чандлер, Р. Ходел, Н. Хрящева, А.Эппельбоин, Е. Яблоков, многие другие. Отрадно, что труды исследователей о романе А. Платонова «Чевенгур», объединенные атмосферой поиска и традициями воронежской филологической школы, широко востребованы в России и мире.

Литература

1. Андрей Платонов. Личное дело. 1899–1926 / Сост. О.Ю. Алейников, М.В. Бычков / Под общ. ред. чл.-корр. РАН Н.В. Корниенко. – Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. – 304 с.
2. А.П. Платонов (1899-1951): Материалы к биобиблиографии / Воронежская областная библиотека; Фундаментальная библиотека Воронежского ун-та; Сост. Н.М. Митракова; Под. общей ред. Э. Я. Брун и О.Г. Ласунского. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1969. – 47 с.
3. *Алейников О*. Дальний свет одухотворённого слова. К 90-летию Андрея Платонова / О.Ю. Алейников // Подъем. – 1989. – № 9. – С. 138-144.
4. *Алейников О.Ю.* Повесть А. Платонова «Ювенильное море» в общественно-литературном контексте 30-х годов / О.Ю. Алейников // Андрей Платонов. Исследования и материалы: Межвуз. сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. – С. 71-80.
5. *Алейников О*. «Без истины жить трудно» (опыт библиографической ретроспекции) / О. Алейников // Свительский В.А. Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе / В.А. Свительский. – Воронеж, 1998. – С. 143-155.
6. *Алейников О. Ю*. На подступах к «Чевенгуру» (об одном из возможных источников названия) / О. Ю. Алейников // Филологические записки. – Вып. 13. – 1999. – С. 177-184.
7. *Алейников О.Ю*. Аллегорические и ассоциативные параллели в романе А. Платонова «Чевенгур» / О.Ю. Алейников // Вестник ВГУ. – Серия 1: Гуманитарные науки, 1999. – № 2. – С. 42-59.
8. *Алейников О.Ю*. Из наблюдений над иносказательными проекциями в романе А. Платонова «Чевенгур» / О.Ю. Алейников // Роман А.П. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. Сб. научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 23-47.
9. *Алейников О.Ю.* Метафора нового мира в романе А. Платонова «Чевенгур» / О.Ю. Алейников // Филологические записки. – 2004. – № 22. – С. 34-43.
10. *Алейников О.Ю*. О «навсегда потерянном времени» (1918-1919 годы в сознании героев и автора романа «Чевенгур») / О.Ю. Алейников // «Страна филосо-

фов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 6. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 285-302.

11. *Алейников О.Ю.* О «Чевенгуре». До востребования / О.Ю. Алейников // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 28-30.

12. *Алейников О.Ю.* «Чевенгур» и волшебная сказка / О.Ю. Алейников // Вестник Научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века. Вып. XVII. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 66-73.

13. *Алейников О.Ю.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». Монография / О.Ю. Алейников. – Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2013. – 222 с.

14. *Алейников О.Ю.* Чевенгурские сады. Притча о «саде истории и революции» / О.Ю. Алейников // Творчество А. Платонова. Проблемы интерпретации и восприятия. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – С. 70-79.

15. *Алейников О.Ю.* «Происхождение мастера» А. Платонова. Ключи к смыслу названия / О.Ю. Алейников // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2014. – № 3. – С. 5-8.

16. *Алейников О.Ю., Никонова Т.А.* Платоновский фестиваль открыт к диалогу / О.Ю. Алейников, Т.А. Никонова // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. – 2012. – № 2. – С. 9-12.

17. *Бердникова О.А.* Концепт «степь» в романе А. Платонова «Чевенгур»: историософский аспект (Доклад на XII Платоновском семинаре «Творчество А. Платонова: философия истории, жанровая эволюция») / О.А. Бердникова // Русская литература. – 2002. – № 2. – С. 258-259.

18. *Бердникова О.А.* «Наш путь – степной…»: Концептуальность образа степи в романе А. Платонова «Чевенгур» / О.А. Бердникова // Роман А.П. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. Сб. научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 94-103.

19. *Бердникова О.А.* Историческое и метаисторическое в романе А. Платонова «Чевенгур» / О.А. Бердникова // Творчество А. Платонова. Проблемы интерпретации и восприятия. – Воронеж, 2014. – С. 65-69.

20. *Бердникова* О.А. «Авантюра и драма» души: пути героев в романе А. Платонова «Чевенгур» / О.А. Бердникова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции Сб. статей. – Воронеж, 2019. – С. 133-140.

21. *Грязнова А.Ю.* «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова / А.Ю. Грязнова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – 193 с.

22. *Ковалев Г.Ф.* О названии «Чевенгур» / Г.Ф. Ковалев // Роман А. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. Сб. научных трудов. ВГУ, 2004. – С. 122-127.

23. *Ковалев Г.Ф.* «Чевенгур». К спорам о смысле названия / Г.Ф. Ковалев // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 386-391.

24. *Ковалев Г.Ф.* «Чевенгур» – к спорам о смысле названия // Ковалев Г.Ф. Литературная ономастика. – Воронеж, 2014. – С. 328-338.

25. *Коробков Л.* «Чевенгур»: достоверность фантастики. Опыт комментария / Л. Коробков // Платонов А. Чевенгур. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1989. – С. 404-429.

26. *Лазаренко О.В.* Проблема идеала в антиутопии «Мы» Е. Замятина и «Чевенгур» А. Платонова / О.В. Лазаренко // Андрей Платонов. Исследования и материалы: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. – С. 39-46.

27. *Лазаренко О.В.* Идеальный город «Чевенгур» / О.В. Лазаренко // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век. Материалы III Международных Платоновских чтений. – Воронеж: Полиграф, 2001. – С. 152-158.

28. *Ласунский О.Г.* Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова (1899 – 1926). Монография / О.Г. Ласунский. – Воронеж, 1999. – 277 с.

29. *Ласунский О.Г.* Как это было (Об одной некрасивой истории) / О.Г. Ласунский // Платонов-град. Лит. приложение к газете «Воронежский курьер». – Воронеж, 1999. – 1 сент.

30. *Ласунский О.Г.* Земляческая тропинка к А. Платонову / О.Г. Ласунский // Андрей Платонов и его роман «Чевенгур». – Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2013. – С. 7-10.

31. *Ласунский О.Г.* Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова (1899 – 1926). Изд. 2-е, доп. / О. Г. Ласунский. – Воронеж, 2007. – 280 с.

32. *Меньшикова Е.Р.* Гротескное сознание: метаморфозы читательского восприятия в советскую эпоху / Е.Р. Меньшикова // Теоретико-литературные итоги XX века. – Т. IV. Читатель: проблемы восприятия / Отв. ред. С.А. Макуренкова. – М.: Праксис, 2005. – С. 450-496.

33. *Мущенко Е.Г.* Художественное время в романе А. Платонова «Чевенгур» / Е.Г. Мущенко // Андрей Платонов. Исследования и материалы. Межвузовский сб. научных трудов. – Воронеж, 1993. – С. 28-38.

34. *Мущенко Е.Г.* Философия «дела» у А. Платонова / Е.Г. Мущенко // Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век: По материалам III Международных Платоновских чтений. – Воронеж: Полиграф, 2001. – С. 8-12.

35. *Мущенко Е.Г.* О мифотворчестве А. Платонова / Е.Г. Мущенко // Воронежский край и зарубежье. – Воронеж: Логос, 1992. – С. 6-9.

36. *Мущенко Е.* Имя и судьба в художественном сознании Платонова / Е. Мущенко // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – С. 153-161.

37. *Никонова Т., Митракова Н.* Комментарии / Т. Никонова, Н. Митракова // Платонов А. Повести и рассказы. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное изд-во, 1969. – С. 480-484.

38. *Никонова Т.А.* Слово и смысл в романе А. Платонова «Чевенгур» / Т.А. Никонова // Роман А. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. Межвузовский сб. научных трудов. ВГУ, 2004. – С. 5-22.

39. *Никонова Т.А.* Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Монография / Т.А. Никонова. – Воронеж: «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2011. – 220 с.

40. *Никонова Т.А.* Из истории воронежской филологической школы / Т.А. Никонова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2016. – № 6. – С. 102-111.

41. *Никонова Т.А.* Коммунизм как идея и реальность в романе А. Платонова «Чевенгур» / Т.А. Никонова // Андрей Платонов и художественные искания XX века: проблемы рецепции. Сб. статей. – Воронеж, 2019. – С. 125-132.

42. *Никонова Т.А.* А.П. Платонов в пространстве «Воронежского текста» // Никонова Т.А. Воронежские страницы. Книги и годы. – Воронеж: Издательство им. Е.А. Болховитинова, 2019. – С. 21-7l.

43. *Свительский В.* Испытание историей / В. Свительский // Платонов А. Чевенгур. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1989. – С. 3-29.

44. *Свительский В.А.* Андрей Платонов вчера и сегодня. Статьи о писателе / В.А. Свительский. – Воронеж, 1998. – 156 с.

45. *Свительский В.А.* Факты и домыслы: О проблемах освоения платоновского наследия / В.А. Свительский // Андрей Платонов. Исследования и материалы: Сб. трудов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1993. – С.80-102.

46. *Свительский В.А.* Чевенгур как «душевное имущество» героев и автора / В.А. Свительский // Роман А. Платонова «Чевенгур»: авторская позиция и контексты восприятия. Межвузовский сб. научных трудов. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 128-144.

47. *Свительский В.А., Алейников О.Ю.* Андрей Платонов с разных точек зрения / В.А. Свительский, О.Ю. Алейников // Филологические записки. – Воронеж, 1996. – Вып. 7. – С. 210–222.

48. *Свительский В.А.*, Скобелев В.П. «Радостное состояние поэзии» / В.А. Свительский, В. П. Скобелев, // Подъем. – 1976. – № 2. – С. 139-144.

49. *Скобелев В., Свительский* В. О прозе Андрея Платонова / В. Скобелев, В. Свительский // Платонов А. Повести и рассказы. – Воронеж: Центрально-Чернозёмное кн. из-во, 1969. – С. 5-22.

50. *Фоменко Л.П.* К вопросу о концепции героя в творчестве А. Платонова 20-х годов / Л.П. Фоменко // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1970. – С. 45-55.

51. *Хрящева Н.П.* «Мы с Андреем Платоновичем на одной земле возникли…» / Н.П. Хрящева // Филологический класс. – 2020. – Том 25. – №2. – С. 114–125.

Т.А. Никонова
Воронежский государственный университет

«Рядовой народ» в повести А. Платонова «Котлован»

Словосочетание «рядовой народ», недвусмысленно противопоставляющее его «вождям», представляющим власть, «организацию», стало частотным в текстах А.Платонова 1930-х годов [1]. Это было собственно платоновское словосочетание, так как литературе и публицистике той поры в ходу было иное, близкое по форме, но содержательно ему не идентичное – «советский простой человек».

По полюсу гордо шагает,
Меняет движение рек,
Высокие горы сдвигает
Советский простой человек, –

писал в 1937 году известный поэт-песенник В. Лебедев-Кумач (1898-1949). И в его трактовке «советский простой человек» был эвфемизмом плакатного героя «борьбы за социализм», исполина, которому по плечу задачи планетарного размаха.

Платоновский «рядовой народ» принадлежал иному стилистическому ряду. Он был действительно «рядовым» в напряженной, нелегкой коллективной работе созидания жизни, был подчеркнуто непафосен, чужд маршевым ритмам и громким декларациям. Вместе с тем в таком словоупотреблении, как и в позиции А.Платонова в целом, не было политического вызова, как это стало трактоваться в конце 1990-х годов.

Справедливости ради следует сказать, что восприятие платоновской позиции как «клеветнической» по отношению к социалистическому строительству возникло не в пост-советские годы. На фоне бравурных маршей и победных рапортов 1930-х годов платоновские герои, стремящиеся «выдумать что-нибудь, вроде счастья», смотрелись, действительно, странно. Но для А. Платонова это были не только стилистические расхождения с привычной риторикой эпохи. Свою принципиальную позицию во

взгляде на «простого» человека и его место в государственной системе он излагал неоднократно. Обратимся к статье «Пушкин – наш товарищ» (1937). В ней А. Платонов вступил в спор с А.В. Луначарским, увидевшим главное содержание поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» в конфликте «организующей общественности и индивидуалистического анархизма». А. Платонов с этим не согласился, заметив, что у Луначарского «сама терминология не пушкинская и не поэтическая – это уже публицистика новейшего времени». Однако суть спора состояла не в уточнении терминологии, а в глубинном смысле обсуждаемой проблемы. Петр (власть) и Евгений (народ, «простой» человек) для А.Платонова «равносильны – они произошли из одного вдохновенного источника жизни» [3, 72], тогда как А.Луначарский увидел их противопоставленными по принципу ведущий и ведомый.

«Рядовой народ», по Платонову, не может быть носителем «индивидуалистического анархизма», следовательно, – враждебным власти, государству. Народ, по его мнению, не только «читает книги бережно и медленно» [3, 69]. Суть «старопролетарского» отношения к жизни – в творческом участии во всех ее формах. Вот почему «рядовой народ» одинаково внимательно относится «к человеческому духу … как к работе на подводной лодке, на самолете, у дизеля, – если не больше» [3, 69]. А поскольку жизненные оценки А. Платонова системны, то и повесть «Котлован» должна быть воспринята в плане народного созидания как трудное участие в деле строительства. Стилистика и направление поисков героев «Котлована» разительно отличаются от маршевых ритмов песни В.Лебедева-Кумача, от типовых сюжетов «производственных» романов 1930-х годов.

Однако стилистическая неслиянность с советским официозом 1930-х годов рождала устойчивую отношение к повести как к сатире, главный смысл которой был направлен *против* индустриализации и коллективизации. Такое восприятие платоновского текста сохранилось до позднесоветского периода, мало чем отличаясь от оценок плановских гонителей 1930-х годов. А между тем идеалам своей революционной юности писатель никогда не изменял, от своего прошлого не отказывался. Е. Толстая-Сегал давно и обоснованно отметила платоновское «глубоко выстраданное сознание революции как небытийственного, прекрасного, хотя и губительного пути» [4, 74]. Для А. Платонова было очевидно, что преображение мира, которое должно было наступить после праздника революции, не могло быть легким и праздничным. И вся последующая жизнь страны доказывала правоту именно такого отношения к послереволюционной реальности. В 1931 году А. Платонов писал жене, наблюдая отчаянно скудную жизнь времени колхозного строительства: «…если бы ты знала, как тяжело живут люди, но единственное спасение – социализм, и наш путь – путь строительства, путь темпов – правильный» [5, 193].

Не отрицая поставленной задачи – необходимости строительства социализма – А. Платонов тем не менее видел не только технические трудности этого пути. Писатель исходил из твердого убеждения, что строи-

тельство общей жизни – дело самого народа. Вот почему платоновские герои так беспокойны, так тревожно всматриваются в жизнь. Возникающие при этом вопросы они задают себе, а не «вождям». Например, Вощев, герой повести «Котлован», наблюдает дружную работу сооружения «неизвестной ему башни». Он не задается вопросом о ее назначении, не одушевлен работой строителей, которые «с желанием трудились», он сомневается. И сомнение его носит метафизический характер, так как строительство, по наблюдению Вощева, идет «отдельно от природы»: «Дом человек построит, а сам расстроится. Кто жить тогда будет? – задумчиво сомневался Вощев на своем ходу» [2, 420].

Таких вопросов не задавал ни себе, ни своим «вождям» «советский простой человек» в произведениях других авторов. Это прерогатива платоновского «рядового народа», который, по мысли писателя, произошел «из одного вдохновенного источника жизни», что и его руководители. Рядовые «строители страны» в прозе Андрея Платонова всегда думают «об общем плане» жизни, чувствуя за нее ответственность. Такими были герои «Чевенгура», таковы и герои «Котлована», хотя они живут уже в другое время и имеют других «вождей». А.Платонова всегда интересовало душевное состояние народа, независимо от масштаба задач, которые ему приходилось решать. В «Котловане» для писателя на первый план вышел процесс *расслоения народа* на новых «вождей» и «рядовой народ». Его писатель наблюдал в реальной жизни. В «Усомнившемся Макаре» он увидел «умнейшего» Льва Чумового, в любой ситуации находящего способ штрафовать Макара для возмещения ущерба собственному хозяйству. Способность жить за счет государства, отмеченная Марксом как родовая черта бюррократии, становится характеристикой целого ряда персонажей в «Котловане». И в этом позиция А.Платонова не совпала с «аксиомами большевизма», того государства, которое создавали «умнейшие» приспособленцы пост-революционного времени. Расхождение именно с ними фиксировал А.Гурвич в печально знаменитой статье 1937 года «Андрей Платонов»: «Государство и человек для Платонова непримиримые враги. Либо государство уничтожает человека, либо человек государство». И ниже заключает по поводу совершенно «советского» рассказа «Бессмертие»: «Нищий человек в богатом государстве – вот тема рассказа» [6, 393; 394.].

Высказанные критиком суждения фиксировали системное расхождение взглядов писателя не с советской идеологией, не с идеями социализма, от которых он никогда не отказывался, а со стремительно возникшим классом советских «вождей», советской номенклатуры, как назовут их в постсоветские годы. Их цинизм, равнодушие к идеологии, ко всему, что не входило в сферу их личных интересов, А. Платонов увидел очень рано. А.Варламов, автор книги о писателе в серии ЖЗЛ, имел основания отметить, что, по мимо идеологической составляющей, причиной антплатоновских критических кампаний 1931 и 1948 годов была «аппаратная» борьба за влияние двух чиновников от литературы – А. Фадеева и В. Ермилова [5, 368 и далее; 5, 510 и далее]. Статья А. Гурвича переводила ее в

идеологическую плоскость. Эту роль критик исполнял не однажды, выступая в роли эксперта по части обнаружения идеологической крамолы. Невольно А. Гурвич указал на главное качество платоновских персонажей – далеко не все его герои ощущали себя «винтиками» государственной машины. Платоновский Вощев задумывается «о плане общей жизни», чтобы «от душевного смысла улучшилась бы производительность» [2, 415]. Его уволюняют с работы, но это не останавливает его поиска. Он не случайно оказывается на котловане, ибо строители «общепролетарского дома» осознают себя основой государства: «Мы же всем организациям существование даем!» [2, 421]. Не является для них тайной и «распределительный» обезличивающий порядок управления массами «малыми вождями».

«–Я вам, товарищи, определю по профсоюзной линии какие-нибудь льготы, – сказал Пашкин.

– А откуда же ты льготы возьмешь?– спросил Сафронов. – Мы их вперед должны сделать и тебе передать, а ты нам» [2, 431].

Реплика Софронова на слова познавшего «в себе доброту к трудящимся» председателя окрпрофсовета Пашкина беспощадно обнажает сложившийся механизм взаимоотношений «пролетарских» демагогов и потребителей с «рядовым народом». Для А. Платонова очевидно и разлагающее влияние таких «малых вождей». В частности, в повести Козлов, внезапно осознавший, «что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе», идет «становиться на пенсию», чтобы «за всем следить против социального вреда и мелкобуржуазного бунта» [2, 47]. Приобретя начальственный вес, Козлов появляется перед строителями преображенный внешне и внутренне. Одетый «в светло-серую тройку, [он] имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу» [2, 63].

Для А. Платонова такие «выдвиженцы» – трагический итог революции, результат губительного расслоения народа. В «Котловане» писатель не может не видеть, что результатом тяжелых лет революции и гражданской войны стало не товарищество и дружное созидание будущего, а новое размежевание людей. Чиклину, Вощеву, безымянным строителям общепролетарского дома, колхоза противостоят Пашкин, Козлов, Сафронов, Активист, присвоивших себе лидерство за пайки и костюмы, за право «любить пролетарскую массу». В разреженном пространстве лжи, агрессии, нового противостояния не может жить девочка Настя. Чиклин, тщетно пытающийся заменить ей мать, внезапно понимает, «насколько окружающий мир должен быть нежен и тих, чтобы она была жива!» [2, 107].

Коммунизм, по Платонову, – совершенный мир добра и справедливости, в котором только и могут жить дети, окруженные заботой и вниманием старших. Трагедия «Котлована» в том, что «голоса ударных бригад», нагнетаемая демагогами «общественная польза» противоречат жизни, человеческому естеству. «Учреждения», издаваемые ими указы и бес-

смысленные директивы («…заготовляйте ивовое корье!..» [2, 96]) заместили собой ожидаемый мир будущего.

Послереволюционный хаос предстоит упорядочивать Чиклину и Вощеву, каждому на своем месте. Чиклин после гибели новоявленной номенклатуры (Козлов, Сафонов) возвращается к строительству общепролетарского дома, а Вощев остается исправлять колхозное наследие Активиста. Едва ли такой финал можно считать оптимистичным, однако он указывает на надежды писателя на «рядовой народ», который, несмотря ни на что, продолжает свою тяжкую, работу созидания пригодного для жизни мира.

«Колхоз шел вслед за ним (Чиклиным. – Т.Н.) и не переставая рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована. Лошади также не стояли – на них колхозники, сидя верхом, возили в руках бутовый камень, а медведь таскал этот камень пешком и разевал от натуги пасть» [2, 114].

Как видим, А.Платонов в повести «Котлован» озабочен трудным, необходимым созиданием мира, в котором смогли бы жить дети.

Литература

1. См. об этом нашу уже давнюю статью: *Никонова Т.А.* Тема «рядового народа» и власти в трактовке советской литературы 30-х годов и А.Платонова // Андрей Платонов. Проблемы интерпретации. Сб. трудов. – Воронеж, 1995. – С.11-21.

2. *Платонов А.* Чевенгур: роман; Котлован: Повесть / А. Платонов.– М.: Время, 2009.– 608 с. (Собрание)

3. *Платонов А.* Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. – М.: Время, 2011. – 720 с. (Собрание)

4. *Толстая-Сегал Е.* Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества. – М.: Современный писатель, 1994.

5. Цит. по: *Варламов А.* Андрей Платонов. М.: Молодая гвардия, 2011.– 546 с. (ЖЗЛ)

6. Андрей Платонов: воспоминания современников. Материалы к биографии. Сб. – М.: Современный писатель, 1994. – 496 с.

А.Ю. Грязнова

Воронежский государственный университет

Стыд в художественной антропологии А. Платонова

В прозе А. Платонова отчетливо виден интерес писателя к изучению пограничных между жизнью и смертью состояний. Его герои, мечтающие, как рыбак из «Чевенгура», «пожить в смерти» или верящие в научное воскрешение мертвых, часто и сами кажутся живыми только наполовину. Взаимодействуя с миром, они испытывают весьма небогатый спектр чувств, основными из которых являются скука, тоска и стыд. Эти три чувства у А.Платонова часто владеют человеком параллельно: «…и было теперь Захару Павловичу скучно и стыдно от правильности действий часов и поездов» [9, 51]; «Он решил кое-как дожить свой век, пока не исчахнет

от стыда и тоски» [7, 445]; «Опять мне скучно стало. Сердце мое болит, и телу жить становится стыдно» [5, 170].

И скука, и тоска, и стыд у А. Платонова происходят из одного источника, являясь реакцией человека на «неправильность» мироустройства. Наиболее часто этот комплекс чувств оказывается вызванным столкновением со смертью как главным признаком порочности мира [11, 478-479]. Но если возникновение скуки и тоски в этом случае хотя бы отдаленно мотивировано (смерть – это остановка времени, отсутствие событий, одиночество, и реакция в виде тоски и скуки здесь закономерна), то почему платоновские герои стыдятся смерти – неочевидно.

В целом у А. Платонова часто подчеркивается немотивированный характер стыда даже в том случае, если читатель понимает, чего стыдится герой: «Комиссар спешно ушел, а красноармейцы еще стояли. Пухов подошел к ним и начал слушать. В первый раз в жизни ему стало так *стыдно за что-то*, что кожа покраснела под щетиной. Оказалось, что на свете жил хороший народ и лучшие люди не жалели себя» [10, 183. Здесь и далее в цитатах курсив наш. – А. Г.]; «Он *почему-то стыдился* говорить ясно и слегка покраснел, словно тайная мысль его была нехороша» [7, 127]; «В автомобиле Ксеня сидела с красным лицом, словно она *стыдилась чего-то*, или это было от юности, когда жизнь от наслаждения кажется позором» [7, 233]; «…К подругам и знакомым она идти не хотела, ей было *чего-то стыдно* перед всеми людьми – говорить с другими о своей любви она не могла, а прочая жизнь стала для нее неинтересна и мертва» [7, 417].

Стыд героев А. Платонова непроизволен, внезапен, он не поддается рефлексии, (что акцентируется неопределенными местоимениями «за что-то», «почему-то», «чего-то»), для его возникновения не нужны внешние «обвинители», а, следовательно, он не исчерпывается социальной обусловленностью, коренясь в самой природе человека.

Л.В. Карасев в монографии «Философия смеха» рассматривает стыд как антитезу смеха, утверждая, что оба эти феномена являются реакцией человека на некую меру зла, с той разницей, что смех возникает в результате обнаружения этой меры в другом, а стыд – в себе. Исследователь разделяет «стыд тела», имеющий эротическую природу, и «стыд ума», основанный на этике, замечая, что художественный мир А. Платонова, почти полностью лишенный смеха, пронизан «всеохватным “чувством позора”» [4, 163]. Действительно, это чувство у писателя многообразно и проникает во все сферы человеческого бытия.

Телесный стыд испытывают герои рассказа «Река Потудань», повести «Хлеб и чтение», романов «Счастливая Москва» и «Чевенгур», однако было бы ошибкой приравнивать его исключительно к стыду наготы. Собственно, в прозе А. Платонова крайне мало примеров того, как герой стыдится своей обнаженности. Большей частью стыд оказывается вызванным созерцанием чужого, как правило, женского, обнаженного тела и порождается неприятием того, что в основе продолжения человеческой жизни лежит пол. Подобное чувство испытывает Филат в «Ямской слободе», стоя у кровати роженицы: «Ему было чего-то жалко и совестно, как будто он повинен в мучении

Настасьи Семеновны. Тело его ломило от нервной боли, и он горел от непонятного тягостного стыда, какой случался с ним в ранней молодости» [10, 255]. Похожую сцену можно наблюдать в «Чевенгуре», когда маленький Дванов, оказавшийся у постели только что родившей двойню мачехи, испытывает «едкую теплоту позора за взрослых» [9, 28].

Таким образом, телесный стыд у А. Платонова каждый раз оказывается стыдом за все человечество, которому для продолжения рода необходимо половое чувство. В этом смысле он близок тому, что Н. Ф. Федоров определял как стыд рождения [13, 277-278].

С другой стороны, платоновское понимание стыда обнаруживает близость к мысли В. С. Соловьева, определявшего это чувство как реакцию человека «против его индивидуального разделения по полам» [12, 61]. По ветхозаветной легенде телесный стыд появляется у первых людей после грехопадения. Изгнанный из рая в тварный мир, человек принимает на себя все бремя этого мира: он становится смертен и обретает половое чувство, окончательно разделившее мужчину и женщину и заставившее их взглянуть друг на друга как на чужих (стыд наготы), тогда как целомудренная любовь, бывшая в раю, наоборот, означала восприятие другого как продолжения себя. Тоска по этой утраченной «целости» и движет платоновскими героями, чувствующими ошибочность, недостаточность одного только «звериного» пути воссоединения мужчины и женщины и реагирующими на него стыдом.

Так происходит, например, в повести «Хлеб и чтение», где чувство, похожее на «едкую теплоту позора» за все человечество, переживаемое Сашей Двановым, испытывает один из главных героев – Щеглов, пораженный непреодолимой несовместимостью в человеке природного, звериного и высшего, одухотворенного начал: «Поздняя луна освещала женщину на полу, такую странную благодаря толщине и бессознательности различных частей своего большого дикого тела, что было удивительно, как Лида могла быть в тот же момент человеком. И однако лицо ее, отделенное от нижнего корпуса, даже во сне светилось духом печали и смысла» [10, 463].

В том, что стыд платоновских героев – это реакция человека не столько на свою «животную» природу, сколько на лишение его существа «целости», можно убедиться на примере героя рассказа «Река Потудань». Писатель изменяет привычную расстановку знаков в противостоянии природного и духовного начал в человеке, создавая ситуацию, где полноценному существованию человека мешает не «низ», а «верх». Стыд Никиты Фирсова сопровождается ощущением собственной «разъятости», переживаемым телесно – как неспособность крови спуститься от сердца вниз: «…вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде» [7, 444]. Вспомним, что горло у А. Платонова является местом обитания души [3, 27-30], а значит, и душа, и пол питаются одной кровью, одним «веществом существования». Как без одной, так и без другого человек оказывается в равной степени неполноценен. Таким образом, А. Платонов ставит перед человеком гораздо более сложную задачу, чем изживание в себе животного начала, – это обретение целости, вмещающей в

себя и память об утраченном «рае», и приобретенное по изгнании из него наследие тварного мира.

Выполнение ее оказывается необходимым и в пространстве межчеловеческих отношений, поэтому закономерно, что героям А. Платонова присущ и социальный стыд. Однако он так же несводим к страху осуждения (одно из классических определений стыда, данное Аристотелем [1, 143]), как телесный стыд несводим к стыду наготы. В подавляющем большинстве случаев платоновские герои испытывают муки совести тогда, когда осознают свою обособленность, атомарность, «отделенность» от других людей, часто даже физическую: «Человек ведет себя и на воле, как на службе: он недоверчив, он одинок, хищен и непрерывно занимается самоспасением; с ним трудно жить, с ним трудно ехать в трамвае, мы замучили друг друга и становится стыдно существовать» [8, 210]; «Чепурный чувствовал стыд больше других, он уже привык понимать, что в Чевенгуре имущество потеряло стоимость, пролетариат прочно соединен, но туловища живут отдельно – и беспомощно поражаются мучением» [9, 342]; «… ей было чего-то стыдно перед всеми людьми – говорить с другими о своей любви она не могла, а прочая жизнь стала для нее неинтересна и мертва» [7, 417].

Стыдом у А. Платонова отмечено все, что препятствует единению людей. Психологически точно описано возникновение, развитие и снятие этого чувства в повести «Хлеб и чтение», где только что познакомившиеся Лида и Щеглов испытывают неловкость и смущение в разговоре и пытаются скрыть их, отгораживаясь друг от друга притворством. Герои краснеют, произносят «чуждые» для них слова о масштабах революции «не своим голосом». Облегчение обоим приносит только снятие маски: «Вдруг слезы показались на черных глазах, и Лида рассмеялась, освобождаясь от стеснения лжи…» [10, 466] Стыд и смущение героев в этом случае оказываются связанными как с ситуацией взаимного отчуждения, так и с ситуацией самоотчуждения, «измены» самому себе.

Последнее особенно важно, поскольку стыд выполняет у А. Платонова регулятивную задачу. Это чувство, сигнализирующее о том, что человек отдаляется от своего высшего предназначения: от единения с другими людьми, от поиска единства внутри себя («целости»). И если тоска и грусть в художественном мире писателя вызваны «неправильностью» мироустройства, то стыд – осознанием собственного бездействия по отношению к этому. Так происходит, например, с Вощевым, которому «без истины стыдно жить» [9, 440]; такова в начале произведения Москва Честнова, интуитивно понимающая бессмысленность жизни, ограниченной лишь «сытым» эгоистичным счастьем, и испытывающая из-за этого чувство «томящего стыда» [7, 13].

При этом стыдом реагируют А. Платоновские герои не только на свои, но и на чужие ошибки. Человеку у А. Платонова свойственно стыдиться за другого или в целом за весь человеческий род. Такой стыд испытывает, например, герой повести «Эфирный тракт» Михаил Кирпичников, когда наблюдает за опытами инженера Матиссена и думает о том, что человек, взяв на себя смелость «насиловать природу», не представляет собой

большей ценности, чем она [10, 38]. «Тайный стыд и тихая робость», которые испытывает Кирпичников в этот момент, – знак того, что несовершенство человеческой природы он ощущает и в себе самом. Стыд за другого – высшая, по словам Л. Карасева, форма стыда – красноречивее всего свидетельствует о том, что это чувство рождено у платоновских героев внутренним ощущением целостности мира: такой стыд возможен только в случае интериоризации чужой вины, объединения себя и другого.

Однако стыд в художественном мире А. Платонова не исчерпывается телесным и социальным аспектами. Этим чувством платоновский человек почему-то реагирует и на смерть. Здесь, в первую очередь, стоит отметить стыд живых перед мертвыми, который у А. Платонова носит экзистенциальный характер: он сопровождает человека с самого рождения и вызван тем, что человек может существовать, только отнимая чью-то жизнь, (растения и животные у писателя – это такая же часть тварного мира, как и люди). Сущность этого рода стыда исчерпывающе раскрыта в рассказе «Пустодушие»: «И я понял тогда, что втайне каждый живой чувствует греховный стыд перед умершими – за то, что те лишены жизни, а живущий имеет ее» [6, 250]. Она же открывается в финале «Чевенгура»: «Дванов шел в чувстве стыда жизни перед слабым, забытым телом, остатки которого истомились в могиле, потому что Александр был одно и то же с тем еще не уничтоженным, теплящимся следом существования отца» [9, 408].

Однако, как и в случае с телесным стыдом, который в равной степени может быть вызван и чрезмерностью, и угнетенностью «звериного» начала в человеке, стыд смерти испытывают у А. Платонова не только живые, но и умирающие. Так, в «Чевенгуре» Копенкин перед смертью просит Дванова отвернуться: «Больше не гляди на меня, мне стыдно быть покойным при тебе… Я задержался в Чевенгуре и вот теперь кончаюсь, а Роза будет мучиться в земле одна…» [9, 407]. Такое странное явление, как стыд умирающего объясняется, как и многое у А. Платонова, тем, что смерть понимается писателем не как конец существования, а как переход в инобытие, где остановлено время, сжато пространство (Захар Павлович в «Чевенгуре», отговаривая желающего «пожить в смерти» рыбака от его затеи, характеризует смерть как «что-нибудь тесное»), невозможно событие. Смерть отменяет возможность действовать, тогда как Копенкин, с его лихорадочным стремлением добраться до могилы Розы Люксембург и в то же время разъезжающий по стране «без плана и маршрута» [9, 110], воплощает собой действие и движение. Смерть для него равносильна измене себе, своему предназначению, поэтому воспринимается как позор. «Быть покойным» (выбор А. Платоновым слова здесь не случаен) означает не иметь возможности движения навстречу возлюбленной, движения «в коммунизм», то есть не иметь возможности преодоления «отдельного» существования. Похожую ситуацию совестливого сожаления об уходе из жизни А. Платонов создает в рассказе «Третий сын»: «если б она могла, она бы осталась жить постоянно, чтоб никто не мучился по ней, не тратил бы на нее своего сердца и тела, которое она родила… Но мать не вытерпела жить долго» [7, 359].

В комплексе реакций платоновских людей на несовершенство мира стыд занимает особое место. Наряду со скукой и тоской он является реакцией на смерть, на смертность человека как самое очевидное свидетельство порочности мироустройства (точно так же, как телесный стыд – индивидуальная, глубоко личностная реакция на несовершенство всего человеческого рода). Но если скука и тоска – это реакции, которые подразумевают дистанцирование от мира, взгляд на него как на нечто отдельное от себя, то стыд, возникающий в человеке непроизвольно, означает, что существующее в мире зло подсознательно ощущается им как нечто присущее и ему самому. Стыд заставляет платоновского героя не просто осуждать мир (к чему приводит такое осуждение, А. Платонов показывает на примере таких героев, как инженер Матиссен в «Эфирном тракте»), а видеть проявления его несовершенства в себе. У А. Платонова стыд – это сохраненная на уровне бессознательного инстинктивного память о единстве мира и человека, знак того, что задача восстановления связи между ними лежит на плечах последнего.

Литература

1. *Аристотель* Сочинения в 4-х т. – Т. 4 ; пер. с древнегреч. ; общ. ред. А. И. Доватура / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – 830 с. – (Филос. наследие. Т. 90).

2. *Гергилов Р. Е.* Феномен стыда (философско-антропологическая перспектива): специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Р. Е. Гергилов. – СПб., 2017. – 286 с.

3. *Дмитровская М. А.* Макрокосм и микрокосм в художественном мире А. Платонова / М. А. Дмитровская. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1988. – 80 с.

4. *Карасев Л. В.* Философия смеха / Л. В. Карасев. – М.: РГГУ, 1996. – 224 с.

5. *Платонов А. П.* Дураки на периферии: Пьесы, сценарии / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 720 с. (Собрание).

6. *Платонов А. П.* Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941 – 1945 годов / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 544 с. – (Собрание).

7. *Платонов А. П.* Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 624 с. (Собрание).

8. *Платонов А. П.* Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 656 с. (Собрание).

9. *Платонов А. П.* Чевенгур: роман; Котлован: повесть / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 560 с. (Собрание).

10. *Платонов А. П.* Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 560 с. (Собрание).

11. *Семенова С. Г.* Русская поэзия и проза 1920–30-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия / С. Г. Семенова. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – 590 с.

12. *Соловьев В. С.* Сочинения в 2 т. – Т. 2 / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – 822 с.

13. *Федоров Н. Ф.* Собр. соч. в 4-х т. – Т. 13 / Н. Ф. Федоров. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 518 с.

К.Н. Крючков
Санкт-Петербургская духовная академия

Финал повести Платонова «Котлован» в религиозно-философской перспективе

«Я предвижу судьбу своих сочинений» [2, 17] – такими словами Серен Кьеркегор предварил одну из своих первых философских работ. Действительно, текст в известной мере беззащитен перед толкователем, и много ли проку в том, что «рукописи не горят», если при неподвижности литер смещаются, сбиваются смыслы. Иногда такому смысловому обрушению подвергаются целые массивы литературы.

Мы исходим из самого простого тезиса: у серьезной, великой литературы всегда присутствует религиозно-философский горизонт, собственно, и делающий ее великой. Эта смысловая перспектива первична для литературы, и без нее не могла бы идти речь о значимости того или иного произведения для человека и для того, чтобы быть человеком, становиться человеком, существовать по-человечески. Об этом и герои «Котлована» свидетельствуют: «Ты думаешь, эти люди существуют? Ого! Это одна наружная кожа, до людей нам далеко идти, вот что мне жалко» [4, 145].

Вдохновенные произведения всегда адресуются urbi et orbi, городу и миру, и не беда, что до своего часа некоторым сочинениям приходится покоиться в глубине письменного стола: мир подождет, и всему свое время. Проблемы начинаются тогда, когда уже явившимся миру сочинениям как бы подрезают крылья, и не летят они уже на глазах обывателя в экзистенциальную высоту, а потому и сам обыватель остается без приглашения в горние сферы. Или, выражаясь языком Платонова, человеку не дают инструмента для копания вглубь.

Как это происходит? Через навязывание покалеченных смыслов, обрезанных ангажированной литературной критикой. Современные издания Андрея Платонова часто встречают читателя угнетающего вида обложкой с бледными лицами усталых тружеников и узников. Аннотация к произведению спешит уверить, что «писатель хоть и принял всей душой Октябрьскую революцию, но его коммунистический земной рай скорее похож на ад; герои «Котлована» строят общепролетарский дом, но реальность событий шокирует своим трагизмом, приводя и автора, и персонажей к мировоззренческой трагедии» [4, 4]. Ну, что тут скажешь… «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем» (Мф. 13:57).

Между тем произведения Андрея Платонова представляют собой гораздо большее, чем антитезис непонравившейся кому-то идеи. Ведь сочинения художника сами в себе несут идеи, тезисы, мечты и надежды. Чтобы это увидеть, нужно хотя бы немного прикоснуться к личности писателя, к кругу его интересов, к культуре, которая его породила, пленила, в которой он существовал. Для высвечивания смыслов в произведениях Платонова необходимо хотя бы некоторое знакомство с античностью, марксизмом и Священным Писанием. Эти опорные точки не случайны: античность – основа философской и научной мысли; марксизм – актуаль-

ное на тот момент, современное автору мировоззрение, идеология; а Священное Писание – это мост между вечностью и любой эпохой, контекст всей европейской культуры. Конечно, это весьма пестрое и непростое сочетание под стать исторической эпохе, и появиться оно могло, пожалуй, только на русской почве. Но именно в этой перспективе «Котлован» предстанет перед нами как повесть-надежда.

Тематика литературы XX века пестра, как костюм ландскнехта, но все же знамя над его головой – это экзистенциализм, широкое знамя широких смыслов. С этой позиции мы сразу можем разглядеть в Платонове искреннего подельника эпохи. Недаром центральной категорией «Котлована» и многих других произведений писателя является «существование». «В день тридцатилетия личной жизни Вощеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования» [4, 5]. То есть уже само начало произведения намекает, что перед нами не только производственный роман, утопия или жесткая сатира. «Котлован» – экзистенциальный текст, настоящая философская пропасть. И эта глубина порождает множественные толкования.

Часто спор о структуре и смысле «Котлована» упирается в дилемму: «Утопия или антиутопия?». Но вспомним об одной из упомянутых отправных точек творчества Платонова и предположим, что перед нами классический платоновский диалог – от имени древнегреческого философа. В данном случае игра слов кстати, как и сам псевдоним Андрея Климентова.

Одна из специфических черт диалогов Платона в том, что философские позиции представлены не просто набором идей, но воплощаются через конкретных персонажей. Вот Сократ, вот Гиппий, вот Горгий. В том и состоит особая красота античности, что она не терпела раскола между жизнью и философией. По слову Эпиктета: «Тебе дана власть убеждать только самого себя». Этот тезис выражается в том, что позиции участников философского дискурса различны, но внутренне целостны. Поэтому все собеседники в свое время произносят истинные суждения, которые, чередуясь, создают тенденцию к состязанию жизненных позиций, к богоискательству. Апостол Павел, имея краткую возможность сказать слово в афинском ареопаге, рассуждал именно об этом, говоря, что «Бог от одной крови произвел весь род человеческий… дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не обретут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян.17:26–28).

Диалоги Платона через смену персонажей и их позиций чередуют разные точки зрения, но при этом утверждается, что истина все же едина. В этом суть их экзистенциального поиска. И несовершенство одной позиции просто направляет нас дальше, уводит еще глубже. Платонов тоже знаком с такой человеческой позицией.

Пребывая в экзистенциальном поиске, каждый персонаж «Котлована» в свое время произносит ценное, важное слово. Впрочем, звучат там не только слова, но явлены и поступки. Повествование – благодаря этому – являет нам экзистенциальный диалог с условной реальностью, сходной с мифом. Выражаясь словами Чиклина: «Некуда жить, вот и думаешь в голову» [4, 36].

Как пример некоторой условности повествования разберем серию убийств, совершенных Чиклиным. Он легко убивает нескольких людей, но при этом не выглядит серийным убийцей и не переживает внутренней драмы, как Раскольников. Подобно тому, как в античных мифах специфические анатомические манипуляции служили образом утраты власти и творческого начала (Уран и Кронос), так и в платоновском повествовании Чиклин прерывает речь тех участников философского диалога, чьи позиции по тем или иным причинам были исчерпаны. Примечательна и внешняя особенность этих расправ. Производятся они исключительно рукой, и на предложение Жачева: «Возьми железку, какую из кузни принес!», Чиклин отвечает: «Что ты! Я сроду не касался человека мертвым оружием: как же я тогда справедливость почувствую?» [4, 123]. То есть в повествовании сталкиваются не отвлеченные мысли, а образы существования. Если Чиклина убивают одним ударом, это значит, что он, суровый пролетарий, перемог, пересилил чужую жизненную позицию, которая исчерпала себя.

Смерть Козлова и Сафронова также указывает на оскудение смысла их существования. Сафронов погибает, ибо идея в нем «находилась в окружении житейских страстей» [4, 56]. Он напрямую не уклоняется, как Козлов, от рытья котлована, но также возносится над товарищами, превращая их из живых людей в объект: «Эх ты, масса, масса. Трудно организовать из тебя скелет коммунизма! И что тебе надо, стерве такой? Ты весь авангард, гадина, замучила!» [4, 70]. Жачев, который «любую стерву с самого начала видел» [4, 158], обращаясь к Сафронову, как-то пророчески приговаривает: «единогласная душа из тебя вон!» [4, 60]. Козлов же умирает, уклоняясь от копания земли. Он «берет курс на интеллигенцию» [4, 34], пренебрегает самопознанием и спешит «посторожить» других. Этот «передовой ангел от рабочего состава, ввиду вознесения своего в служебное учреждение» [4, 57], словно отрезает себе пуповину, теряет корень. В этом смысле его «полет» отсылает нас к еще одному мифу. Козлов подобен Икару, потому и гибнет не сразу. Некоторое время ему продолжают приходить письма от одной дамы, но он все же решается «ликвидировать, как чувство, свою любовь» [4, 87].

Здесь Платонов вводит еще одну мифологему, ярко данный подход автора воплощен в образе девочки Насти. «Как и ее мать, она умела первая, не предупреждая, целовать людей» [4, 181]. Это удивительно красивая иллюстрация античного понимания истины, ведь греческое αλήθεια – это то, что выходит на свет, высвечивает навстречу уму человека, приветствует первой. «Премудрость, – по слову Священного Писания, – сама обходит и ищет достойных её, и благосклонно является им на путях, и при всякой мысли встречается с ними» (Прем. 6:15–16). И, проникая в суть повествования, мы убедимся, что Настя – это настоящая девочка-идея, девочка-муза, девочка-святыня, девочка-смысл. Недаром ее появление предваряет беседа Жачева и Сафронова:

– А что, товарищи, – сказал однажды Сафронов, – не поставить ли нам радио для заслушанья достижений и директив!

– Лучше девочку-сиротку привести за ручку, чем твое радио, – возразил Жачев [4, 60].

В этом своем противоречии Жачев и Сафронов напоминают Платона и Аристотеля с полотна Рафаэля. Один утверждает, что идеи в барак строителей транслируются извне и не без радиопомех, другой настаивает, что эйдосы сопребывают вещам, девочка таит в себе истину. Появление девочки действительно принесет в жизнь коллектива мир и согласие. Где будет Настя – там дело будет спориться. Настя и есть воплощенная коммунистическая идея, которая не «там», а «здесь», о чем многократно и многообразно будут свидетельствовать Жачев и Вощев.

На такой философской трактовке можно было бы остановиться, если бы повествование не оканчивалось болезнью и смертью Насти. Ее угасание не является естественным, автор не указывает осязаемой причины. Мы только видим, что постепенно мир вокруг замерзает и девочка начинает угасать. Чиклин спешит отнести ее на котлован, и там между ним и Настей происходит диалог:

– А почему в городе ночью трудятся и не спят?

– Это о тебе заботятся.

– А я лежу вся больная [4, 181].

Очевидно, труды тех людей идут мимо смысла, который воплощен в Насте. «Мимо барака проходили многие люди, но никто не пришел проведать заболевшую Настю, потому что каждый нагнул голову и непрерывно думал о сплошной коллективизации» [4, 180]. А ведь светлое будущее – это для Насти и про Настю, она – «социализм в босом теле», она «для строительства сахару не ест» [4, 60], с ее костей бюрократ Пашкин «сало съел» [4, 89]. Заботятся о ней лишь те немногие, кто ее возлюбил. Здесь речь идет уже о христианском контексте «Котлована». Воплощенный смысл интересен не всем, а только «возлюбившим явление Его» (2 Тим. 4.8). Платонов через Настю иносказательно повествует о том, что даже когда истина обретена, ее еще предстоит раскопать и построить, воплотить. Даже если она обрела существование, истине придется столкнуться с неидеальным, падшим, враждебным миром.

Но вот что важно уточнить: восприятие «Котлована» логически предполагает, что и создание колхоза, и строительство общего пролетарского дома – это трагический проект обезличивания, омассовления, на фоне которого детству в лице Насти не представляется перспектив к существованию. Однако сам текст произведения свидетельствует, что девочка как святыня, как знамя приносится и на котлован, и на оргдвор, помогает находить злодеев, мучивших односельчан. Именно Настя несет в себе объединяющую силу, только хватает ее до времени. Вокруг зима, весь мир большой и холодный, маленькой девочке в нем нелегко. Жачев однажды произносит такие слова: «Завтра надо опять к Пашкину сходить, пускай печку ставит, а то в этом деревянном эшелоне до социализма не доедешь!» [4, 182].

Это замечание касается не только расколотого, не спешащего преобразиться мира, но и самого человеческого естества. Жизнь коротка, плоть немощна, тело болезненно, человек смертен. Если и имеется в человеке

некий драгоценный дар, то, по выражению апостола, «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» (2 Кор. 4.7). Вот и Настя, по размышлению Вощева, – это «маленький, верный человек, в котором истина стала радостью и движеньем» [4, 185]. В этих словах, человек, знакомый с Евангелием, сразу расслышит повествование об ипостасной истине, совершающей жертвенное служение. Потому-то Вощев, даже застав Настю умершей, прижимает ее к себе «с жадностью счастья» и находит «больше того, чем искал» [4, 185], а медведь, ранее получивший от Насти новое имя, прикасается к ней на прощание, завершая тем свое преображение.

Данная смысловая параллель текста «Котлована» со Священным Писанием не единична. Сочинение Платонова изобилует христианскими аллюзиями. Некоторые из них были приведены ранее, но для большей убедительности следует опереться на более обширный материал.

Впрочем, в «Котловане» есть и более сложные религиозно-философские зарисовки, но для их обнаружения необходимо вспомнить марксистскую категорию отчуждения и христианское учение о грехопадении. Обе концепции описывают бедственное положение нашего мира. Богословие свидетельствует, что мир оскудел, увял, извратился, в него вошли болезни и смерть, и главная причина этого – отпадение человека от Бога. Оно преодолевается через Боговоплощение, но на призыв Христа еще нужно откликнуться. Спасение человека невозможно без его согласия и содействия. Вера – это экзистенциальный отклик, и промедление в нем – одна из форм отказа. Необязательно становиться богоборцем, не нужно никаких ярких выходок; быстрее всего от Богоискательства уклоняется обыватель, практикующий «бытовой» сатанизм, просто живя «мимо церкви». Ведь слово грех (греческое ἁμαρτία) обозначает недостижение и Бога, и самого себя. Платонов удивительно точно выражает эту мысль устами колхозного священника: «Мне, товарищ, жить бесполезно, – разумно ответил поп, – я не чувствую больше прелести творения – я остался без Бога, а Бог без человека» [4, 122].

Иллюстрацией к данной богословской теме является образ Елисея. Данный персонаж не просто так носит имя библейского пророка, и в конце повести именно ему Чиклин поручает согреть Настю:

– Лежи тут, – сказал Чиклин ужаснувшемуся во сне Елисею. – Обними девочку рукой и дыши на нее чаще [4, 182].

От Елисея, по сути, требуется совершить чудо, тождественное деянию ветхозаветного пророка: «И вошел Елисей в дом, и вот, ребенок умерший лежит на постели его. И вошел, и запер дверь за собою, и помолился Господу. И поднялся, и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем, и согрелось тело ребенка… и открыл ребенок глаза свои» (4 Цар. 4:32-35). Но простой мужик не справляется с задачей пророка. Он «всю ночь ребенка теплом обдавал… а девочка захолодела с чего-то» [4, 183]. С чего же? Чиклин, оглушенный утратой, не слышит объяснений Елисея, но кто знает, не вторит ли он колхозному расстриге: «Я остался без Бога, а Бог без человека»?

Еще один любопытнейший персонаж – это медведь. Ключом к пониманию этого персонажа может стать красивая философская категория отчуждения. Именно через нее Маркс описывает печальное положение человеческого сообщества. Данная теория весьма содержательна, и отчуждение пролетария от плодов своего труда – это только частный ее случай. Люди также отчуждены от природы и друг от друга. Кто-то из мыслителей мог бы добавить сюда отчуждение человека от Бога, но Маркс, по известным причинам, этого не делает. Однако он отмечает, что именно в унылой ситуации отчуждения и появляется религия, ибо «религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум (обезболивающее) народа» (Маркс К. «К критике гегелевской теории права»).

Следует отметить, что эта мысль Маркса резко отличаются от высказываний французских деистов и атеистов XVIII века, которые в религии видели заблуждение непросвещенного ума и орудие сознательного обмана. Маркс же понимает религию как вынужденную носительницу неких высших смыслов, хотя бы и иллюзорных. По его мнению, религия – это один из способов существования высших смыслов среди корыстного, отчужденного мира.

Медведь в «Котловане» – это образ рабочего, которого низвели до безликой природной силы так, что даже заставляли «на мельнице работать вместо ветра» [4, 144]. Маркс последовательно объяснял, что при отчуждении пролетария от средств производства совершается не только материальный, но и метафизический грабеж. Индивид лишается не только вещественных благ, но и пространства для жизни, судьбы, существования; у человека не получается «сбыться». И колхозный молотобоец вначале оскотинился, а потом и вовсе обессмыслился настолько, что Вощев берет этого медведя в «свидетели, что истины нет» [4, 175]. Затем Вощев даже намеревается сдать его в утиль, дабы медведь существовал «как предмет на вечную память социализму» [4, 175]. В этих словах звучит неизбывная печаль о том, что лучшее время наступит когда-то после, а жизнь, увы, не протянется до будущего блага. Вощев полагает, что люди грядущего приобщатся к свету знания благодаря разумному общественному устройству, а он и сам скорбит, «не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться» [4, 9], и другим не сознающим элементам может предложить разве что оттенить будущее счастье своим состоявшимся несчастьем. Вощев и медведь безутешны, и члены колхоза тоже «далее трудиться не стали и поникли под навесом в недоумении своей дальнейшей жизни» [4, 173]. Все они не могут самостоятельно выйти из этого экзистенциального тупика. Но девочка Настя, хотя совершенно изнемогла, все же находит возможность преобразить их «терпеливое существование» [4, 10]. Она совершает незримое глазами чудо и все расставляет на свои места. Дело в том, что еще в начале повести уволенный с работы герой подмечает, что «все живет и терпит на свете, ничего не сознавая, как будто кто-то один или несколько немногих извлекли из нас убежденное чувство и взяли его себе» [4, 10]. И Настя обнаруживает, кто же обкрадыва-

ет существование Вощева. Это, конечно, Активист, который действовал «с таким хищным значением, что вся всемирная истина, весь смысл жизни помещались только в нем и более нигде, а уж Вощеву ничего не досталось, кроме мученья ума, кроме бессознательности в несущемся потоке существования и покорности слепого элемента» [4, 177]. Но и сам Активист замучен, несчастен. «Разве он видел радость в последнее время, разве он ел или спал вдосталь, или любил хоть одну бедняцкую девицу? Он чувствовал себя как в бреду, его сердце еле билось от нагрузки, он лишь снаружи от себя старался организовать счастье и хотя бы в перспективе заслужить районный пост» [4, 170]. То есть похищение чужой судьбы не прибавило смысла и красоты его собственной жизни.

Эта ситуация прекрасно описывается словами Евангелия: «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» (Лк. 11:52). Таким образом, свое место в мире Активист занимает не по призванию, а по должности. Данный экзистенциальный сбой активный человек скрывает, как кажется, даже от себя, и ни Вощев, ни Чиклин, ни Жачев не могут его обнаружить. И даже снятие с должности не разоблачает Активиста, он просто спешит занять еще чье-то место, сбежать в другую систему координат, отчего пребывает «в том сомнении души, что капитализм, пожалуй, может еще явиться» [4, 172]. А на чистую воду его выводит именно отношение к больной Насте, с которой он «снял свой пиджак, не желая безответно тратить средства на государство и будущее поколение: раз его устраняют, пусть массы сами греются» [4, 172]. Настя высветила в Активисте его корысть и нелюбовь к истине. Он намерен оставаться таким и дальше, только на другом месте. Его жизненная позиция – это сущностный паразитизм. А раз так, то Чиклин одним ударом прерывает и его участие в философском дискурсе. «Внутри активиста раздался слабый треск костей, и весь человек свалился на пол; Чиклин же с удовлетворением посмотрел на него, будто только что принес необходимую пользу» [4, 173].

Итак, жизнь Активиста увяла, а существованию Вощева суждено иное. Настя намекает скучающему по истине герою, что не надо всё подряд в утильсырье сносить, о людях «горевать» надо. Этим словом Платонов выражает особый род заботы, когда единство и взаимное попечение друг о друге столь велико, что все образуют как бы «одно тело… и, если страдает одна часть тела, с ней страдают и остальные, а если прославляется одна часть, с ней радуются и остальные» (1 Кор. 12:13,26). Именно этого и не могла «сухая душа» Активиста, хотя он и сумел организовать колхоз и говорил «всегда точно и правильно, вполне по завету» [4, 177]. Когда же он выбывает из повествования, Вощев, пусть и «не умея еще произнести или выдвинуть в действие первоначальную силу ума», мужественно решается «горевать» о колхозе, отчего «почувствовал полный ум… и узнал желанье жить» [4, 178].

Далее наступает черед колхоза «взять курс» на экзистенцию. Мы вновь увидим, что через образ колхоза автор выражает сложные, в том числе положительные смыслы. Одним словом обозначается множество людей, но это указывает не на безликость и омассовление, а на абсолютное единение,

когда народ говорит едиными устами и чувствует единым сердцем. Но такое преображение происходит не сразу, и мы знакомимся с селянами при весьма необычных обстоятельствах. Они переживают не за урожай, хотя именно вокруг него и строится вся крестьянская жизнь. Более всего их беспокоят гробы, которые они не просто заготовили впрок, но даже облеживали. А уж когда пришедшие на котлован селяне волоком потащат «эти тесовые предметы по сухому морю житейскому» [4, 83], мы окончательно узнаем печальный смысл их существования. «Они все равно умерли, зачем им гробы! – негодовала Настя. – Мне некуда будет вещи складать!» [4, 92]. Ее оценка созвучна словам Писания: «ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3:1), и жизнь колхоза Настя преобразит, по точному слову Псалмопевца: «Бог вселяет единомышленных в дом, изводя окованных мужественно, также огорчающих, живущих во гробах» (Пс. 67:7). Для этого она отдаст последние силы, иссякнет, устанет до смерти.

Именно погребение Насти соберет всех персонажей, охватит их единым благородным делом, ведь, поистине, «нет старинней дворян, чем садовники, землекопы и могильщики; они продолжают ремесло Адама» («Гамлет», акт V, сцена 1. – Перевод М. Лозинского). Копание земли – одна из центральных мифологем «Котлована». Повесть Платонова отсылает нас к библейскому повествованию о сотворении человека «из праха земного» (Быт. 2:7). После грехопадения Адам должен для пропитания возделывать землю, но прежде всего, земля – это он сам. Эта параллель ярко выражена в притче Христа о сеятеле (Мк. 4:3-20), где каждый вид почвы подразумевает определенное духовное устроение человека.

Стоит упомянуть, что античные мыслители тоже не остались в стороне и подарили нам слово «культура». Рассматривая устроение мира и человека, они подметили, что возделывать можно не только землю (cultura agri), но и ум (cultura mentis), и душу (cultura animae). Платонов, безусловно, знал все это, отчего и сумел прекрасно выразить «истинную радость» главных героев от «одоления всего смутного вещества земли» [4, 178].

Здесь мы подходим к финальной мысли «Котлована», которая кратко может быть выражена словами прп. Максима Исповедника: ««Не существует ни прочного делания вне созерцания, ни истинного созерцания без делания. Ибо необходимо, чтобы и делание было разумным, и созерцание деятельным. Созерцание (θεωρία) без делания (πρακτική) – дьявольское богословие» [5, 75]. То есть во внешнем мире, исполненном несовершенства, случается, что именно тот, кто не работает, тот ест. Но вот хлеб духовный дети Адама обретают только «в поте лица своего» (Быт. 3:19), и «только тот, кто познал тревогу, находит покой, и только тот, кто спускается в подземный мир, спасает возлюбленную, и только тот, кто поднимает нож, обретает Исаака» [2, 29]. Поэтому в конце повести герои приходят именно на котлован, и финал повествования венчают два ярких противопоставления.

Очевидна антитеза котлована и города, «где люди долго не спят, думают и спорят, где по вечерам открыты гастрономические магазины и оттуда пахнет вином и кондитерскими изделиями, где можно встретить

незнакомую женщину и пробеседовать с ней всю ночь, испытывая таинственное счастье дружбы, когда хочется жить вечно в этой тревоге; утром же, простившись под потушенным газовым фонарем, разойтись в пустоте рассвета без обещания встречи» [4, 38]. То есть город – это место пребывания прекрасных идей и смыслов, которым не обещают встречи и воплощения. Такими иллюзорными категориями легко манипулировать, и главный революционер в городе чисто умозрительно решает разрыть «маточный котлован вчетверо больше», а на будущий год запроектировал «сельхозпродукции по округу на полмиллиарда» [4, 91]. Это и есть «созерцание без делания», поэтому, когда Насте становится совсем плохо, Чиклин стремится унести ее на котлован, а не в город, дабы ее тоже не исказили и не воспользовались ею легкомысленно.

Настя не просто «замучилась с теченьем времени» [4, 185], но сгорев сама, осветила путь другим, одарила всех «усердием жизни» [4, 186]. Повествование о ней не прекращается до самого конца произведения, и самое необычное происходит с Настей именно после смерти. Её хоронят накануне третьего дня после смерти, её погребают не в могиле, но сооружают гробницу (аллюзия на Мф. 27:57), которая становится краеугольным, закладочной камнем будущего пролетарского дома. Здесь просматриваются не только русские христианские традиции, такие как освящение фундамента, похороны на третий день, но и прямой евангельский подтекст о надежде на воскресение Насти. Собственно имя Настя и происходит от др.-греч. ἀνάστασις – возвращение к жизни, воскресение, возрождение. Поэтому «Котлован» – это повесть-надежда. Автор выражает надежду на то, что истина не помрачается, что святыни не истлевают, а в критический момент и вовсе восстают от гроба и забвения. Поэтому общий дом строится вокруг Насти так же, как монастырь вырастает вокруг раки с мощами святого.

Но ко времени возвращения героев обитель на котловане еще пуста. «Когда путники дошли до своего места, то увидели, что весь котлован занесен снегом, а в бараке было пусто и темно» [4, 179]. И следует вспомнить, почему люди разошлись с котлована. Ранее мы читаем: «Новые землекопы постепенно обжились и привыкли работать. Каждый из них придумал себе идею будущего спасения отсюда – один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате, – и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения» [4, 58-59]. Это и есть «непрочное делание вне созерцания». Они привыкли работать, но не видели в этом смысла, у каждого была своя идея спасения. Куда ведет этот путь, мы уже знаем на примере Козлова и Активиста. Но свято место пусто не бывает, и Чиклин живет за Козлова и Софронова [4, 99], Вощев оживает со смертью Активиста, а колхоз заполняет опустевшее от прежних землекопов пространство.

Однако данная закономерность имеет и обратную сторону. Речь идет о Жачеве – инвалиде империализма, калеке исторического процесса, который со смертью Насти теряет надежду и предается отчаянию, которое

полностью его поглощает. Это тоже имеет свою предысторию, и Пашкин уже давно понял, «что Жачеву надо дать лишь должность хотя бы сборщика членских взносов, и он перестанет требовать масло у ответственных лиц, ибо сам будет накануне питания жирами» [4, 88]. В конце Жачев собирается убить товарища Пашкина на прощанье, но это значит, что попрощается он именно с самим собой, заняв место мироеда. «И Жачев уполз в город, более уже никогда не возвратившись на котлован» [4, 186]. Его сманило созерцание без делания, хотя Настя его предупреждала: «Ты дурак… только видишь, а надо трудиться» [4, 158].

Другое дело – колхоз, который «шел вслед за ним (Чиклиным) и не переставая рыл землю; все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована». [4, 186]. «Спастись навеки в пропасти котлована» – обычно именно это место вызывает дискуссию при осмыслении данного сочинения. Контраст вышеприведенных отрывков помогает нам проникнуть в суть повествования, но для полноты картины необходимо вспомнить, что Платонов невероятно созвучен экзистенциальной философской традиции XX века. Таково чудесное свойство каждой эпохи, что в разных уголках мира людям в голову приходят одни и те же мысли. И великий русский писатель Платонов в своем небольшом произведении прикровенно выразил многолетние и многотомные философские искания целой религиозно-философской традиции. Итак, для подтверждения этой мысли и окончательного выявления религиозно-философской перспективы данной повести позволим себе вспомнить священные тексты, актуальные в любую эпоху.

Существование человека предшествует его сущности – таков один из главных тезисов философии Сартра. Эту мысль Сартра отлично иллюстрирует сказка про волшебника Изумрудного города, у которого главные герои отправляются выпросить самих себя, только других. Но, чтобы добраться до цели, им уже в пути приходится являть храбрость, сострадание, развивать ум и жить дружной семьей. То есть преображение совершается не на приеме у волшебника, а именно по дороге к нему. Так и копание земли – это именно путь ко спасению, это труд, дающий причастность к высшему смыслу, сокрытому в «пропасти котлована». Человек, ищущий смыслы в философских пропастях, – это бездна, призывающая бездну (Пс. 42:8) – бездна оскудения, призывающая бездну Божией благодати и милосердия. Или, выражаясь словами Сартра, у человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её, как может. Однако текст «Котлована» ярко показывает, что не все попытки заполнить внутреннюю пустоту одинаково полезны и безопасны для окружающих. Платонов подчеркивает, что смысл обретается не от внешних счастливых обстоятельств, а через вовлеченность в существование. Этот тезис вполне созвучен Евангелию: «Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, Христос отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:20). То есть «спастись в пропасти котлована» можно только «работая с усердием жизни», когда «делание разумно, и со-

зерцание деятельно». Это равновесие сложно сохранить, от этого идеала легко уклониться, незаметно разочароваться и увлечься далекими, иллюзорными смыслами, никак с тобой не связанными. Для Платонова философии в отрыве от жизни не существует.

Повесть ставит множество вопросов, заслуживающих отдельного рассмотрения и не способных поместиться в объем данного сочинения, поэтому автор остановился лишь на некоторых аспектах заявленной темы

Литература

1. *Джойс Д.* Дублинцы / Д. Джойс. – СПб.: Азбука, 2016. – 288 с.
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
3. *Мелетинский Б. М.* Поэтика мифа. 3-е изд. / Б. М. Мелетинский. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с.
4. *Платонов А. П.* Котлован / А. П. Платонов. – М.: Вече, 2019. – 352 с.
5. *Иерофей (Влахос), митр.* Православная духовность. – М.: ТСЛ, 2009. – 136 с.

С.В. Азизова
Воронежский государственный университет

Платоновское мировосприятие в понимании его переводчиков (немецкая и японская версии)

Многогранность платоновского художественного мира представляет собой некоторую трудность для каждого читателя и вызывает ряд вопросов относительно стиля, насыщенного изломанными и неправильными по нормам языка выражениями, и специфичности пространства и времени, протекающих в некой переходной серединности.

Несмотря на сложность платоновских произведений, носитель русского языка способен понимать такие словосочетания, как «река умирала» и «рыбы спустились» [1, 92] на интуитивном уровне. Так, например, одно из самых узнаваемых выражений в творчестве А. Платонова из повести «Котлован»: «Некуда жить, вот и думаешь в голову» [1, 434] представляет сложность для истолкования, но при этом не затрудняет понимания прочитанного в контексте.

Однако для иностранных переводчиков, самых внимательных и сосредоточенных на каждом слове читателях, платоновское слово создает немалые трудности. И суть не столько в синтетичности русского языка и ментальных смысловых рядах (например, весомое для русского национального сознания слово «душа» в романе «Чевенгур»: «…у всех одна профессия – душа» [1, 320]), а в «необычном» образе мышления автора, как отмечает Р. Ходель, профессор кафедры славистики Гамбургского университета [2, 181].

В статье «Перевод романа “Чевенгур” с точки зрения проблемы ирреального-реального пространства» (1999) проф. Ходель сопоставляет несколько иностранных вариантов (французский, немецкий, польский, английский) с оригиналом, наглядно демонстрируя склонность переводчиков

уходить в рамки «традиционного реалистического повествования» [2, 171], чему, по мнению ученого, способствуют «аукториализация персонального повествования» и «конкретизация или сингуляризация действий» [2, 171].

Среди моментов, затрудняющих перевод платоновского романа, Р. Ходель выделяет: сложность в разграничении точек зрения разных инстанций (автор, повествователь и герой) и в определении, «где обобщенный разговор о промежуточной зоне между природой и культурой заменяется описанием конкретного быта» [2, 180]; а также отклонение от литературного языка, способствующее условному восприятию; включение публицистического материала одновременно с фикцией, т.е. смешение реального (советская действительность) и ирреального в рамках одного пространства. Размышляет Р.Ходель и о месте таких персонажей, как Захар Павлович и церковный сторож в системе романа, считая, что «…трудно понять, почему нам сообщается имя Захара Павловича. Ведь и церковный сторож безымянный персонаж. К тому же трудно представить себе, что прямая речь церковного сторожа на первой же странице представляет собой не конкретное событие, а повторяющуюся реплику. <…> Присутствие таких, на первый взгляд второстепенных персонажей как Захар Павлович и церковный сторож, обрамляет все произведение. Как будто весь Чевенгур не единичное, актуальное произведение, а гномическое, вневременное явление» [2, 180-181].

Х. Гюнтер, профессор университета города Билефельд (Германия), в книге «По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова» (2011) рассматривает жанровую структуру романа «Чевенгур», выделяя в ней «процессуальность сюжета», характерную также и для «Котлована» и «Ювенильного моря» [3, 9].

Своеобразие платоновского мира Х. Гюнтер объясняет примыканием писателя «к литературе модерна, … стремящейся к “неинтеллигентному” устному повествованию и соответствующей репрезентации реальности. Мир изображается “снизу”, с точки зрения не авторитетной и не подлежащей повседневной рациональности логики» [3, 119].

Отметив положения немецких ученых о стилистической, языковой и структурной уникальности творчества А. Платонова, остановимся на мысли о необычном образе мышления писателя.

Во время чтения произведений А. Платонова нельзя не задаться вопросом: действительно ли А. Платонов говорил на таком специфическом языке или это сознательный выбор, писательская манера?

Известно, что исследование творчества любого писателя считается неполным без его дневников, записных книжек и личных писем (при их наличии), ведь они не только обогащают писательское наследие, но и помогают читателю пройти за черту, установленную автором в его художественных произведениях, стать ближе к пониманию его творческих исканий, его картины мира и времени, в котором он жил. Трудно, например, представить Л.Н.Толстого без его личных дневников, которым он придавал большое значение и считал их своих своим главным произведением. А.П.Чехова без его знаменитого письма к брату Николаю о восьми критериях воспитанных людей (март 1886). Ван Гога без письма (15 августа

1890 г.) его брата Тео к сестре Элизабет о последних словах художника: «La tristesse durera toujours» («Печаль будет длиться вечно») [4]. Так же можно сказать и об А. Платонове. Н.В. Корниенко, составитель, автор вступительной статьи и комментатор писем А. Платонова, уточняет: «Письма Платонова – это органическая часть наследия писателя, замечательный документ русской истории литературы и быта советской эпохи, бесценный, а зачастую и единственный надежный первоисточник для понимания платоновского творчества, составления хроники жизни гениального писателя и комментария его произведений» [5, 7-8].

Чтобы рассмотреть необычную языковую особенность платоновского творчества, С. Нонака, профессор Сайтамского государственного университета (Япония), обращается в своей книге «Сокровенные тропы: поэтика стиля Андрея Платонова» (2019) к письмам писателя, адресованным жене, Марии Александровне Платоновой, и выбирает для анализа одно выражение из письма 12–13 сентября 1945 г., которое, по словам исследователя, «поможет разобраться в платоновской манере стилистического усложнения на более общем уровне, охватывающем слово в жизни и слово в поэзии» [6, 146].

С. Нонаку заинтересовало следующее выражение: «Поздравь Тошу с днем его рождения и *поцелуй его через землю*» (курсив С. Нонаки. – С. А.) [5, 576 и 6, 146]. Стоит сказать, что речь идет об их умершем от чахотки в 1943 г. единственном сыне, Платоне, которого по-домашему называли Тошей, и подобное обращение А. Платонова к нему является не единственным, а прослеживается в нескольких письмах писателя, цитаты из которых исследователь приводит в приложении к последней главе книги [6, 154-156]. Эта необычность и даже «типичность», проявляющаяся в синонимичности двух противоположностей, антонимической пары: живой – мертвый, и двойственность «буквального и переносного значений» [6, 149], говорят о «платоновскости» выражения, о свойственной А. Платонову писательской манере, которой написан, например, его роман «Чевенгур».

Отмеченные нами суждения немецких и японского ученых о трудностях перевода и рационального осмысления текстов А. Платонова, демонстрируют тот смысловой тупик, по выражению поэта И. Бродского, в который писатель «заводит русский язык» [7, 72].

В «Послесловии к “Котловану”» (1973) И. Бродский тесно связывает язык А. Платонова с утопическими реалиями становления социализма в России, которые он наблюдал и, по словам поэта, представил не только в повести «Котлован», но и в самом инверсном языке: «Платонов, сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже более не мог скользить по литературной поверхности, занимаясь хитросплетениями сюжета, типографскими изысками и стилистическими кружевами» [7, 73]. И. Бродский справедливо отмечал, что А. Платонов говорит о народе, находящемся в запутанном, тупиковом состоянии и создающем свой язык для передачи философии абсурда, что дает ему основания назвать писателя «первым серьезным сюрреалистом» [7, 73]. Это замечание представляется нам очень важным, т.к. характеризует не столько речевые особенности или сложности платоновских текстов, но и указывает путь, по

которому идут переводчики как западной, так и восточной культуры, донося до своих читателей не стилистические сложности платоновских текстов, но знакомя их с мировоззрением писателя, особенностями той картины мира, которую он создает. Благодаря этому «непереводимый» А. Платонов вступает в интеллектуальный диалог с разноязычными читателями, предлагая им ту картину мира, которая была создана свидетелем и участником трагической и великой эпохи русской революции.

Литература

1. *Платонов А. П.* Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / А. П. Платонов. – М.: Время, 2011. – 608 с. (Собрание).

2. *Ходель Р.* Перевод романа «Чевенгур» с точки зрения проблемы ирреального-реального пространства / Р. Ходель // Russian Literature (Amsterdam). – 1999. – № XLVI-II. – P. 171-183.

3. *Гюнтер Х.* По обе стороны от утопии: Контексты творчества А. Платонова / Х. Гюнтер. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 208 с.

4. Letter from Theo van Gogh to Elisabeth van Gogh Paris, 5 August 1890 [Электронный ресурс]. – http: // www. webexhibits.org/vangogh/letter/21/etc-Theo-Lies.htm (дата обращения: 13.09.2020).

5. *Платонов А.* "…я прожил жизнь"»: Письма. 1920-1950 гг. / А. Платонов; сост., вступ. статья, коммент. Н. Корниенко и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 717 [3] с.

6. *Нонака С.* Сокровенные тропы : поэтика стиля Андрея Платонова. – Белград: Логос, 2019. – 179 с.

7. *Бродский И.* Послесловие к «Котловану» А. Платонова (1973) // И. Бродский Сочинения. Т. 7. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 7. – С. 72-74.

Т.А. Дьякова
Воронежский государственный университет

С мыслями об Андрее Платонове: письма М.А. Платоновой в дом-музей И.С. Никитина

Андрею Платонову сегодня посвящен специальный зал Музея имени И. С. Никитина. Над экспозицией, которая открылась в 2011 году, работали научные сотрудники музея О.В. Дворядкина и Е.П. Корчагина, а также заслуженный художник России Эмиль Борисович Капелюш. Регулярно разрабатываются новые выставки и музейные мероприятия, связанные с нашим выдающимся земляком. Творчество писателя активно изучается воронежскими филологами и философами, а Платоновский фестиваль искусств способствует тому, чтобы имя этого самобытного прозаика стало известно широкой публике и превратилось в символ самых передовых и актуальных творческих процессов.

История посмертного возвращения имени Платонова на родину начиналась на рубеже 1950-60-х годов, благодаря усилиям отдельных воронежцев. Одной из них была Анна Петровна Колесникова, являвшаяся в тот период старшим научным сотрудником Дома-музея И. С. Никитина.

А. П. Колесникова (в девичестве Барахман, 1932-1987) родилась в селе Мирополь Житомирского района, но детство и юность провела в Москве, где ее дед до революции владел чулочной мастерской. В 1953 году с отличием окончила столичный пединститут имени Крупской – отделение логики филологического факультета. По распределению уехала в г. Шебекино Белгородской области, где в средней школе преподавала не только логику, литературу и русский язык, но и немецкий язык. В 1958 году переехала в Воронеж к мужу – журналисту газеты «Вперед» Владимиру Колесникову. В 1960-1962 годах работала на филологическом факультете ВГУ преподавателем-почасовиком, а в 1961 году получила должность старшего научного сотрудника Дома-музея И. С. Никитина. По свидетельству писателя-краеведа Олега Ласунского, Анна Петровна была «самая яркая и толковая из бесконечной череды так и не запомнившихся мне лиц, которых я знавал за всю послевоенную историю музея».

В годы работы в музее она установила дружеские отношения с будущим литовским поэтом-диссидентом Томасом Венцловой, который приезжал в Воронеж в 1962 и 1963 годах. Совместно с ним А. П. Колесникова сделала на местном телевидении авторскую передачу о литовском поэте Юлюсе Янонисе. По воспоминаниям Томаса – большого поклонника поэзии О. Э. Мандельштама – Анна Петровна помогла познакомиться ему с Н. Е. Штемпель.

В первом номере журнала «Подъём» за 1963 год А. П. Колесникова опубликовала заметку, в которой сообщала об обнаруженной в фондах музея записке, написанной К. С. Станиславским в контору Художественного театра, с просьбой выдать писателю А. И. Эртелю билет на «Вишнёвый сад». Очевидно, что в музее Анна Петровна работала с душой, стремясь открыть новые страницы воронежской литературной истории.

Но в 1964 году по семейным обстоятельствам она была вынуждена покинуть музей, перешла на работу в Управление ЮВЖД. Затем преподавала в вечерней школе, а ещё позже – в медицинском училище, где читала курсы философии и научного атеизма. Регулярно выступала в местной печати с антирелигиозными статьями. В 1978 году в Ленинграде защитила кандидатскую диссертацию на тему «Суеверность в среде учащейся молодежи и пути ее преодоления». Автор атеистической книги «Опрокинутое небо», вышедшей в Воронеже уже после ее смерти.

Переписка музея с Марией Александровной Платоновой началась по инициативе Анны Петровны. В конце сентября 1962 года ей пришло ответное письмо от Федора Марковича Левина, автора статьи о Платонове, в котором московский литератор сообщал воронежскому адресату, к кому можно обратиться за помощью в создании музейного архива Андрея Платонова. И прежде всего, он называет вдову писателя, которая бережно собирает все материалы, связанные с жизнью и творчеством писателя, указывает номер телефона и домашний адрес Платоновых – Марии Александровны и её дочери Маши. И вот после этого музей в лице Анны Петровны обратился с письмом к вдове писателя. Ответ был получен приблизительно в конце октября – начале ноября 1962 года. Письмо не было датировано, а конверт не сохранился.

Предметом переписки стал сбор материалов для телевизионной передачи о Платонове, музейного вечера его памяти, а также для платоновской коллекции и будущей экспозиции, посвящённой писателю-земляку. Думаю, что речь не могла вестись тогда о большом выставочном проекте, так как Дом-музей не располагал достаточным местом для размещения стационарной экспозиции.

Переписка была недолгой (Анна Петровна вскоре перешла на другую работу), но очень плодотворной. Состоялись и телевизионная передача о Платонове, и Литературный вечер. А вот первая музейная экспозиция «Андрей Платонов» появилась значительно позже, только в 1999 году.

В январе 1968 года в музей на имя директора М.А. Белоусовой от Марии Александровны пришло письмо, в котором с досадой говорилось об отсутствии заметных шагов в вопросе создания платоновской экспозиции в Воронеже. «Решила еще написать. Давно ли Вы – директор? И что изменится к лучшему в отношении Платонова? Почему же до сих пор нет (уже не комнаты), а угла, где бы был представлен воронежский писатель Андрей Платонов? Я перестаю посылать Вам в музей последние публикации, поняла, что все это не нужно. Вам, т. к. Вы мне ни разу не ответили, в чем дело, почему, кто и что мешает создать экспозицию Платонова. Приезжали десятки людей из всех сторон, все они просили фото и др. вещи о Платонове, но Ворон. Музей никак ничего не хочет делать. И вот теперь, когда Вор. Унив. собирает конференцию по творчеству А. П. Платонова, когда из многих стран Скобелеву прислали просьбы иметь возможность выступить с докладами, теперь-то музей ваш, возможно, заинтересован, и что-то создаст. Может быть что-нибудь большее, чем, выставка?»

Ниже приводятся пять писем М. А. Платоновой к А. П. Колесниковой от 1962-1963 годов, обозначающих первые усилия воронежцев по сохранению памяти о выдающемся писателе в его родном городе.

Письма М. А. Платоновой А. П. Колесниковой

октябрь-ноябрь 1962 года

Уважаемая Анна Петровна!

Очень обрадовало Ваше письмо и ваши добрые пожелания. Давно пора воронежцам вспомнить своего земляка. Может быть Вы застали в 1961 г. в журнале «Подъём» рассказ Андрея Платоновича «Никита» (1). Чего стоило, чтобы в Воронеже, в десятую годовщину кончины Андрея Платоновича вспоминали о нем, где он так много печатался и так много работал. Вы понимаете, что значит для меня ваша взволнованность и ваши добрые пожелания. Не отвечали потому, это ждали выхода сборника в Военгизе (теперь твердо сказали, что задерживается и выйдет в декабре или январе). Кроме того искали для Вас книги у знакомых и пр. У меня нет возможности обратиться в Обменный фонд Ленинской библиотеки (2), в коллекторы. Вы, если будете в Москве, сумеете здесь найти многое, но с документацией на руках. Почему музей не ищет в областных коллекторах? Например, книжку «Избранное» в 1958 г. (3) забросили именно в провинциальные коллекторы.

Получилось так, что за последние 2 года я раздала очень много книг Андрея Платоновича. Это было необходимо потому, что молодое поколение совсем не знало, не читало писателя Платонова. И я кое-чего добилась, и считаю, что это очень ценно; сейчас люди возраста 25-35 лет открыли Платонова, полюбили его. Сейчас говорят, что Платонов родился второй раз. Его ищут, передают по радио, о нем пишут. Читала жур. «Вопросы литературы», 1962 г. (4), сколько раз там о нем вспоминают. Скоро в этом журнале выйдет большая статья о творчестве Андрея Платоновича. Вот почему я осталась без книг, вернее, у меня осталось то, что необходимо для архива – домашнего и Госуд. Лит. Архива.

Если Музей считает, что необходимо создать выставку писателя Платонова широко, интересно, во всей полноте его творчества, то необходимо прислать сотрудника в Москву, чтобы отобрать все, что интересует Музей, ведь для меня не все ясно, отобрать документы, которые придется сфотографировать, а также, вероятно, придется делать фото со многих книг, пока их не найдете. Андрей Платонович оставил большое литературное наследство, но у меня нет возможности сфотографировать для Музея все, что нужно. Здесь, на месте, можно отобрать много, если-бы приехали Вы!

В этом году должны выйти 2 книжки Платонова: одна в Военгизе, другая в Гослитиздате (5). Обе очень невелики. Кроме того, Гослитиздат ведет переговоры об издании трехтомника, в размере 80-90 печ. листов. Но когда это будет? Все, что будет выходить из печати, ясно, что я буду высылать Музею.

В моем архиве есть все газеты военного периода, где печатался Андрей Платонович, есть все [неразборчиво] журналы, где напечатаны его критические статьи, есть зарубежн. журналы, где напеч. рассказы Платонова, но все это только для архива, который я с великим трудом собрала и сберегла. Как многие писатели, Андрей Платонович не любил собирать свои вещи, что теперь создает большие трудности для создания архива писателя.

Уваж. Анна Петровна!

Ищите Платонова в архивах, коллекторах гор. Краснодара (6), где его печатали и в Воронеже. Неужели там ничего совсем нет?

Сборник 1958 г. «Избранное» был заброшен (сознательно) в провинцию.

Такие сборники, как «Сокровенный человек», изд. «Молодая Гвардия» 1928 г; «Происхождение мастера» изд. Федерация, 1929 г.; «Река Потудань» изд. «Сов. Писатель» 1932 г. все это найти очень трудно. Вероятно придется сфотографировать эти сборники. Что касается сборников послевоенных, то Вы их, вероятно, найдете.

После гражд. войны, в годы восстановления с 1924 по 1926 г. Платонов работал в Воронежском Губземуправлении главным инженером-мелиоратором. Под его руководством строились в деревнях электростанции, осушались заболоченные районы (Черная Калитва), восстанавливались разрушенные войной дороги и мн. др., о чем воронежцы уже забыли, но у меня есть документы, с которых можно сделать фото.

Недавно в журнале «Сельская молодежь» №№ 6, 9, 1962 г. были напечатаны 2 рассказа Андрея Платоновича (7).

Ищите еще в Краснодарском Архиве газеты «Известия Восточного фронта» 1918-1920 гг., газеты «Беднота» и «Воронежская Коммуна», где Платонова много печатали (стихи, статьи, рассказы).

Посылаю Вам проверенную библиографию, оказалось, что та, посланная Тов. Антюхину (8), не совсем правильна. Есть расхождения. Покажите, пожалуйста, ему эту библиографию, исправленную.

В Москве живет первый редактор и основатель газ. «Воронежская Коммуна» – Литвин-Молотов Георгий Захарович (9). Он, несомненно, по просьбе Музея напишет Вам воспоминания о Платонове. Он его «открыл» как поэта и как прозаика.

Его адрес: Москва В-24, Боровское шоссе 72/80, кв. 207.

Посылаю Вам фотографию Андрея Платоновича и фотографию его скульптуры, которую сделал Сучков Ф. Ф. – автор скульптурных портретов Павла Васильева и Всеволода Иванова, приобретенных Омским Музеем.

Приобрести скульптурный портрет Платонова у Сучкова можно недорого, миновав такие звенья, как Союз Художников, который наживается на работах авторов. Нужно Музею списаться с Сучковым Ф. Ф.

Его адрес: Москва, Платформа «Красный Строитель», Курская жел. Дор., ул. Мосгазопровода, д. 15/16, кв. 37.

Уваж. Анна Петровна!

Если Музею удастся показать творческое лицо писателя Платонова во всей его многогранности – это будет очень интересно и замечательно. Пишите!

Уваж. Вас

М. Платонова.

P.S. Посылаю: Голубая глубина (сборник стихов)

Солдатское сердце (сборник)

Под небесами родины (сборник)

Одухотворенные люди (массов. сборник)

Конец декабря 1962 года

Глубокоуважаемая Анна Петровна!

Прошли сутки, как Вы говорила со мной из Воронежа, сейчас вечером все, что смогла собрать, отсылаю. Не успели перепечатать биографию А. Платоновича, никто уже не работает, все справляют праздник, машинистки нет. Биография полнее того, что в сборнике. Еще посылаю Вам стенограмму вечера, который был 27-го апреля в Союзе Писателей (10). Вот был вечер! Сейчас уже во всех газетах пишут об этом (знаете, о чем). А тогда впервые такое говорила, что даже враги, которые меня полтора года мучили, не давали устроить вечер Платонова, даже они после этого вечера говорили: «Никогда не было такого вечера у нас!..»

Биография и стенограмма помогут Вам оформить передачу по телевизору. Слишком мало времени Вы мне дали (1 сутки!), чтобы что-то со-

брать. К сожалению, Андрей Платонович не любил сниматься, а некоторые групповые снимки он в тяжелые годы уничтожил, чтобы не подвести товарищей, т. к. ожидал всяческих репрессий.

Как жаль, что Вам не разрешили поездку в Москву, но может быть в новом году разрешат? У меня в январе-феврале будет месяц свободный.

Когда будет ваш вечер и передача (11)? Сообщите! Будем ловить в эфире.

Если по телевизору передача задержится, пишите, что еще нужно.

Все фотографии (а в каком они виде!) – я знаю, что Вы скоро вернете, они мне нужны.

Поздравляю Вас, дорогая, с Наступающим Новым Годом! Желаю счастья и успехов.

P.S. Посылаю Вам (лично) скромный подарок: «Усомнившийся Макар», напечатанный в 1929 г. в жур. «Октябрь». Вот за этот самый рассказ Платонов был истязуем в течение тридцати лет. Может быть позднее пришлю «Впрок»: если это интересно для музея, перепечатаю.

Стенограмма вечера Платонова очень плохо напечатана, но… сроки. Привет! М. Платонова.

9 января 1963 года

Глубокоуважаемая Анна Петровна!

Как хорошо знать, что есть где-то недалеко люди, хорошие люди, которые любят литературу, по настоящему, и храбро стоят за нее. Вам всем спасибо! Что статья Ваша об Андрее Платоновиче вышла 5-го Января (12), – это для меня особенно дорого; в этот день всегда у меня собираются друзья и поклонники писателя Платонова. И старые, и новые – только недавно открывшие Платонова, все мы радуемся, что имя его снова поднимается из пепла. И все мы бесконечно благодарны тем, кто нам в этом помогает.

Вас поразила стенограмма, – она, действительно, хорошо и правильно записана. А что было на вечере! Даже те, кто полтора года тянули мою кровь, потому что я решила добиться этого вечера, так вот эти «друзья» из Союза писателей после вечера подходили и говорили: «Да, такого вечера еще не было». – Но, много говорили, да еще почти ничего не сделано. Две книжки, что сейчас выйдут (Гослитиздат и Воениздат) это все мне удалось еще до вечера протолкнуть, конечно не без хождений в ЦК. Сейчас в Союзе обещают поставить в план 80-90 печатн. листов Платонова, но ведь это не будет полное собрание. И то, с какими великими разговорами все это идет!

Как ни странно, а вечер разбудил друзей: Платонова печатают в Италии, Югославии, Венгрии, очень большие, хорошо составленные сборники в Польше, а у нас… Даже собираются (мне уже сообщили) печатать в Польше сборник «Происхождение мастера». Вы его видели?

Хоть-бы наши воронежцы развернулись, наконец.

В тот же день, как пришло Ваше милое письмо со статьей, пришло письмо и тоже со статьей, от писателя Певнева Ф. Б. (13), он в редколлегии «Подъема». Просит прислать что-либо для журнала. Вы не знакомы с ним? Познакомьтесь, милый человек. И очень талантлив, наверняка во-

ронежцы этого не знают. Почитайте его «Воскрешение» и «Возвращение» Ремарка. Певнев не читал Ремарка, хотя кончил наши высшие лит. курсы.

Певнев пишет об Артюхине (14). Тот, оказывается, составляет монографию о Платонове. Как-же без материалов? Мне ничего больше не пишет, был в Москве и не зашел, а ему помогло-бы знакомство с архивом Платонова создать настоящее, хорошее о творчестве Андрея Платоновича.

Сообщите, пожалуйста, когда будет вечера и телепередача. Наверное приеду, за гостеприимство спасибо. Там живет двоюродный брат Платонова, у него смогу устроиться, вероятно на два-три дня.

Главное сейчас вот что: получив Ваше письмо, узнала у Дорофеева (15), смогли бы они (Союз пис.) организовать поездку Дорофеева В. П., Нагибина Ю. М. и Бокова В. Ф. на литературный вечер Платонова. Дорофеев сказал, что Союз пис. денег им на это даст, но вы должны прислать запрос на секретариат Союза писателей, что на ул. Воровского, на имя Воронкова Конст. Васил., с просьбой послать этих товарищей на проведение вечера в память Платонова. Пишите на Союз заранее, писатели любят путешествовать.

Даю Вам еще координаты. Организуйте, вот был-бы вечер!

Что касается фотографий, я не могу ничего отдать, только на некот. у меня есть дубляжи, а остальное пусть печатают. Пока от них письма не получила. И кто это? На вечер приеду, наверное. Пожалуйста, перепечатайте все, что найдете в газетах, мне это нужно для архива, и еще Вашу статью в газете.

Будьте здоровы и счастливы в Новом Году, да и всегда!

Уваж. Вас Мария Платонова

7 февраля 1963 года

Глубокоуважаемая Анна Петровна!

Посылаю Вам две, вышедшие только что, книжки. Вторую «Рассказы» выпросила у главного редактора Госиздата из «шкафа редакции», т. к. тираж из Минска еще не пришел, задерживается. И было же вчера там разговоров! Но это нужно. По телевидению необходимо, в хронологическом порядке, показать все издания Платоновских книг.

Обязательно! Это мне сказали в Союзе писателей.

Звонил из Воронежа товарищ, он и Вы совсем отняли у меня покой, так хочется поехать, но после болезни дочери я сама расклеилась, и если мне удастся себя собрать к 11, то приеду.

Я знаю, что это нужно и Вам и делу Андрея Платоновича, но… Если бы вы могли меня сейчас увидеть, то поняли-бы, что я говорю то, что есть на самом деле. Очень грустно, если не смогу. А когда будет вечер? И еще, я жду ваше «вразумительное», как вы сами писали, письмо. Пишите-же!

Привет и удачи!

Ваша М. Платонова.

7/II 63 г.

22 февраля 1963 года

Дорогая Анна Петровна!

Бесконечно благодарны Вам я и Машенька!

Эта телепередача стоила Вам очень многих сил, разговоров, вероятно, часть неприятных и еще многих, тоже не очень приятных, хлопот. Мне уже писали, что передача была, действительно, интересной. Значит, Вы не зря потрудились.

Еще раз, большое спасибо!

Не сердитесь, если не всегда отвечаю сразу, и что не приехала, тоже не сердитесь. Нельзя было оставить дочь. До сих пор она чувствует себя после операции не хорошо. Я не имела права оставить ее. Ведь у меня больше никого нет. А я так много потеряла дорогих и любимых.

Может быть на вечер мы приедем с ней вместе. Московские товарищи все понимают, вернее знают, что значит организовать вечер Андрея Платоновича. Мне вечер в апреле дорого стоил, полтора года унизительных разговоров с неприятными людьми, но все-таки я добилась. Диапазон после вечера настолько огромен, что все мои злоключения ничто. Так будет и у Вас. Но если это влечет какие-то неприятности для Вас, то, пожалуйста, оставьте этот вечер на будущее. По вашему письму (последнему) я чувствую, что Вы чем-то огорчены. Сейчас вышли 2 книжки Андрея Платоновича – это тоже очень нам поможет. А сколько людей мне нужно было поднять на это! Ведь разговор об этих книжках был начат 5 лет тому назад, какой поддержки, ничего. Только упорство; хоть-бы Вы приехали в Москву. У меня ведь отдельная квартира и Вам не нужно куда-то устраиваться.

Приезжайте. Обещаю, что постараюсь освободиться от работы на несколько дней.

Я не могу разобраться, кто звонил мне 2 раза? Второй раз это был тов. Шумский (16), правильно? Телефон хрипит и не все можно разобрать, и первый раз кто-то из телеправления, или это был один и тот же товарищ?

До сих пор нет у меня книжки из Гослитиздата, которую хочу послать Вам лично. Сегодня это обещали, но нет, а я Вам давно не пишу. Как получу, вышлю сразу.

Приезжайте! Желаю Вам здоровья и счастья.

Маша и М. Платоновы.

22/II – 63 г.

Привет товарищам, которые звонили мне!

3 марта 1963 года

Милая Анна Петровна!

Я и Машенька хотим поздравить Вас с наступающим женским днем. Желаем Вам счастья и радости. Вы заслуживаете и того и другого.

Будет-ли вечер и когда? Сейчас посылаю Вам еще стенограмму, просил об этом Дорофеев, он только что звонил мне, чтобы уточнить день выезда. Даже без вашего вызова (он сам мне сейчас это сказал) он организует

выезд 2-3 человек, выступавших на вечере 27 апреля. Я сегодня посылаю Певневу «Джан», он просил для журнала и пишу ему, что этот экземпляр, пойдет он, или нет, передали Вашему музею. Если Вам не разрешат позвать артистов, мы сами прочитаем кое-что из произведений Андрея Платоновича. Сколько-же у Вас хлопот. И я прошу только одно, забронировать мне и дочери на 3 дня номер в гостинице, можно это?

Что нужно привезти Вам? Пишите быстрее, и приблизительно напишите программу вечера, то, что есть. Вы пишете о [неразборчиво], там, вероятно, можно использовать те же материалы, что демонстрировались по телевидению? Если приеду, привезу все книжки, что вышли, хотя они по 1 экземпляру.

Вы спрашиваете, как москвичи? Вот Дорофеев, видимо, через Союз выручит, приедет без командировок.

Ю. Нагибин лежал с инфарктом, уже месяца два. Сейчас ходит. Явич лежит в больнице, его завтра привезут домой.

Будем всех собирать, что получится, не знаю.

Еще раз поздравляю! Привет!

Желаю получить целый грузовик мимозы.

2/II – 63 г. (17). М. А. Платонова

---

1. Рассказ А. Платонова «Никита» был опубликован в журнале «Подъём» в №3 за 1958 год, с.111-115. Вступление к публикации подготовил воронежский писатель Фёдор Сергеевич Волохов (Ф. В.).

2. Все подчёркивания в письмах сделаны М. А. Платоновой.

3. Указанное издание не значится в фондах музея. Но есть сборник избранных произведений А. Платонова 1966 года с инскриптом на титульном листе «От М. и М. Платоновых»: Платонов А. Избранное. М.: «Московский рабочий», 1966. 544 с.

4. В журнале «Вопросы литературы» за 1962 год содержится несколько обращений к имени Андрея Платонова: в № 1 в рубрике «На темы современности» писатель Геннадий Самойлович Гор подчёркивает: «Я лично симпатизирую тем писателям, которые ищут новые выразительные средства, понимая, что архаично одетые мысль и чувство не в состоянии поспеть за текстом времени. Я люблю прозу Ю. Олеши, А. Платонова, Всеволода Иванова, В. Катаева. Мне кажется, что эти писатели владеют ёмким словом и остро ощущают смысл, сущность и форму жизни», с. 21; в № 1 в материале «Страницы записей» Владимир Германович Лидин не только вспоминает о своём личном знакомстве с А. Платоновым: «Я знал Платонова, это был молчаливый, сдержанный человек, никогда не жаловшийся на множество несчастливых обстоятельств своей жизни...», но и даёт оценку творчества писателя. «Теперь книга Андрея Платонова стоит на моей полке рядом с книгой рассказов Кэтрин Мэнсфилд, и я уверен, что случись им познакомиться при жизни с рассказами друг друга, они порадовались бы своей близости», с. 173-174 (К. Мэнсфилд – англ. писательница, мастер психологической новеллы, показывает внутреннюю жизнь своих героев через прозаические обстоятельства будней); в № 9 Василий Павлович Аксёнов в рубрике «Молодые – о себе» говорит о влиянии твор-

чества Платонова на формирование своего писательского стиля: «Огромный интерес вызывает у меня советская литература 20-х начала 30-х годов. Чтение Бабеля и Андрея Платонова – это хорошая школа», с. 118.

5. Речь идёт о следующих изданиях: Платонов А. П. Рассказы / Вступ. статья В. П. Дорофеева. – М.: Гослитиздат, 1962. – 255 с.; Платонов А. П. Одухотворенные люди: Военные рассказы. – М.: Воениздат, 1963. – 238 с.

6. В фондах Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина находится первое значительное произведение – поэтический сборник 1922 года «Голубая глубина», опубликованный не в периодике, а вышедший как самостоятельное издание в Краснодаре. Сборник был подарен М. А. Платоновой, имеется её автограф.

7. В № 6 журнала «Сельская молодёжь» был впервые опубликован рассказ «Полотняная рубаха», с. 7-8. В № 9 журнала «Сельская молодёжь» был впервые опубликован рассказ «Афродита», с. 18-22.

8. Антюхин Георгий Владимирович (29.06.1922 – 12.12.2003) – краевед, педагог, с 1960 г. работал на филол. ф-те ВГУ, изучал творчество воронежских писателей.

9. Литвин-Молотов (наст. фам. Литвинов) Георгий (Юрий) Захарович (1898 – 1972) – публицист, издатель, обществен. деятель. В начале 1922 г. организовал в Краснодаре изд-во «Буревестник», где был опубликован сборник стихов А. Платонова «Голубая глубина». С 1925 г. руководил в Москве издательством «Молодая гвардия» и содействовал выходу в свет прозаических книг А. Платонова.

10. Стенограмма вечера опубликована в статье О.Ю. Алейникова «Первый вечер в Центральном доме литераторов, посвященный памяти Андрея Платонова» в журнале «Филологические науки», № 5, 2020. – С. 82-95.

11. Передача об А. Платонове состоялась 12 февраля 1963 года. ГАВО. ф. Р – 2348, опись 1, дело 944, листы 128-145. Вечер памяти А. Платонова состоялся в марте-апреле 1963 года.

12. 5 января 1951 года – дата смерти А. Платонова. 5 янв. 1963 года в №4 газеты «Коммуна» вышла статья А. Колесниковой «Андрей Платонов, писатель». Автор говорит о значимости прозы Платонова, произведения которого «учат уважению к труду, учат любить Родину и её народ, народ-творец». Статья проиллюстрирована графическим портретом А. Платонова, который выполнил воронежский художник В. Пресняков.

13. Певнев Фёдор Павлович (26.09.1912 – 27.04.1979) – прозаик, публицист. С 1950 по 1973 гг. жил в Воронеже.

14. Описка, правильно – Антюхин.

15. В. П. Дорофеев – автор вступ статьи в кн.: Платонов А. Рассказы. – М.: ГИХЛ, 1962. – С. 3-18, а также вступ. статьи в кн: Платонов А. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы. – М.: Худож. литература, 1965. –С. 3-34.

16. Неустановленное лицо.

17. Описка. Правильная дата – 2 марта 1963 года.

Вступительная статья, публикация и комментарии Т. А. Дьяковой

Литература

1. *Алейников О.Ю.* Первый вечер в Центральном доме литераторов, посвященный памяти Андрея Платонова / О.Ю. Алейников // Филологические науки. – № 5. – 2020. – С. 82-95.

2. *Алейников О.Ю.* Андрей Платонов и его роман «Чевенгур» / О.Ю. Алейников. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2013. – 222 с.

3. Андрей Платонов. Личное дело / Сост. О.Ю. Алейников, М.В. Бычков. Под общ. ред. Н.В. Корниенко. – Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля, 2013. – 304 с.

4. *Антонова Е.В.* Воронежский период жизни и творчества А.П. Платонова: биография, текстология, поэтика / Е.В. Антонова. – М.: ИМЛИ РАН, 2016. – 784 с.

5. *Варламов А.Н.* Андрей Платонов / А. Н. Варламов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 546 с.

6. Воронеж Андрея Платонова. Пособие для литературных странников / О.Г. Ласунский. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2011. – 216 с.

7. *Колесникова А.* Андрей Платонов, писатель / А. Колесникова // Коммуна. – 1963. – 5 янв.

8. *Ласунский О.Г.* Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899–1926 / О.Г. Ласунский О.Г. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2007. – 280 с.

9. *Малыгина Н.М.* Андрей Платонов: поэтика «возвращения» / Н.М. Малыгина. – М.:ТЕИС, 2005. – 334 с.

10. *Никонова Т.А.* Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью / Т.А. Никонова. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. – 220 с.

11. *Силин В.В.* Летописцы из «Коммуны» / В.В. Силин. – Воронеж: Изд. дом «Коммуна», 2007. – 416 с.

В. Г. Тимофеева
МБОУ Лицей № 8 г. Воронежа

Опыт изучения языка произведений А. П. Платонова в старших классах средней школы

Подростки старшего возраста часто отказываются от чтения платоновских текстов, жалуясь на слабую доступность восприятия смысла прочитанного вследствие языковых, большей частью лексических, трудностей.

В связи с этим мы провели эксперимент в 11 классах лицея №8 г. Воронежа с целью определить, какие именно затруднения в языке произведений А. П. Платонова мешают пониманию его текстов и как анализ языковых затруднений может помочь учащимся постичь смысл читаемого с наиболее доступной и возможной для них полнотой. Для этого ученики 11 классов получили задание составить в рамках зачетного проекта по русскому языку и литературе словари следующих произведений: «Котлован» (1930), «Родина электричества» (1939), «В прекрасном и яростном мире» (1941), «Возвращение» (1946).

Тексты были отобраны по двум условиям: 1) они в разное время входили в школьные программы по литературе (как правило, для внеклассного чтения, самостоятельного изучения, редко – как «Котлован» - для беседы в классе в течение 1 – 2 учебных часов) и 2) эти произведения были созданы в разные периоды жизни и творчества писателя и, следовательно, представляют разные варианты языкового изложения сюжета.

Кроме создания словника понятий и составления словарных статей по образцу известных толковых словарей, учащиеся должны были в сжатой форме написать вывод или небольшое сочинение-рефлексию по поводу содержания анализируемого произведения и замысла А. П. Платонова в нем.

По завершении работы мы смогли распределить оказавшиеся непонятными подросткам слова и понятия, термины, иногда словосочетания по следующим группам: 1) общественно-политическая лексика, 2) профессиональная лексика, 3) бытовая лексика, связанная с реалиями 30 – 40-х гг. XX века, 4) общеупотребительная лексика, а также книжная, включая слова высокого стиля; 5) просторечия, жаргонизмы, в том числе канцелярит, вульгаризмы. Далее мы приводим примеры из этих групп и статистические данные. Вид, форма и содержание статей сохранены авторские.

«Котлован» (1930)

1 группа. 32 лексические единицы: класс, классовое поколение, кооператив рочдэлльского вида, культработа, изба-читальня, лавком, оппортунист, сельсовет, мобилизованный, оргдвор, промфинплан (и др.). Примеры словарных статей:

– Ты вполне классовое поколение, – обрадовался Сафронов, – ты с чёткостью осознаёшь все отношения, хотя сама ещё малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да мы и класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента.

Класс -а, м. – большая группа людей, отличающаяся по месту в системе производства, отношению к средствам производства, роли в организации труда, способам получения и размерам богатства.

Поколе’ние -я, ср. – это группа людей, рождённых в определённый возрастной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями. Именно ценности, а не возраст, формируют и определяют поколение. Эти ценности во многом определяют поведение людей одного поколения.

То есть классовое поколение – это группа людей, рождённых в определённый возрастной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, которое отличается по месту в системе производства, отношению к средствам производства, роли в организации труда.

Малоле’ток -а, м., малоле’тка -и, ж. – то же, что и дитя, ребёнок.

Монархи’зм -а, м. – общественно-политическое движение, целью которого является установление, сохранение или реставрация монархии. Скорее здесь подразумевается мона’рхия – форма правления, при которой

верховная государственная власть частично или полностью принадлежит лицу, – монарху, то есть Российская империя.

Несозна'тельный -ого, м. – лишенный сознательности, сознательного отношения к окружающей действительности. Несозна'тельный элеме'нт – об идеологически неблагонадёжных людях.

Быть может, там была тишина дворовых тёплых мест или стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство с кучей мёртвого инвентаря посреди.

Бедня'цкое -ого, ср. – связанное с деревенской беднотой.

Колхо'зное -ого, ср. – принадлежащий или относящийся к колхозу.

Сиро'тство -а, ср. – человек, временно или постоянно лишённый семейного окружения.

Инвентарь -я, м. – совокупность различных предметов хозяйственного обихода и производственного назначения какого-нибудь хозяйства, учреждения, предприятия.

Скорее всего, здесь беспризорное колхозное сиротство – это люди, не имеющие семьи, дома, личного хозяйства, а мёртвый инвентарь – это их вещи, которые уже не имеют никакой полезной ценности, возможно, даже для них самих. Конечно же, язык Платонова здесь метафоричен. Крестьянин и его орудия труда как бы связаны отношениями родства, и когда при вступлении в колхоз эти орудия обобществили, отторгли «от рода», они потеряли персонифицированное значение, «умерли», став просто вещами, безликими инструментами. Так же и лишённые личных наделов земли крестьяне как бы лишились земли-матери (ср.: «мать – сыра земля» в фольклоре) и осиротели. (Конец цитаты. – В. Т.)

Составитель этих статей Екатерина Дубовик пошла по пути рефлексии в самих статьях, что облегчает восприятие платоновского текста, делает его не только понимаемым, но и цельным, без смысловых лакун. Мы находим в данных примерах не только лексику 1 группы, но и профессиональную, бытовую, общеупотребительную – именно как результат приема составителя, заботившегося о прояснении общего смысла читаемого.

2 группа. 9 лексических единиц: кровельщик, кузня, тес, бут, урез, бурлак, батрак, штемпель, корье. Пример:

Взявши конец верёвки с переднего гроба на плечо, Елисей упёрся и поволок, как бурлак, эти тесовые предметы по сухому морю житейскому.

Бурла'к, -а, м. – наёмный рабочий в России XVI – начала XX веков, который, идя по берегу (по так называемому бечевнику), тянул, с артелью, при помощи бечевы речное судно против течения.

Понятие «море житейское» ученицей не прокомментировано, так как знакомо в виде метафоры. Это библеизм (термин учащимся неизвестен). Предложение учителя составить отдельный словник библейских аллюзий и отсылок к «Апокалипсису» после прочтения ученицей «Откровения святого Иоанна» было не принято из-за особой сложности сакрального текста и невозможности найти время для ознакомления с литературой по теме (напомним, работу выполняли учащиеся выпускного класса). Однако другая ученица, Софья Черникова, все же взялась за тему «Словарь кон-

текстных и лексических трудностей повести А. Платонова «Котлован» и поэмы А. Ахматовой «Реквием». Мотивы Апокалипсиса в этих произведениях». Впрочем, по мере продвижения работы текст Платонова выпал из плана будущего словаря – соединить в восприятии подростка 17 лет два текста такого уровня сложности, платоновский и библейский, оказалось невозможным, по крайней мере в условиях не гуманитарного, а обычного класса.

3 группа. 9 единиц: коновязь, барак, флигель, сверток, сторожевая колотушка, утильсырье, убоина, фокстрот, кооператив. Примеры:

Мужик, прибежавший прежде в барак, был рад, что гробы нашлись и что Елисей явился.

Бара'к, -а, м. – здание лёгкой постройки, предназначенное для временного жилья.

Старичок председатель с благодарностью успокоился и пошёл делать себе сторожевую колотушку.

Сторожевая колотушка – это полый деревянный брусок с ручкой, на торцевой край которого прикреплена льняная веревка с шариком на конце. Шариком ударяли по стенкам корпуса, который издавал глухой звук.

4 группа. 13 единиц: вопрошающий, безвестный, превозмочь, согбенный, уснастить, поколение, несознательный, сиротство, инвентарь, приемочный /приемка, почетный караул, посредством, иждивение. Примеры:

БЕЗВЕ'СТНЫЙ, ая, ое; тен, тна (книжн.). Никому не известный. Безвестные старые мастера. Безвестное отсутствие (официально установленное длительное отсутствие лица и сведений о нём в месте его постоянного жительства; спец.).

Вощев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности.

ПРЕВОЗМО'ЧЬ, превозмогу, превозможешь, превозмогут, прош. вр. превозмог, превозмогла, совер. (к превозмогать), кого что (книжн. устар.). Преодолеть, пересилить.

…ещё долго надо иметь жизнь, чтобы превозмочь забвеньем и трудом этот залегший мир …

Интересно, что составитель этой части словаря (Кристина Позднякова) оставила без внимания в последней, например, фразе галлицизм «иметь жизнь», метафору «залегший мир», но выделила как затемняющее смысл высказывания общеупотребительное слово «превозмочь». Обозначенное ею как книжное и устаревшее, это понятие не входит в активный лексикон современников и кажется чужеродным подросткам, так же, как и стилистически высокие «вопрошающий», «безвестный», «согбенный», а также «навзничь», «уснастить» и др. Мы полагаем, что это следствие пренебрежения классикой. Ученик может читать много, но если это литература специальная или развлекательная, его словарный запас не пополняется и не расширяется за счет необиходной лексики. С течением времени оказывается, что начитанный Платонов и начитанные дети XXI века говорят на разных языках, сферы их словоупотребления перекрываются все в меньшей и меньшей степени.

5 группа. 15 единиц: стервец, аллилуйщик, измор, порожний, неможется, буржуй, малолеток, головотяп, упущенец, недоказанные кулаки, подкулачник, прштрафившийся, отмежевался, взарился, сподручный. Примеры:

СТЕРВЕ'Ц, а, муж. (прост. бран.). Подлый человек, негодяй.

-Чего ж я скажу ребенку, стервец.

АЛЛИЛУ'ЙЩИК м. разг. Тот, кто чрезмерно восхваляет кого - либо или что - либо.

У нас есть в профбюро один аллилуйщик, а я, значит, переугожденец?

И опять мы наблюдаем пренебрежение составителя словаря неправильной грамматической формой «чего ж я скажу» и неологизмом «переугожденец». В первом случае это объясняется распространенностью такой формы в разговорной речи подростков и их родителей, во втором – морфемной зоркостью ученицы, для нее это формально правильно образованное имя существительное.

Вывод ученицы сформулировали так:

«Сложная для восприятия … повесть в жанре сатирической антиутопии с элементами гротеска оставляет неизгладимое и не поддающееся категоризации впечатление.

Произведение пронизано безнадежностью и беспощадностью, которыми характеризовалась эпоха коллективизации: "Глаза боятся, а руки делают" рабочего класса; светлая неразумная наивность маленькой девочки, верящей каждому слову про светлое будущее; эпизодическая юродивость убогих, «рассыпающихся по мелким частям» в процессе жизни работников; медведь-кузнец, не знающий отдыха в работе, - всё это дает прочувствовать горечь, накопившуюся в душах действующих лиц, и заставляет скорбеть о черных страницах истории нашей страны. <…> Надеемся, что данный словарь хоть в малой степени поможет старшеклассникам «перевести» гениального писателя, нашего земляка, на свой уровень восприятия и если не сделать его боль своей, то по крайней мере лучше понять наш народ и нашу историю».

«Родина электричества» (1939)

Это произведение А. П. Платонова долгое время датировалось 1926 годом написания (и сначала было взято нами именно как рассказ 20-х гг.). Работавшая с ним ученица (С. Золотарева) выписала только 7 слов: нынче, коновязь, слега, овин, околица, ветла – после чего объяснила символическое значение метафоры «голодная могила для народа»: «Жизнь и смерть земли в рассказе - это жизнь и смерть народа. Земля одновременно - и мать-кормилица, и «голодная могила» - как для народа, так и для закрытого и задохнувшегося зерна». Далее ученица приводит без комментариев 8 единиц высказываний доморощенного поэта Жаренова (например*: « Не время сна, не время спать, пора весь мир уж постигать и мертвых с гроба поднимать!», «Вставай, бушуй среди стихии, уж разверзается она, большевики кричат лихие и сокрушают ад до дна!»*), обобщенно объясняя их авторской задачей для героя – создать новый язык и тем

одухотворить обыденность, поднять ее до поэтических и даже библейских высот. Вывод сделан следующий: «Столкновение «технического разума» и «естественного разума», воплощенного в восприятии народа как природной стихии, как массы, характерное, по мнению исследователей, для Платонова в это время, заканчивается в конечном счете признанием значимости требований, предъявляемых этой массой. Писателем выдвигается новая для его героя задача – воспитание нового сознания, одухотворение сознания».

«В прекрасном и яростном мире» (1941)

Затруднения в этом рассказе вызвала только профессиональная лексика (2 группа), всего выписано 9 лексических единиц, например:

ДЕПО [дэ] и [де], неизм.; ср. [франц. dépôt] Предприятие, а также здание для стоянки и ремонта железнодорожного подвижного состава. *Локомотивное д. Трамвай ехал в д. Работать в д.*

БУКСА, -ы; ж. [нем. Büchse] Металлическая коробка с подшипником, передающим нагрузку от вагона или локомотива на ось колёсной пары, и устройством, обеспечивающим смазку этого подшипника. *Вагонные, паровозные буксы.*

Анализ прочей лексики дан составителем Ольгой Дороховой в разделе «Рефлексия», где подобные слова указываются не как «темные места», но как важные для понимания замысла Платонова сопряжения смыслов «прекрасный – яростный», «пустой (взгляд) – воодушевленный», «мир людей» как «весь свет». Это, по утверждению ученицы, не антиномии: «У Платонова эти понятия сливаются в единый поток, имя которому – жизнь». Разбираясь в смысле платоновского повествования, ученица также пишет: «…что же происходит с человеком? Ослепленный молнией, Мальцев теряет зрение. Многие исследователи часто говорят о двух молниях.

Первая из них – столь сильная, грандиозная, лишила человека зрения, но ненадолго. А вот вторая – искусственная – надолго лишает Мальцева способности видеть.

Автор наводит читателя на мысль, что законы мира людей куда более жестоки и беспощадны, чем природные законы. Люди не смогли рассмотреть талант Мальцева. Он становится еще более одиноким.

Путь к спасению Мальцева – в образе Кости. Он не только возвращает зрение бывшему машинисту, но и открывает перед ним путь в мир людей. «Ты видишь теперь весь свет!»

Но всех в произведении объединяет вера, и в итоге совершается чудо».

«Возвращение» (1946)

1 группа. 1 единица (здесь – иждивенка; понятие рассматривается как официальный статус).

2 группа. 1 единица: пространщик.

3 группа. 5 единиц: рогач, загнетка, под, вьюшка, ватник.

4 группа. Непонятых слов общеупотребительной лексики нет.

5 группа. 2 единицы: латка (заплата), сызнова.

Примеры:

РОГА́Ч, -а, муж. Большой ухват (обл.). «Петрушка посадил в печь большим рогачом чугун со щами».

ИЖДИВЕ́НКА, -и, жен., офиц., церк.-слав. Лицо, женского пола, находящееся на длительном или постоянном материальном либо денежном обеспечении со стороны других лиц. «А потом будешь иждивенкой всю жизнь проживать и на пенсии».

В итоговом разделе «Рефлексия» ученица (Евдокия Черепанова), в частности, пишет: «Возвращение» – психологический реалистический рассказ, посвященный проблеме жизни человека после войны.

Из него мы узнаем судьбу мужчины, ушедшего на фронт, его мировоззрение; судьбу женщины, оставшейся одной воспитывать детей; судьбу детей, росших без отца в тяжелое время.

Мужчины ведут себя как легкомысленные и ничем не дорожащие подростки, дети стареют и принимают на себя груз бытовой жизни. И все они отвыкают от прежней жизни, и нормальное ими уже забыто.

Каждый член этой семьи пытается войти в русло мирной жизни. Основная мысль состоит в том, что война не только убивает физически, она разрушает семьи, делая родных людей чужими и запутывая каждую жизнь в отдельности».

Ученица также делает вывод о смысле своей работы над текстом Платонова: «Созданный мной словарь помогает понять, как был обустроен послевоенный быт простых советских людей, выяснить социальные роли мужчин, женщин и детей, понять социальную политику государства».

Подводя итог нашего эксперимента, сделаем следующие выводы.

1. Философская, религиозная, общественно-политическая, устаревшая книжная и книжная высокого стиля лексика, употреблявшаяся А. П.Платоновым во взятых нами для анализа произведениях, незнакома современным выпускникам, даже из числа тех, кто прилежно читал программные классические произведения русской и мировой литературы и много читает по своим интересам (именно такие ученики и были привлечены к работе). Возможно, такие слова не фиксируются в памяти подростков вследствие их невостребованности в обыденной жизни и современной литературе. Учащиеся сами поняли это и потому указывали, что смысл их работы над словарями платоновских текстов есть до известной степени аналог смысла работы переводчика с другого языка. Мы же можем отметить, что приложенные усилия по расшифровке «трудностей» текстов А. П. Платонова прежде всего обогатили язык самих учащихся, расширили их кругозор, дополнили знания о культуре и истории собственного народа в один из очень тяжелых периодов его бытия.
2. Составители словарных статей почти не обратили внимания как на «трудность» на авторские метафоры, эпитеты, оксюмороны, образные выражения, развернутые аллюзии. Они были либо восприняты в качестве возможного/естественного варианта употребления старых

и создания новых средств художественной изобразительности и выразительности, либо включены в корпус словарной статьи, объясняющей значение общеупотребительного или политического понятия. Интересно, что профессиональная лексика, по наблюдениям учащихся, для создания подобных авторских конструкций не используется.

3. Нарушение грамматических норм никем из составителей не было отмечено как затруднение при восприятии смысла текста. Очевидно, что это влияние языков Интернета: так называемого олбанского и сетевого. В первом из них грамматически правильное построение слова, словосочетания и фразы рассматривается как ошибка, во втором может быть принято за демонстрацию неприязни, агрессии.
4. Вывод для учителя: в школе XXI века нельзя оставлять изучение текстов А. П. Платонова на усмотрение учащихся и на самостоятельную работу по их прочтению и пониманию. Требуется вдумчивое комментированное чтение в классе с привлечением к работе над словариками текстов самих учащихся. От учителя требуется культурологический экскурс в эпоху создания рассказа или повести, исторические и политологические комментарии с апелляцией к текстам учебников обществознания и истории нашей страны. Интегрирование, межпредметные связи, метапредметные связи – все должно быть задействовано на уроке по Платонову, потому что только через проникновение в смысл языка его текстов, его понятийного и изобразительного аппарата мы сможем адекватно, а не поверхностно постичь смысл происходившего с нашей страной, чему Платонов был свидетелем и участником, и понять мысль о нас и о России, русском человеке и русском пути этого гениального писателя и мыслителя. Для детей же это прекрасный способ саморазвития.
5. Наконец, вывод для составителей учебных программ по русскому языку и литературе: эксперимент по созданию словарей языка текстов писателей надо внедрить на постоянной основе как вариант проектной деятельности во все монографические разделы учебника литературы. Это позволит не только развить конкретных учеников, выполняющих данное задание, но и оживить тексты, которые мы, филологи, называем бессмертными, однако нерасшифрованный и непрочитанный текст прекращает свое влияние на потенциального читателя, прекращает свое бытие. Как мы убедились, для семнадцатилетних выпускников общеобразовательной школы почти непостигаем смысл тысячелетних сакральных текстов Нового завета. Если окажется непостигаемым смысл написанного всего сто лет назад, мы рискуем потерять свою культуру.

О.А. Соловьева
Воронежский государственный университет

Война в восприятии героев повести Андрея Новикова «Барский двор»

Писатель платоновского круга Андрей Никитич Новиков, уроженец черноземной местности, был свидетелем событий, происходивших в жизни русской деревни в начале XX века. Повесть «Барский двор» – первое художественное произведение Андрея Новикова, опубликованное в 1928 году. Оно во многом определяет не только сюжетные и тематические линии его последующего творчества, но и фиксирует взгляд писателя на положении крестьян в годы Первой мировой войны и на их роли в Революции. И хотя сюжетные рамки повести охватывают период от Революции 1905 года до преддверия Революции 1917 года, их исторический контекст оказывается намного шире.

В литературе 1920-х годов события, связанные с революционным переворотом в деревне, послужили основой для создания многих произведений писателей-прозаиков, выходцев из крестьянской среды. Иначе вряд ли могло быть, ведь большинство населения тогдашней России составляли крестьяне. К тому же от русской деревни, от позиции крестьян зависела судьба самой революции. Исторические события начала XX века, происходившие в стране, показаны в повести «Барский двор» именно с той стороны, с какой они нашли отражение в жизни крестьян, жителей деревни Климовка. В этом сюжете Андрей Новиков обращает внимание на народные типы, для которых стало невозможно жить в «проклятом прошлом».

В крестьянском многоголосии повести на себя обращают внимание два героя: дедушка Миша и его внук Савоська. Отметим, что Андрей Новиков в изображении героя-крестьянина использует те подходы, которые были популярны еще с дореволюционных времен, собственные крестьянские типы им только намечаются. В русской демократической литературе была популярна мысль об униженности мужика не только в социально-экономическом плане, но и в нравственно-этическом. Так, страдающий от неуважения крестьянин есть у Николая Алексеевича Некрасова в стихотворении «Эй, Иван!» («Хоть бы раз Иван Мосеич кто меня назвал!»), у Л.Н. Толстого в повести «Поликушка» (1863) встречается тип покорного, тихого, забитого мужика, есть такой крестьянин и в рассказах А.Эртеля в цикле «Записки Степняка» (1883).

Страницы повести «Барский двор» открываются историей жизни деревни Климовка и ее жителя – обычного мужика, дедушки Миши, которого барин за падение с лошади, прозвал бабой: «У нас, в Климовке, мужика бабой звали. Не то, чтоб у него какие бабьи приметы были – нет. Прозвал барин, а народ подхватил: Миша-баба да Миша-баба. Нравом он был тихий, услышит – застыдится, промолчит» [3, 1]

Но обида на господ и нелюбовь к ним у дедушки Миши была связана не только с этим злополучным событием, ущемляющим чувство личного достоинства. С барским двором было связано у него и «тяжелое, пережи-

тое прошлое»: «Сорок годов из года в год дедушка-Миша бывает на барском поле: пашет, косит. Господа за благодетелей слывут. Зимой нет хлеба…» (с. 18). И самое главное, своей земли нет, земли, которая «заостренный клин в мужицкой голове» (с. 17).

Начиная свое повествование с рассказа о судьбе «обиженного» дедушки Миши, чье человеческое достоинство унижено барским словом, Новиков отмечает разность в отношении крестьян к тем обстоятельствам, в которых они живут. Внука дедушки Миши все в деревне зовут Савоська, а не Севастьян (значение имени – «высокочтимый»), что в обиходе выступает в значении «простофиля». Разумеется, для русской литературы тех лет случай далеко не единичный. Неуважение к герою-крестьянину весьма выразительно показывает А.Эртель в рассказе «Поплешка», главный герой которого сообщает рассказчику, что по смерти барина в их деревне «замудрил» поп. «Поп гордый, поп богатый», который мог назвать и Поплешкой, и Бутылкой, как ему вздумается: «В кабале мы у него, матушка!» [5, 516].

Но обида Савоськи, в отличие от героя А. Эртеля, не робкая и тихая. Господ Савоська невзлюбил рано: «Кто гнев в парне разбудил, кто вложил в душу буйство, – не понять» (с. 8). Ответ знал он сам – барский двор. За нанесенные обиды, за унижение, за несправедливость: «…Савоська больше возненавидел барский двор, барского приказчика, – Афанасьича. Когда по деревне проезжала барская тройка, он уже не прятался, а выходил на улицу, закладывал в рот два пальца, свистал» (с.13).

И именно этого героя, наполненного ненавистью к «барскому двору», собирательному обозначению пережитых крестьянами унижений и социальной несправедливости, Андрей Новиков выводит за пределы деревни, отправляет в город, в котором Савоська и «пропадет» на несколько лет. Разделив судьбу таких, как он сам, внук дедушки Миши, став солдатом Первой мировой войны, выступает уже в иной роли. Он ощутил себя частью той силы, которая может противостоять «барскому двору» не только в своей деревне. Таков путь крестьянина-бунтаря, намеченный Андреем Новиковым в его первом произведении.

В Первую мировую войну русская деревня входила с тяжелой исторической памятью, с наследием «барского двора» – неуважением к крестьянину, копившего веками обиду за несправедливое устройство жизни. Об этом помнят не только герои «Барского двора» – помнит «сама земля»: за одну собаку по прихоти барыни 45 мужиков, головы сложили в кургане, получившем после этого название – Собачий. Этот вставной эпизод можно соотнести с историей Зинкиного луга в романе Леонида Леонова «Барсуки» (1924), в котором многолетняя борьба бедного и богатого сел за спорную землю становится преддверием революции. Сходный эпизод отметит С.Есенин в поэме «Анна Снегина» (1925), посвященной Александру Воронскому, руководителю группы «Перевал», участником которой был и Андрей Новиков. К моменту написания повести «Барский двор» поэма С. Есенина стала литературным событием и не могла не привлечь внимания молодого прозаика.

В повести А. Новикова есть эпизод, сходный с тем, что изображен в «Анне Снегиной»: мужики приходят к барыне накануне революционных событий и предлагают поделить землю. Несмотря на внешнюю наивность таких эпизодов, они подтверждают мысль о том, что полвека, прошедшие после реформы 1861 года, отменившей крепостное право, не ослабили остроты «вопроса о земле». Русский крестьянин в начале XX века мыслил себя с землей как единое целое. Земля – центр крестьянской Вселенной. Это и богатство, и знак высшего довольства, это и желанная свобода, дающая независимость от «барского двора». Вот почему в повести А. Новикова крестьяне готовы «свыкнуться» даже с войной, если в результате они получат землю.

Таким образом, Первая мировая война в повести «Барский двор» воспринималась вначале как возможность разрешения внутренних противоречий, связанных, прежде всего с землей, с крестьянскими наделами. Однако довольно скоро для героев повести обозначился масштабный, совсем не «деревенский», характер войны. Мировая война отрывала крестьян от земли, от привычных занятий. И скоро она стала восприниматься деревней с разрушительной стороны: «В этот день судорога охватила деревню: гнали людей, гнали лошадей. Повязанные в черные платки, голосили в деревне бабы» (с. 41).

Многие из них овдовеют, земля осиротеет без хозяина. О тяжести испытаний вдовы Прохора Шамиля напишет в романе «Тихий Дон» Михаил Шолохов: «Рви, родимая, на себе ворот последней рубахи! Рви жидкие от безрадостной тяжкой жизни волосы, кусай свои в кровь искусанные губы, ломай изуродованные работой руки и бейся на земле у порога пустого куреня! Нет у твоего куреня хозяина, нет у тебя мужа, у детишек твоих – отца, и помни, что никто не приласкает ни тебя, ни твоих сирот, никто не избавит тебя от непосильной работы и нищеты…» [5, 316].

Война несет испытание всем ее участникам. Не только русские семьи, русская земля остаются без работников, без крестьянской заботы. Дедушка Миша сочувствует и австрийским пленным, а его сын умирает после того, как помог пленным, больным тифом. Его поступок продиктован осознанием войны как общей беды всех ее участников: где-то на фронте его сын Савоська, ему тоже, может быть, помогут добрые люди. Такие же чувства переполняют и героиню рассказа Александра Малышкина «Гости»: «Може, и моего Сергуньку на вашей стороне кто пожалеет!» [4, 95]. И оказывается, что война, идущая на иноземных полях, не рождает ненависти к врагу. Напротив, она объединяет тех, кто на фронтах Первой мировой оказался не по своей воле. «Что касается войны – на кой шут она мне нужна? Лиходею лихому воевать не желаю» (с. 55), – говорит дедушка Миша в повести А. Новикова. В такой авторской позиции нетрудно заметить отзвук крестьянских настроений начала 1920-х годов, отмеченных поэмой С. Есенина «Анна Снегина»:

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать [1, 160].

Поэтому не только герой С. Есенина «другую явил… отвагу», бросив винтовку и вернувшись в родные края. Так же поступают и герои повести А. Новикова «Барский двор». Их настроения резко изменились, и в конце повести уже есть место и ироническому заключению: «Царя просто коленом под мягкое место ахнули» (с. 83). В результате финальная сцена разграбления и поджога барского двора воспринимается как выплеск вековой ненависти и гнева жителей Климовки. Тем не менее автору в год написания повести ясно, что вековых российских проблем крестьянским бунтом, «бессмысленным и беспощадным», решить невозможно. Преддверием грядущих испытаний гражданской войной, разорением деревни становится внешне случайная, но на самом деле глубоко закономерная смерть дедушки Миши. Именно он, покорный мужик, не бунтарь по своей природе, гибнет во время пожара на барском дворе. Для А.Новикова финал повести становится началом его писательского пути, основу которого составят размышления над крестьянским характером, над русским человеком, над судьбой России в XX веке, после революции и гражданской войны.

Литература

1. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: [в 7 томах]. Том 3 / С. А. Есенин. – М.: Наука – Голос, 1998. –720 с.

2. *Малышкин А. Г.* Сочинения в двух томах. Том 1 / А. Г. Малышкин. – М.: Правда, 1965. – 542 с.

3. *Новиков А. Н.* Барский двор: Повести и рассказы / А. Н. Новиков. – М.: Московское т-во писателей, 1928. – 190 с. Повесть А.Новикова в дальнейшем цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

4. *Шолохов М. А.* Собрание сочинений: В 8 томах. Том 2. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. / М. А. Шолохов. – М.: Худ. лит., 1985. – 351 с.

5. *Эртель А. И.* Записки Степняка / А. И. Эртель. – М.: Худ. лит., 1958. – 612 с.

IV. НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РАБОТАХ УЧЕНЫХ ВОРОНЕЖСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ. ТВОРЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

О.В. Богданова,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
С.М. Некрасов,
Мемориальная музей-квартира Н. А. Некрасова

Анекдот и девиация как доминантные черты главы «Последыш» (поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»)*

Одной из сущностных проблем в изучении поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (1863–1877) стала проблема композиционного построения произведения, сюжетного расположения отдельных глав, отражения / неотражения воли автора в структурной организации единого целого. К этому вопросу неоднократно обращались классики-некрасоведы [1–9], но никто из исследователей не ставил вопрос иначе: является ли поэма «Кому на Руси жить хорошо» цельным и единым произведением или представляет собой набор отдельных самостоятельных частей, в малой степени корреспондирующих с единым целым?

В этой связи, прежде всего, внимание на себе останавливает глава «Последыш», как сказано у Некрасова, из «второй части» [10, 84] поэмы «Кому на Руси жить хорошо». О ней чаще всего принято говорить, что здесь повествователем предложен новый ракурс заявленной проблемы, осуществлен поворот идейного направления предшествующей наррации. Однако если согласиться, что глава «Последыш» является органичной частью поэмы «Кому на Руси жить хорошо», то уже при поверхностном взгляде на нее становится очевидным, что она представляет собой вариант на тему «помещика – счастливого / несчастливого человека», которая уже была подвергнута обсуждению в главе пятой *первой* части некрасовской поэмы («Помещик»). Субъектом испытания (объектом повествования) вновь оказывается помещик, другое дело, что теперь форма повествования – не пространный монолог *я*-персонального героя, но живая бытовая картинка, разыгрывающаяся перед взором крестьян-странников. При знакомстве с текстом главы очевидно и другое – сопроводительный комментарий Некрасова – «из второй главы» – на самом деле мало что прибавляет к единству и цельности всей поэмы: образы семи странствующих крестьян в тексте главы предстают достаточно случайными и не-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей».

обязательными. Их появление в тексте обусловлено не необходимостью развития сюжетного действа, но связано исключительно с фабульной организацией материала: по поводу увиденной сцены герои задают вопрос (весьма далекий от *за*главного) и получают на него ответ (далекий от искомого ответа на титульный вопрос). Но подобную «вопросительную» функцию мог взять на себя любой «окказиональный» персонаж.

В отличие от первой части, в главе «Последыш» повествование о странствующих героях-крестьянах перемещается на Волгу: как уже отмечалось исследователями [11], река становится синонимическим заместителем столбовой дороги и нацелена обобщить и типизировать панораму событий. Между тем события, которые изображаются в главе «Последыш», вряд ли можно назвать типичными, они, скорее, редкие, исключительные, неожидаемые.

Действие в главе «Последыш» разворачиваются в Старо-Вахлацкой волости, в селении под названием Большие Вахлаки. В силу вступает ономасиология – название деревни оказывается «говорящим», настраивая на «вахлацкий» характер событий, которые будут демонстрироваться в тексте [12, 168].

В целом поэма «Кому на Руси жить хорошо» создана в реалистическом ключе, потому портретные характеристики, диспозиция персонажей, диалогическая манера коммуникации героев выдержаны Некрасовым в жизнеподобном ракурсе, отражая, в том числе через портретирование, сущностные качества личности и характера того или иного персонажа. Таков «предварительный» портрет старого помещика Утятина, главного героя главы, который вбирает в себя выразительные черты образа и порождает реалистическое представление о богатом, знатном, в прошлом сильном и уважаемом помещике. Герой-старик «худой! как зайцы зимние», «весь бел», на нем «шапка белая, высокая, с околышем из красного сукна», «нос клювом, как у ястреба», «усы седые, длинные» [10, 87].

В целом установка поэмы-«эпопеи» и характер повествования в предшествующих главах настраивают на изображение реалистических коллизий, с которыми должны столкнуться герои-странники. Однако уже современники Некрасова говорили о том, что обстоятельства пореформенного времени, изображенные поэтом, не типичны, абсурдны и анекдотичны. В. Г. Авсеенко в «Русском вестнике» писал, что сюжет главы построен «на совершенно невероятном и, можно сказать, вполне бессмысленном анекдоте» [13, 440]. Заметим, невероятном и бессмысленном. Между тем в комментариях к Собранию сочинений специалисты-некрасоведы приводят альтернативное суждение: «Декабрист А.В. Поджио в письме к доктору Н.А. Белоголовому сообщал о подобном факте. В селе Щуколове Дмитровского уезда Московской губернии владелица имения скрывала факт освобождения крестьян от своего разбитого параличом мужа и ежедневно счастливый еще помещик отдает по-прежнему приказания старосте: „Завтра – сгон, собрать баранов, баб не спускать" и пр.» [14, 111]. Отдельные исследователи считают, что глава «Последыш» могла иметь отчасти и (авто)биографический характер [15, 142]. Но в любом случае

возникает вопрос: с какой целью Некрасов актуализировал события неординарные и насколько органична глава «Последыш» поэме «Кому на Руси жить хорошо»?

Как известно, Некрасов умел реагировать на яркие и живые события действительности, подмеченные другими (вспомним, например, историю создания знаменитых «Размышлений у парадного подъезда»). И в этой связи можно пойти дальше и представить, что новая глава не имела отношения к поэме «Кому на Руси жить хорошо», но, появившись как самостоятельное произведение (через семь лет после первой части), искусственно была предложена автором читающей публике как глава «из второй части» поэмы, давно обещанной к продолжению. Искусственно – уже только потому, что, как и упрекали Некрасова современники, через десяток лет после отмены крепостного права Некрасов *вдруг* вернулся к подобной тематике [13, 454].

Уже современники Некрасова упрекали автора «Последыша» в том, что он неверно понимает и изображает отношения крестьян и помещиков. Так, В.Г. Авсеенко писал о том, русский мужик никогда «не станет забавляться бессмысленными фарсами, которые представляются столь забавными петербургскому поэту» [13, 441]. Критик не мог согласиться, что отношения крестьян к дворянам «до такой степени проникнуты злобною ненавистью, как это кажется г. Некрасову» [13, 442]. Действительно, изображенная Некрасовым ситуация находится на грани нравственных поведенческих норм любого человека, будь он дворянин или простой крестьянин.

Образ князя Утятина, созданный Некрасовым, не просто добродушно комичен или ироничен, он саркастичен, гротесков, порой достигает пределов неправдоподобия. С одной стороны, герой a priori благороден и высокороден, заслуживает почтения и уважения. Герой – потомственный дворянин, знает разницу между дворянством новым и старым (теми, «что вышли из поповичей», и теми, у кого «права дворянские веками освященные» [10, 93]), гордится «славою предков». В прошлом он наверняка был военным (носит форменную фуражку) или даже (судя по словам бурмистра Власа) вельможным министром. На служебном поприще Утятин наверняка проявил себя как мужественный и смелый человек: его грудь украшает Георгиевский крест [10, 105], как известно, даруемый за проявленную личную храбрость. Однако теперь старик болен: «паралич расшиб», «больнехонек», истерзан «как зверь <…> раненный» [10, 92]. И именно в таком (!) положении герой подвергается осмеянию (автора и героев). Некрасов наделяет персонажа целым рядом комических черт, заставляет его произносить нелепые реплики-суждения, поступать подобно выжившему из ума самодуру. Его Утятин «куражится», «дурит», «чудит» [10, 89–91] – автором избраны аксиологически маркированные, «снижающие» предикаты. Желая снизить образ вельможного князя Утятина, Некрасов откровенно одурачивает героя, заставляет его отдавать приказы нелепые, глупые, абсурдные. Можно было бы согласиться, что барин сохраняет привычку бранить крестьян, готов «облаять» [10, 99] прови-

нившегося, подвергнуть наказанию нерадивого, но представить себе, что старый князь приказал бы «унимать коров», чтобы они не мычали по утрам, или указывал бы на «непочтительность» собаки [10, 100], залаявшей на барина, в реалистическом повествовании невозможно и абсурдно. Некрасов преступает границы жизнеподобия, обалаганивает образ.

Как и в главе «Помещик», следуя давно усвоенному принципу «Нельзя ругать все сплошь…» [16, 97], Некрасов и в главе «Последыш» эксплицирует точки зрения «pro et contra» – наряду с образами «крестьян вольных», осчастливленных дарованной им независимостью, помещает образ «дворового человека» Ипата, преданного старому барину и участливо переживающего обрушившееся на него (на них) «несчастье».

Известно, что крепостных крестьян, оставшихся при господах после Манифеста о воле, было немало. В русской литературе такие образы получили глубокую художественную рефлексию, в частности – в образах пушкинских крестьян из «Дубровского», в образе Савельича из «Капитанской дочки», Захара из романа И.А. Гончарова «Обломов», в образе старого Фирса из «Вишневого сада» А.П. Чехова и др. Однако у Некрасова образ Ипата шаржирован, наделен чертами нелепыми, смешными, обедняющими образ преданного слуги. Доминирующей лексемой называния дворового становится слово «раб», которое использует не повествователь, не сторонние герои, но сам персонаж-слуга. Некрасов подбирает для истории Ипата такие эпизоды, которые со всей несомненностью должны вызвать у читателя неприятие, подчеркнуть в преданном слуге рабское начало, отсутствие самоуважения. Это эпизод из детства героя [10, 94], это забавы молодости героев [10, 94–95], это так называемый «зимний» («дорожный») эпизод [10, 95] – во всех них Некрасов воссоздает характер Ипата таким образом, что вновь начинают звучать ноты «тяжелой крестьянской доли» и тем самым поддерживается характеристика вельможи-*самодура*. Даже сегодняшняя забота Ипата выглядит комичной: «За стулом в белом галстуке / Ипат, дворовый преданный, / *Обмахивает мух*» [10, 105]. Если у Пушкина образ преданного Савельича поддерживает благородство характера Петра Гринева, если у Гончарова образ Захара оттеняет сущность обломовской натуры Ильи Ильича, то у Некрасова образ слуги Ипата в еще большей степени дискредитирует образ затейника-князя, в качестве игрушки-забавы избирающего живого человека.

С введением образа послушного и преданного раболепного слуги, жалкого и ничтожного, вызывающего чувство презрения и брезгливости, образ благородного и степенного князя снижается в еще бо́льшей мере, становясь своеобразным «зеркалом» для отражения «подлости» всей крепостнической России. Более того, в традиции балагана по мере развития сюжета образ князя обретает (почти) инфернальные черты: «Последыш говорил! / Язык его не слушался: / Старик слюною брызгался, / Шипел! И так расстроился, / Что правый глаз задергало, / А левый вдруг расширился / И – круглый, как у филина, – / Вертелся колесом» [10, 108]. Шипение уподобляет барина змею-оборотню, одноглазость и верчение *левого* глаза становится у Некрасова не признаком болезни, но приметой чертовщины,

упомянутый филин – ночная птица, сопровождающая всяческую нечисть. Портрет князя мистифицирован и эсхатологизирован.

Некрасов намеренно снижал образ князя Утятина во имя провозглашения важной для демократических кругов мысли о самодурстве и спеси всего дворянского сословия. И – в скоморошеской традиции – эту тенденцию поддерживает и усиливает шутовство крестьян-вахлаков: «Морочить полоумного / Нехитрая статья» [10, 97].

В представлении крестьян князь полоумен, даже отдаленно мотив сочувствия старому барину в его «останные часы» [10, 97] поэтом не *предусматривается*. Крестьяне Больших Вахлаков дружно соглашаются морочить старого больного помещика на утеху «всей вотчины» [10, 97]. Референом звучат мотивы: «Сойдемся – смех! У *каждого* / Свой сказ про юроди*в*ого / Помещика…» [10, 99], «Опять смеется вотчина…» [10, 100], «Покатилися опять крестьяне со смеху…» [10, 100–101], «Шутили мы, дурачились…», «Смеются мужики…» [10, 112], «Так смех и разобрал…» [10, 113] и т. д.

В ситуации, таким образом воссозданной Некрасовым, когда над больным барином (человеком) смеются все крестьяне (не один староста Клим, не только старостиха, но все вахлаки), осуждения оказываются достойны и одни, и другие, и старые, и молодые, и богатые, и бедные, и помещики, и крестьяне. Вся глава – от начала до конца – решается в стилистике издевательства, опорочивания (тех и других), оглупленной ярмарочной игры, предложенной одними и принятой к исполнению другими. Весь текст главы оставляет впечатление нравственной неполноценности, моральной недоброкачественности, даже ущербности – как герои, так и их создатель оказываются вне нравственной правды.

Попытка включить в единый блок поэмы «Кому на Руси хорошо» главу «Последыш» (созданную, как помним, через семь лет после первой части), с одной стороны, выглядит на этом фоне случайной и необязательной, с другой (если предположить намерение автора снова вернуться к тексту ранее незавершенной поэмы), – ослабляет общее впечатление от начальных глав, демонстрирует чужеродность им. Характер гротесково-балаганного изображения нетипичной ситуации, выдаваемой за типичную, пафос гиперболизованного сатирического обличения (бар и крестьян), сближающего Некрасова с Салтыковым-Щедриным, снижение и даже утрата сюжетно-композиционной роли героев-странников, сбой нравственных критериев внутри создаваемого поэтического пространства – все это ставит под сомнение не только причастность «Последыша» предшествующему тексту, но и художественные достоинства самого фрагмента. Потому, на наш взгляд, правильнее и справедливее было бы признать неорганичность главы «Последыш» первым главам поэмы, чем пытаться искусственно изыскивать точки несуществующего соприкосновения, доказательства «трансформации» плана поэмы (см., например, комментарий к Собранию сочинений). В контексте творческого наследия Некрасова «Последыш» должен занять отдельную и самостоятельную позицию, несмотря на (неоправданное) намерение автора присовокупить его к ранее незаконченному произведению.

Будучи изолированным от текста предшествующих глав поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Последыш» формирует собственный замкнутый поэтический мир, подчиняется логике своих внутренних законов, и в таком виде он может актуализировать иные смысловые коннотации и быть рассмотренным (оцененным) с иной точки зрения. Признание поэтом самостоятельности «Последышу» придало бы ему большую цельность и значимость.

Литература

1. *Евгеньев-Максимов В. Е.* Творческий путь Н. А. Некрасова / В.Е. Евгеньев-Максимов. – М.; Л.: АН СССР; ИРЛИ (Пушкинский Дом), 1953. –282 с.

2. *Гин М.М.,* Евгеньев-Максимов В.Е. Семинарий по Некрасову / М.М. Гин, В.Е. Евгеньев-Максимов. – Л.: ЛГУ, 1955. – 228 с.

3. *Скатов Н.Н.* «Я лиру посвятил народу своему…»: о творчестве Н.А. Некрасова / Н.Н. Скатов. – М.: Просвещение, 1985. – 174 с.

4. *Скатов Н.Н.* Некрасов: Современники и продолжатели: очерки / Н.Н. Скатов. – М.: Сов. Россия, 1986. – 336 с.

5. *Скатов Н.Н.* Некрасов / Н.Н. Скатов. – М.: Молодая гвардия, 1994. – 411 с.

6. *Мельгунов Б.В.* Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы / Б.В. Мельгунов. – Л.: Наука, 1989. – 280 с.

7. *Пайков Н.Н.* Феномен Некрасова: избр. статьи о личности и творчестве поэта / Н.Н. Пайков. – Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. – 120 с.

8. *Прийма Ф.Я.* Некрасов и русская литература / Ф.Я. Прийма. – Л.: Наука, 1987. – 264 с.

9. *Тарасов А.Ф.* Некрасов в Карабихе / А.Ф. Тарасов. – 3-е изд., доп. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. – 224 с.

10. *Некрасов Н.А.* Полное собр. соч. и писем: в 15 т. / Н.А. Некрасов. – Л., СПб.: Наука, 1981–2000. – Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. – Л.: Наука, ЛО, 1982. – 688 с.

11. *Розанова Л.А.* Волга – река Некрасова / Л.А. Розанова // Карабиха: ист.-лит. сб. – Вып. 1. Ярославль: Вержне-Волжск. изд-во, 1991. – С. 85–102.

12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1999. – Т. 1. А–З. – 544 с.

13. *А. <В. Г. Авсеенко>* Реальнейший поэт / А. // Русский вестник. – 1874. – № 7. – С. 440.

14. *Белоголовый Н.А.* Воспоминания и другие статьи / Н.А. Белоголовый. – М.: Тип-я К. Ф. Александрова, 1897. – 654 с.

15. Литературное наследство. – Т. 49–50. Н. А. Некрасов. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 655 с.

16. *Макеев М.С.* Николай Некрасов / М.С. Макеев. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 463 с.

Т.А. Тернова
Воронежский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В ЭССЕИСТИКЕ Л. УЛИЦКОЙ ИЗ СБОРНИКА «СВЯЩЕННЫЙ МУСОР»

Писательская публицистика – актуальная тенденция современного литературного процесса. К публицистической форме высказывания прибегают многие современные писатели, в числе которых А. Варламов, А. Сенчин, Л. Улицкая и др. Причину обращения к смежной с литературой публицистической форме стоит искать в желании литераторов напрямую высказать свою позицию, не прибегая к посредничеству художественного текста. Такое стремление характерно для авторов-реалистов и модернистов, что объясняется, в свою очередь, наличием в их миропредставлении категории идеала: существующего или возможного.

Публицистическое начало в творчестве Л. Улицкой малоизученно (исключением являются отдельные наблюдения Т. Григорьевой [1], Т. Прохоровой [2]). Оно проявляет себя в литературных произведениях автора и писательской публицистике, отдельные «факты» которой станут предметом наших наблюдений.

Писательница неоднократно заявляла, что считает публицистику одной из актуальных форм высказывания: «Мне кажется естественным, что для осмысления современности надо, чтобы она стала прошлым… Иначе – фельетон, эссе, публицистика. Ничего страшного в этом не вижу» [4]. В числе собственных читательских интересов Улицкой – литература нонфикшн.

Сама она является, в частности, автором сборника рассказов, эссе и интервью «Священный мусор» (2012 г.). Показательно, что под одной обложкой автором собраны тексты, принадлежащие полю литературы и полю жизни. Книга имеет подзаголовок «Поднимаясь по лестнице Якова», отсылающий читателя к знаковой работе Улицкой, роману, связанному с историей деда писательницы. Сборник показывает, что литература Улицкой вырастает из фактов, перерабатывает, обобщает их. Аналогично построен и другой сборник Улицкой – «Бумажный театр: непроза» (2020), объединивший в себе сценарии, дневниковые записи, мемуары и пьесы.

В ряде эссе Улицкой высказываются ее взгляды на писательское творчество и на литературную работу других авторов. В частности, предметом ее внимания стал В. Набоков и его последний русский роман «Дар», посвященный феномену творчества и русской литературе. Обращение к этому тексту не случайно и связано с желанием писательницы подвести некоторые итоги XX столетия, подобно тому, как Набоков подводил в своем романе итоги литературы, предшествующей веку XX-му. Не случаен в ее материале внутренний сюжет сопоставления столетий: «В XX веке сделано научных открытий в тысячи раз больше, чем в предшествующем, X1X» [5, 36]. XX век воспринимается Улицкой как век информации: «Количество информации, которой обогатилось человечество, уже не умещается даже в самой гениальной голове» [5, 36]. К слову сказать, сама Улицкая

заявляла в интервью, что старается обойти поток информации из соцсетей, предпочитая самоуглубление и осмысление того, что можно почерпнуть более традиционными способами.

В основе осмысления писательницей языка – контаминация философских подходов XX столетия и традиционализма. Язык в ее восприятии амбивалентно связан с реальностью: «Язык созидает мир, язык его описывает. Мы знаем то, что можно выразить с помощью языка. Остальное – ценное, но – увы! – животное мычание». Она пародирует популярный в сети интернет некоторое время назад «албанский» язык, называя его «компьютерным воляпюком» по типу выражения «Букафф-многа!». Язык в ее восприятии существует и до человека, и благодаря ему. Это налагает серьезную ответственность на говорящих и пишущих. Жизнь языков и вытекает из глобальной истории, и имеет свой сценарий: «Языки как явления – или как существа? – переживали лучшие и худшие времена: расцветали, увядали, иногда и умирали, как латынь и древнегреческий» [5, 37]. Язык подобен истории в том смысле, что подчинен принципу самодвижения, который, однако, может быть скорректирован человеческими усилиями.

Выбор Набокова как объекта внимания в эссе связан именно с пониманием писательницы феномена языка. Набоков потому интересен ей, что он «единолично совершил такой прорыв в русском языке, который до него оказался посилен разве что Пушкину» [5, 37]. Прорыв, осуществленный Набоковым, она описывает следующим образом: «…созидая новую русскую литературу, совершил прорыв в русском языке, русского читателя отчасти шокирующий: своим алхимическим искусством освободил отечественную словесность от присущего ей привкуса больной религиозности, беспочвенного мессианства, социального беспокойства с оттенком истерии, чувства вечной вины, совмещенного с учительством» [5, 37]. Тенденциозность, высказанная Улицкой в оценке русской ментальности, отраженной в национальной литературе, оставим вне сферы рассмотрения. Обратим внимание на иное: связь литературы, предшествующей Набокову, и реальности для Улицкой несомненна, влияние литературы на жизнь общества отчетливо осознается («мессианство», «учительство»). Влияние Набокова, с ее точки зрения, состоит в том, что он увел литературу от прямой связи с жизнью в то поле, где есть только культура и нет национальных границ: «создал почти кристаллическую, незамутненную “высшую” литературу с нерусской степень отстранения автора от своего текста» [5, 37].

Надо сказать, что во всем эссе о Набокове в Улицкой говорит ее собственная неоднозначная эстетическая прикрепленность: говоря о ценности культуры как таковой (как модернист), она чрезмерно эмоционально «освобождается» от национальных стереотипов, «борется» с прошлым в разных его изводах (как реалист). В основе – ее мировоззрение, оформленное тезисом: «Среди многих способов познания мира – чувственного, интеллектуального, научного, художественного – есть и языковой» [5, 37]. В этом состоит ответ Улицкой на вопрос о «даре», сути гениальности, который для нее актуален, как и для Набокова. В стремлении к разноаспектному познанию реальности можно усмотреть и ее собственную писа-

тельскую стратегию как автора, стремящегося в своих текстах к симбиозу биологии и истории («Казус Кукоцкого»), искусствоведения и истории «(Сонечка») и т.д.

Решение проблемы гениальности Улицкая апробирует на личности и творческой биографии Набокова: «Что есть основное качество литературного гения? Способность раздвинуть пространство выразимого словом: до Набокова целый круг явлений, ощущений, деталей не был проговорен» [5, 37]. Набоков, с точки зрения Улицкой, сумел совместить разные способы познания реальности, научный и художественный, увлекаясь одновременно биологией и литературой [5, 41]. Писательница напоминает об эссеистике Набокова, в том числе и на биологические темы. В той же логике осмысляется многоязыкость Набокова, который выступает как «прообраз будущего человека, несущего в себе метафизику не одного, а трех языков». Одна из отмеченных Улицкой специфических черт творчества писателя – музыкальность его прозы при невысоком качестве его поэзии – своеобразное пограничье между двумя формами письма и переработки жизненного материала.

Набоков в восприятии Улицкой прорастает из реальности, из прошлого, которого уже нет. Положение на границе эпох также делает его посвоему уникальным. Живя в настоящем, он одновременно живет в прошлом, вспоминая об отце и реконструируя миф о России: «Он воскрешает в памяти исчезнувшую страну…» [5, 38].

Улицкая намечает линию сопоставления темы изгнанничества у Набокова и Джойса: «Биографии двух великих писателей, они и есть то подводное течение, которое мысли и чувства авторов поднимает из тьмы нечленораздельного в реальность литературы» [5, 39] – достаточно прямо возводя художественный результат, творчество литераторов, к пережитому ими.

С точки зрения Улицкой, творчество Набокова можно сопоставлять, но ему нельзя подражать.

Помимо литературы, книг, в тексте упомянут еще один эстетический объект – статуя сидящего Набокова в Монтрё, во дворе дома, где он жил. Памятник иллюстрирует собой набоковское пограничье – между шумным городом и интимным, частным пространством человека. Сама идея установки памятника Набокову, недооцененному современниками и рекомендованному на соискание Нобелевской премии его мировоззренческим антагонистом Солженицыным, кажется Улицкой реализацией отдельного сюжета, подготовленного уже не литературой, а жизнью.

С эссе о Набокове отчасти перекликается эссе Улицкой о Мандельштаме. Название работы является прямым переносом наименования серии скульптур Андрея Красулина, созданных в рамках конкурса для постановки памятника в Старосадском переулке Москвы, рядом с домом, где проживал брат Мандельштама.

Скульптуру Улицкая называет «переводом с одного языка на другой – с языка человеческого… на язык движения», отмечая, что «и поэт, и художник смотрят в одну сторону, черпают из одного источника» [3, 138].

Памятник Мандельштаму воспринят как метафора его творчества и «место памяти» [3, 140]. Это «отзыв чужой души» на «его глубинное благородство, миролюбие, причастность космическому» [3, 139], пластическое выражение тех открытий, которые совершал поэт.

Подобно Набокову, Мандельштам воспринимается как избранный. Подобно Набокову, он не понят современниками «эпохи москвошвея» [3, 141]. Подобно Набокову, он принадлежит двум мирам: реальному и сфере искусства: «Мандельштам был наблюдатель космоса, его переводчик и в этом смысле собеседник богов» [3, 141]. Подобно Набокову, Мандельштам обозначает собой пограничье, и из этого пограничья вырастает его творчество: он, по словам Улицкой, существовал в диссонансе эпохи и внутреннего космического порыва.

Бронза оказалась тем материалом, который максимально созвучен «самому космичному из русских поэтов XX века» [3, 141].

Эссе Улицкой о Набокове и Мандельштаме позволяют реконструировать ее представление о творческой личности и природе гениальности, которое можно обозначить в нескольких постулатах:

1) творческой может быть названа та личность, которая сознает новое, не бывшее ранее;

2) дар состоит в уникальном умении балансировать на границе искусств и жизни;

3) художник познает реальность разными способами: от научного до художественного, в метафорическом смысле, способен говорить одновременно на разных языках;

4) все виды искусства «черпают из одного источника», соотносимы друг с другом;

5) творческая личность вненациональна;

6) художник находится в сложных отношениях с современностью, но обращен к вечности.

Литература

1. *Григорьева Т.* Людмила Улицкая. Зелёный шатёр. Рецензия / Т. Григорьева. – URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/20064/>.

2. *Прохорова, Т.Г.* Документальность как художественный приём (на материале российской прозы 2010-х годов) / Т.Г. Прохорова // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 159. – № 1. – С. 184-192.

3. *Улицкая Л.* Бронза о Мандельштаме // Улицкая Л. Священный мусор: Поднимаясь по лестнице Якова. – М.: Издательство АСТ, 2017. – С. 138-143.

4. *Улицкая Л.* Для осмысления современности надо, чтобы она стала прошлым: Интервью / Л. Улицкая // Эксмо. – URL:<https://eksmo.ru/interview/intervyu-s-lyudmiloy-ulitskoy-ID4715446/>

5. *Улицкая Л.* Читая «Дар» Владимира Набокова // Улицкая Л. Священный мусор: Поднимаясь по лестнице Якова. – М.: Издательство АСТ, 2017. – С. 35-45.

Г.Н. Боева
Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна

«Зеленые берега» Геннадия Алексеева: интермедиальный аспект

Роман «Зеленые берега» написан в начале 80-х гг. (опубликован в 1990 г.) поэтом, основоположником ленинградской школы свободного стиха Геннадием Ивановичем Алексеевым (1932–1987)[1]. Это единственный роман в творчестве поэта.

По образованию Алексеев был архитектором, его кандидатская диссертация посвящена синтезу искусств архитектуры и монументально-декоративной живописи, он много лет читал лекции по истории искусств в Ленинградском инженерно-строительном институте, был одним из первых советских исследователей модерна в архитектуре – и тоже с точки зрения ее художественного синтеза. Кроме того, был талантливым художником, и его картины вполне представимы в рамках неоавангардизма западноевропейского искусства. Живопись Алексеева можно расценить как ленинградскую версию неоавангарда: это та же попытка побега из реальности, та же вера в преимущество детского взгляда на вещи и сознательная деформация реальности в духе примитивизма. Перенося нас в таинственную атмосферу города вне времени и пространства, характерную для сновидений, картины Алексеева обнаруживают близость с «метафизической живописью» Д. де Кирико. Люди же на них – схематичные, стилизованные, без лиц, сродни и безлицым героям де Кирико, и «манекенам» Р. Магритта. Был ли знаком Алексеев с их живописью? Наверняка был. Но вряд ли наверняка можно утверждать, что он намеренно следовал этой традиции. Во всяком случае, автобиографический герой романа «Зеленые берега», отвечая на вопрос, к какому направлению принадлежат его картины, говорит: «У него еще нет названия. Оно недавно возникло. Боюсь, что пока я его единственный представитель» [1, 101].

Герой романа – альтер-эго автора: василеостровец, доцент вуза, полупризнанный поэт, которого весьма скупо печатают. Такая тесная близость автора со своим героем напоминает о том, что перед нами проза поэта – об этом же свидетельствует и ритмический строй прозы: некоторые фрагменты можно счесть «вставками» верлибра.

Сюжет романа связан с явлением автобиографическому герою призрака известной певицы начала XX века Ксении Брянской (ее прототипом послужила исполнительница романсов Анастасия Вяльцева (1871-1913)), с которой у него вспыхивает роман. Действие происходит одновременно в 1983 и в 1908 гг. Коренной петербуржец, знаток города, Алексеев любовно воссоздал в романе приметы модерна – в архитектуре, предметах прикладного искусства и быта (вывесках, одежде героини, украшениях, мебели, посуде). Ксения и есть воплощение женщины модерна: своенравная,

[1] Архив поэта хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ) и еще не полностью каталогизирован.

самостоятельная, чувственная, нарядная. Автор любовно выписывает ее туалеты и интерьеры ее квартиры и дачи.

Завязка действия в романе связана с тем, что герой размышляет о своих картинах (они экфрастически выписаны, и это очевидно «двойники» подлинных картин Алексеева), об их загадочности, «абстрактности», «плоской двухмерности»: «Это просто пространство. Пространство, и все. Однако оно не пустое. В нем люди» [1, 30]. Этих людей он называет манекенами – у них нет лиц. О времени, запечатленном на картинах, говорится, что оно не движется – оно стоит. Точный экфрасис отсылает читателя к картине «Человек у окна»: «Какое-то окно. Над окном занавески. Вполне невинного вида приподнятые занавески. За окном беспредельная даль. В нее, в эту зовущую, влекущую, засасывающую даль, уходят какие-то столбы. У окна под занавесками стоит человек. Совершенно черный человек без ушей и, кажется, без волос. Он будто бы глядит в бесконечность. Его взгляд провожают столбы. Провожают и вроде бы охраняют. В картине покой и тишина. Полный покой и мертвая тишина. Временами, правда, занавески чуть колышутся – оттуда, из бесконечности, веет легкий ветерок. Но вообще-то – покой и тишина.

Признаться, бывают минуты, когда я начинаю путать себя с этим человеком» [1, 32].

Все, что происходит дальше с героем, как будто навеяно сюжетом картины «Человек у окна» (сама эта ситуация затем неоднократно повторяется), и читателю уже не различить, реально ли все происходящее или это только видения / сновидения. Роман пронизан снами (они есть почти в каждой из восьми глав), содержащими символические «ключи» к смыслу происходящего.

Вторая «сюжетообразующая картина» в романе – «Поклонение», ее просит продать ей явившаяся из прошлого Ксения Брянская. Автор картины догадывается, что картина – о ней: о безумной славе певицы, жертвой которой она стала, застреленная во время триумфального концерта поклонником-фанатиком Ковыряхиным (своего рода «двойником» Рогожина из «Идиота»).

Город населен призраками: это и призрак Брянской-Вяльцевой, и император Павел, который выходит из своего замка и начинает кормить собак, и нимфы, танцующие в Павловском парке, и оживающие картины в Эрмитаже. В финале герой едва не бросается наутек из-под копыт бронзового седока, как бедный пушкинский Евгений. Граница между Ленинградом и Петербургом размывается: современники и «люди из прошлого» запросто встречаются в том вневременном пространстве, которое сконструировал Алексеев. Все оказывается возможным в «заброшенном городе полузабытых мертвецов»: переживать страстный роман с женщиной из прошлого и одновременно навещать ее могилу, расплачиваться дореволюционными деньгами в советском ресторане и, наоборот, нащупывать в кармане советские рубли, сходя с конки.

Заглавие романа – его ключевая метафора, которая обладает смысло- и сюжетопорождающей силой (вспомним, что Э. Кассирер именно в мета-

форе видел тот механизм, из которого рождаются и миф, и язык [3, 373]). Река – одна из древнейших метафор времени, емкое выражение универсальных культурных смыслов. Один из них, связанный с представлением о быстротечности времени, был активно востребован русской литературной традицией начиная с Державина. В финале романа герой признает, что не смог «противостоять потоку времени, который смыл ее [Ксению – Г.Б.] в прошлое» [1, 324]. Часы – сквозной образ в романе (на столе героя, на башне Петропавловского собора, в антикварном магазине).

Однако заглавная метафора в романе приобретает еще один смысл, выражающий концепцию времени в живописи героя. Ксения, рассказывая о приснившейся ей реке, говорит: «У нее нет устья, она никуда не впадает» [1,118]. Это река вечности вдоль зеленых берегов, куда плывут влюбленные. В одном из видений героя это Нил, а его возлюбленная – Хатшепсут, женщина-фараон, жившая тысячелетия назад в Древнем Египте. Как и на картинах героя, его река с зелеными берегами – это само остановившееся время. Берега этой реки, «берега любви», недостижимы: во сне герой тщетно пытается достигнуть их. Трагический финал любовной истории – следствие этой невозможности. Стоячая река, недостижимые берега, неизбежная потеря.

Образ реки времени напрямую сопряжен с Петербургом – городом рек, городом, хранящим память о культуре разных эпох. Это заявлено уже в стихотворном эпиграфе о мостах над рекою времени (стихи самого Алексеева). Петербург в «Зеленых берегах» – это отражение, эхо, призрак, мечта, ностальгия. Здесь, конечно, ощутим эстетический ретроспективизм автора (его любимый стиль в архитектуре, кстати, был связан с романтической, отсылающей к Владимиру национальной версией модерна – в этом стиле и выполнена часовня-усыпальница Вяльцевой).

Алексеев-романист – художник преимущественно визуальный. Обращает на себя внимание обилие цветовых эпитетов – в названии романа ведь тоже подчеркнут, прежде всего, цвет недостижимых берегов мифической реки из сновидения. Причем это зрение эстетически опосредованное, т. к. действительность герой видит сквозь призму искусства: лошадь, впряженная в телегу, как будто сошла с полотен Васнецова; причаливающий теплоход «Айвазовский» похож на Ливадийский дворец. Все оказывается сопряженным в восприятии героя-эстета: арки сводов Петропавловского собора похожи на Пиранези, а у любимой женщины, Насти, современная фигура, барочная прическа и античный нос.

Помимо картин самого героя, в романе есть и «оживающие» портреты, и пейзажи с фигурками, лишенными масштаба. Главный же прием изображения в романе – экфрасис. С его помощью воссоздаются предметы декоративного искусства (витраж в подъезде Настиного дома в стиле модерн, предметы старины в антикварном магазине, дореволюционные вывески, ювелирное изделие – булавка с бриллиантом), архитектурные сооружения, монументальная скульптура, фотография («оживающая» фотокарточка Брянской). Можно сказать, что роман и есть экфрасис застывшего в двух измерениях города-призрака.

Само любование городом в романе «экфрастично»: его виды уподобляются картинам, как, например, в этой сцене созерцания заката: «Его композиция и его колорит кажутся тщательно продуманными. Он выглядит, как картина, как работа крупного мастера. <…>

“Не хватает только рамы, – думаю я, – большой, тяжелой, позолоченной старинной рамы в стиле рококо. И пусть он всегда висит над заливом, этот шедевр”» [1, 96].

Герои приходят в Эрмитаж, и у них на глазах оживают картины, причем в разных жанрах. Вот натюрморт: «На темно-пурпурной бархатной смятой скатерти остатки легкого ужина. Оранжево-красный вареный краб, гроздь прозрачного желтого винограда, синяя фаянсовая тарелка, ножик с костяной ручкой, массивный бокал из дымчатого стекла. В бокале недопитое светлое вино. В вине плавает полуочищенный апельсин. Срезанная ножом кожура, свернувшись спиралью, свешивается через край бокала. Тут же забытые кем-то золотые часы с брелоком на зеленой шелковой ленте» [1, 296]. Герой неловко заденет нож, и он со звоном упадет на пол…

Оживает пейзаж: «Довольно ветхие каменные городские ворота с маленькой надвратной часовенкой и с подъемным мостом, переброшенным через ров. К воротам ведет широкая песчаная дорога, с двух сторон обнесенная грубоватой деревянной оградой. У ограды стоит нищий с протянутой рукой. По дороге бегает бездомная собачонка. Вечер. Ворота еще освещены, но дорога уже в тени. Издалека доносится колокольный звон» [1, 296].

В романе можно найти экфрасисы произведений всех искусств, включая фотографию. Вот, например, как открывается взгляду фланера памятник Александру III работы П. Трубецкого на Знаменской площади: «Посреди площади возвышался монумент: на очень упитанной, мощной ломовой лошади восседал очень упитанный плечистый человек, похожий на только что виденного городового» [1, 76-77].

Вот часовня Брянской: «Серый известняк. Резьба по камню. Владимир, тринадцатый век – неорусский стиль начала двадцатого. Два небольших окна под самой крышей. На окнах толстые железные решетки и остатки стекол. Вход заложен кирпичом. Над входом неглубокая ниша для иконы и надпись: Ксения Владимировна ОДИНЦОВА-БРЯНСКАЯ ум. 16 декабря 19…

В том месте, где на камне был обозначен год смерти, небольшая выбоина. Будто ударили чем-то тяжелым» [1, 44-45].

«Архитектурных экфрасисов» в романе столь много, что в первой же рецензии на книгу она была названа «архитектурным романом»: «не только город, но и каждый дом в нем имеет свое лицо» [4, 58]. Неудивительно, что уже в наши дни Н. Горбунов, один из внимательных читателей романа, на основе сетевого проекта «Педаль сцепления с реальностью: Путешествия, вдохновленные литературой», в духе современного направления «place-based storytelling», создал блог, посвященный подробному воссозданию «топографического подстрочника» к «Зеленым берегам» [2].

Интермедиальный подход позволяет расширить смысл этого определения: его «архитектурность» оказывается еще и особого рода сконструированностью текста, что находит выражение и в четкой организации и спаянности его частей, пронизанных общим током мотивов и образов, и в стилевых особенностях (языковых и синтаксических повторах).

Но как изобразить экфрастически предметы искусств не *пространственных*, а *временных* (в терминологии Лессинга)? Алексеев прибегает к другому приему: пунктирно, импрессионистично фиксирует отдельные моменты восприятия и синтезирует их с помощью синтаксического параллелизма, например, как в эпизоде в Малом театре, куда герои пришли на балет («Петрушка» и «Весна священная» И. Стравинского): «Декорации живописны. Костюмы красочны. Музыка изысканна. Арап чудовищен. Балерина грациозна. Петрушка трогателен» [1, 91]. Тот же прием используется при передаче впечатления от пения Ксении: «Голос был красивый и страстный. Голос был грудной, теплый, мягкий, удивительно женственный. Голос был чистый и сильный. Голос был диковинный. Он тревожил и завораживал. Он то лился широко, густо и мощно, все затопляя, то журчал прозрачно и нежно, мягко обтекая невидимые преграды и устремляясь куда-то в запредельность. В нем было томленье и ликованье» [1, 79].

Примечательно, что медиумы в романе «взаимопереводимы». Вот как, например, Алексеев передает зрительные впечатления через слуховые: «Входим в совершенно пустой собор… В окна бьют косые желтые лучи вечернего солнца. Солнечные пятна лежат на плитах пола. <…> Издалека доносятся пушечная пальба, звон сабель, звон бокалов, конское ржанье, крики “ура”, крики “долой”, хрипы повешенных, русские протяжные песни, французская речь, матерная ругань, стук топоров, скрип уключин, взрывы самодельных бомб, церковное пение, колокольный звон, гудки паровозов, музыка духовых оркестров, скрежет железа о железо и опять пушечная пальба, и опять звон сабель, и опять звон бокалов» [1, 152-153].

Для экфрастических мини-зарисовок Алексеева, чаще всего выделенных абзацами, характерны лексический и синтаксический минимализм. Такой же минимализм: сведение формы к простым, графичным очертаниям, отсутствие линейной перспективы, – характерен для его живописи. Проза и живописная манера Алексеева – интереснейший материал для заключений в области интермедиальных соответствий, активно осваиваемых современной наукой. Согласно О.А. Ханзен-Леве, можно вести речь о разных уровнях взаимной трансформации между языками художественных форм: о переносе мотивов – семантических (на уровне сюжета), нарративных (стремление писателя к транспозиции – «автоиллюстративность»), дескриптивных и дискурсивно-абстрактных (экфрастичность), наконец, о переводе конструктивных принципов [4, 40-41]. В романе Алексеева мы встречаем и «сюжетные переносы», и «автоиллюстративность», и перенос приема: трехмерность миметического изображения в романе сменяется двухмерной плоскостностью, линейностью конструкции.

Герой признается в том, что ему особенно по душе город в сумеречное время, «когда исчезают объемы и на их месте остаются только силуэты,

когда царит синее и фиолетовое, лишь кое-где исчерканное красными, белыми и зелеными каракулями и уже горящего неона» [1, 48]. Это описание вполне могло бы стать экфрасисом нескольких картин самого Алексеева, на которых запечатлены улицы и площади Ленинграда. Призрачный свет ленинградских сумерек навевает герою сожаление об ушедшем, а люди на улицах именно в это время напоминают безликих персонажей его картин.

Очевидно, что интермедиальность занимала автора как эстетическая проблема (напомним, его диссертация тоже была посвящена синтезу искусств): в романе немало споров о том, в чем истинная новизна искусства, причем они ведутся и в 1908 году, и в современности – сопоставляя их, можно реконструировать и эстетические взгляды автора. Так, оказываясь в салоне начала века, герой ошеломляет гостей утверждением об устарелости мирискусников и пропагандирует Пикассо и Брака. В этом и авторская ирония, и вполне серьезная автопроекция из начала 80-х. Выходя из кинотеатра после просмотра «Амаркорда» Феллини, автор фиксирует разные точки зрения на фильм и предоставляет своему герою разъяснить природу символа (в частности, образа «быка в тумане») – его многомерность, несводимость к однозначному истолкованию. Много в романе и рефлексии по поводу соотношения реализма и новаций в искусстве.

«Зеленые берега» – роман об искусстве во всех его проявлениях и аспектах, включая аспект соотношения «высокого» и «массового». Если искать аналоги романа, то можно припомнить «Наоборот» Ж.-К. Гюисманса или «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, в которых сполна выражаются эстетические взгляды их авторов. Роман Алексеева столь же внутренне полемичен и наэлектризован спорами об актуальности искусства, подлинном новаторстве и смысле культурной традиции – с художниками (реалистом Знобишиным, «двойником» Репина) и знакомыми литераторами, которые, в отличие от главного героя, пишут, «как надо», а потому имеют тиражи, выставки и гонорары, и даже «гостьей из прошлого» Ксенией, которая стесняется своей славы на эстраде и мечтает об опере. Слава, признание, успех – все это предмет рефлексии, сомнений и колебаний героя. Непризнанность героя сублимируется в картине «Поклонение», подаренной Ксении, феноменальный успех которой у современников воспринимается как реализация этой невоплощенной мечты повествователя. Сама же любовная интрига, лежащая в основе романа, придает повествованию оттенок «сенсационного» романа, помещая его – на уровне фабулы – на границу с массовым искусством. Интересно, что как раз в середине 80-х гг. вышел на экран 7 лет лежавший на полке фильм-мюзикл «31 июня», поставленный по пьесе Д. Пристли (реж. Л. Квинихидзе, 1978), в основе которого та же фантазия о чудесной встрече разделенных веками художника и принцессы из средневековья – только там, как и положено в жанрах масскульта, все кончается счастливо и героиня остается в XX веке. Героиня Алексеева, олицетворение ушедшего Петербурга, не может не погибнуть – река вечности оказывается и рекой смерти (*смерть* как *вечность* – образ К. Вагинова, «могильщика» петербургского текста).

Как видим, «Зеленые берега» можно расценивать и как интереснейший опыт интермедиального романа, и как репрезентацию синестезии, свойственной мировидению его автора. Роман пронизан экфрасисами, он говорит голосами всех известных нам медиумов: стих и проза, живопись и декоративно-прикладное искусство, скульптура (монументальная в том числе) и архитектура, вокал и балет, кино и фотография. Между живописной манерой Алексеева и его прозой обнаруживается стилистическое родство. Заглавная метафора, оплодотворяющая роман мифологически, емко выражает авторскую концепцию времени, которая находит выражение и в живописи Алексеева. Соблазнительно увидеть в застывшем времени романа и его меланхоличной интонации отражение позднесоветского застоя, в период которого довелось жить автору.

Литература

1. *Алексеев Г.И.* Зеленые берега / Г.И. Алексеев. – СПб.: Новый Геликон, 1996. – 392 с.
2. *Горбунов Н.* / Н. Горбунов. – https://vk.com/spberega; *Минутина-Лобатина Ю.* Побег из Ленинграда в Петербург: «Зеленые берега» Геннадия Алексеева / Ю. Минутина-Лобатина // Градозащитный Петербург. – URL: https://protect812.com/2018/04/23/zelenie-berega/ (дата обращения: 04.06.2020)
3. *Кассирер Э.* Избранное: Индивид и космос / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 653 с.
4. *Орлицкий Ю.Б.* Долгий сон с пробуждением: Рец. на: Алексеев Г. Зеленые берега: Роман / Ю.Б. Орлицкий. – М.: Советский писатель, 1990 // Литературное обозрение. – 1991. – № 10. – С. 57-59.
5. *Ханзен-Леве О.А.* Интермедиальность в русской культуре: от символизма к авангарду / О.А. Ханзен-Леве. – М.: РГГУ, 2016. – 504 с.

А.А. Кретов
Воронежский государственный университет

Принципы позиционного анализа корневых морфем

Позиционный анализ составляет основу и одно из главных достижений Московской лингвистической школы – школы Ф.Ф. Фортунатова [33], [34], [25], о чем много писал и что убедительно продемонстрировал своими трудами М.В. Панов [24]. Роль позиционного анализа признана и оценена также в школе американского дескриптивизма [3], [7], [37]. На позиционном анализе, образно выражаясь, «стоит» вся научная лингвистика XIX-XX вв.: сравнительно-историческое языкознание и все направления структурализма. Разумеется, это относится и к современной лингвистике, поскольку правильное определение позиций в морфеме необходимо для установления закономерных фонетических отношений как при синхронном описании отдельного языка, так и при диахроническом описании языка – в славистике, индоевропеистике и в компаративистике вообще.

Позиционный анализ морфем (и прежде всего – корней как основы лексики) нужен для определения состава и звуковой вариации морфем и

фонем данного языка, без которого не может быть ни лексического, ни грамматического описания языка.

При кажущейся очевидности и простоте задача позиционного анализа корневых морфем далека от тривиальности, имея множество «подводных камней». Нам уже доводилось писать об этом по поводу «Индоевропейского словаря» С. Манна [38] (см. [18], [28]).

Данное исследование посвящено описанию русских корневых морфем, представленных в «Словаре морфем русского языка» [19] для последующего автоматизированного выявления чередований, составляющих фактологическую базу выявления и описания количества и качества фонем в современном русском языке, основанных на принципах системной лингвистики В. Гумбольдта [8], И.И. Срезневского [31], А.А. Потебни [26], [27], И.А. Бодуэна де Куртенэ [4] и Г.П. Мельникова [20], [21], [22].

Позиционный анализ корней – один из первых шагов в познании и описании языка. При этом важно различать *абсолютные* позиции фонов и фонем в *корне* (так мы для краткости будем называть план выражения корневой морфемы) и *относительные* позиции. В данной статье мы рассмотрим только *абсолютные* позиции.

Абсолютная позиция фонемы/фона в морфеме/морфе может задаваться порядковыми числительными: *первая, вторая, третья, четвёртая* и т. д. позиция. Например, в словоформе *строй* (сущ.) 1-ую позицию занимает фон /с/, 2-ю позицию – /т/, 3-ю – /р/, 4-ю (ударную позицию) – /ó/, 5-ю – /j=й/ (см. Таблицу 1).

Таблица 1

№ строки	**позиции:** / **словоформы**	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**
1	*стро́й*	с	т	р	**ó**	й
2	*строj(е́ние)*	с	т	р	**а**	j
3	*(*в'ы*)строj(*ить*)*	с	т	р	**ъ**	j
4	*(у)стра́j(*ывать*)*	с	т	р	**á**	j

В словоформе *стр/а/-ение* в 4-ой абсолютной позиции – фон */а/* (в 1-ой предударной акцентной позиции), в 5-ой позиции – фон */j/*, замаскированный двузначностью буквы Е: после гласного, Ъ, Ь и в начале слова она обозначает сочетание гласного с предшествующим Й=J. В словоформе *в'ы-стр/ъ/-ить* в 4-ой позиции – фон /ъ/ (в заударной акцентной позиции), а в пятой – тоже /j/, поскольку /j=й/ всегда сливается с соседним /и/. В словоформе *у-стра́-ивать* /о/ в 4-ой абсолютной позиции удлиняется в */á/*: этого требует последующий левоударный суффикс =*ыва*, а /j/ сначала превращает /ы/ в /*и*/ (по закону слогового сингармонизма, после чего /j/ сливается (в произношении и на письме) с новообразованным /и/.

Для начала мы рассмотрели простейший случай, после которого (если не принимать во внимание 5-ую абсолютную позицию, как это и сделано в словаре [19], – корень дан в формах СТРА и СТРО) определение абсо-

лютных позиций в корневой морфеме может показаться рутинным и элементарным делом. В действительности же задача далеко не так проста. Рассмотрим более сложные случаи.

Сравним формы *сон* и *сны*.

Таблица 2

№	Позиция:	1	2	3
1	*сон*	с	**О́**	н
2*	*снø(ы)*	с	**Н**	ø
3	*сøн(ы)*	с	**ø**	н

Мы (см. Таблицу 2) не имеем права в «Морфе 2*» *сны* расписывать позиции чисто формально: с-1 н-2, ы-3. И не только потому, что /ы/ принадлежит окончанию, а не корню.

Для определения позиций в морфах существует принцип: морфы одной морфемы должны быть распределены так, чтобы получить максимальное количество совпадений фонов.

В строках 1 и 2 совпадение имеется лишь в позиции 1, а в строках 1 и 3 совпадение фонов наблюдается в позициях 1 и 3. Следовательно, предпочесть мы должны определение позиций в строке 3. Такое определение позиций позволяет обнаружить чередование /о/ с /ø/ на флективном стыке, что характерно для фонемы {Ъ}.

Из принципа нумерации позиций следует, что слоговые и неслоговые звуки должны находиться в одной абсолютной позиции морфемы.

Рассмотрим более сложный случай: варьирование корневого морфа в словах *ОСТР-ый, ВОСТР-ый, на-ВАСТР-ивать, по-ОСТР-ить – по-ОЩР-ять.* Распределение фонов по абсолютным позициям представлено в Таблице 3.

Таблица 3

№	Позиция: / Морф	1	2	3	4	5
1	*вАстр*	в	А	С	т	р
2	*вОстр*	в	О	С	т	р
3	*остр*	ø	о	С	т	р
4	*ощр*	ø	о	щ^{сти}		р

В этом корне есть факультативная часть – протеза /в/, которая не нарушает тождества морфемы и не меняет её значения в отличие, к примеру, от пары *ор-вор.* Вторая сложность в определении позиций в морфах этого корня состоит в чередованиии *ст:щ*. При этом /щ/ является не бифоном, а трифоном. Ср. *по-ОСТР-И-ть : по-ОЩР-(Й)-а-ть. /*Щ/ представляет не только /*ст*/ корня, но также фон /*и*/, представляющий глагольный

суффикс. В соседстве со слоговым /*а*/ глайд {И} во избежание и во устранение зияния реализуется в своём неслоговом варианте /*й*/. А последовательность /*стй*/ на суффиксальном стыке всегда реализуется как /*щ*/, при этом (в южнославянской подсистеме современного русского языка) сонанты {Р}, {Л}, {Н} «прозрачны» для йотации: «вбирая» в себя /й/, они тем самым обретают способность к йотации предшествующих согласных, поэтому они не только не препятствуют йотации, а способствуют ей (ср. *послать-пошлю, весна-вешний*).

Полифоны типа /щ/ (бифоны, трифоны и т.д.) представляют главную сложность для позиционного анализа фонов в морфемах, составляя как практическую, так и теоретическую проблему.

Начнём немного издалека. Что такое *дифтонги*?

Дифто́нг (др.-греч. δί-φθογγος *от* др.-греч. δίς (δῐ-) ‘дважды, двукратно’ и φθόγγος – ‘звук’, буквально – ‘двузвучИе’) «сложный гласный, состоящий из двух элементов». «Фонологическим свойством дифтонга является его… нечленимость на 2 фонемы» – «**невозможность** морфологической границы внутри дифтонга». «В < … > дифтонгах один элемент является вершиной слога, а второй (так называемый *глайд*, или *полугласный*) лишь сопутствует ему… В зависимости от положения вершины слога различают дифтонги… **н и с х о д я щ и е** , в которых слогообразующим является первый элемент (например, нем. [а̯е] *Leid*, англ. [а̯ı] *my*), и **в о с х о д я щ и е** , в которых слогообраующий элемент – второй (например, франц. [ı̯е] *pied*)». «Обычно дифтонги обладают большей длительностью, чем *монофтонги*» [Бондарко 1990а].

К этому следует добавить, что д и ф т о н г и н е с у щ е с т в у ю т б е з в н е с о о т н е с ё н н о с т и с д о л г и м и г л а с н ы м и – м о н о ф т о н г а м и . Эта соотнесённость может проявляться *диахронически* – в процессах **монофтонгизации** (превращения дифтонгов в монофтонги) и **дифтонгизации** (превращении монофтонгов в дифтонги) или *синхронически* – в виде **чередований** дифтонгов с монофтонгами.

И ещё одно важное для понимания сущности дифтонгов положение: дифтонг – асимметричная лингвистическая единица. Это асимметрия речевых форм (обозначим их русской буквой *ф*) – звуков и их языковых функций (обозначим из латинской буквой *f*) – фонем.

Формула дифтонга – 2*ф* : 1*f.*

Теперь мы можем определить д и ф т о н г как с л о ж н у ю в о к а л и ч е с к у ю е д и н и ц у , с о с т о я щ у ю и з с л о г о о б р а з у ю щ е г о э л е м е н т а и с о н а н т а , п р е д с т а в л я ю щ и х о д н у ф о н е м у и ч е р е д у ю щ и х с я с м о н о ф о н о м (д о л г и м г л а с н ы м) .

Сравним формы *просунуть /пра-сУ-ну-т’/* и *просовывать /пра-сОв-ывъ-т’/.* В одном случае корень представлен морфом *-су-*, а в другом – *-сов-*.

Рассмотрим проблему не только в теоретическом, но и в практическом аспекте (см. Таблицу 4).

Таблица 4

№ строки	Позиция: / Корень	1	2	3
1	*сов-*	с	о	в
2	*су-*	с	у	ø
3	*су-*	с	ø	у
4	*су-*	с	у	
5	*сов-*	с	*ов*	

Налицо чередование *у:ов.* Осталось решить, как его толковать: как результат монофтонгизации /ов/ или как результат дифтонгизации /у/. В первом случае */у/* окажется бифоном, представляющим фонемы {О} и {В}, т.е. */у/*^{ов}, а во втором – */ов/* окажется дифтонгом, представляющем фонему {У}.

Оба наблюдаемых варианта, находящихся в позиции 2, выводятся из сочетания фонем {О} и {У}: **ои* > *у*, **ои* > *ов.* Поэтому по теоретическим соображениям корень следует записать в этимологической транскрипции как {соу-}.

Практически же вопрос стоит так: выравнивать столбцы по *сов* – или по *су*-? Рассмотрим оба варианта. Начнём с *сов-* – позиций должно быть три. А у *су-* всего два фона. Следовательно, третья позиция должна быть нулевой. Этот вариант представлен в строке 2 таблицы 4. Такое решение соответствует алгоритму выравнивания по слогообразующим звукам и предполагает чередования */о:у/* и */в:ø/*. Чередование */о:у/* в русских морфемах не известно. Утрата /в/ перед *-ну* – тоже (ср. *кивнуть, зевнуть, давнуть, ревнуть*). Таким образом, данный вариант следует отклонить как некорректный. Второй вариант согласования *сов-* и *су-* по числу позиций представлен в строках 1 и 3 Таблицы 4. Он предполагает чередования *о:ø* и *в:у*. Сами по себе оба чередования в русском языке представлены – *сон:сн(а), завтра:заутра*. Беда в том, что в корен *сов-* не имеет варианта **св-*, а следовательно, О в нём не беглый, а стабильный, представляющий фонему {О}, никогда не чередующуюся с нулём звука. Следовательно, и второй вариант выравнивания корня по морфу *сов-* мы должны отклонить.

Остаётся выравнивание по морфу *су-*, представленное в строках 4 и 5 Таблицы 4. Он также соответствует принципу выравнивания по слоговому элементу: и */у/* и */ов/* образуют слог. Преимущество в том, что чередование *у:ов* хорошо известно, как в современном русском языке, так и в исторической фонетике славянских и индоевропейских языков. Наличие этого чередования указывает на бифонемность /у/^{оу} и наличие в корне трёх фонем: {С}, {О} и {У}, из которых естественным и закономерным образом выводятся морфы */сов-/* и */су-/*. Сделаем обобщение: 1) при определении позиций в корне следует допускать возможность чередования элементарных звуковых сегментов со сложными, осуществляя позиционное выравнивание по элементарным; 2) получаемые в

результате выравнивания чередования не должны противоречить фактам текущего состояния языка и его истории.

Теперь мы можем вернуться к Таблице 3 и переписать её «в свете открывшихся обстоятельств» (см. Таблицу 3а).

Таблица 3а

№	Позиция: / Морф	1	2	3	4
1	*вАстр*	в	А	ст	р’
2	*вОстр*	в	О	ст	р
3	*остр*	ø	о	ст	р
4	*ощр*	ø	о	щ	р’

В результате получено новое чередование *ст:Щ,* которое и подлежит осмыслению. Выше мы рассмотрели дифтонг – «**сложную вокалическую** единицу, состоящую из слогообразующего элемента и сонанта, представляющих одну фонему и чередующихся с монофоном».

А нет ли **сложных консонантных** единиц, чередующихся с монофоном и представляющих одну фонему? В русском языке это *аффрикаты* Ч=/т’ш’/ и Ц=/тс/. Ср. аллофонную функцию Ч в исконной подсистеме: *ру**к*** – *ру**ч***-ек и Ц в церковно-славянской подсистеме: *Рука Всевышнего*, но *Все в ру**ц**е Божией*).

Присмотримся к термину *аффриката*: (из лат. *ad-* ‘к, при’ и *frico* ‘тру’; лат. *affricata* – буквально ‘притёртая’) «смычно-щелевой согласный звук, разновидность смычных», у которых «фаза смычки заканчивается не взрывом, а плавным переходом к щелевой артикуляции» [12, 43].

Внутренняя форма термина показательна: она указывает на движение к фрикативному элементу аффрикаты и тем самым ставит его в центр аффрикаты как признак, отличающий её от остальных смычных консонантов.

Отметим, что типичной, универсальной, представленной во всех языках мира формой слога является СГ. При этом Г – всегда размыкатель рта, а С – как правило, смыкатель. Это логично: чтобы разомкнуть рот, его надо предварительно сомкнуть и наоборот. Речь состоит из последовательных смыканий и размыканий рта. Поэтому язык избегает, прежде всего стечения, скопления, соседства смыкателей рта[1] (обозначим их вертикальной чертой «|») и в меньшей степени – соседства размыкателей рта (обозначим их горизонтальной чертой «_». Так, например, с гласными сочетаются не только смычные согласные: *по* (предлог), *то* (местоимение), *ко* (предлог), но и фрикативные: *фу* (междометие), *со* (предлог), *за* (предлог), *ша* (межд. и название буквы), *ща* (название буквы), *же* (частица и союз), *ха-ха* (межд.).

Если же гласному предшествуют два согласных, то их нормальная последовательность – _|_ (размыкатель-смыкатель-размыкатель), например,

[1] Ср. *лёгонький*, но *лё**г**кий* /хк/ [30; с.246], *ве**д**у*, но *ве**ст**и* (вм. *ве**тт**и*).

/сто/, */што/*. Аффриката представляет собой попытку не перепрыгнуть, а обойти этот столб-закон: |_ _ – или /т'(ш:')а/ – она «прикидывается» смычным, а свой фрикативный элемент «прячет», маскирует как «неудачный», «не совсем чистый» переход от смычного к размыкателю-гласному: *ца*/т(с)а́/-*пля, ча*/т'ш:' а́/-*ща*. Как мы помним, дифтонги бывают восходящими и нисходящими. На шкале, предложенной Г.А. Хабургаевым, «смычные согласные оказываются более звучными, чем фрикативные» [35]. Соответственно, звучность аффрикат можно представить последовательностью 21.

Если аффрикату с последовательностью 21 признать «нисходящей» от смычной к фрикативной составляющей, то логично предположить существование её зеркально симметричной пары типа 12, «восходящей» от фрикативной к смычной составляющей и чередующейся с монофоном. И такой сложный консонант существует: это */жд/* – в южнославянской подсистеме современного русского языка. Если последовательность 21, направленная к (*ad*-) фрикативной, называет *аф-фрикатой*, то консонантную последовательность 12, направленную **от** (***de***-) фрикативной, логичнее назвать ***де-фрикатой***.

Интересно, что русский /ш:'/, обозначаемый буквой Щ в церковнославянском языке имеет соответствие ШТ (*свѢшта*), а первоначальное начертание Щ имело диакритику по центру, ибо представляло букву Ш, стоящую на букве Т (тем самым обозначался особый – целостный, единый статус дефрикаты ШТ). Таким образом, обнаруживается зеркально симметричная пара из аффрикаты и дефрикаты: Т'Ш'(Ч) : Ш'Т' (Щ), парой дефрикаты ЖД является звонкий вариант аффрикаты Ч – /Д'Ж'/.

А вот парой к Ц (=/тс/) могла бы стать дефриката /ст/, чередующаяся с Щ. Поскольку /зд/ чередуется с /ж:'/, то её тоже можно было бы признать дефрикатой парной звонкому варианту /ц/ – /дз/. А если вспомнить о греческой аффрикате /кс/, обозначаемой специальной буквой кси «ξ», и о постоянных метатезах в последовательностях *ks ↔ *sk в самых разных индоевропецских языках на протяжении тысячелений, то гипотеза о наличии в русском языке дефрикаты /ск/, чередующейся с /х/ < хх < кх < кс (по закону Педерсена) не покажется невероятной. (Ср. чередование в имени: *Але**кс**ей : Алё**х**а*).

Сравним *овце-вод, вож-ак, вождь*. В корне этих слов наблюдаем чередование *д:ж:жд*. При этом ни *ж,* ни *жд* не являются аллофонами *д*: они являются бифонами, представляя фонемы {Д} и {Й}. Но бифон */ж/*^{дй} имеет место в исконной подсистеме, а дефриката по форме и бифон по функции */жд/*^{дй} представлен в южнославянской (церковно-славянской) подсистеме. При этом важно учесть, что при определении позиций элемент /ж/ не представляет фонему {Д}, а элемент /д/ – не представляет фонему {Й}.

Корректное определение позиций в этих корнях возможно только в позициях 1 – /в/ и 2 – /О/. Последовательность */д/-/ж/-/жд/* не является последовательностью аллофонов и при определении фонем не должна учитываться. В более общем виде требование звучит так: при определении состава фонем данного языка следует учитывать только аллофоны (монофоны) и не при-

нимать во внимание последовательности, содержащие полифоны (бифоны, трифоны и т.д.).

Корректное представление последовательности /д'/-/ж/-/жд/ на примере слов *проводить, провожать, сопровождать* см. в Таблице 5.

Таблица 5

№	позиции: / слова	1	2	3+1	1
1	*про-води*(ть)	в	о	д+и	-
2	*про-вожа*(ть)	в	о	ж^{ди}	А
3	(со)*про-вожда*(ть)	в	о	жд^{ди}	А

Обратимся к ещё более сложному случаю, представленному в анализируемом словаре, – *ТРЁЗВ-* (*тверёз-*) [19, 358] и обнаруживаемому в словах *трезвый* и *тверёзый*.

Если пронумеровать позиции чисто формально (см. Таблицу 6), осмысленный результат окажется только в позициях 1 и 3. Причём в позиции 1 – закономерно, а в позиции 3 – случайно.

Таблица 6

№ строки	позиции / морфы	1	2	3	4	5	6
1	*трезв-*	*т*	*р*	*е*	*З*	*в*	
2	*тверёз*	*т*	*в*	*е*	*Р*	*ё*	*з*

«Чередований», подсказываемых позициями 2 (*р:в*), 4 (*з:р*), 5 (*в:ё*) и наконец 6 (*ø:з*), науке о русском языке не известно. А если вспомнить первый и главный принцип (принцип максимального совмещения морфов, представляющих один корень), то дело обстоит не так уж плохо: *трезв-* (без учёта позиций) отличается от *тверёз-* только на лишнее *ё /'о/*.

В этом случае мы столкнулись сразу с двумя осложнениями: полногласием~неполногласием плавных (*ре ~ ерё*) и «как-бы-метатезой» *р↔в.*

Чередования, связанные с преобразованием славянских плавных в группах *tort, tolt, tert, telt*, представляли затруднение ещё для Бодуэна, и он толковал их «целиком»: *tort~ torot / trat*.

Вопрос их корректного представления, насколько нам известно, нигде не описан и не обоснован.

Возьмём «чистый» случай метатезы плавных: в-сл. *дорог(ой) – ю-сл. драг(ой) – з-сл. (польск) drogi*. Аналогично: в.-сл. *молод(ой)* – ю.-сл. *млад(ой)* и з.-сл. *młody.* Тут в корне совпадают только начальные /д/, /м/ и конечные /г/. /д/ Можно, конечно, как это и делал Бодуэн, говорить о соответствии восточнославянских *оро/оло* южнославянским *ра/ла* и западнославянским *ро/ло.* Такое утверждение корректно, но оно является скорее констатацией проблемы, чем её разрешением: по сформулированному выше принципу мы должны выравнивать эти сегменты по плавным: *оро-øра-øро и оло-øла-øло.* В таком случае в позиции 3 будет иметь место

чередование /о/ ~ /а/, вызываемое удлинением {О}, в позиции 2 будет иметь место полное совпадение плавных, а в позиции 1 – чередование /о/ с /ø/, в котором реализуется фонема {Ъ}.

Тут уместно прислушаться к аргументации, предложенной И.Б. Иткиным: «Существование корней типа *кол-* (ср. *укол*), имеющих структуру TOR, но выступающих в виде TORO (ср. *колоть*) или TRA (ср. *заклание*) перед последующим согласным позволяет сделать вывод о том, что и у «закрытых» морфем типа *город-* ~ *град-*, *полон-* ~ *плен-* ИМП [исходное морфонологическое представление – А.К.] должно иметь вид типа |горд|, |пе$_1$лн|» [10а, 270].

Это соображение связывает современное состояние языка с его историей. Перед нами диалектическое противоречие, разрешить которое можно только «погружением в основание», т.е. принятие той формы, какая предшествовала вост.-сл. полногласию, южн.-сл. неполногласию и зап.-сл. (в лехитских языках) – усечённому полногласию.

Ключевым в данном случае является объяснение полногласия и удлинения корневого гласного при неполногласии. Для объяснения процессов с плавными достаточно привлечения 4 законов.

- **Возрастающей звучности в слоге (ЗВЗ)** [35], [32]:

Согласный		Сонант		Гласный
Фрикативный	Смычный/аффриката	Неплавный	Плавный	
1	2	3	4	5
Условные веса составляющих слога				

В соответствии с этим законом условные веса элементов слога могут только возрастать и не могут ни убывать, ни оставаться на одном уровне.

- **Слогового сингармонизма (ЗСС)** Р.О. Якобсона, формулируемого как уподобление соседних согласных и гласных по тембру (диезности-недиезности), из чего следует, что звонкость-глухость и диезность-недиезность являются характеристиками слога (группофонемы), а не отдельных фонем [9,10].

- **Недопустимости зияния внутри основы слова (ЗНЗ)** не принято формулировать в явном виде. Из лингвистов на него обратили внимание, кажется, лишь С.Ю. Адливанкин [1], [2] и И.Б. Иткин [10а].

- **Компенсации утрачиваемой звучности (ЗКЗ).** Это закон представляет собой лингвистический аналог закона сохранения энергии.

Науке известно три типа вокализации (и отражения на письме) и.-е. слоговых плавных в индоевропейских языках-потомках: 1) **Стандартный** (германский, армянский, албанский, балтийский, италийский и др.) – *препозиционная* (относительно сонанта) *вокализация*: TṛT > T^{v}rT; 2) **Кельтский** – *постпозиционная вокализация* TṛT > TrT^{v} и 3) **Авестийский** – *циркумпозиционная вокализация*: TṛT > T^{v}rT^{v}. Символ «^{v}» обозначает вокалический па́звук (бемольный или диезный), выделяемый перед, после или вокруг сонанта. Принципиально важно: выделение вокалического па́звука – это не утрата слоговости сонанта, как часто полагают, а именно спо-

соб его реализации. (Если на письме слоговые сонанты обозначаются особыми буквами – □, □, это вовсе не означает, что у них нет пазвуков).

Эти три типа вокализации поразительно похожи на три типа ударения в древнегреческом языке: «В древнегреческом языке имелось три типа музыкального ударения: *акут* с восходящим тоном, *гравис* с нисходящим и *циркумфлекс* с восходяще-нисходящей интонацией» [16, 87]. Циркумфлекс «представлял собой «составный», т. е. сложный, тон, <…> *соединение «острого» и «тяжелого» тонов*» [https://jazykoznanie.ru/697/ Дата обращения 13.08.2020 г.].

Так, *стандартная* вокализация ᵛr соответствует *гравису* с его **нисходящим** тоном ↘, *кельтская* вокализация rᵛ напоминает *акут* с его **восходящим** тоном ↗, а *авестийская* вокализация ᵛrᵛ похожа на *циркумфлекс* – тем, что состоит из двух предыдущих ↘↗ (с той разницей, что вокализация при неслоговом элементе в середине является **нисходяще-восходящей**). По свидетельству лингвистов МГУ, «некоторые исследователи рассматривают акут как **нисходяще-восходящую** интонацию» [29]. Так что и этой последовательности в музыкальном ударении есть свой полный аналог (разумеется, если говорить о сути, отвлекаясь от хитросплетений терминологии).

Есть и ещё одна интересная аналогия – *дифтонги* («Дифтонг – сложный гласный, состоящий из двух элементов, образующих один слог» [5]) и *трифтонги* («Трифтонг – сложный гласный, состоящий из трех элементов, образующих один слог» [6]).

«В < … > дифтонгах один элемент является вершиной слога, а второй (так называемый *глайд*, или *полугласный*) лишь сопутствует ему (например, в английском, немецком языках). В зависимости от положения вершины слога различают дифтонги… **н и с х о д я щ и е** , в которых слогообразующим является первый элемент (например, нем. [a̯e] *Leid*, англ. [a̯ɪ] *my*), и **в о с х о д я щ и е** , в которых слогообразующий элемент – второй (например, франц. [i̯e] *pied*)» [5, 138]).

«Наиболее изучены трифтонги английского языка, однако фонематическая трактовка их неоднозначна» [6, 520]. Исходя из того, что английские *трифтонги* **[aiə, auə]** (ср. *fire, our*) состоят из дифтонгов **[ai, au]** и нейтрального гласного **[ə]**, имея в середине неслоговые варианты глайдов *i-u*, а также принимая во внимание их артикуляционную траекторию (см. Рис. 5.8. в книге [14, 290]), следует признать их **нисходяще-восходящими**.

Наблюдение над группами TЪRT, TЬRT, TЪLT, TЬLT показывает: в южнославянских языках (а также чешском и словацком) слоговые плавные вокализуются *постпозиционно* – по кельтскому типу: *врьхъ*, *гръдъ*, а в севернославянских – (лехитских и восточнославянских) *препозиционно* – стандартно: *вьрхъ*, *гърдъ*.

Слова с u-основами сюда вообще не относятся: *кръвь, бръвь*, а слова типа *бревно, блоха, глотка, слеза, блеснуть* и т.д. имеют не пазвуки слоговых сонантов, а сочетание неслоговых плавных с исконными редуцированными Ъ и Ь, ведущие себя одинаково во всех славянских языках.

Важно обратить внимание и на поведение групп ORT, OLT: в них происходит метатеза, но последовательное удлинение гласного наблюдается только в южнославянских: **orbъ* > ц.-сл. *рабъ*, но русск. (*хлебо*)*робъ*.

В севернославянских же удлинение или не удлинение гласного зависит от характера музыкального ударения:

«На севере различия <…> зависели только от интонации: при восходящей <…> в сочетания с *ра- ла-*, при нисходящей <…> в сочетания с *ро-, ло-*» [15, 88-89]. «Историки языка полагают, что такие изменения начались еще до преобразования в группах типа **tort*, с конца VIII в. н. э.» [15, 88].

Почему же разный тон гласных приводит к их удлинению или не удлинению? Ответа на этот вопрос в научной литературе найти не удалось.

Тут уместно вспомнить о способности слоговых вариантов сонантов перенимать все особенности гласных. В раннем праславянском гласные различались по долготе-краткости и тону. Слоговые плавные также имели эти различия.

Предположим (только предположим!), что *восходящий* тон слогового плавного мог реализовываться его постпозитивной вокализацией (от неслогового сонанта к слоговому па́звуку), а *нисходящий* тон слогового плавного мог реализовываться его препозитивной вокализацией (от слогового пазвука к неслоговому сонанту),

Условимся *восходящий* тон обозначать как **ó-□/□, нисходящий* тон – как *ò-□/`□*, а *облечённый* тон – как *ô-□ /□□*.

Осталось сделать ещё одно (вполне правомерное) допущение: слоговой сонант, будучи частью слога и морфемы, не мог иметь тона, отличного от тона предшествующего гласного, и тип его вокализации зависел от интонации гласного.

В таком случае при **восходящей** интонации мы имели бы **восходящую** (постпозиционную) вокализацию и следующий ряд фонетических процессов:

1) **ór-dlo* (54-235) > **ó-□-dlo* = **ó-rъ-dlo* (5-5-235). **ól-nь* (54-35) > **ó-□-nь* = **ó-lъ-nь* (5-5-35). В результате этого процесса выполнен закон восходящей звучности в слоге (ЗВЗ), но ценой нарушения *запрета на зияние* (соседство двух слоговых звуков) в морфеме.

2) Именно потребность в устранении зияния вызывает к жизни метатезу[1], позволяющую плавному стать неслоговым и передать свой па-

[1] Тут мы должны ответить В.Н. Чекману, писавшему: «метатеза плавных – уникальное явление в ходе развития тенденции к открытому слогу; в рассмотренных нами языках аналогии ей не имеется» [36, 148]. Во-первых, метатеза чаще всего связана именно с плавными. Во-вторых, в отличие от носовых и глайдов, плавные не имели возможности передать свой признак предшествующему гласному и образовать монофтонг без потери информации. Единственным способом, кроме метатезы, выполнить ЗВЗ была бы утрата плавного, что вело бы к существенной утрате смыслоразличительной информации и, как следствие – к массовой омонимии корней, чрезвычайно затруднившей бы процесс общения. Метатеза позволяла этого избежать и вместе с тем выполнить ЗВЗ. В-третьих, метатеза – не уникальное, а

звук гласному: **ó-rъ-dlo* (5-5-235) > **rъó-dlo* (45-235) > **rō-dlo* (45-235) > **rá-d□□o* (45-235) = *рало; *ó-lъ-nь* (5-5-35) > **lъó-nь* (45-35) > **lō-nь* (45-35) > **lá-nь* (45-35) = *лань*.

При **нисходящей** интонации имела бы место **нисходящая** (препозиционная) вокализация, и картина была бы иной:

1) **òr-stъ* (54-125) > **ò-□-stъ = **ò-ъr-stъ* (5-5-125); **òl-kъ-tь* (54-25-25) > **ò-`□- kъ-tь = **ò-ъl-kъ-tь* (5-5-25-25);

2) **ò-ъr-stъ* (5-5-125) > **ъrò-stъ* (45-125) > **rò-stъ* (4-5-125) = *рост; *ò-ъl-kъ-tь* (5-5-25-25); > **ъlò-kъ-tь* (45-25-25) > **lò-kъ-tь* (45-25-25) =*локоть*.

Вокалический пазвук, отдаваемый влево, в абсолютном начале слова закономерно утрачивается, как утратился бы редуцированный в слабой позиции перед гласным полного образования. Этому способствует и недопустимость открытого слога в начале севернославянского слова. В результате у севернославянских языков **нисходящая** интонация в группах **ort- *olt-* даёт *ро- ло-*, а **восходящая** – *ра- ла-*. За неимением другого объяснения влияния интонации на долготу гласного можно рассмотреть и обсудить вышеизложенную.

Как справедливо указывает В.В. Колесов, этот процесс протекал до (далеко не строгого) обобщения южнославянскими языками *кельтского* варианта вокализации плавных, а севернославянскими (также далеко не строго) – *стандартного*. Быть может, этот процесс имел место ранее VIII в. н. э. Связь интонации с вокализацией плавных позволяет объяснить наличие разных типов вокализации в одном и том же идиоме, но, конечно, не в одних и тех же словах.

В южнославянских языках плавные отдают вокалический па́звук вперед, поэтому гласный [о] за счёт па́звука удлиняется в [а]. В северных языках плавные после метатезы отдают слоговой пазвук [ъ] назад, где он, находясь в слабой позиции, закономерно утрачивается, видимо, ещё до падения редуцированных, ибо северные языки – в отличие от южнославянских – не терпят [ъ] и [о] в абсолютном начале слова.

Поскольку южнославянские языки терпимы к неприкрытому началу слова на [о], в них был испробован и безметатезный вариант выполнения ЗВЗ: **ol-dii > o-ъl-ъ-dii > oъ-lъ-dii > ō-lъ-dii*, что дало ст.-слав. *а-лъ-дии*, *а-лъ-кати, а-лъ-чьнъ*. Объяснить начальный [а] как результат удлинения О за счёт вокалического пазвука слогового плавного можно, предположив существование южнославянских диалектов, отражающих вокализацию слоговых плавных по *авестийскому* (*циркумпозиционному*) типу: о-ълъ-дии > оъ-лъ-дии > *а-лъ-дии*, о-ълъ-кати > оъ-лъ-кати > *а-лъ-кати*, о-ълъ-чьнъ > оъ-лъ-чьнъ > *а-лъ-чьнъ*.

Вооружённые этим знанием, опишем этапы преобразования слова **xelmet > *xelmъ*.

а. {Отвердение и, возможно, бемолизация [*ɬ*] перед *m*}.

широко распространённое явление в языках мира, нередко грамматикализующееся [23, 336-338], и, как правило (по данным 72 языков мира), имеющее чисто языковые (системные) причины [13].

b. Выполняется нарушенный ЗСС: 1-ая палатализация – **хелмъ > шелмъ.*

c. Нарушенный ЗВЗ выполняется – плавный становится слоговым: *шелмъ > ше-Л-мъ* (три слога).

d. Нарушенный ЗНЗ внутри корня выполняется метатезой с последующей утратой плавным слоговости – не в ущерб ЗВЗ: *ше-лъ-мъ > шлъ-емъ*.

e. В южных и северных языках избавление от слоговости происходит по-разному: южные отдают вокалический пазвук вперед и тем удлиняют гласный: *шлъе-мъ > шлē-мъ > шлē-мъ*. ЗВЗ выполнен.

f. Нарушен ЗСС: между диезными [ш'] и [ě] находится недиезный (твёрдый) [л]. В такой ситуации выбор очевиден: [л > л'] принимает диезность (смягчается), уподобляясь окружающим его звукам. ЗСС выполнен: слог *шлě* унифицирован по тембру: он диезен. Но этот выбор в другой ситуации отнюдь не предопределён: в болгарском языке сосуществуют *длето* и *длато* [11]. В древнерусских текстах южнославянского происхождения наряду с *млěчьнъ* есть *млачьнъ*, *плěнение* и *планение* и т.д. В принципе, безразлично, каким способом будет выполнен ЗСС: изменением тембра гласного или изменением тембра согласного, лишь бы все элементы слога или группофонемы имели общий тембр.

g. Итог: выполнены все законы: ЗСС, ЗВЗ и ЗНЗ. Первый слог – весь диезный, второй – весь недиезный.

В севернославянских языках также прежде всего надо выполнить ЗСС, который в результате метатезы оказался нарушен: диезный [ш'] недиезный [л] и диезный [е] в одном слоге. Этот конфликт также может решаться по-разному: за счет уподобления диезного гласного недиезному согласному: *молоко* **melk-o*, *волочь* < **velk-ti*, *молоть* < **mel-ti*, *толочь* < **telk-ti*, *полова* < **pelv-a*, *полон* < **peln;* или за счет уподобления недиезного согласного диезному гласному: *шелем*, *челен* (диал. и укр. к *член*), *железа*, *ожеледь,* польск. *mleko*.

Что касается слова *шелом*, то в нем (как и в словах *желоб, челон*), победил согласный. Недиезный [л] отдал свой недиезный пазвук назад, что дало форму *шъломъ*. ЗНЗ выполнен, но в первом слоге нарушен ЗСС: диезный [ш'] рядом с недиезным [ъ]. Гласный пазвук уподобляется предшествующему согласному, что дает *шь-ло-мъ > шелом.*

В западнославянских языках редуцированный (из па́звука сонорного) в слабой позиции самым закономерным образом утратился, а в восточнославянских языках, как и в остальных неконечных позициях основы, прояснился в гласный полного образования – *шеломъ*.

Так называемое «второе полногласие» (ср. *верёвка*, *деревня*) является следствием отражения слоговых плавных в некоторых славянских диалектах по *авестийскому* (*циркумпозиционному*) типу.

Теперь мы можем вернуться к нашему случаю ТРЕЗВЫЙ-ТВЕРЁЗЫЙ (См. Таблицу 7).

Таблица 7

№ строки	позиции / морфы	1	2	3	4	5	6
1	*трезв-*	*т*	*ø*	*р*	*е*	*з*	*в*
2	**терезв- > тверёз-*	*т*	*е*	*р*	*ё*	*з*	*в*

Неполногласному варианту корня *трезв-* должен соответствовать вариант **терёзв-*. От этой формы наблюдаемая *тверёз-* отличается только местом /в/, меняющего позицию после /з/ на позицию после /т/. Строго говоря, тут имеет место не *метатеза* («рокировка» звуков), а *сдвиг* («переезд») одного из звуков морфемы на новое место в речевой цепи.

Отметим ещё один принцип позиционного анализа корневых морфем: метатезы и сдвиги звуков в речевой цепи подлежат устранению с восстановлением дометатезной позиции.

Рассмотрим пары слов и корневых морфов с формально равным количеством позиций: *ГАЕЧка-ГАЙКа* (ср. *гаек*), *КОЕЧка-КОЙКа* (ср. *коек*), *ЧАЕЧка-ЧАЙКа* (ср. *чаек*); *КАЁМка-КАЙМа, ТАЁЖный-ТАЙГа.*

Определив формально позиции фонов в корневых алломорфах, в 3-ьей позиции мы получим «чередования» Е:Й (в первых трёх парах), и Ё:Й (в двух последних парах).

И вновь нас подводит орфография: в данном случае – двузначность букв Е, Ё (а также Ю, Я), обозначающих в позиции перед буквой, передающей гласный звук, два звука: Й и один из гласных: Е, О, У или А. Следовательно, в этих корнях 5 позиций. Правильное определение позиций представлено в Таблице 8.

Таблица 8

№ строки	позиции / морфы	1	2	3	4	5
1	*чайек-*	*ч*	*А́*	*й*	*е*	*к*
2	*чайøк-*	*ч*	*А́*	*й*	*ø*	*к*
3	*кайо́м-*	*к*	*А*	*й*	*о́*	*м*
4	*кайøм-*	*к*	*А*	*й*	*ø*	*м*

Теперь в позиции 3 чередования нет вообще, а в позиции 4 мы имеем вполне правдоподобные чередования: Е-беглый и О-беглый.

Сформулируем ещё одно правило: перед определением позиций в корне в позиции после букв, обозначающих гласные, и в абсолютном начале слова буквы Е, Ё, Ю, Я следует заменить на сочетание Й с Е, О, У или А, соответственно.

Как видим, буквенное представление фонемного состава морфем не позволяет корректно осуществить позиционный анализ фонем в морфеме и морфем в слове. Поэтому членение слов на морфемы в

их орфографическом виде следовало бы запретить законом.

Несостоятельность морфемного членения единиц языка в орфографическом представлении была осознана и обоснована ещё И.А. Бодуэном де Куртенэ: «Подобного рода приемы деления слов мы должны просто отвергнуть, объявив их вредными и, стало быть, недопустимыми» [4; с. 225]. Корректное представление фонемного состава морфем в слове обеспечивает *фонематическая* (она же – *этимологическая*) *транскрипция* [17], в которой слово *поощрять* имеет представление {по-остр=и=А=ть_#}. К сожалению, все морфемные и словообразовательные словари и 100 спустя делят слова «по буквам», что противоречит самой сути фузионных языков, одним из которых и является русский.

Литература

1. *Адливанкин С.Ю.* К вопросу об истории зияния в русском языке / С.Ю. Адливанкин // Ученые записки Пермского университета, т. XXII, вып. I, 1962.
2. *Адливанкин С.Ю.* Краткий очерк истории праславянской фонетики. Уч. пос. для студентов заоч. отд. / С.Ю. Адливанкин. – Пермь: ПГУ, 1973. – 141 с.
3. *Блумфилд Л.* Язык (1933) / Л. Блумфильд. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с. (Языковеды мира).
4. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию : в 2-х т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – Т.II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
5. *Бондарко Л. В.* Дифтонг / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 138.
6. *Бондарко Л. В.* Трифтонг / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 520.
7. *Глисон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику / Г. Глисон. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 486 с.
8. *Гумбольдт В.* фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / В. фон Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.
9. *Журавлёв В.К.* Формирование группового сингармонизма в праславянском языке / В.К. Журавлев // Вопросы языкознания. – 1961. – № 4. – С.33-45.
10. *Журавлёв В.К.* Диахроническая фонология / В.К. Журавлев. – М.: Наука, 1986. – 232 с.
11. *Кандаурова Т.Н.* Объяснение возможных видоизменений слов, содержащих в корнях группу *TELT / Т.Н. Кандаурова // Преподавание историко-лингвистических дисциплин на факультете русского языка и литературы. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – С.24-33.
12. *Касаткина Р.Ф.* Аффриката / Р.Ф. Касаткина // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – С.43-44.
13. *Каурковская О.Ю.* Метатеза как языковое явление. Дипломная работа студентки 5 курса Отделения ТиПЛ факультета РГФ Воронежского государственного университета. Научный руководитель – д.ф.н., проф. А.А. Кретов. – Воронеж, 2010. – 91 с.
14. *Кодзасов С.В.* Общая фонетика: Учебник / С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
15. *Колесов В.В.* История русского языка: Уч. пос. для студ. филол. фак. высш. учеб. Заведений / В.В. Колесов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.

16. *Красухин К.Г.* Введение в индоевропейское языкознание: Курс лекций: Уч. пос. для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений / К.Г. Красухин. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 320 с.

17. *Кретов А.А.* Четвёртая транскрипция / А.А. Кретов // Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р.И. Аванесова / Отв. ред. Н.Н. Пшеничнова; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2002. – С.296-303.

18. *Кретов А.А.* «Ступенчатый индоевропейский словарь» как точка научного роста и консолидации факультета / А.А. Кретов // Язык, коммуникация и социальная среда – Language, Communication and Social Environment: Ежегодное научное издание / под ред. К.М. Шилихиной. – Вып. 15. / Воронежский гос. ун-т. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. – С.44-53.

19. *Кузнецова А.И.* Словарь морфем русского языка: ок. 50 000 слов / А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 1986. – 1186 с.

20. *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики / Г.П. Мельников. – М.: Сов. радио, 1978. – 368 с.

21. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной / Г.П. Мельников. – М., 2000. – 90 с.

22. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / Г.П. Мельников. – М.: Наука, 2003. – 395 с.

23. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Том IV. / И.А. Мельчук. – М.: Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001. – 584 с. – (Studia philologica).

24. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка / М.В. Панов. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.

25. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: 1938. – 452 с.

26. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике: в 45 т. / А.А. Потебня. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – 352 с; М.: Просвещение, 1968. – Т.3. – 552 с.; М.: Просвещение, 1977. – Т.4. – 406 с.

27. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.

28. *Пузакова Е.С.* Автоматизированный анализ фонетических несоответствий в праиндоевропейском словаре Манна / Е.С. Пузакова, А.А. Кретов, И.Е. Воронина, Н.А. Тарасова // Информатика: проблемы, методология, технологии: сборник материалов XVII международной научно-методической конференции: в 5 т. / под редакцией Н.А. Тюкачева, А.А. Крыловецкого; Воронеж, Воронежский государственный университет, 9-10 февраля 2017 г. – Воронеж: Издательство «Научно-исследовательские публикации» (ООО «Вэлборн»), 2017. – Т. 4, С. 266-268.

29. *Ремнёва М.Л.* Лингвокультурологический тезаурус Гуманитарная Россия: Палеославистика (электронный ресурс) / М.Л. Ремнёва, Е.А. Кузьминова, Н.В. Николенкова, В.С. Савельев, Т.В. Пентковская. – М.: www.philol.msu.ru, 2010.

30. РЛПиУ-1959 Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / Под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. Около 52 000 слов. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – 712 с.

31. *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 135 с.

32. *Супрун А.Е.* Праславянский язык / А.Е. Супрун. – Минск: Университетское, 1993. – 82 с.

33. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Том. 1 / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз РСФСР, 1956. – 450 с.

34. *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Том. 2 / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: Учпедгиз РСФСР, 1957. – 450 с.

35. *Хабургаев Г.А.* Старославянский язык: учеб. пособие для студ. пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / Г.А. Хабургаев. – М.: Просвещение, 1974.

36. *Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка: Типология и реконструкция / В.Н. Чекман. – Минск: Наука и техника, 1979. – 216 с.

37. *Harris Z.S.* Methods in structural linguistics / Z.S. Harris. – Chicago: The University of Chicago Press, 1951. – 384 p.

38. *Mann Stuart E.* An Indo-European comparative dictionary / Stuart E. Mann. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1984-1987. – 1682 + XIV pp.

Ж.В. Грачева
Воронежский государственный университет

РОМАН В. В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА» В ЗЕРКАЛЕ ВНУТРИТЕКСТОВОЙ ФИЛЬТРАЦИИ

Роман «Машенька», первый роман В.В. Набокова, был символически обозначен писателем как «куколка» бабочки, что указывало, с его точки зрения, на незрелость. Однако именно с этого текста начинается романный путь набоковского творческого сознания. Мир авторского мышления писателя можно представить сквозь призму внутритекстовой фильтрации, обратив внимание на частотные характеристики слов в одном конкретном тексте [5].

Данные по абсолютным частотам употребления слов в романе В. Набокова «Машенька» были выявлены профессором А.А. Кретовым[1] (частотный словарь по творчеству В. В. Набокова пока не издан). В процессе их интерпретации было установлено, что в тексте романа «Машенька» нет «я-центризма», местоимение первого лица единственного числа используется лишь в косвенных падежах (*я* – 0; мне – 56; *меня* – 43), указывая на воздействие, которому подвергается субъект. Это предопределено тем, что повествование ведется от лица автора, а не рассказчика.

Исходя из имени текста «Машенька», можно предположить, что самым частотным местоимением должно стать «она». Однако местоимение «он» употребляется почти в четыре раза чаще (*он* – 407; *него* – 5; *она* – 108), поскольку главное лицо в тексте – герой, а Машенька – объект его мыслей.

Неопределенность, «миражность» повествования проявляется с помощью использования неопределенных местоимений и наречий (*что–то* (26), *какой-то* (8), *что-нибудь* (5), *какое-нибудь* (4); *когда-то* (8), *почему-то* (5)), а также союза (или частицы) *будто* (16): слова с «ускользающей» семантикой помогают заместить настоящее прошлым, подчеркнуть зыбкость границ между ними. Кроме того, *будто* является своеобразным знаком использования языка в креативной функции: союз отсылает к воображаемому, домысливаемому, к внутренней жизни, а не к действительности, которая не отображается, а творится.

[1] Выражаю глубокую благодарность проф. А.А. Кретову за предоставленные материалы.

Наивысшей частотностью отмечено имя главного героя – *Ганина* (245), апелляция к имени героини – *Машенька*(65) – происходит почти в три раза реже (сравните с обращением к имени условного соперника Ганина – *Алферова* (72)). Таким образом, центр повествования – герой, однако его внутреннее «я» «убегает» в третье лицо – «прячется» за «он», за «Ганина». Текст приобретает черты отстраненной рефлексии: доминирует взгляд героя на себя как на другого.

Внешний облик человека в романе В. Набокова «проступает» так: фокус – *глаза* (44) (причем взгляд может останавливаться на *ресницах* (3)), затем – *лицо* (36), *голова* (35); еще видим *руки* (18) (даже *ладони* (5)), элементы одежды (*пальто* (7) или *платье* (7); *макинтош* (3), *пенсне* (6)), *волосы* (6). Как можно заметить, В. Набоков располагает человека близко к созерцающему его: перед нами крупный план.

Напоминает писатель и о *сердце* (7) (у Подтягина оно болит). Важной составляющей облика человека становится его *голос* (17) и *запах* (*духи* – 6): герой сохраняет в памяти запах дешевых духов и Машеньки, и Людмилы. Заметим, что среди ключевых слов, обозначающих человека, есть слова *женщина* (5), *женщины* (5), (используется и абстрактное понятие *женственность* (2)); номинация «мужчина» не является частотной: встречается лишь один раз. Это, на наш взгляд, предопределяется «мужским» взглядом на мир: мужчина смотрит на женщину, она притягивает его внимание.

Свет (12) и *темнота* (12) в набоковском романе правят миром на равных. Однако здесь чаще случается *день* (21), чем *вечер* (7). При этом, к удивлению, краски действительности (если рассматривать только частотные словоформы) кажутся неброскими и небогатыми: господствует *черный* и его оттенки (62), часто встречается *желтый* и его оттенки (34), зато богат мир В. Набокова *тенями* (14), которые есть своеобразное световое отражение мира предметов (философия отражения В. Набокова – одна из доминантных в его творчестве).

Кроме названных цветов, встречаются и другие, но, как правило, они не попадают в число частотных. Однако «множественность» единичных цветовых номинаций позволяет высказать предположение о том, что В. Набоков создает свой воображаемый мир, используя, как правило, краску лишь единожды, но таких неповторяющихся цветовых мазков наносится так много, что текстовое пространство становится мозаично-разноцветным. Писатель «раскрашивает» полотно текста не только чистыми цветами, но и смешивает их на своей палитре, причем порой совмещаются не только цветовые оттенки, но и метафорически эксплицируется то впечатление, которое они рождают: *томно-фиолетовое*, *розовато-млеющее*, *мертвенно-яркое*, *водянисто-голубое*.

К уже названным добавляются иные цвета и их оттенки: *синий* (26), *сиреневый* (13), *красный* (8), *зеленый* (6), *белый* (5), *коричневый* (5) и разного рода указания на иное цветовое разнообразие (*разноцветный, цветной, бледный*, оксюморон *мертвенно-яркий*). Таким образом, если расположить цвета в порядке возрастания частотности словоформ, их репре-

зентирующих, то можно увидеть, что палитра В. Набокова состоит из *черного, желтого, синего, сиреневого, красного, зеленого, белого, коричневого*.

Пространство романного мира В. Набокова, прежде всего, сужено до *комнаты* (47) (туда «втискивает» героя эмиграция); в комнате господствуют два главных предмета – *стол* (18) и *постель* (9). Однако пространство может витиевато расширяться *коридорами* (10) и *лифтами* (6) (иное воплощение замкнутости) или *лестницами* (7) (отражение неустойчивого движения). Мысленное «расширение – воображение – *воспоминание* (4)» пространства из *Берлина* (6) уносит в *Россию* (20), в *Петербург* (10), на его *набережные* (3), его «венчают» *небо* (14) и *солнце* (8).

Герой В. Набокова имплицитно ведет своеобразную борьбу с пространством. Оно может размыкаться *дверьми* (47) и *окнами* (14), преодолеваться *поездами* (17), *велосипедами* (7) и автомобилями (5), восстанавливаться с помощью *писем* (26), а главное – памяти (*воспоминание* – 21). В. Набоков утверждал, что «воображение – это форма памяти <…> Воображение зависит от ассоциативной силы, а ассоциации питаются и подсказываются памятью…В этом смысле и память и воображение являются формами отрицания времени» [2, 194].

Так как роман «Машенька» вырос из замысла текста, который должен был называться «Счастье», первоначальное имя текста эксплицитно номинировало это ощущение. В. Набокову принадлежат слова: «Куда мне девать все эти подарки, которыми летнее утро награждает меня? Употребить немедленно для составления практического руководства: «Как быть Счастливым?» Или глубже, дотошнее: понять, ч*то* скрывается за всем этим, за игрой, за блеском, за жирным, зеленым гримом листвы? А что-то ведь есть, что-то есть! И хочется благодарить, а благодарить некого. Список уже поступивших пожертвований: 10 000 дней – от Неизвестного» [3].

Частотный анализ показывает, что состояние счастья в самом деле преобладает в тексте романа: слово *счастье* автор употребляет 18 раз, а *счастливейший* – 2 раза. Кроме того, герои живут, улыбаясь и смеясь (*улыбнулся* – 11, *улыбкой* – 9, *улыбаясь* – 5, *рассмеялся* – 5), *приятно* (5) и *мило* (14). Частотных ключевых слов, выражающих негативные состояния, мало: *ужасно* – 7, *страшно* – 7, *тоскливо* – 6.

Частотными оказываются наречия, фиксирующие обстоятельства происходящего: среди них слово *уже* (55), отсылающее действие в столь любимое автором прошлое, далее следует *очень* (61), подчеркивающее крайнюю степень проявления (заметим, что ч*уть* также попадает в число частотных (13), хотя и уступает настойчивому *очень*), затем следует *опять* (53), выявляющее повторяемость, *вдруг* (39), указывающее на внезапность действия, *тихо* (29), эксплицирующее таинственную неторопливость или прозрачное беззвучие мира.

Время – одна из самых сложных и любимых категорий В. Набокова («Я хочу ласкать Время» [3, 508] – восклицает герой - «двойник» писателя Ван Вин), что подтверждает и частотный анализ текста. Так, словоформа *время* встречается в романе «Машенька» 19 раз. Брайан Бойд, один из лучших биографов писателя, заметил: «Набоков решительно отсекает пространствен-

ный мир от времени: посредством ли прямого утверждения или аргументации, как в «Аде», или посредствам противопоставления – в той или иной форме – симметрического пространства или асимметричного времени.

В мире времени он сохраняет свободу, отрицая будущее как «временную категорию». Он может полностью отвергать его существование, как, например, в романах «Под знаком незаконнорожденных», «Ада, или страсть», «Прозрачные вещи». Он может выстроить текст таким образом, что у читателя складываются вполне обоснованные ожидания, а затем полностью их опровергнуть. Несмотря на название первого романа В. Набокова, Машенька так и не появляется в ганинском Берлине» [1, 351]. Время для В. Набокова – это не «иссякание», а постоянное накопление ощущений, «жидкая среда для выращивания культуры метафор» [3, 508]. Поэтому прошлое есть «обдуманное настоящее» [3, 552], существующее наряду с истинным настоящим, которое есть мгновение «нулевой длительности», воображаемая точка без ощущения непосредственного прошлого. «Настоящее является постоянным выстраиванием Прошлого, его гладким и безжалостным уровнем. Как убого! Как волшебно!» [3, 523]. Таким образом, можно предположить, что в мире В. Набокова есть три формы настоящего: «истинное» (без ощущения прошлого), которое «является мгновением нулевой длительности, представленным жирной кляксой!» [3, 523], «обдуманное» (прошлое) и пустое (будущее). В трактате Вана Вина о прошлом читаем: «Он (Августин) определял прошлое как то, чего уже нет, а Будущее как то, чего еще нет (в действительности будущее – это фантазм, принадлежащий к другой категории мышления, принципиально отличающейся от категории Прошлого, которое, по крайней мере, было здесь мгновение тому назад – куда я задевал его? В карман сунул? Но и сами поиски – это уже «прошлое») [3, 516]. Итак, на наш взгляд, для В. Набокова и его героев есть только прошлое, «одетое» в словесные одежды настоящего. Именно поэтому самая высокая частотность в романе «Машенька» у словоформы *сегодня* (32), словоформа *завтра* встречается 23 раза и словоформа *вчера* – 14 раз.

Любопытны контексты, в которых употребляются эти словоформы. «Сегодня» в романе, как правило, «обдуманное» (историческое настоящее): оно уже совершилось и «отправлено» в прошлое с помощью соединения наречия «завтра» с глаголами прошедшего времени (*говорил, прислали визу, опять ездил, вспоминал, раскис, снился* и т.д.). Реже – пророческое, создаваемое за счет соединения словоформы «завтра» с глаголами будущего времени (придется надеть, не буду обедать). *Завтра* в 22 случаях (из 23) используется героями, находящимися в пространстве эмиграции (чаще всего Подтягиным, для которого это *завтра* не наступит; *завтра* Ганина (встреча с Машенькой) также не состоится; не будет ожидаемого *завтра* и для Людмилы (Ганин оставит ее), то есть *завтра* – это то, чего нет. Размытость границы между «сегодня» и «завтра» обыгрывается в тексте: Ганин дважды повторяет*: Это будет завтра, нет, сегодня, ведь уже заполночь*; *О, как это будет просто: завтра, – нет, сегодня* [4]. На самом деле, не будет ни воображаемого «завтра», ни «сегодня», потому что

есть лишь то, что было. Поэтому слово *воспоминание* становится частотным (12) (глагол *вспоминал* употребляется 5 раз): «Воспоминанье так занимало его, что он не чувствовал времени. Тень его жила в пансионе госпожи Дорн, – он же сам был в России, переживал воспоминанье свое, как действительность. Временем для него был ход его воспоминанья, которое развертывалось постепенно. И хотя роман его с Машенькой продолжался в те далекие годы не три дня, не неделю, а гораздо больше, он не чувствовал несоответствия между действительным временем и тем другим временем, в котором он жил, так как память его не учитывала каждого мгновенья, а перескакивала через пустые, непамятные места, озаряя только то, что было связано с Машенькой, и потому выходило так, что не было несоответствия между ходом прошлой жизни и ходом настоящей» [4].

Интересным представляется тот факт, что в тексте чаще фигурирует темпоральная категория *день* (21), чем *ночь* (16) и *вечер* (7). Важными представляются и такие длительные временные промежутки, как *час* (16), *неделя* (10), и такие короткие, как *минута* (7). Своей относительно высокой частотностью выделяются «светлые» дни недели (*суббота* (9) и *воскресенье* (4)) и «темные» (*понедельник* (3)), воспринимаемые как оппозиционные.

Все выявленные категории человеческого бытия, фиксируемые частотными словоформами, «стекаются» в слово «жизнь». Оно становится одним из ключевых в тексте – словоформа *жизнь* употребляется 20 раз, а словоформа *жизни* – 15. О жизни в тексте чаще всего говорят Подтягин и Ганин. В высказываниях Подтягина лейтмотивом звучит мысль-сожаление о том, что жизнь прошла вовсе не так, как хотелось бы: *Вот жизнь и прошла, – добавил он неожиданно*; *Дура я, дура, – я ведь из-за этих берез всю свою жизнь проглядел, всю Россию* [4]; *Ему захотелось сказать многое, – что в Париж он уже не попадет, что родины он и подавно не увидит, что вся жизнь его была нелепа и бесплодна и что он не ведает, почему он жил, почему умирает* [4]. Мысль о том, что жизнь проходит и что она в качестве активного субъекта действия негативно воздействует на человека, эхом повторяется и в словах Клары: *Она вспомнила, что старик сегодня опять ездил насчет паспорта, что у него тяжелая болезнь сердца, что жизнь проходит: в пятницу ей минет двадцать шесть лет*; *Бедный мой, – бормотала она, – до чего жизнь довела его* [4]. Иное восприятие жизни у Ганина: она связана с прошлым, узоры которого определяют настоящее, способны активно и позитивно на него влиять: *Казалось, что эта прошлая, доведенная до совершенства, жизнь проходит ровным узором через берлинские будни. Чтобы Ганин ни делал в эти дни, та жизнь согревала его неотступно. Это было не просто воспоминанье, а жизнь, гораздо действительнее, гораздо "интенсивнее" – как пишут в газетах, – чем жизнь его берлинской тени* [4]; *Жизнь на мгновенье представилась ему во всей волнующей красе ее отчаянья и счастья, – и все стало великим и очень таинственным, – прошлое его, лицо Подтягина, облитое бледным светом, нежное отраженье оконной рамы на синей стене, – и эти две женщины в темных платьях, неподвижно стоящие рядом* [4].

Жизнь, по Набокову, это *воспоминание* (17)-воображение, неумирающее, не остающееся в прошлом, а прорастающее в настоящем и его преобразующее, формирующее. Таким образом, анализ частотности позволяет выделить следующие концепты романа «Машенька»: человек (*голова, глаза, лицо, волосы*), запах, женщина, жизнь, свет / темнота, цвет, пространство *(помещение, дом, комната, лифт, стол, постель, дверь, окно),* Россия, Петербург, Берлин, солнце, небо, поезд, автомобиль, велосипед, письмо, время (*память, сегодня, завтра, вчера, день, ночь, вечер, времена года, опять, уже*), состояние (*счастье, улыбка, ужасно, страшно, тоскливо, мило, очень, вдруг, чуть*).

Литература

1. *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы: Биография / Б. Бойд. – М.: Независимая газета. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2001. – 695 с.

2. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. – М.: Независимая газета, 2002. – 704 с.

3. *Набоков В. В.* Ада, или страсть. Хроника одной семьи / В.В. Набоков. – Киев: Атика; Кишинёв: Кони-Велес, 1995. – 608 с.

4. *Набоков* В. В. Электронная книга. Энциклопедическое собрание сочинений. Тексты, музыка, иллюстрации / В.В. Набоков. – М.: Адепт, 2003.

5. *Крештель Е. В.* Алгоритмы выделения ключевых слов в текстах на естественных языках / Е. В. Крештель, А. А. Кретов., И. Е. Воронина // Информатика: проблемы, методология, технологии : матер. 3-й регион. науч.-метод. конфер., Воронеж, 2001 г. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 35.

Е.В. Сидорова
Воронежский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БЕКИ СЕЙТАКОВА

Взаимодействие языка и культуры – одно из ключевых направлений исследований кафедры русского языка филологического факультета ВГУ. Во многом его развитию способствовала научная деятельность профессора кафедры Ю.Т. Листровой-Правды, несколько лет читавшей курс «Русский язык и культура» и опубликовавшей по нему учебное пособие [1]. Интерес к лингвокультурологическому направлению постоянно поддерживается необходимостью организации научно-исследовательской деятельности студентов, магистров и аспирантов, для которых русский язык не является родным. С 2019 года на филологическом факультете обучается группа туркменских студентов, многим из которых были предложены темы курсовых работ, ориентированные на изучение языковых особенностей туркменской литературы, паремиологического фонда туркменского языка в сопоставлении с русским. В связи с этим мы обратились к творчеству туркменского писателя Беки Сейтакова, для того чтобы про-

анализировать лексику с национально-культурным компонентом на материале его произведений.

Беки´ Сейтаков (1914 – 1979) – известный туркменский советский прозаик, поэт, переводчик, журналист, редактор и общественно-политический деятель. За достижения в области литературы в 1966 году он был награждён Государственной премией Туркменской ССР имени Махтумкули. Дебютировал Б. Сейтаков как поэт, но его перу принадлежат и рассказы («Счастливое поколение», 1939; «Сельские рассказы», 1948), и повести («Современники», 1955; «Беспокойные люди», 1958), и романы («Поэт», 1958), и историко-революционная тетралогия «Братья» (1958 – 1972).

Произведения Б. Сейтакова, безусловно, обладают национально-культурной спецификой, отражая реалии быта и духовной жизни туркменского народа. Мы обратились к одному из рассказов писателя «Чувал-бахши» [3], для того чтобы с помощью лингвокультуроведческого анализа выявить культурную информацию, отражённую в языковой ткани текста, поскольку он содержит важные экстралингвистические данные, являющиеся своего рода историческим и культурным фоном сюжета, фиксирует элементы материальной и духовной жизни народа, которые представляют большой интерес для читателей, отдаленных от момента создания произведения и событий, в нём происходящих.

В рассказе «Чувал-бахши» речь идет о том времени, когда после революции 1917 года устанавливалась новая советская власть, которой пытались противостоять хорезмские басмачи, возглавляемые Джунаид-ханом. Историческую канву повествования помогают воссоздать исторически- и культурно-маркированные языковые единицы.

Сюжет рассказа Б. Сейтакова провозглашает торжество добра над злом, победу нового мироустройства над старым. Джунаид-хан, жестокий и деспотичный правитель, захотел усладить свой слух песнями и приказал своему приспешнику Ёлбарсу привезти Чувал-бахши. Певец сначала отказался выполнить приказ, тем самым обрёк себя на верную смерть, однако, посоветовавшись с председателем ревкома, согласился, поскольку своими песнями должен был напомнить мятежникам, что, покидая родину, уходя кочевать и воевать под предводительством хана, они предают родную землю, а не обретают свободу и богатство: «Чем сокровища на чужбине – лучше бедность в родном краю» [3]. Чувал-бахши выполнил свою миссию, и вместе с гиджакистом ему удалось уйти от погони.

Даже в этом кратком пересказе современному читателю, незнакомому с реалиями туркменской жизни, довольно непросто разобраться в том, кто такой «бахши» или «гиджакист». Совершенно непонятной покажется фраза: «Я без гиджакиста не бахши» [3]. Очевидно, что читателю требуются дополнительные лингвокультуроведческие комментарии к тексту для правильной интерпретации сюжета.

Лексику, передающую культурную информацию в рассказе, которая в научной литературе обозначается разными терминами: экзотизмы, безэквивалентная лексика, варваризмы, этнолексемы, этнокультурная лекси-

ка, культурно-коннотативная лексика и т.д., – можно распределить по следующим тематическим группам:

1) общественные и политические реалии,
2) природно-географическая среда,
3) антропонимы,
4) реалии быта,
5) культурные традиции и обычаи,
6) религиозные взгляды.

1) Описать общественно-политические реалии в рассказе Б.Сейтакова помогают такие этнолексемы, как «хан» (тюрк. кан, монг. каан) – властитель, монарх; «басмачи» – представители военно-политического и религиозного партизанского движения населения Центральной Азии, возникшего после революции 1917 года; «ханский есаул» – помощник военачальника, его заместителя; «аксакал» – глава рода, старейшина; «джигит» – наездник, отличающийся отвагой и выносливостью.

Джунаид-хан, о котором пишет Б. Сейтаков, – реальный исторический деятель, правитель государства Хорезм с 1919 по 1920 годы, руководитель басмаческого движения. Писатель подчёркивает, что туркменский народ чтит свои обычаи, но хан жесток и с обычаями считаться не будет.

Об особенностях социального устройства и традициях этикета говорят обращения: «башлык» – начальник, «-ага» (хан-ага, бахши-ага) – форма обращения к старшему по рангу.

В туркменском обществе того времени наблюдалось социальное расслоение: у богатого хана есть большой шатёр (временная лёгкая постройка из ткани, кожи, веток), в котором гости сидят вокруг костра в соответствии со своими чинами, а бедняки ютятся в кибитках (жилище кочевников, крытая повозка).

2) Все события, описанные в рассказе, имеют реальные географические ориентиры: действие происходит близ посёлка Ильялы, среди барханов и саксауловых лесков.

3) Национально-культурное своеобразие рассказа создают антропонимы: Джунаид, Ёлбарс, Чувал, Берды, Курбанмамед, Реджепкули, Амангельды, Яшули и др.

4) В произведении Б. Сейтакова в общих чертах мы знакомимся с реалиями быта туркменского народа. Одним из значимых артефактов в рассказе является «кошма» – войлочный ковёр из овечьей или верблюжьей шерсти.

Топливом для костра у кочевников, по словам писателя, служила саксаульная зола. Саксаул – древесное растение в пустыне, больше напоминающее разросшийся кустарник.

В кибитку, где принимали бахши, слуги принесли глиняный прибор для курения. Для чая предназначалась пиала – чашка без ручек. Из продуктов питания в рассказе упоминается холодная баранина и лепёшки из джугары (сорго).

Б. Сейтаков называет некоторые традиционные элементы одежды туркменского народа: у хана был мерлушковый полушубок (мерлушка –

выделанная шкура ягнёнка); мужчины носили папахи (мужской меховой головной убор) или тельпеки (разновидность папахи); традиционный вид верхней одежды у туркмен – халат; распространённая всесезонная обувь из кожи, которую носили поверх портянок, – сыромятные чокаи.

Поскольку басмачи были крайне воинственны, поэтому неудивительно, что в рассказе встречаются названия видов оружия: сабля в ножнах, клинок.

5) Произведение Б. Сейтакова знакомит читателей с культурными традициями и обычаями туркмен. Это очень музыкальный народ, который любит песни: «Песня птицей закружилась над папахами» [3]. Певцы и музыканты пользовались в те времена большим уважением. И если бы хан осмелился обидеть бахши, то простой народ защитил бы его. Благодаря лингвокультуроведческому анализу становится понятно, что «бахши» – народный певец, исполнитель фольклорных произведений; «гиджакист» – музыкант, играющий на гиджаке; «гиджак» – струнный смычковый инструмент; «дутар» – двухструнный смычковый инструмент. Песни свои музыканты посвящают подвигам и любви.

В рассказе встречаются традиционные особенности речевого этикета туркмен:

– Салам алейкум, – проговорил одноглазый.

– Валейкум эссалам, – ответил бахши… [3].

По происхождению эти экзотизмы являются традиционным арабским приветствием, которое используют мусульмане разных стран, обозначающим пожелание «мир вам».

К обычаям, характеризующим туркменский этикет, относятся следующие: вставать, приветствуя старшего по должности или по возрасту; быть гостеприимным («восточные обычаи гостеприимства никто не отменял»); провожать гостей за порог при прощании; участвовать в церемонии чаепития («плотно поужинав, гости принялись за чай»); соблюдать траур (музыкант не должен играть и петь, если умер кто-то из близких, потому что «горе близкого – его горе»).

В рассказе довольно подробно описана чайная церемония: слуги хана внесли в кибитку скатерть, поставили на неё два больших чайника, пиалы и предложили гостям лепёшки из джугары. Гости с жадностью выпили чай и опрокинули пиалы, тем самым показав окончание церемонии.

Туркменский народ, что становится очевидным благодаря произведению Б. Сейтакова, свободолюбив и горд. Подтверждение тому можно найти в рассказе: «… и землю, и воду – я приобрёл честным путём», – говорит один из героев [3].

Несмотря на кочевой образ жизни, туркмены ценят дом, родную землю и близких людей: «А там осталось всё самое близкое и дорогое: дом, земля, родственники» [3]. Сохраняют память об умерших: «Лучший памятник усопшим – борьба живых за жизнь» [3].

6) В рассказе Б. Сейтакова в небольшом количестве представлена религиозная лексика: «мусульмане», «упаси аллах», «дервиш» – монах.

«Мы мусульмане, яшули. Песнь и смерть не должны быть рядом», – пишет автор [3].

В культуре, обычаях, традициях народа сосредоточено национальное богатство. Этническая группа, проживая в определённых географических, климатических и природных условиях, формирует собственный быт, жизненный уклад, мироощущение, познакомиться с которыми помогают художественные произведения. Рассказ Б. Сейтакова отличается экзотическим колоритом, создает живое представление о жизни туркменского народа в начале XX века. Проведённое нами исследование ещё раз подтверждает точные слова Д.С. Лихачёва: «Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» [2, 282].

Литература

1. *Листрова-Правда Ю. Т.* Русский язык и культура: учебное пособие / Ю. Т. Листрова-Правда. – Воронеж, 2004 .– 248 с.

2. *Лихачёв Д. С.* Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность: антология / под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.

3. *Сейтаков Б.* Чувал-бахши / Б. Сейтаков // https://litvek.com/br/248994?p=12

М. Н. Недосейкин
Воронежский государственный университет

Бунт и эксперимент: об одном мотиве в романе Ж.-К. Гюисманса «Наоборот» (1884)

В самом знаменитом романе французского писателя Жориса-Карла Гюисманса (1848-1907) «Наоборот» (*À rebours*, 1884) есть целый ряд эпизодов, которые продолжают оставаться на периферии как читательского, так и исследовательского внимания, правда, по вполне понятным причинам.

В самом деле, как хорошо известно, центральное событие этого произведения – особая жизнь главного героя романа, потомка древнего дворянского рода дез Эссента (*des Esseintes*), в загородном доме, построенном полностью в соответствии с его эстетическими установками и представлениями. Очевидно, что именно поэтому все предшествующие сюжетные коллизии обычно воспринимаются читателем как своеобразная подготовка к этому домашнему существованию или «бытию-в-доме», если можно так выразиться. Те же события, которые прямо не соотносятся с основной линией романа, оказываются в тени, в некотором семантическом «гетто». Но думается, этим-то как раз и обозначается их особое место в произведении, понять которое мы здесь и попытаемся, опираясь на ту аналитическую оптику, что в свое время предложил другой французский писатель и мыслитель – Альбер Камю (1913–1960).

Речь идет о той историко-интеллектуальной схеме, что была разработана им в философском эссе «Бунтующий человек» (*L'homme Révolté*, 1951).

Мы предлагаем использовать эту послевоенную концепцию Камю в качестве своеобразной научно-исследовательской программы, даже в некотором отрыве (насколько это, конечно же, вообще возможно) от тех непосредственных умозаключений, к которым пришел сам мыслитель. С нашей точки зрения, такой необычный рабочий инструмент может оказать существенную помощь при анализе самых различных явлений культуры и искусства, включая, безусловно, и многочисленные проблемные места литературы. По крайней мере, это выглядит куда более продуктивно, чем следование уже сложившимся формам ассимиляции творческого наследия одного их известнейших французских экзистенциалистов (проговаривание происхождения тех или иных идей, прочерчивание постоянно меняющегося общего социального и интеллектуального контекста, определение ближайших последователей и невольных наследников и т.п.).

В таким образом обозначенном исследовательском контексте одним из наиболее любопытных фрагментов романа Гюисманса представляется краткая история взаимоотношений дез Эссента с подростком из бедной семьи Огюстом Ланглуа. Случайно познакомившись на улице, персонажи сначала отправились выпить, а уже затем, следуя, в общем-то, традиционной художественной схеме, в публичный дом. Дез Эссент, объясняя хозяйке увеселительного заведения свою щедрость по отношению к этому неопытному юноше из бедных кварталов, бросает следующую фразу: «Просто-напросто я стараюсь подготовить убийцу» [1, 55]. По его мнению, приобщение к миру «настоящих» наслаждений высшего общества рано или поздно приведет Ланглуа и к «настоящему» поступку, то есть преступлению: «Дойдя до крайности, он, я надеюсь, убьет господина, который явится некстати, во время взлома секретера; тогда моя цель будет достигнута; в соответствии с моими ресурсами, я поспособствовал бы созданию негодяя, еще одного врага общества, которое нас грабит» [1, 55].

Стоит отметить, что моральный эксперимент, с которым мы здесь встречаемся, выстроен дез Эссентом чуть ли не по всем научным правилам, хотя сюжетно в нем и присутствует некоторый момент спонтанности. Особенно интересным представляется обязательное наличие для подобного рода операций «двойной цели». Действительно, с одной точки зрения, задача сводится к сознательному формированию фигуры преступника, что воспринимается дез Эссентом как вполне адекватный ответ человека на постоянную агрессию общества. В другой же перспективе перед читателем вырисовывается еще одна цель этого опыта: доказать, что хорошее образование будет только во вред бедным людям, так как вместо простого физического страдания они научатся испытывать страдание моральное, которое обычно и становится источником различного рода преступлений: от бытового убийства до террора и, конечно же, революций.

Но самое, пожалуй, интересное в этой небольшой истории – то, что моральный эксперимент, который ставит дез Эссент на живом материале, проваливается: «Маленький Иуда… подумать только: ни разу не встретил его имени в разделе происшествий! [1, 55]. Дез Эссент пытается найти причины собственной неудачи, которые, с его точки зрения, связаны исключи-

тельно с внешними, случайными моментами, а не с сутью проведенного опыта. Гюисманс однозначно дает понять, что сама идея, которую надо было проверить, ничуть не пострадала, дез Эссент продолжает в нее верить, а вот эксперимент и вся история Ланглуа в сознании главного персонажа затушевываются. Другими словами, если эксперимент не доказал необходимое и ожидаемое, тем хуже для эксперимента. Мышление дез Эссента функционирует таким образом, что включает в поле своего функционирования только те опыты, которые закончились предсказуемо. Недаром, как нам представляется, в этой же главе приводится пример «правильного» проведения эксперимента: когда один из приятелей дез Эссента решил жениться, то все друзья его отговаривали, кроме главного героя, планировавшего проверить на практике воображенный ими сценарий будущей семейной жизни. Через некоторое время он с большим удовлетворением узнал о разводе пары, что как раз полностью соответствовало его представлениям об их судьбе.

Представляется очевидным, что подобного рода экспериментирование скорее не открывает мир, окружающий главного героя, а постоянно закрывает его. Стихийная стратегия дез Эссента откровенно направлена на то, чтобы выбирать «нужные» сюжеты из социальной действительности: чем меньше ошибок, тем идеальнее становится жизненное пространство героя. Отсюда, думается, и его постоянная тяга к классификации, регламентации, каталогизации, равно как и к другим формам тотального упорядочивания мира.

Правда, здесь необходимо отметить, что сам автор повествования явно делает акцент как раз на неудачном эксперименте дез Эссента, имеющем и большую сюжетную развертку, и довольно неожиданное, но симптоматичное продолжение: «С этой ночи, когда без видимой причины возникло меланхолическое воспоминание об Огюсте Ланглуа, он пережил всю свою жизнь. Теперь, раскрывая книги, он не понимал ни слова; даже глаза больше не читали; казалось, мозг, насыщенный литературой и живописью, отказывался поглощать новые дозы» [1, 56].

То, что для героя выглядело мимолетным, малозначимым событием, для создателя романа явно имеет особый статус. Ведь воспоминание о неудавшемся эксперименте в корне меняет весь повседневный режим дез Эссента, образы прошлого блокируют привычные формы времяпрепровождения, подчиняют героя иной логике, отсылающей к самому главному в его жизни, к тому ядру (конечно же, религиозного – в конечном итоге – характера), что постоянно присутствовало и было актуализировано благодаря истории Ланглуа.

Иначе говоря, выход к основополагающим «вещам» всегда предполагает ошибку или неудачу, это и есть у Гюисманса один из основных путей к самому себе. Все остальное, как это ни странно на первый взгляд, является лишь формой самообмана, тем, что уводит от настоящей человеческой реальности. Подлинная жизнь словно бы дает главному персонажу знать о себе только через те ошибки, которые он периодически совершает, но которых тщательно старается не замечать, не включать в собствен-

ный кругозор. Ведь дез Эссенту и в голову не приходит, что воспоминание о неудаче с Ланглуа имеет столь большое значение для его внутренней жизни.

Остается, впрочем, еще один важный вопрос, который, к сожалению, не получает внятного объяснения в рамках романа: почему у Гюисманса выход к столь важной теме связан именно с мотивом экспериментирования (в узком, точном смысле этого слова, то есть об эксперименте, который осознается самими персонажами как эксперимент)?

Конечно, объяснение этого факта вроде бы можно легко свести, по меньшей мере, к двум моментам. Для начала стоит вспомнить установки натуралистической школы Эмиля Золя, приверженцем которой на тот момент был Гюисманс. Еще в хрестоматийном предисловии ко второму изданию романа «Тереза Ракен» (*Thérèse Raquin*, 1868) Золя, формулируя пока еще собственные художественные правила, среди прочего сделал следующее замечание, касающееся работы современного писателя: «Теперь, надеюсь, становится понятным, что я ставил перед собою цель прежде всего научную. Создав два своих персонажа, я занялся постановкой и решением определенных проблем: так, я попытался уяснить странное взаимное тяготение друг к другу, возможное у двух совершенно различных темпераментов, я показал глубокие потрясения сангвинической натуры, пришедшей в соприкосновение с натурой нервной. Всякий, кто прочтет этот роман внимательно, убедится, что каждая его глава – исследование любопытного психологического казуса <…> Я просто исследовал два живых тела, подобно тому как хирурги исследуют трупы» [2, 383].

Напомним, что эта хорошо изученная позиция Золя нашла свое лексическое оформление в словосочетании «экспериментальный роман» (*le roman expérimental*) из его одноименного сборника литературно-критических статей 1880 года. В самом деле, теперь речь шла о том, что отныне писатель не должен наивно отражать реальность, ему необходимо ставить над ней эксперименты: романист надевает маску ученого и врача.

Исходя из всего этого, можно было бы ожидать, что эксперимент как элемент общего натуралистического дискурса будет активно использоваться и на уровне деятельности персонажей. Однако ни в творчестве Золя, ни в произведениях его самых близких учеников ничего подобного не происходит. Даже в том случае, когда главный герой по своей профессии оказывается одновременно ученым и врачом, как в романе «Доктор Паскаль» (*Le Docteur Pascal*, 1893), завершающем многотомную эпопею о семье Ругон-Маккаров, места непосредственно эксперименту в тексте не находится. Эксперимент перешел у натуралистов на иной уровень – общего построения произведения, в сознании самих персонажей его почти нет. И Гюисманс в этом плане, скорее, исключение из правил.

Второй момент, безусловно, связан с тем, что мотив эксперимента (и смежный с ним мотив наблюдения) уже довольно активно использовался в иной литературной традиции, центральной фигурой которой был Шарль Бодлер. Достаточно вспомнить такие его стихотворения в прозе, как «Избивайте нищих!» (*Assommons les pauvres!*), «Пирожок» (*Le Gâteau*),

«Игрушка бедняка» (*Le joujou du Pauvre*) и др., чтобы убедиться в этом. И это явно вторая причина столь внимательного и вдумчивого использования Гюисмансом темы морального эксперимента, внешне вроде бы возникающего в романе абсолютно немотивированно. Можно даже сказать, что Гюисманс работает в этот период своего творчества исключительно на пересечении этих двух традиций, в результате чего ему удается рассмотреть совершенно новые аспекты в уже казалось бы освоенной теме. По необходимости кратко их можно обозначить следующим образом.

Во-первых, понятно, что эксперимент сам по себе всегда предполагает, что изучаемые в нем явления доводятся до собственного предела, в результате чего обнаруживается механизм их функционирования (то, что иногда еще называют «сущностью» явления). Оригинальность же подхода Гюисманса состоит в том, что он обнаруживает своеобразный «обратный» эффект подобного рода опытов: эксперимент всегда больше говорит о том, кто его проводит, нежели о том, над кем или над чем он проводится. Особенно хорошо этот аспект экспериментальной мысли виден в неудачном опыте, где все пошло не так, как предполагалось. Например, внешне аморальная цель эксперимента с Ланглуа оборачивается воспоминаниями о церковно-религиозном периоде жизни самого дез Эссента. Если же учесть всю последующую мировоззренческую эволюцию и самого Гюисманса, его движение в сторону повторного принятия католичества, то получается, что этот «обратный» эффект вполне может быть распространен и на область прагматики литературного текста.

Во-вторых, французский писатель, благодаря включению в текст мотива неудачного опыта, смог проблематизировать известную связь между моральным экспериментом и преступлением, показать ее удивительную устойчивость. Ведь порой преступление становится чуть ли не критерием истины в таких делах, окончательной проверкой. И хотя в разработке этой темы он был явно не одинок в литературном процессе своего времени, выделяет его постоянное стремление зафиксировать именно момент выхода за границы опыта, момент его саморазрушения, который парадоксальным образом и должен сигнализировать об успешности предпринятых действий.

И здесь как раз, думается, будет вполне уместно вернуться к концепции Камю, к его рассуждениям о понятии метафизического бунта (la révolte métaphysique). Французский писатель и философ отмечает, что любой метафизический бунтарь стремится преодолеть противоречия жизни во имя так или иначе понимаемого высшего единства. Однако довольно часто в его практике остается только борьба с этими самыми противоречиями, а потому «всякий раз, когда бунт обожествляет тотальное неприятие всего сущего, то есть абсолютное «нет», он идет на убийство» [3, 196]. Непомерная жажда абсолюта, уводящая человека от чувства меры, рано или поздно приводит к насилию. Преодоление сложности и запутанности повседневного мира вынуждает такого бунтаря упростить решение, радикально выйти к новой утопии.

В контексте этой идеи Камю мотив эксперимента у Гюисманса получает чрезвычайно интересное дополнительное объяснение. Действительно, за любым моральным экспериментом всегда стоит бунт, что и демонстрирует деятельность дез Эссента. Другими словами, это та самая сверхдальняя цель эксперимента, цель метафизическая, а не социальная или психологическая. Следовательно, эксперимент всегда имеет, как минимум, три измерения, которые могут находиться даже в противоречивых отношениях друг с другом. Так, успешный эксперимент дез Эссента скрывает от персонажа свою реальную метафизическую основу, провалившийся же эксперимент активно указывает на настоящий источник как самой проблемы, так и желания её преодолеть. Эксперимент потому и стремится к нарушению, что в его фундаменте, определяющем поле, условиях, возможности и орудиях экспериментирования изначально заложен метафизический бунт.

Литература

1. *Гюисманс Ж.-Ш.* Наоборот: пер. с фр. И. Карабутенко/ Ж.-Ш. Гюисманс // Гюисманс Ж.-Ш., Монтерлан А. де. Наоборот. Девушки. – М.: Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1990. – 272 с.
2. *Золя Э.* Тереза Ракен: пер. с фр. Е. Гунста / Э. Золя // Золя Э. Собр. соч.: под общ. ред И. Анисимова, Д. Обломиевского, А Пузикова. – М.: Гос. изд-во худож. литры, 1960-1967. – Т.1. – 616 с.
3. *Камю А.* Бунтующий человек: пер. с фр. Ю.М. Денисова и Ю.Н. Стефанова / А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.

Д.А. Чугунов
Воронежский государственный университет

Ключевые аллюзии в произведениях Й. Винклера

Произведения Йозефа Винклера (Josef Winkler, род. в 1953 г.) уже более четырёх десятилетий привлекают к себе внимание то беспощадным вскрытием нарывов так называемой австрийской ментальности, то погружением в глубины извращённого сознания современного европейца вообще. Так, например, по выражению П. Хеннинга, роман «Кладбище горьких апельсинов» («Friedhof der bitteren Orangen», 1990), один из лучших у Й. Винклера, – это книга, в которой автор показательно «потворствует своему некрофильскому любопытству» и которая «как содержательно, так и по форме, рассказывает о деформации индивидуума в обществе» [8].

Персонажи этого писателя всегда мучимы многочисленными психическими комплексами, не дающими им разобраться в любви и ненависти к другому человеку, они жаждут внимания мира и сами же страдают от недоверия к нему, во всём их существовании переплетены и перепутаны радость и печаль, явное и кажущееся, свет и тьма. В определённом смысле их миры отражают действительность самого автора. Сам Й. Винклер, не-

смотря на двойственное отношение к родной Каринтии, большую часть жизни провёл именно в этой австрийской земле. Несмотря на постоянное изображение одинокой гомосексуальности в своих художественных текстах, Й. Винклер имеет жену и двоих детей. Изображая героев, стремящихся вырваться из мрака бытия, писатель с упоением описывает ритуалы смерти и разрушения, например, в книге «Индийский Варанаси, Харишчандра. Журнал путешествий» («Indien Varanasi, Harishchandra. Reisejournal», 2006).

В тёмном и барочном мире произведений Й. Винклера внимательному читателю открывается множество важных аллюзий, связывающих художественные и духовные искания писателя с многовековой традицией европейской культуры и помогающих понять причины возникновения в его книгах шокирующих страниц. Без этой основы было бы сложно ощутить глубину авторских размышлений и, как следствие, остались бы совершенно непонятными мотивы, которыми руководствовались жюри, присуждавшие Й. Винклеру высшие литературные премии современности, а среди них и Большая Австрийская государственная премия по литературе, и германская Бюхнеровская премия.

Так, уже в раннем романе «Родная речь» («Muttersprache», 1982) появляется скрытая отсылка к «Дуинским элегиям» Р. М. Рильке. Этот код понимания задаётся в самом начале повествования, когда рассказчик говорит: «Люди столетиями придумывали и мастерили кукол по прихоти своей фантазии, а теперь куклам приходит пора придумывать и мастерить людей по своему разумению. До чего же легко разговаривать с куклой. Она слушает меня с таким трогательным вниманием, словно всё, что я говорю о ней, хочет сказать про меня» [2, 16].

Сравним у Рильке:

…Я не люблю кривлянья полумасок,
Уж лучше куклы. Полностью. И я
Стерплю их жесты, нити и лицо
С единой миной…
(*Четвёртая элегия*) [6].

Или:

…Надо всем этим звёзды. Новые. Звезды края Страданий.
Тихо Жалоба их называет: – Здесь,
увидь: Всадник, Посох, и созвездий полных
имена повторяют они: Плодовый Венец. И к полюсу далее:
Путь; Колыбель; Горящая книга; Кукла; Окно…
(*Десятая элегия*) [6].

Подобно Р. М. Рильке, Й. Винклер пишет о том, что «кукла», «марионетка» живее человека, что с ней куда проще и безопаснее вступать в отношения, ибо от неё не стоит ждать агрессии и т.п. И если Рильке так описывал суть происходящего в человеческом социуме начала XX века, то Винклер логически завершает тему, описывая происходящее в конце столетия.

Не менее показательны отсылки к известной новелле Т. Манна «Смерть в Венеции», угадываемые в романе Й. Винклера «Кладбище горьких апельсинов». Единственное различие между ними в том, что современный автор позволяет себе большую вольность и откровенность в описаниях. Подобно Т. Манну, Й. Винклер выводит гомосексуальность как символическое отображение бесплодного, пустоцветного мира – благополучно существующего, однако замкнутого на себе и не способного рождать нечто новое.

В прозе Й. Винклера перед нами постоянно предстаёт деградирующий, расщеплённый, не-цельный человек рубежа XX–XXI веков. Из-за этого обстоятельства австрийского писателя в критике часто представляют неким маньяком, любящим смаковать мрачные подробности современности. Подобные суждения, на наш взгляд, откровенно поверхностны, ибо такой же изломанный внутренне, с детской травмой, психически неадекватный персонаж легко обнаруживается и у других европейских авторов, например, в романе итальянца П. Джордано «Одиночество простых чисел», ставшем бестселлером в Европе (тираж составил более миллиона экземпляров) в том же 2008 году, когда Винклеру присудили Бюхнеровскую премию. Удивительное совпадение по времени появления и удивительно одинаковая востребованность читающей публикой! Главный герой Джордано так же мучим детской травмой знакомства со смертью, в нервном возбуждении он всегда режет себе руки. И главный герой Винклера самоистязает плоть и психику: «Мне нужно глухонемое томление, я всегда хотел искалечить себя – кастрировать, оттяпать руку или быть обречённым созерцать закат одним глазом, я хочу стать немым, чтобы никого не оскорбить словом, я хочу быть глухим, чтобы больше не слышать, как оскорбляют меня» [2, 312]. Различие между П. Джордано и Й. Винклером лишь в несравненно большей густоте мрачных текстов последнего.

Подробное исследование культурного контекста винклеровских произведений ещё ждёт своего часа, однако уже сейчас среди всего многообразия явных и скрытых отсылок к иным авторам, произведениям, историческим событиям можно выделить ключевые аллюзии, стягивающие к себе всё остальное. В силу католического воспитания в глухой австрийской деревне все они связаны с проблемой христианской идентичности современного европейца. И именно здесь следует искать объяснение экзистенциальной жути, разлитой по текстам Й. Винклера. Чтобы понять её, следует обратить внимание на один эпизод из романа «Родная речь». Рассказчик вспоминает рекламный плакат одного издательства, на котором стояли слова Солженицына, поразившие его: «Литература, которая не есть воздух современного ей общества, которая не смеет передать обществу свою боль и тревогу, в нужную пору предупредить о грозящих нравственных и социальных опасностях, не заслуживает даже названия литературы» [2, 85]. Для Й. Винклера этот тезис нобелевского лауреата по сути превратился в главный ориентир собственного повествования, которое всегда сравнимо с выплеском боли. И если отбросить все частности и

мелочи, то Боль эта, по Винклеру, в основе своей обусловлена существованием современного человека в мире, из которого ушёл Христос.

То, что Й. Винклер постоянно возвращается к христианской составляющей современной жизни, остаётся на удивление незамеченным в современной критике. Практически все западные литературные обозреватели с самого начала решительно прошли мимо этого обстоятельства, обращая преимущественное внимание лишь на связь размышлений писателя с австрийским опытом национального самоосмысления в XX в.

Увидев отражение кризиса христианства в его произведениях, они не заметили ту самую авторскую и человеческую боль из-за происходящего, не заметили стремление автора за образами деформированного мира увидеть нечто большее и цельное. Так, например, важная подробность в сюжете «Родной речи» (экономные родители не покупали маленькому рассказчику книги, считая их бесполезными) была оценена лишь с экономической стороны. Совершенно незамеченным осталось то обстоятельство, что Й. Винклер, лишённый в детстве книг, вынес из той поры особенное чувство слова, поставил словесную стихию на первое место в своей жизни, из человека без собственной речи: торгового агента, чиновника, офисного клерка – превратившись в писателя, рождающего слова. Важнее даже – какие именно слова искал и ищет он. Автобиографический рассказчик в «Родной речи» признаётся: «Благодаря языку я могу сопротивляться смерти» [2, 130]. Что означает его фраза? Рассказчик говорит много и *обо всём*, его речь струится потоком, захватывая в себя людей, предметы, воспроизводя различные обстоятельства. В мире стандартных слов и мыслей, который представляет современная Европа, это регистрирование мельчайших и подчас сокровенных вещей представляет отчаянную и очень эмоциональную попытку искренности. И вместе с тем попытку вопроса – а есть ли нечто большее за вещами и событиями? Есть ли нечто *после физической смерти*? Житейский мир не даёт ответа на подобные вопросы, максимум, о чём может идти речь, это о комфорте существования. Именно тогда в его сознании появляется *иной* мир, с которым герой начинает отождествлять себя: «Казалось, я бреду стезёй страданий, словно герой действа, именуемого Страстями Христовыми» [2, 150]. И рассказчик действительно идёт по новому для себя пути, становится главным причётником в храме [2, 158]. Собственно, «в начале было Слово…» [4, 1:1].

При внимательном рассмотрении все значимые события в сюжете романов Й. Винклера так или иначе связываются с христианской стихией.

Христианство, например, смутно ощущается персонажем как пространство искренней любви, невозможной в современности. Для европейца, в XX веке так или иначе затронутого двумя мировыми войнами, такая мысль чрезвычайно важна. Научили ли эти войны людей чему-либо? Вряд ли, потому что рассказчик едко замечает: «Любовь в нашей деревне невозможна без насилия» [2, 140]. И не только в маленькой деревне, но и во всей Австрии. В стране миллионы католиков, но так мало любви. Не случайно целых пять страниц отведены сцене современного распятия Иисуса

в австрийской деревне, когда все жители ведут себя подобно древним иудеям, так же кричат «Распни его!» [2; с. 243–248].

Именно поэтому в воспалённом сознании рассказчика возникает фантасмагория: «…Я иду в анатомичку, добываю там лоскутья кожи и пишу на них любовные песни» [2, 199]. Кожа – остатки тела, не ведавшего любви…

По Й. Винклеру, эта ситуация характерна для всей Европы. В соседней Италии происходит невероятное: после страшного землетрясения из рождественских ясель исчезает… младенец Христос. На недоумение рассказчика священник в храме говорит: «"Поскольку землетрясение в Италии… унесло много детских жизней, мы удалили святого младенца из яслей, на сей раз будем праздновать Рождество с пустыми яслями". Рыба смотрит прямо на меня и стыдливо опускает глаза, потому что она всего лишь животное» [2, 189].

В «Кладбище горьких апельсинов» перед глазами читателя проходит та же самая вереница ужасающих картин человеческого безумия *без Бога*. И вопрос о том, есть ли место Богу в современной Австрии, Италии, во всём мире, возвращает к евангельской истории о фарисеях. Люди, как и рассказчик, великолепно знают и молитвы, и акафисты, и обряды, и церковную историю… Однако они ведут такое существование, в котором находится место всему, кроме любви.

Й. Винклер рисует распадающийся, умирающий мир, в котором человек пытается не сойти с ума, в котором вера в Христа повсеместно подменена ритуальностью, видимостью, суевериями, коммерцией…

В римской новелле **«**Natura morta**»** (2001) Й. Винклер дает скрытую отсылку к Евангелию от Матфея. Её непросто увидеть за натуралистическим изображением распадающегося, животного мира – с отрубленными головами животных на рынке, грязными людьми, грязными мыслями, гомосексуалистами и трансвеститами, туристами… Среди них вдруг появляется монахиня, продающая «в киоске рядом с ризницей свечи и церковные сувениры». Она «осенила себя крестом, услышав голос священника, читавшего у алтаря заупокойную молитву. Она опустилась на колени перед выставленными на продажу пластмассовыми распятиями и фигурками мадонн, ещё раз перекрестилась и встала. На плакате, висевшем в ее тесном киоске, было написано: "Radio Maria. Una voce cristiana nella tua casa"», то есть «"Радио Мария". Голос христиан в твоем доме» (итал.) [3]. Однако не звучит этот голос ни в чьём доме, как свидетельствует Й. Винклер, напоминая известное: «И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: "слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их"» [5; 13:14–15].

Пожалуй, лишь жюри, присудившее Й. Винклеру самую значительную литературную премию Германии, подметило важное: «Немецкая академия языка и поэзии вручает премию имени Георга Бюхнера 2008 года Йо-

зефу Винклеру, который безжалостно и с беспрецедентным радикализмом превратил катастрофы детства в своей католической деревне и их экспозицию на убийственный мир в ритмичную прозу тёмной красоты в стиле барокко» [7]. Однако серьёзное и обстоятельное исследование этой «католической» основы авторского сознания ещё ожидает своего часа.

Литература

1. *Винклер Й.* Кладбище горьких апельсинов / Й. Винклер // RoyalLib : электронная библиотека. – URI: https://royallib.com/book/vinkler_yozef/kladbishche_mertvih_apelsinov.html (дата обращения: 13.04.2020)

2. *Винклер Й.* Родная речь / Й. Винклер. – СПб.: Symposium, 2005. – 416 с.

3. *Винклер Й.* Natura morta. Римская новелла / Й. Винклер // RoyalLib : электронная библиотека. – URI: https://royallib.com/book/vinkler_yozef/Natura_Morta.html (дата обращения: 13.04.2020).

4. Евангелие от Иоанна // Русская Православная Церковь : [официальный сайт Московского Патриархата]. – URI: http://www.patriarchia.ru/bible/jn/ (дата обращения: 17.04.2020).

5. Евангелие от Матфея // Русская Православная Церковь : [официальный сайт Московского Патриархата]. – URI: http://www.patriarchia.ru/bible/mf/ (дата обращения: 17.04.2020).

6. *Рильке Р.М.* Дуинские элегии / пер. В. Купреянова // Поэзия.ру : [электронный портал]. – URI: https://poezia.ru/works/54805 (дата обращения: 13.06.2020).

7. *Josef Winkler* : Urkundentext // Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. – 2008. – 1. November. – URI: https://www.deutscheakademie.de/de/auszeichnungen/georg-buechner-preis/josef-winkler/urkundentext (дата обращения: 25.07.2020).

8. *Henning P.* Medizin für Melancholiker / P. Henning // Der Spiegel. – 2008. – 17. Juni. – URI: https://www.spiegel.de/kultur/literatur/buechner-preis-fuer-josef-winkler-medizin-fuer-melancholiker-a-560144.html (дата обращения: 13.04.2020).

Л.В. Рыбачева

Воронежский государственный университет

Функциональные корреляции глагола и имени в составе вариативных синтаксических рядов

Как известно, описание языковых единиц строится не по отдельным аспектам языковой системы, а на основе взаимодействия различных аспектов этой системы. В соответствии с этой концепцией, как считает А.М. Ломов, предложение представляет собой двучастную структуру, в которой, с одной стороны, именуется «тот или иной коммуникативно значимый фрагмент действительности (номинативный аспект), а с другой – обеспечивается коммуникативное сотрудничество говорящего и слушающего за счет сообщаемых первым сведений о своих оценках и речевых установках» [2, 18], [3]. Выделение двух уровней синтаксического описания предложения предполагает, по мнению И. П. Распопова, признание определенного рода взаимоотношений между синтаксисом и морфологией, так как «синтаксические конструкции складываются из отдельных

словесных форм, в большей или меньшей мере опираясь на структурные свойства последних» [5, 18]. Блестящим образцом лингвистического описания является представленная в труде ученого «Строение простого предложения в современном русском языке» классификация простых предложений в конструктивно-синтаксическом и коммуникативно-синтаксическом аспектах [6].

И. П. Распопов выявляет еще один аспект научного исследования – взаимодействие синтаксических и словообразовательных факторов при установлении отношений синтаксической производности [4, 7]. Особый интерес представляет описание соотносительных синонимичных конструкций, связанных общностью словообразовательных морфем, в плане выявления их структурных, семантических особенностей, а также закономерностей их употребления в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. Так, соотносительные предложения *Он уезжает завтра - Его отъезд состоится завтра; Мы встретились случайно - В нашей встрече была случайность – Наша встреча была случайной* и т.д. принадлежат к различным семантико-синтаксическим типам предложении. В первом из них занимающее позицию подлежащего имя существительное имеет значение агенса, а находящийся в позиции сказуемого глагол - значение действия (условно назовём эти предложения субъектно-агентивными). Во вторых высказываниях позицию подлежащего занимает имя со значением действия, а глагол в позиции сказуемого либо фиксирует различные формы бытия опредмеченного действия, либо раскрывают те или иные особенности протекания действия (условно назовем их субъектно-акциональными).

В этих предложениях представлена одна и та же ситуация, но она отражается под разным углом зрения, участники этой ситуации представлены в ней по-разному. В субъектно-агентивной конструкции выразителем пропозиции является глагол, он связывает имена, давая в итоге целостную ситуацию. Что же касается субъектно-акционального предложения, то в нем носителем пропозиционного значения является подлежащее – событийная номинализация, а глагол-сказуемое фиксирует эту пропозицию, оценивая ее с точки зрения бытия / небытия, начала, повторения и т.д. В этом случае пропозитивное имя становится сематическим предикатом, а делексилизованный глагол – синтаксическим предикатом.

Субъектно-агентивные предложения могут регулярно соотноситься с двумя типами субъектно-акциональных предложений – бытийными и квалификативными [2]. Возможность их корреляции зависит от принадлежности глагола к определенной лексико-семантической группе (ЛСГ). Так, субъектно-агентивные предложения с глаголами мысли, речи, физического и эмоционального состояния человека могут регулярно соотноситься с бытийными конструкциями, фиксирующими характер существования (бытия) опредмеченного действия. В этих предложениях синтаксическим предикатом являются глаголы, обозначающие наличие / отсутствие действия, его возникновение, повторяемость и т.д. Например: *Все предчувствовали перемены – У всех было предчувствие перемен; Он несколько раз ощущал это*

– Такое ощущение несколько бывало у него.; Она не изменилась – Никаких изменений в ней не произошло; Он усомнился в правильности этих слов – У него появились сомнения в правильности этих слов.

Субъектно-акциональное предложение с квалифицирующим значением могут регулярно соотноситься с субъектно-агентивным предложением, в котором используются глаголы тех же ЛСГ. В первых из них употребляется глагол-связка *быть* и полузнаменательные глаголы *стать / становиться*. Например: *Она пела странно - Ее пение было странным; Расстались они без грусти – Их расставание было без грусти; Мы разговаривали с глазу на глаз – Наш разговор был с глазу на глаз* и т.д.

В предложениях с идентифицирующим значением используются пропозитивное имя и сказуемое, состоящее из связки *быть* и неопределенной формы глагола. Например: *Он мечтал поехать на Север – Его мечта – поехать на Север; Он стремился во что бы то ни стало покорить эту вершину – Его стремление – во что бы то ни стало покорить эту вершину* и т.д.

Другой тип корреляции имени и глагола характеризует случаи функциональной эквивалентности семантически осложненного (полипропозитивного) простого предложения, для которого характерна асимметрия плана выражения и плана содержания (*Встреча с ним обрадовала меня)* и сложного полипропозитивного предложения (*То, что мы с ним встретились, обрадовало меня).*

Простое предложение, таким образом, имеет две пропозиции: одна из них основная, базовая *(Я обрадовался*), обладающая всеми признаками предикативности (она представлена в пропозитивных (модусных) глаголах [1, 8], другая – дополнительная, побочная, выражена пропозитивным подлежащим – девербативом и является свёрнутой пропозицией (*Встреча с ним*).

Между двумя типами пропозиций в предложении могут существовать различные типы отношений, что определяется семантикой глагола-сказуемого. Так, наблюдения показывают, что чаще всего свернутая пропозиция – девербатив – соотносится с глаголами определенных ЛСГ. Это глаголы следующих ЛСГ:

– глаголы побуждения: *Только появление француза заставило мальчика уйти* (Ю. Трифонов) – *Только то, что появился француз, заставило мальчика уйти - Француз появился – мальчик должен уйти – Мальчик вынужден был уйти, так как появился француз*.

– глаголы эмоционального воздействия: *Вообще его бурная восторженность изумляла меня в первых же дней* (В. Орлов) – *То, что он бурно восторгался, изумляло меня с первых же дней – Он бурно восторгался, и я изумлялся с первых же дней – С первых же дней я изумлялся тому, как он бурно восторгался;*

– глаголы со значением воздействия («делать каким»): *Именно эта торопливость делала ее речь длинной и сбивчивой* (К. Паустовский) – *Именно то, что она торопилась, делало ее речь длинной и сбивчивой – Она торопилась – это делало ее речь длинной и сбивчивой.*

Таким образом, соотносительные монопропозитивные и полипропозитивные предложения образуют синтаксическую парадигму предложения, или вариативные синтаксические ряды. Выбор того или иного предложения обусловлен коммуникативным намерением говорящего. Как правило, предложения со свёрнутой пропозицией являются контекстуально зависимыми, в отличие от предложений, в которых пропозиция представлена в развернутом виде.

Неоднородность семантической организации субъектно-агентивных и субъектно-акциональных предложений определенным образом отражается на структурных свойствах предложений: они отличаются друг от друга как особенностями выражения предикативного центра, так и способами выражения второстепенных членов, которые к тому же по-разному соотносятся с соответствующими компонентами соотносительных предложений.

Кроме того, отличия в структуре и семантике анализируемых предложений оказывают влияние на способность их распространения. Так, например, словоформы субъектно-агентивных предложений, указывающие на место или время действия (так называемые детерминанты)) становятся в субъектно-акциональных предложениях с бытийным значением присловным распространителем глагола-сказуемого, причем обязательным, так как обеспечивают правильность этого высказывания. Ср.: *В начале января Федин уехал* (К. Паустовский) – *Отъезд Федина состоялся в начале января.*

Напротив, в отрицательно-безличных предложениях с бытийным значением, в отличие от субъектно-агентивных предложений, распространители нередко опускаются, что объясняется их семантикой: действие в них представлено в обобщенном, обезличенном виде. *Ответа не было, Возражений не было.*

Соотносительные субъектно-агентивные и субъектно-акциональные предложения в силу их номинативных особенностей играют разную роль в организации связной речи. Так, субъектно-акциональные предложения с квалификативным значением употребляются главным образом в контекстах последовательного строя и служат средством связности текста, осуществляя за счет номинализации смену тема-рематических компонентов в тексте: *Он улыбнулся. Улыбка у него была ослепительная и открытая* (К. Паустовский); *Даже в тишине он чуял катастрофу. Это предчувствие началось у него в ранние годы* (К. Чуковский).

Между соотносительными конструкциями могут возникнуть противительно-сопоставительные отношения: в субъектно-агентивных предложениях утверждается действие или состояние, а в субъектно-акциональных оно оценивается с точки зрения пользы либо целесообразности или это действие или состояние отрицается: *Боже! – терзалась Ольга. – Помоги мне. Но помощи не было* (И. Гончаров); *Я покаялся вообще не думать о театре. Но клятва, конечно, нелепая* (М. Булгаков).

В контекстах параллельного строя использование номинализаций связано с решением ряда задач. Так, субъектно-акциональные предложения используются в следующих случаях

– для выражения простой «смежности» (соположения) обозначаемых событий: *Сапожников пел и дурачился, а на душе было предчувствие, что все плохо кончится, все разлетится* (М. Анчаров);

– при выражении объяснительно-определительных отношений: *Потом внезапно наплывали облака, комната темнела. И беседа становилась то веселой, то грустной* (В. Орлов);

– при выражении контрастно-сопоставительных отношений: *В первую секунду Ольга Васильевна верила, на затем недоумение: разве Сережа нуждается в одиночестве* (Ю. Трифонов).

Особый интерес представляют случаи, когда в предложении встречается однородное сочетание глагола и имени, одинаково относящихся к очевидному или устранённому неопределенно-личному субъекту: *Три минуты до конца периода. Вновь – драка. Кого-то должны удалить. Спор, крики, жестикуляция, судьи подъезжают к судейскому директорату, что-то объясняют* (Ю. Трифонов).

Бытийные предложения могут служить средством введения определённой информации, то есть являться интродукцией к тексту: *У него было великолепное умение молчать. Он садился обычно в стороне, на отлете, и даже как-то демонстративно молчал, всматриваясь во всех спокойными, слегка прищуренными глазами* (К. Паустовский).

Интерес представляют случаи, когда в качестве однородных членов предложения используются только номинализации. Такого рода предложения отличаются особой экспрессией: в них с помощью однородного сочинения создается динамика в развитии событий, смена ситуаций, состояний, показываются периоды, этапы в развитии действий, состояний. Наряду с девербативами в них используется также событийная лексика и конкретно-предметные имена в событийном значении: *В музее было тихо, безденежно и безнадежно, но зато невероятное спокойствие, а в институте началось; обещанья, надежды, проекты, страсти, группировки, опасности на каждом шагу* (Ю. Трифонов).

Таким образом, учет различных аспектов описания синонимичных конструкций оказывается важным как для теоретической лингвистики в плане выявления возможных способов выражения одной и той же ситуации с разных точек зрения, так и для практики преподавания русского языка, в которой необходимо учитывать структурные и семантические различия синонимичных конструкций и особенности их функционирования в речи.

Литература

1. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 311 с.

2. *Ломов А.М.* Типология русского предложения / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 280 с.

3. *Распопов И.П.* Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис : учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / И.П. Распопов, А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. – 350 с.

4. *Распопов И.П.* Заметки о коммуникативно-синтаксических синонимах / И.П. Распопов // Русский язык. – Изв. Воронежского пед. ин-та, 1975. – Т. 150. – С. 5-9.
5. *Распопов И.П.* Спорные вопросы синтаксиса / И.П. Распопов. – Ростов: Изд-во Ростов. ун-та. – 1981. – 128 с.
6. *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке / И.П. Распопов. – М.: Просвещение, 1970. – 50 с.
7. *Распопов И.П. Сычева С.Н.* Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия / И.П. Распопов, С.Н. Сычева. – Филол. науки, 1974. – № 3. – С. 66-73.
8. *Храковский В.С.* Теория языкознания. Русистика. Арабистика / В.С. Храковский. – СПб.: Наука, 1999. – 447 с.

Е.А. Пляскова, М.В. Погорелова
Воронежский государственный университет

Из опыта дистанционного обучения русскому языку иностранных студентов-филологов в ВГУ

Во втором семестре 2019–2020 учебного года в связи с пандемией коронавируса все вузы столкнулись с необходимостью организации учебного процесса в дистанционной форме. Преподаватели были вынуждены проводить занятия по всем учебным дисциплинам, а также промежуточную и итоговую аттестацию с использованием всевозможных технических средств дистанционного общения.

В целом все преподаватели филологического факультета Воронежского государственного университета справились со стоящей перед ними задачей не прерывать учебный процесс в сложившихся условиях, выбрав наиболее подходящие методы и формы организации работы со студентами. Для взаимодействия с учащимися использовалась электронная почта, а также групповые и индивидуальные чаты в WhatsApp, Viber, ВКонтакте, Facebook, Skype; видеоконференции на платформе Zoom или в системе BigBlueButton. Преподавателями создавались новые или корректировались уже существующие электронные учебные курсы на образовательном портале «Электронный университет ВГУ» (edu.vsu.ru).

Четырехмесячный вынужденный опыт виртуального обучения позволяет выделить некоторые общие для всех направлений и дисциплин моменты, которые затрудняют работу и вызывают негативное отношение к дистанционному образованию.

В первую очередь, конечно, всеми отмечаются технические проблемы. Не все преподаватели и студенты обеспечены необходимыми техническими средствами для полноценного электронного взаимодействия; большинство иностранных студентов филологического факультета не имеют ноутбуков и пользуются для выполнения электронных заданий телефонами, функционал которых более ограничен в сравнении с ноутбуком или ПК. В случае использования для занятий видеосвязи сложности возникали из-за неустойчивого интернета, звуковых помех и т.д. Технические проблемы могут быть в том числе и выдуманными у тех студентов, которые не хотят учиться: «потерял телефон», «забыл пароль»,

«не мог войти на сайт», «не было интернета» и многие другие отговорки стандартны для объяснения невыполнения дистанционного задания.

Подготовка материалов и проверка студенческих работ в электронной форме требует гораздо больше времени и усилий преподавателя, чем традиционное аудиторное обучение, хотя эффективность таких занятий вызывает сомнения. Многие студенты не утруждают себя ни самостоятельным выполнением заданий, ни чтением исправлений, замечаний и комментариев преподавателя, ни, тем более, дальнейшим исправлением своих ошибок.

Электронное обучение не дает возможности объективного контроля знаний учащихся. Проведение текущих и итоговых аттестаций в дистанционном режиме в формате видеоконференций позволяет оценить степень усвоения материала студентом только в случае, если экзаменационные задания и вопросы сформулированы таким образом, что готовые ответы на них невозможно найти и списать. В противном случае при виртуальном формате экзамена у студента всегда есть возможность воспользоваться шпаргалкой, учебником или поиском ответа в интернете.

Что касается дистанционного преподавания русского языка иностранцам-филологам, то здесь необходимо разграничивать занятия по практическому курсу русского языка и теоретические дисциплины.

Цель практического курса русского языка – расширять и закреплять навыки владения русским языком в различных сферах общения. Для формирования коммуникативной компетентности иностранных студентов важно быть погруженными в русскую языковую среду, что предполагает их активное участие в общении с русскими людьми, в том числе непосредственное общение с преподавателем на занятии.

Проведение занятий по практике речи в дистанционном формате по большей части сводится к выполнению грамматических упражнений. Такие задания хороши в качестве дополнительного учебного материала, но ни в коем случае не компенсируют непосредственного общения в аудитории. Составленный в электронной форме диалог на заданную тему совершенно не то же самое, что диалог, разыгранный с партнером на аудиторном занятии. При этом кропотливая и трудоемкая работа преподавателя по исправлению огромного количества ошибок, совершаемых студентами, зачастую оказывается тщетной, т.к. при дистанционном письменном общении, как уже отмечалось выше, не все студенты читают исправления, замечания и комментарии, тогда как в аудитории у преподавателя есть возможность донести свои замечания до каждого и услышать исправленные ответы.

В системе moodle можно подготовить для обучающихся задания с автоматической проверкой и оценкой. Но для речевых упражнений такой тип заданий не совсем подходит: иностранные студенты делают многочисленные опечатки, ставят лишние пробелы между словами, забывают знаки препинания или ставят лишние и т.д. Это не является грамматической или орфографической ошибкой, но в запрограммированных заданиях такие ответы будут оцениваться как ошибочные. Сравнивая свой ответ

с правильным, высвечивающимся в системе, студенты не видят разницы и не понимают, что надо исправить.

С другой стороны, любая дисциплина, в том числе теоретическая, для иностранных студентов-филологов одновременно является и практикой русской речи, т.е. на каждом занятии преподаватель должен реализовывать две взаимосвязанные задачи:

первая – *дать теоретические знания*, *научить студентов разбираться в процессах, происходящих в русском языке, русской / зарубежной литературе и т.д.;*

и вторая, но не менее важная задача – *научить студентов воспринимать и репродуцировать информацию, в том числе научного плана, на русском языке.*

Последняя задача для наших туркменских студентов оказалась чрезвычайно трудной. Зачастую студенты начинают выполнять задания, не поняв, что конкретно и как надо сделать, т.е. читают, но не воспринимают информацию. Также начинают выполнять задания, не познакомившись с теорией в учебнике.

Иностранные студенты значительно хуже усваивают информацию, если они не проговорили ее вслух. На занятиях в аудитории преподаватель заставляет студентов проговаривать информацию (не прочитывать по учебнику, не вызубривать!). Только после проговаривания, может быть, не совсем правильного с грамматической точки зрения, приходит понимание сути. И только следующий этап – применение усвоенных знаний на практике: при анализе слов, предложений, текстов и т.д.

Многие туркменские студенты не утруждают себя мыслительными процессами. Им проще несколько раз переписать найденные у однокурсников разные варианты одного и того же задания (кстати, все неправильные), чем открыть учебник и подумать самостоятельно. Некоторые ответы на грани абсурда. Приведем следующий пример (выполняется задание на определение в паре русского и старославянского слова и выделение признака старославянизма): *Уноша – русское слово, звук* ***у*** *в конце корня. Юноша – старославянское слово, звук* ***ю*** *в конце корня.* У преподавателя возникает вопрос: а что, туркмены, как и арабы, читают справа налево? (Вопрос о наличии звука «ю» в русском языке в данном случае не поднимается, хотя в первом семестре русская фонетика была «изучена»).

Дистанционная форма обучения дает недобросовестным студентам возможность рассчитывать на то, что, ничего не делая самостоятельно, они получат оценку, в том числе достаточно высокую, с чужой помощью (в условиях общежития – с помощью носителей русского языка). В итоге оценки в системе электронного университета могут абсолютно не соответствовать реальному уровню знаний студента.

Опыт проведения занятий по дисциплинам теоретического цикла («Русский язык: морфология», «Национальная специфика русского синтаксиса», «Русский глагол», «Обучение научному стилю речи») позволяет отметить некоторые положительные и отрицательные стороны электронного обучения.

При проведении занятий в формате видеоконференции на платформе Zoom была необходимость и возможность использования анимированных презентаций для объяснения нового учебного материала, а также демонстрации требований к выполнению дистанционных домашних заданий. Такие презентации было бы удобно применять и в дальнейшей аудиторной работе при условии наличия соответствующего оборудования в аудиториях. Полноценно работать в формате видеоконференции на платформе Zoom возможно только в маленьких группах: если на экран выведена презентация, то преподаватель видит только 3 учащихся. При этом студенты не нашли возможность самостоятельно работать на доске.

На онлайн-занятиях в системе BigBlueButton на образовательном портале «Электронный университет ВГУ» студенты могли сами пользоваться доской, но здесь возникали проблемы со звуком (студенты не слышали преподавателя или слышали механический искаженный звук, не позволяющий понять содержание), не работали презентации с настроенной анимацией.

Студенты 2-го курса отметили после экзамена, что им было труднее подготовиться к экзамену, так как в течение семестра, в отсутствие аудиторных занятий, не было возможности выполнять задания у доски, проговаривая и прописывая изученный материал, задавая больше уточняющих вопросов преподавателю.

Для домашних заданий по теоретическим дисциплинам в основном использовались тестовые формы заданий с вариантом вопроса «Вложенные ответы» (короткий ответ или множественный выбор). В этих заданиях есть возможность автоматической проверки и оценки студенческих работ, хотя, как уже было отмечено, в случае с иностранными студентами преподавателю приходится перепроверять все работы вручную, учитывая опечатки и неточности оформления ответа. Такой тип заданий, безусловно, не подходит для развития навыков общения на русском языке, но позволяет отработать грамматические правила, запомнить сложные лингвистические термины, поэтому подготовленные тесты могут и должны быть использованы в дальнейшей аудиторной работе в качестве дополнительного средства обучения.

Опыт онлайн-обучения русскому языку иностранных студентов-филологов показал, что такая форма работы в вузе может быть только вынужденной мерой в случае форс-мажорных обстоятельств или дополнением к традиционным аудиторным занятиям, но не может стать привычной и единственной. Не все предметы могут быть успешно освоены студентами в виртуальном формате. Это касается и практики русской речи, и теоретических филологических дисциплин. Для эффективного обучения русскому языку как языку общения и языку будущей профессиональной деятельности студентам необходимо живое общение в аудитории, возможность участия в диалогах и полилогах.

С.М. Белякова, М.В. Никифорова
Тюменский государственный университет

ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНСКОМ КОНТИНУУМЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Наименования женщин по профессии или роду занятий составляют значительный пласт лексики любого языка. При этом он подвергается существенным изменениям, обусловленным протекающими в обществе социальными и культурными процессами. В современном русском языке это активно пополняющаяся группа лексики, однако появление таких слов по-разному, нередко негативно, оценивается как носителями языка, так и его исследователями.

Имеется целый ряд статей отечественных и зарубежных лингвистов, где эта группа лексики рассматривается с точки зрения ее происхождения, семантики, словообразования и стилистических особенностей. Среди них работы В.В. Беркутовой [1], А.С. Васильевой [3], А.Л. Егоровой [6], Т.П. Шубы-Зимяниной [10] и др. Не остаются в стороне от обсуждения этого вопроса и публицисты, см., например, материал Е. Георгиевской с характерным названием «Кому угрожают феминитивы?» [5].

В целом категория nomina agentis является одной из наиболее интересных лексико-семантических групп языка как в словообразовательном, так и в семантическом аспекте. В русском языке долгое время сосуществовали две тенденции. Одна из них проявлялась в появлении особых существительных для наименования женщин и их функционировании параллельно с номинациями мужчин. Другая заключалась в употреблении слов мужского рода для обозначения как мужчин, так и женщин. Она долгое время превалировала. Как писал В.В. Виноградов, «…в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т.е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. Например, для общего логического обозначения понятия о людях, принадлежащих к классу крестьян, мы воспользуемся словом мужского рода крестьянин, отнюдь не подразумевая при этом мужчин, а имея в виду лиц обоего пола. Этот смысл очень ощутителен в таких выражениях, как: Дом крестьянина, газета «Вузовец», работник просвещения и т.п.» [4, 63]. Однако в последние десятилетия, особенно в связи с активным участием женщин в общественной жизни, а также с возникновением и расширением деятельности различного рода феминистических движений и организаций первая тенденция все активнее пробивает себе дорогу. Изучение новых слов женского рода в русском языке позволяет отслеживать культурную и социальную ситуацию в стране, рассматривая динамику и частотность употребления подобных слов, отношение к ним лингвистов и рядовых носителей языка.

На наш взгляд, представляет интерес сопоставление антропономинантов, функционирующих в разных славянских языках, что обусловлено генетической близостью этих языков и в то же время – уникальной судь-

бой каждого из них. В качестве объекта такого сопоставления выбраны русский и чешский языки.

По мнению В.В. Беркутовой, «образование феминитивов исторически свойственно славянским языкам, что подтверждается сравнительным анализом: в большинстве родственных русскому славянских языков феминитивы получили широкое распространение, поэтому в них не возникает проблемы образования и употребления форм женского рода» [1].

Следует сразу отметить, что, по наблюдениям исследователей, в чешском языке параллельные обозначения мужчин и женщин по их профессии – регулярное явление; соответствующие лексемы, как правило, не имеют ни ореола новизны, ни разговорной стилистической окраски. Возникновение новых слов такого рода, обусловленное появлением современных профессий, не вызывает отторжения, поскольку находится в русле традиционных представлений о норме и узусе. Чешские лингвисты М. Вагнерова [2], Л. Мровецова [8], Й. Хоффманнова (J. Hoffmannová) [11], Ф. Штиха (F. Štícha) [12] и др. приводят в своих работах некоторые факты функционирования феминитивов в современном чешском языке, подтверждающие эту тенденцию. Однако их наблюдения нуждаются в проверке и уточнении. Для этого необходимо привлечение нового материала, а также расширение базы источников.

В данной статье материалом исследования стали лексические единицы русского (86) и чешского языка (89) указанной семантики. Источниками материала являются тексты в соцсетях (Facebook и ВКонтакте), где сосредоточена основная аудитория авторов постов и комментаторов; на форумах (Feminismus.cz и Woman.ru), в которых участвуют женщины разных возрастных категорий, материального положения, социального статуса и интересов; Интернет-СМИ, где публикуются статьи, в которых неоднократно поднимается вопрос феминитивов и их особенностей (Wonderzine и НОЖ), блоги (LiveJornal), а также комментарии на всех вышеперечисленных платформах. Это обусловлено тем, что в Интернете, где речь совмещает в себе книжный, публицистический и разговорный стили, легче всего отследить появление неологизмов, частоту и область их употребления. При отборе лексики был использован семантический критерий. В состав исследуемого материала входят имена существительные как нейтральные, так и обладающие стилистической окраской.

Проведенное сопоставление позволило сделать следующие наблюдения, касающиеся словообразовательных особенностей русских и чешских феминитивов. Прежде всего, необходимо отметить, что все анализируемые лексические единицы мотивируются существительными мужского рода – мотивированными или немотивированными. Самой многочисленной словообразовательной группой как в русском, так и в чешском стали феминитивы с формантом -к(а)/-k(a). Наиболее продуктивными среди них оказались феминитивы, мотивированные немотивированными существительными мужского рода в чешском языке (13 лексических единиц: *autorka, advokatka,doktorka, fotografka, fyzioterapeutka, hooliganka, chiruržka, modelka, profesorka, servírka*, *stewardka, vysokoškolaška*) и мотивированные

существительными мужского рода с суффиксом -ист в русском языке (13 лексических единиц: *визажистка, вокалистка, гитаристка, дантистка, журналистка, коммунистка, лингвистка, массажистка, программистка, специалистка, фигуристка, футболистка, юристка*). В свою очередь, в чешском языке образовано 9 феминитивов, мотивированных существительными мужского рода с суффиксом -ist: *aktivistka, filatelistka, floristka, (detailní) higienistka, juristka, kytaristka, motocyklistka, parodistka, volejbalistka.* В материале русского языка выделено меньшее количество (8 лексем) феминитивов, образованных от немотивированных существительных мужского рода: *авторка, админка, акушерка, делегатка, депутатка, докторка, поэтка, студентка.* Использование суффикса -k(a) в чешском языке характеризуется следующими соответствиями с русским языком: в обоих языках феминитивы, мотивированные существительными мужского рода на -er, -ер/-ёр, строятся по модели -er ~ -erka (*bankeřka, blogerka, designerka, dispečerka, konstruktérka, makléřka, manažerka, manikérka, maserka, pedikérka, restauratérka, trenérka*) в чешском языке и по эквивалентной модели -ер/ёр ~ -ерка/-ёрка в русском языке (*блогерка, волонтёрка, дизайнерка, инженерка, партнёрка, режиссёрка, рокерка*). Также сходство словообразовательных моделей наблюдается среди феминитивов, мотивированных номинациями мужского рода на -tor/-тор: *editorka, korektorka, lektorka, moderátorka, operátorka, prezentatorka, redaktorka* – в чешском языке; *администраторка, директорка, координаторка, модераторка*, *операторка, организаторка, скульпторка* – в русском языке. Эти номинации образуются по модели -tor~ -torka в чешском языке и аналогичной модели -тор ~ -торка в русском. В русском и чешском материале отмечено одинаковое количество лексем. В подгруппе феминитивов, мотивированных словами мужского рода со структурным типом на -ant/-ent и -ант/-ент, количество лексем составило 8 единиц в чешском (*(porodní) asistentka, kalkulantka, (advokátní) koncipientka*, *konzultantka, laborantka, projektantka, referentka, reprezentantka*) и 4 единицы в русском (*абитуриентка, абонентка, ассистентка, официантка*), строящихся по словообразовательным моделям -ant/-ent ~ -antka/-entka и -ант/-ент ~ -антка/-ентка соответственно. Реже феминитивы образуются в обоих языках по моделям -ač ~ -ačka в чешском и -ач ~ -ачка в русском. В чешском языке только одна лексема мотивируется существительным мужского рода на -ač: *prodavačka.* В русском языке таких номинаций две: *скрипачка* и *циркачка*.

Еще одной немногочисленной подгруппой феминитивов, образованных при помощи суффикса -k(a)/-к(а), являются слова женского рода, мотивированные существительными мужского рода с суффиксами -ič в чешском языке и -ик в русском. По словообразовательным моделям -ič ~ -ička и -ик ~ -ичка строятся следующие лексемы: *řidička* – в чешском языке; *химичка* – в русском языке.

Еще одним отличием чешского языка от русского будет образование феминитивов, мотивированных существительными мужского рода на -eč. Такие имена существительные образуются по модели -eč ~ -ečka:

uklízečka. В исследуемом корпусе материала русского языка лексемы данной словообразовательной модели не представлены.

Чешский язык характеризуется еще одной словообразовательной особенностью, отличающей его от русского языка: формант -k(a) соотносится с именами мужского рода на -ař/-ář: *kuchařka, kvalitářka, modelářka, novinářka, návrhářka, pekařka, přípravařka, sanitářka, sekretářka, strojařka, veterinářka, zaskokařka.* В корпусе материала русского языка такие слова отсутствуют.

Чешский язык выделяется следующей словообразовательной особенностью: после -log~ -ložka присоединяется формант -k(a), в то время как в русском языке феминитивы, мотивированные существительными мужского рода, оканчивающимися на -лог, образуются по модели -лог ~ -логиня. Русские феминитивы, мотивированные лексемами мужского рода как мотивированными, так и с суффиксоидом -лог, образуются при помощи суффикса -иня: *врачиня, героиня, гинекологиня, докториня, коллегиня, педагогиня, психологиня, филологиня, фотографиня, хирургиня*. В то время как в материале чешского языка формант -yn(ě) соотносится с немотивированными существительными мужского рода и именами мужского рода на -ec: *sportovkyně, vědkyně, chirurgyně.*

Стоит отметить, что, в отличие от русского языка, в чешском суффикс -k(a) соотносится со структурным типом слов на -tel: *cestovatelka, chovatelka, nakladatelka, pestitelka, poštovní doručovatelka, překladatelka, přepisovatelka, spisovatelka, stavitelka.* В русском языке со структурным типом на -тель соотносится другой феминитивный суффикс - -ница: *избирательница, исследовательница, писательница, потребительница.* Также при помощи форманта -ница образуются феминитивы, мотивированные немотивированными существительными мужского рода: *дипломница, лыжница, участница.* Феминитивы, образованные при помощи эквивалентного русскому суффикса -ice, мотивируются существительными мужского рода на -nik: *administrativní pracovnice, dělnice, hudebnice, kadeřnice, obchodnice, odbornice*. Модель словообразования -Ø~-ice отсутствует в корпусе материала чешского языка.

В материале чешского языка представлены феминитивы, мотивированные существительными мужского рода, оканчивающимися на -íř/-ýř: *básnířka, inženýrka, malířka.* В корпусе русского языка отсутствуют лексемы, образованные по данной словообразовательной модели.

В чешском языке также выделяются феминитивы, мотивированные иностранными словами мужского рода с суффиксом -man. Такие феминитивы образуются при помощи присоединения к основе производящего слова суффикса -k(a): *barmanka, kameramanka.* В корпусном материале русского языка слова, образованные по этой модели, отсутствуют.

Аналоги русских суффиксов -есса, -иса, -иха, -лица, -щица, -чица, -ша в чешском языке не представлены.

Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языке словообразующие форманты для создания имён существительных женского рода, называющих лицо по профессии и роду деятельности, более разнообразны, но самым продуктивным в обоих языках остается суффикс -k(a)/-к(а).

Полученные нами данные о продуктивности суффиксов -k(a)/-к(а). совпадают с выводами, полученными Л. Мровецовой, рассматривавшей номинации новых профессий в сфере коммерции и IT-технологий в русском и чешском языках [12].

Для установления стилистической принадлежности выявленных лексических единиц была произведена их сверка по «Новому словарю русского языка» Т.Ф. Ефремовой [7], и Онлайн-словарю современного чешского языка [9].

В словаре Т.Ф. Ефремовой было обнаружено 59 лексических единиц, совпадающих с нашим материалом: *абитуриентка, авторша, администраторша, актриса, акушерка, ассистентка, барабанщица, бегунья, библиотекарша, владелица, волонтёрка, вокалистка, врачиха, вязальщица, героиня, гитаристка, дантистка, делегатка, депутатка, директриса, дипломница, докладчица, докторица, докторша, журналистка, избирательница, институтка, исследовательница, коммунистка, крановщица, лекторша, лётчица, лингвистка, литераторша, лифтёрша, лыжница, маникюрша, массажистка, мастерица, официантка, парикмахерша, партнёрша, певица, писательница, повариха, поставщица, поэтесса, профессорша, секретарша, скрипачка, специалистка, студентка, стюардесса, ткачиха, уборщица, участница, фигуристка, футболистка, химичка, циркачка.* Из них 22 лексемы имеют помету *разг.: авторша, администраторша, ассистентка, библиотекарша, врачиха* (разг. сниж.), *делегатка, депутатка, директриса, докладчица, докторица, докторша, коммунистка, лекторша, лингвистка, литераторша, лифтёрша, маникюрша, парикмахерша, профессорша, секретарша, химичка, циркачка.* Также в нашем корпусе материала русского языка есть 2 лексемы, которые зафиксированы в словаре с пометой *устаревшее*: *волонтёрка, дантистка.* Остальные слова (25) не зафиксированы в указанном словаре. Можно предположить, что они являются неологизмами или окказионализмами.

В Онлайн-словаре современного чешского языка зафиксированы 74 лексемы: (*administrativní) pracovnice, advokatka, (advokátní) koncipientka, aktivistka (*hovor.*), (porodní) asistentka, autorka, bankeřka, barmanka, básnířka, blogerka, cestovatelka, designerka, dělnice, dispečerka, doktorka, editorka, fyzioterapeutka, geoložka, gynekoložka, chirurgyně, chiruržka, chovatelka, inženýrka, kadeřnice, kameramanka, korektorka, kuchařka, laborantka, lektorka, malířka, manažerka, manikérka, maserka, modelka, moderátorka, novinářka, návrhářka, obchodnice, odbornice, operátorka, pedikérka, pestitelka, poštovní doručovatelka, prodavačka, projektantka, profesorka, překladatelka, psycholožka, redaktorka, referentka, reprezentantka, řidička, sanitařka, sekretářka, servírka, spisovatelka, sportokyně, stewardka, technoložka, trenérka, veterinářka, vědkyně, volejbalistka, uklízečka.* Одна лексема зафиксирована в словаре с пометой *hovor.*: *aktivistka*.

Таким образом, можно сделать вывод об области функционирования феминитивов в двух языках. В русском языке феминитивы употребляются преимущественно в разговорной речи: из 86 лексических единиц в словаре зафиксировано 59, из которых 22 помечены как разговорные. В чешском языке из 89 номинаций 74 зафиксировано в словаре, из которых только одна помечена как разговорная.

Проведенное исследование показало роль средств и способов словообразования в создании номинаций лица женского пола со значением профессии, рода деятельности и занятий. На основании проведенного сравнительно-сопоставительного анализа можно сделать некоторые обобщения, касающиеся языков одной языковой группы. В работе были описаны модели, по которым образованы исследованные антропономинантные феминитивы, словообразовательные компоненты суффиксального способа образования, выделены продуктивные и менее продуктивные форманты в обоих языках. Несмотря на то, что чешский и русский – родственные языки, в них имеется немало различий, в том числе касающихся словообразовательных процессов. Так, различия наблюдаются в структурных моделях образования феминитивов (совпадают три основные словообразовательные модели:-k(a)/-к(а), -yn(ě)/-ин(я), -ic(e)/-иц(а); ряд словообразовательных формантов в чешском языке отсутствует), продуктивности эквивалентных суффиксов – образование номинаций женского рода с суффиксом -k(a) в чешском языке более регулярное, чем образование имён существительных женского рода с аналогичным суффиксом -к(а) в русском языке. В целом словообразование феминитивов в чешском языке представляется более стандартным.

Различия между языками наблюдаются также в сфере функционирования феминитивов: в русском языке они используются преимущественно в разговорной речи, в то время как в чешском языке большинство исследованных лексем зафиксировано в Онлайн-словаре современного чешского языка и не имеет пометы «разговорное». Несмотря на то, что в русском языке феминитивы находятся на периферийных позициях языковой системы, есть основания полагать (в том числе учитывая «опыт» чешского языка), что у них имеются предпосылки войти сначала в широкое употребление, а затем – в литературный русский язык. Основным путем такого вхождения представляется нейтрализация разговорной стилистической окраски.

Сопоставление феминитивов, функционирующих в русском и чешском языках, позволяет сделать вывод о том, что близость славянских языков и в наши дни демонстрирует некоторые общие тенденции их развития, однако каждый язык проявляет и свою специфику, связанную с его внутренними законами, национально-культурными условиями и установками общества.

Исследование данного пласта лексики можно соотнести с проблематикой гендерной лингвистики. Так как это направление языкознания пока находится в начале своего развития, а феминитивы можно считать инструментом снижения уровня лексической асимметрии, дальнейшее изучение рассмотренной проблемы представляется весьма перспективным.

Литература

1. *Беркутова В.В.* Феминитивы в русском языке: анализ исторической ситуации в конце XIX – первой половине XX в. / В.В. Беркутова. – URL: https://www.psypart.com/istoriya-feminitivov.

2. *Вагнерова М.* К образованиям на -ка в современном русском и чешском языках / М. Вагнерова // Olomoucké dny rusistů. Sborník přispěvků z mezinárodní konference XX. – Olomouc, 2009. – С. 49–54.

3. *Васильева А.С.* Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности / А.С. Васильева. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-v-upotreblenii-naimenovaniy-lits-zhenskogo-pola-po-professionalnoy-prinadlezhnosti.

4. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 719 с.

5. *Георгиевская Е.* Кому угрожают феминитивы? / Е. Георгиевская // Сайт РФО «ОНА». – URL: https://ona.org.ru/post/170655867278/linguistic-menace.

6. *Егорова А.Л.* Феминитивы в современном русском языке / А.Л. Егорова. – URL: http://referad.ru/kursovaya-rabota-feminitivi-v-sovremennom-russkom-yazike-stude/index.html.

7. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т.Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – 3312 с. – URL: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-48.html.

8. *Мровецова Л.* Наименования новых профессий и позиций в условий рыночной экономики / Л. Мровецова // Olomoucké dny rusistů. Sborník přispěvků z mezinárodní konference XX. – Olomouc, 2009. – С. 143–148.

9. *Толковый онлайн-словарь современного чешского языка.* Slovnik soucasne cestiny. URL: https://www.nechybujte.cz/slovnik-soucasne-cestiny/pracovnice.

10. *Шуба-Зимянина Т.П.* Феминативы лексико-семантической группы «наименование лица по профессии» в русском, белорусском и польском языках: словообразовательный аспект / Т.П. Шуба-Зимянина. – URL: https://docplayer.ru/70531464-Femininativy-leksiko-semanticheskoy-gruppy-naimenovanie-lica-po-professii-v-russkom-belorusskom-i-polskom-yazykah-slovoobrazovatelnyy-aspekt.html.

11. *Hoffmannová J.* Projevy mluvené a psané. CzechEncy / *J. Hoffmannová.* – Nový encyklopedický slovník češtiny.URL: https://www.czechency.org/slovnik/PROJEVY%20MLUVENÉ%20A%20PSANÉ

12. *Štícha F.* Názvy osob jako nositelů role profesní. CzechEncy / *F. Štícha.* – Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: https://www.czechency.org/slovnik/NÁZVY%20OSOB%20JAKO%20NOSITELŮ%20ROLE%20PROFESNÍ

Н.И. Валеева

Муниципальное автономное образовательное учреждение гимназия № 23, г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ-МИКРОТЕКСТОВ – ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Текст (в частности, полипредикативное сложное предложение-микротекст) как целостная структура не обходится без учета особенностей исторического, культурного и социального фонов. Взаимопроникновение и взаимовлияние всех параметров текста (ПСП-микротекста) как особой формы коммуникации с учетом характера информативности, специфики коммуникативности, особенностей функционирования, взаимоотношений адресанта и адресата, признаков индивидуальности инфор-

мативно-воздействующей или эстетически-образной системы – все это служит задачам актуализации высказываний. Отмеченные коммуникативные параметры характеризуются динамичностью, в особенности динамичностью их взаимодействия, влияющей на структуру текста (ПСП-микротекста) в целом.

Рассмотрим паремиологические образования разных жанров (ПСП-пословицы, ПСП-поговорки, ПСП-загадки, ПСП-прибаутки, ПСП-скороговорки, ПСП-считалки), специфику их семантико-синтаксической организации.

Среди особенностей жанра пословицы выделяются прагматическая направленность – стремление научить, дать совет, а также особые принципы создания образности. В составе ПСП-пословиц широко используются обобщенно-личные предложения с повелительными формами глагола:

Гни дерево, пока гнется, учи дитятко, пока слушается.

Сей – не спи, будешь жать – не станешь дремать.

Рядись – не стыдись, работай – не ленись.

Смотри вниз: хоть кошелек не найдешь, зато не споткнешься.

Предикативный центром обобщенно-личных предложений в ПСП-пословицах достаточно часто выражается и глаголом в форме 2-го лица будущего простого времени с модальным значением возможности или невозможности действия:

Тише едешь – беда догонит; скоро едешь – беду догонишь.

Одну выпьешь – боишься; другую выпьешь – боишься; а как третью выпьешь, уж и не боишься.

Деятель нередко предстает в ПСП-пословицах как обобщенный субъект, неизвестный или несущественный для акта коммуникации, направленного главным образом на само действие, неслучайно поэтому в состав пословиц входят неопределенно-личные предложения:

Не там чисто, где подметают, а там, где не мусорят.

Пока пили, ели, кудрявчиком звали, а попили, поели, прощай, шелудяк.

Часто для организации ПСП-пословиц используются безличные предложения, имеющие главный член, выражающий действие, состояние или признак, которые возникают или существуют сами собой, независимо от производителя действия или носителя признака:

На работу – спина болит, а ест – за ушами трещит.

Поколь жив – все жив; а как помер, так и не стало.

Пилось бы, елось, а работушка и на ум бы не шла.

«Отстранение» признака или действия от его носителя (производителя) выражено в приведенных ПСП-пословицах посредством личных глаголов в безличном значении «*трещит*», «*не стало*».

Бессубъектность может быть выражена словом *нет*, которое в составе безличных предложений обычно используется при сопоставлении логико-смысловых частей ПСП-пословицы:

Это еще не забота, коль много работы; нет хуже заботы, когда нет работы.

В полном мешке – брат родной, в полумешке – двоюродный; на дне мешка – в сватовстве; а нет в мешке, нет и родни.

Присутствие в ПСП-пословицах обобщенного деятеля показывают также предложения с главным членом в форме инфинитива, который обозначает возможное или необходимое действие:

Не в петлю лезть, что нечего есть; а лучше погадать, как век коротать.

Горько пить, еще горше, когда обнесут.

Первую пить – здраву быть, вторую пить – ум повеселить, утроить – ум устроить, четверту пить – неискусну быть, пятую пить – пьяну быть, чара шестая – мысль будет иная, седьмую пить – безумну быть, к осьмой приплести – рук не отвести, за девятую приняться – с места не подняться, а выпить чарок с десять – так поневоле взбесят.

Отметим особую ритмическую организацию ПСП-пословиц и ПСП-поговорок, что способствует их закреплению в памяти. Ритмический строй отличается необыкновенной четкостью и создается не соблюдением стоп, а сочетанием разнообразных форм и элементов словесной ритмики: ударений, созвучий, синтаксического строения.

Велико дело – блины печь: налил да в печь.

Захочу – дам по калачу, не захочу – поколочу.

В приведенных ПСП-микротекстах ритмику созвучий создают омоформы и омофоны *«блины печь» - «налил да в печь», «по калачу» - «поколочу».*

Важнейшим средством ритмической организации многих ПСП-пословиц и ПСП-поговорок является четкое композиционное членение на синтаксически соизмеримые части, и именно здесь обнаруживается связь ритмического строя с точным выражением мысли (изосинтаксизм):

Сбил-сколотил – вот колесо; сел да поехал – ах, хорошо; оглянулся назад – одни спицы лежат.

В приведенной пословице каждый из трех логико-смысловых компонентов явно делится на две части, разделяемые паузой, особой ритмичности которых способствует и бессоюзная связь между компонентами.

В другой ПСП-пословице четкое деление по смыслу также совпадает с композиционным делением на ритмически соизмеримые части:

Из лука – не мы, из пищали – не мы, а попить да поплясать против нас не сыскать.

Подобное композиционно-ритмическое деление наблюдается и в ПСП-пословицах с разнообразными грамматическими формами условных сложносинтаксических связей:

Коли выйдет – будет пиво, а не выйдет – квас.

Взялся за гуж – не говори, что не дюж.

Одним из приемов, подчеркивающим ритмическую организацию ПСП-пословиц и ПСП-поговорок, является также синтаксический параллелизм:

Как у тещи зять в гостях – за семь верст заезжают; как у свояка свояк в гостях – за семь верст объезжают.

Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож.

И наличие рифмы отражает специфику жанровой организации ПСП-пословиц и ПСП-поговорок:

Дадут дураку честь, так не знает, где и сесть.

Кому чин, кому блин, а кому и клин.

Разнообразные формы ассонансов и аллитераций, участвующие в ритмической организации исследуемых ПСП-микротекстов, не только служат четкости выражения авторской мысли, но и преследуют художественно-выразительные цели:

Десять раз угодишь, а один раз проштрафишься – все равно виноватым останешься.

Зять любит взять, тесть любит честь, а шурин глаза щурит.

Ритмически организованное описание какого-либо предмета или явления представляют и ПСП-загадки, относящиеся к специфическому народно-поэтическому жанру и имеющие особую коммуникативно-прагматическую направленность:

Три братца
Пошли купаться;
Два купаются,
Третий на берегу валяется.
Искупались, вышли,
На третьем повисли.
(Ведра, коромысло.)

Ходит без ног,
Держит без рук;
Кто идет,
Тот за ворот берет.
(Дверь в избе.)

Два брата стоят,
Два брата лежат,
А сестрица ходит
И песню заводит.
(Дверь и косяки.)

Рифма и иносказание, используемые в приведенных ПСП-загадках, способствуют не столько закреплению в сознании людей свойств и качеств простых и хорошо известных всем предметов и вещей, но и развивают в человеке догадливость, сообразительность. Создаваемый на основе олицетворений образно-эмоциональный эффект рассчитан на небуквальное восприятие и помогает адресату приблизиться к разгадке: *«три*

братца» - ведра и коромысло, «ходит без ног, держит без рук» - дверь в избе, «сестрица» и «два брата» - дверь и косяки.

Специфичны так называемые «арифметические» ПСП-загадки, требующие особой сообразительности. Между смысловыми блоками-компонентами со значением перечисления чаще всего используется бессоюзная связь:

Стоит дуб;
На дубу двенадцать звезд,
На каждом гнезде
По четыре синицы,
У каждой синицы
По четырнадцати яиц:
Семь беленьких,
Да семь черненьких.

(Год, месяцы, недели, дни и ночи.)

Особой прагматической направленностью обладают ПСП-прибаутки или ПСП-приговорки, многие из которых можно отнести к детскому фольклору. Своим содержанием они напоминают маленькие сказочки в стихах, в которых также чаще всего используется бессоюзная связь:

У нашего Данилы
Разыгралася скотина,
И коровы и быки
Разинули кадыки,
Утки в дудки,
Тараканы в барабаны;
Коза в синем сарафане,
Во льняных штанах,
В шерстяных чулках,
Вол и пляшет,
Ногой машет,
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять,
Бух, бух, бух.

Как правило, в прибаутке дана отдельная картина какого-либо яркого события или изображено какое-либо стремительное действие, что в полной мере отвечает активной природе ребенка:

Был себе человек Яшка,
На нем серая сермяжка,
На затылке пряжка,
На шее тряпка,
На голове шапка –
Хороша ли моя сказка?
Жил-был журавль с журавлихой, поставили они стожок сенца –
Не сказать ли опять с конца?

Движение – основа образной системы ПСП-прибауток, они дают резкую смену одной картины другой, чему способствуют многообразные и яркие ритмы:

А тари, тари, тари!
Куплю Маше янтари,
Останутся деньги,
Куплю Маше серьги,
Останутся пятаки, -
Куплю Маше башмаки,
Останутся грошики,
Куплю Маше ложки,
Останутся полушки,
Куплю Маше подушки.

Идет коза рогатая,
Идет коза бодатая:
Ножками: топ! топ!
Глазками: хлоп! хлоп!

Кто кашки не ест,
Кто молоко не пьет,
Того забодает, забодает.
Идет коза рогатая
За малыми ребятами:
Кто сиську сосет,
Того рогом бодет.

Сорока-ворона кашку варила, на порог скакала, гостей призывала: этому дала, этому дала, а этому не досталось.

Давая определение прибаутке, пустобайке, В. Даль отмечает, что «она может быть иногда и то же, что пустоговорка», «иные называют так целый ряд поговорок и приговорок, сложенных складно, без большого смысла» [4, 35]. Приведем примеры таких ПСП-прибауток:

Около меня свищет; я туда – свищет, я сюда – свищет; беда, думаю, влез на березу, сижу – свищет; ан это у меня в носу.

Летит пуля, жужжит; я в бок – она за мной, я в другой – она за мной; я упал в куст – она меня хвать в лоб; я цап рукой – ан это жук!

ПСП-прибаутки так же, как и ПСП-поговорки, часто переходят в ПСП-пословицы, меняется их коммуникативно-прагматическая направленность, так как пословица обычно поучительна или назидательна:

Лошади чужие, кнут не свой – погоняй, не стой.

По словам В. Даля, прибауткой называют также «сказочные прикрасы», «и эта болтовня принимает иногда пословичное значение, если применяется к какому-либо известному случаю» [4, 36]. Приведем примеры ПСП-присказок:

Чур мою сказку не перебивать; а кто ее перебьет, тот трех дней не проживет.

На море, на окияне, на острове буяне стоит бык печеный: в заду чеснок толченый, с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь.

Необходимо отметить, что восприятию адресатом отдельных картинок, образов и действий в ПСП-прибаутках способствует превалирование бессоюзной связи между смысловыми блоками или компонентами.

Детский фольклор – своеобразная кладовая истории. Утратив серьезное жизненное назначение, а в ряде случаев и культовые, магические функции, игра в своем словесном тексте пополнилась новыми мотивами, связанными с тем, что игровое действие стало приносить играющим чисто эстетическое наслаждение. Прагматическая направленность жеребьевых сговорок, или считалок, – необходимость разделения играющих на группы. Считалка – рифмованный стишок, состоящий часто из придуманных слов и созвучий с подчеркнуто строгим соблюдением ритма. Пример ПСП-считалки:

Ехал чичик через мост,
Вел кобылушку за хвост;
Кобылушка пала,
Шкурка не пропала,
А из шкурки сапожки,
Из копытца гребешки.

Жанровое своеобразие ПСП-считалок заключается в том, что часто они создаются на основе сказок, пословиц, поговорок и загадок. Наиболее распространенный тип их композиции состоит из зачина, хода и выхода:

Катилось яблоко
Мимо сада,
Мимо сада,
Мимо града;
Кто поднимет,
Тот и выйдет.

Один из своеобразных жанров фольклора – скороговорка. Это быстрое повторение труднопроизносимых стишков и фраз, упражнение в скором и чистом произношении. Часто в ПСП-скороговорках сочетаются однокоренные или созвучные слова:

На дворе – трава, на траве - дрова, не руби дрова на траве двора.

Стоит стопочка на окошечке, не подъявлена, не выявлена: пришел хват подъявить; подъявил и выявил.

Коммуникативно-прагматическая направленность ПСП-скороговорок – ясно выраженная развлекательная установка:

Петр Петрович, по прозванью Перов, поймал птицу пигалицу; понес по рынку, просил полтинку, подали пятак, он и продал так.

Описанию быстро сменяющихся действий и скорому произношению также способствует в ПСП-скороговорках преобладание бессоюзной связи между структурно-смысловыми компонентами.

В результате исследования обнаружено:

1. Жанровая принадлежность ПСП-микротекстов, обусловленная коммуникативно-прагматическими задачами автора, влияет на формирование их семантико-синтаксической организации.

2. ПСП-пословицам свойственна бессубъектность действия, чаще выраженная наличием в них неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных предложений.

3. Многообразен ритмический строй ПСП-загадок, способствующий легкой запоминаемости и воспроизводимости.

4. ПСП-прибаутки, отнесенные к детскому фольклору, обладают особой прагматической направленностью.

5. Жанровое своеобразие ПСП-считалок заключается в том, что часто они создаются на основе сказок, пословиц, поговорок и загадок.

6. Отличие ПСП-скороговорок от других микротекстов – ясно выраженная развлекательная установка.

7. В ПСП-прибаутках и ПСП-скороговорках преобладает бессоюзная связь между структурно-смысловыми компонентами.

Литература

1. *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т.Е. Владимирова. – М., 2007. – 304 с.

2. *Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике / В.А. Звегинцев. – М., 2008. – 333 с.

3. *Марченко Е.П.* Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции: монография / Е.П. Марченко. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. – 364 с.

4. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. – М, 1984, т. 1.

Г.В. Романова
Воронежский государственный технический университет

Лингводидактика на службе культуры речи (на примере обучения падежной вариативности имён существительных)

Старые и давно забытые фундаментальные методические понятия, основанные и разработанные еще в «советской школе», по прошествии лет не потеряли своей актуальности. Долголетняя преподавательская практика утвердила в потребности обращения к такому базовому понятию методики преподавания языка, как лингводидактика, чтобы показать ученикам, что родной язык – это интересно, логично и поэтому просто. Базироваться на данных одной науки для этого оказалось невозможным, необходимо было соединение научного знания нескольких смежных дисциплин, таким образом, жизненная необходимость дала основания для актуализации лингводидактического подхода к преподаванию русского языка.

Применение такого подхода на современном актуальном языковом материале мы выстраиваем по собственной методике. Для этого, прежде всего, анализируем речевые ошибки говорящих по частотности (коллекцию таких ошибок, звучащих публично, я собираю уже около двадцати лет) и выстраиваем собственную градацию правил русского языка, нуждающихся в углублённом изучении и объяснении.

Общеизвестно, что такое понятие, как лингводидактика, в теорию обучения языку впервые ввел Н.М. Шанский в 1969 году, а с 1975 года этот термин по признании МАПРЯЛ стал международным. Лингводидактика «исследует общие закономерности обучения языкам, специфику содержания, методов и средств обучения определённому языку в зависимости от дидактических целей, задач и характеризуемого материала, условий монолингвизма (одноязычия) или билингвизма (двуязычия), этапа обучения и интеллектуально-речевого развития обучаемых» [2, 133].

Лингводидактика – это систематизация самого принципа изучения языка, это путь его освоения, который показывает, что все языковые явления возникают из предшествующих и в никуда не уходят, порождают новые. Установление таких причинно-следственных связей в языке – важная часть лингвистики. Выявление принципов формирования лингвистических категорий, их становления – сложный и значимый процесс, особенно при обучении русскому языку. Демонстрация межъязыковых и внутиязыковых параллелей упрощает освоение языка обучаемыми. Лнгводидактический подход универсально применим в преподавании и изучении русского языка как родного и русского языка как иностранного (РКИ).

Проводимым исследованием с применением лингводидактического толкования языковых явлений и соединением различных подходов к русскому языку (как к родному и неродному) мы хотим продемонстрировать универсальность принципов лингводидактики.

Стоит напомнить, что в советском языкознании общая лингводидактика получила название культуры речи [8, 247].

В безусловной необходимости толковать сложные случаи применения правил или функционирования грамматических категорий, а не просто констатировать их существование в современном языке, убедил автора опыт многолетнего преподавания вузовской дисциплины «Русский язык и культура речи». Новизна и потребность в использовании лингводидактического подхода обусловлена ещё и тем, что изменились сами обучаемые и их когнитивные потребности. Современное поколение студентов особенно активно нацелено на поиск сути изучаемого материала, осознание его связи с их жизненными потребностями. Талант преподавателя, по всей вероятности, состоит в том, чтобы высокая культура владения родным языком стала жизненной потребностью обучаемого.

Целью нашего исследования стал поиск продуктивной модели обучения русскому языку, повышение качества обучения с помощью лингводидактического подхода. Задачами исследования явилось следующее:

1) соединить две методики преподавания русского языка как родного и русского языка как иностранного, изучение современного литературного языка с историей языка;

2) представить в исследовании такое лингводидактическое соединение из собственного преподавательского опыта на примере изучения темы нормативное употребление форм падежей имён существительных.

Правила вариативного образования падежей имен существительных – тема курса русского языка и культуры речи, при качественном освоении которой просто необходимо использовать лингводидактический подход. Вариативность современных падежных окончаний порождена мощной системой древнерусских склонений имён существительных. Общеизвестно, что она была многообразной и разветвлённой: существовало шесть типов склонений существительных, тогда как в современном языке их всего три. Современный русский язык с упрощённой системой склонений сохраняет архаичные варианты форм существительных, которые обнаруживаются при образовании тех или иных падежных конструкций. Это касается форм имён существительных ***родительного падежа единственного числа*** (*выпить чая* и *выпить чаю, пачка сахара* и *пачка сахару, купить сырка* и *сырку*). В переводе повести Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», сделанном в 1980-е гг., находим устаревший вариант «Надо прошагать добрых десять миль, чтобы разжиться пачкой *табаку*» [4, 12]. В рассказе «Вождь краснокожих» О. Генри читаем: «Я купил *табаку*, справился мимоходом, почём нынче горох, незаметно опустил письмецо в ящик и ушёл» [3, 314]. В рассказе начала XX-го века «Юшка» А. Платонова также обнаруживаем эти устаревшие на сегодняшний день, но в то время современные варианты: «Но Юшка *чаю* не пил и *сахару* не покупал» [5, 403].

Наблюдаются также варианты окончаний существительных в ***предложном падеже единственного числа*** (*он на хорошем счету* и *на нашем счёте в банке*) и ***творительном падеже множественного числа*** (*гордиться дочерями* и *дочерьми, хлопать дверями* и *дверьми*) [6, 40-45].

Следует подробно остановиться на проблеме образования форм ***родительного падежа множественного числа имён существительных***. Это форма даёт самое большое количество вариантов окончаний, пришедших из различных типов склонений системы древнерусского языка. На наш взгляд, для качественного освоения образования форм этого падежа явно недостаточно использовать односторонний подход к проблемному правилу, который используется в современной методике преподавания русского языка как родного, а именно – подход смысловой. Каркас этого правила строится на следующем умозаключении: при образовании формы родительного падежа множественного числа действуют логические принципы, но только относительно существительных мужского рода с непроизводной основой на твёрдый согласный (кроме шипящих), которые в этой форме приобретают так называемое нулевое окончание [7, 214-216]. Это происходит, если существительные имеют следующие значения:

а) названия парных предметов или предметов, обычно состоящих из двух или нескольких частей: пара *ботинок, брюк, погон, сапог*, *манжет, лампас, шорт, шпор, эполет* и др., искл.: пара *носк<u>ов</u>*;

б) названия некоторых национальностей, основа которых заканчивается на **–н** или **–р** (жить среди *англичан, алан, башкир, мадьяр, татар* и др.);

в) названия воинских групп и родов войск: отряд *партизан, солдат, гардемарин, гренадер, гусар, кадет* (Но: *съезд партии кадет<u>ов</u>* – поскольку слово имеет значение не воинской группы, а общественного объединения) и др. Искл : *минёр<u>ов</u>, мичман<u>ов</u>, сапёр<u>ов</u>, казак<u>ов</u>*;

г) названия единиц измерения, обычно употребляющихся с числительными: несколько *ампер, бит, гаусс, герц, вольт, ватт, микрон, рентген* и т.д. Искл.: *гектар<u>ов</u>, кулон<u>ов</u>, ньютон<u>ов</u>* [6, 41].

Варианты же форм существительных полного окончания мужского рода и существительных других родов в правиле предлагается просто запоминать.

На наш взгляд, это непродуктивный путь освоения принципа грамотного образования этих форм. К изучению этого правила необходимо подходить как к многокомпонентной системе. И эта система имеет три составляющих. Первое – классическое правило логики, изложенное ещё Д. Э. Розенталем [7, 214-216]. Второе – формальное, практически математическое правило образования форм в зависимости от рода и типа существительного, которое используется при обучении русскому языку как иностранному. Согласно ему выявлена в системе русского языка возможность нормативного употребления одного из пяти возможных вариантов окончаний формы родительного падежа множественного числа в соответствии с родом и окончанием имени существительного в исходной форме именительного падежа единственного числа [1, 95]. Представим эту информацию в виде таблицы в той форме, в которой она обычно предлагается в учебниках РКИ.

Варианты образования форм Р.п. мн.ч. имён существительных	Виды имён существительных в И.п. ед.ч, образующие форму	Примеры
1. Окончание **-ОВ**	сущ. мужского рода с основой на твердый согласный с нулевым окончанием	студент – студентов, профессор – профессоров, стол – столов
2. Окончание **-ЕВ**	Сущ. мужского рода с окончанием **-Й**	музей – музеев, трамвай – трамваев
3. Окончание **-ЕЙ**	1) Сущ. мужского рода с основой на: **-Ь; -Ж; -Ш; -Ч; -Щ**; 2) Сущ. среднего рода с окончанием **-Е**; 3) Сущ. женского рода с окончанием на **-Ь**.	словарь – словарей, этаж – этажей, малыш – малышей, врач – врачей, борщ – борщей; поле – полей, море – морей; ночь – ночей, мышь – мышей
4. **Нулевое** окончание	1) Сущ. женского рода с окончанием **-А ; -Я** (есть исключения); 2) Сущ. среднего рода с окончанием **-О**.	Мама – мам, песня – песен, сестра – сестёр; яблоко – яблок, зеркало – зеркал
5. Окончание **-ИЙ**	1) Сущ. среднего рода с окончанием **-ИЕ**; 2) Сущ. женского рода с окончанием **-ИЯ**	общежитие – общежитий; аудитория – аудиторий, лекция – лекций

И наконец, третье составляющее этого правила – это то, что не подчиняется ни логическому, ни формальному принципу. Это историческая традиция (запоминать, как в правиле, изложенном Д.Э. Розенталем) при нашем подходе, то есть использовании ещё и формального показателя, пришедшего из методики преподавания русского языка как иностранного, таких нестандартных слов для запоминания остаётся мизерное количество (*глаз – глаз, друг – друзей, мать – матерей, дочь – дочерей, ребёнок – детей, брат – братьев, лист – листьев, стул – стульев* и др.), и правило образования изучаемых форм, состоящее из трёх разноосновных составляющих, в целом применяется обучаемыми продуктивно.

Приведённые примеры, используемые в практике обучения нормативному употреблению форм падежей имён существительных, базируются на знании и понимании истории развития языка и различных методик обучения. Невозможно выучить язык без объяснения происхождения языковых явлений, поэтому освоение русского языка как родного обучаемыми будет осмысленным и потому продуктивным только в случае соединения пограничных научных знаний: науки о русском языке, истории

языка, методики преподавания русского языка как родного и методики преподавания русского языка как иностранного. Мы убеждены, что только при таком лингводидактическом подходе возможно сформировать у обучаемого прочный навык качественного владения собственной речью, что в целом гарантирует высокий уровень его языковой личности с развитой речевой культурой, что и является конечной целью обучения.

Литература

1. *Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А.* Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень) / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, А.А. Толстых. – 6-е изд. – М.: ЦМО МГУ им. М. В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2012. – 256 с.
2. *Бим-Бад Б.М.* Педагогический энциклопедический словарь / Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 527 с.
3. *О. Генри*. Вождь краснокожих. Рассказы / О. Генри. – М.: Библиотека школьника, 1985. – 364 с.
4. *Джером К. Джером*. Трое в лодке, не считая собаки / Джером К. Джером. – М.: Художественная литература, 1990. – 672 с.
5. *Платонов А*. Рассказы / А. Платонов. – М.: Художественная литература, 1989. – 508 с.
6. *Романова Г.В., Денисова М.А., Горбунова Н.Ф.* Культура речи: учеб. пос. / Г.В. Романова, М.А. Денисова, Н.Ф. Горбунова. – Воронеж: ВГТУ, 2008. – 160 с.
7. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И. Б. Голуб / Д.Э. Розенталь. 8-е изд., испр..доп. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 368 с.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

О.А. Швецова
Воронежский государственный университет

Сложносочинённые предложения, выражающие отношения противоречия-ограничения

> Одно из характерных свойств человеческого ума в том, что, сталкиваясь с противоречием, он не может оставаться пассивным. Ум приходит в движение с целью разрешить противоречие. Всем своим прогрессом человек обязан этому факту.
>
> Эрих Фромм

Наш мир диалектически сочетает в себе противоречивые и даже, на первый взгляд, исключающие свойства. Эти противоречия с неизбежностью находят отражение в языке. Поэтому для понимания глубокого структурного уровня организации материального и идеального мира исследование фрагмента языка, выражающего противоречие, имеет большое значение.

Различают два вида противоречия: онтологическое и гносеологическое. Онтологическое противоречие существует в реальной действитель-

ности и закономерно присуще всем природным, общественным и познавательным процессам. Оно осуществляется «между взаимоисключающими, но при этом взаимообусловливающими друг друга противопоставлениями внутри единого объекта» [9, 487] путем преобразования взаимодействующих сторон и является источником развития.

Гносеологическое противоречие есть результат ошибочных выводов человеческого ума, познающего действительность. Поэтому логика, являясь наукой «о законах и формах отражения в мышлении развития объективного мира, о закономерностях познания истины» [16, 123], не может не считаться с противоречиями, существующими в действительности, но и не может не констатировать логические ошибки, связанные с нарушением закона противоречия и означающие, что «в рассуждении (умозаключении) допускаются в качестве истинных две отрицающие, исключающие друг друга мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении» [9, 318]. Иными словами, для логики противоречие служит сигналом того, что человеческий ум, постигающий действительность, оперирует с фактами действительности (а точнее – понятиями о них) некорректно.

Лингвистика изучает оба вида противоречия и интерпретирует их согласно двум существующим точкам зрения на язык – нормативной и объективной [12, 50-62]. Нормативное понимание языка А.М. Пешковский называет обычным житейско-интеллигентским пониманием, в силу которого мы над каждым языковым фактом творим или стремимся творить «скорый» и зачастую «несправедливый» суд. Судья здесь руководствуется, прежде всего, собственными привычками, а только потом – «смутными воспоминаниями о каких-то усвоенных на школьной скамье законах-«правилах». Но, во всяком случае, он убежден, что для к а ж д о г о языкового случая такие правила существуют», и хранятся они в специальных списках и справочниках [12, 53]. Объективной же точкой зрения следует считать такую точку зрения, при которой «эмоциональное и волевое отношение к предмету совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – **познавательное**» [12, 50]. Первый признак объективного рассмотрения предмета – это отсутствие о ц е н к и .

Согласно А.М. Пешковскому, «когда человеку, относившемуся к языку исключительно нормативно, случается столкнуться и с … объективной точкой зрения, когда он узнает, что объективных критериев для суждения о том, что “правильно” и что “неправильно”, нет, что в языке “все течет”, так что то, что вчера было “правильным”, сегодня может оказаться “неправильным” и наоборот; когда он вообще начинает постигать язык как самодовлеющую, живущую **по своим законам**, величественную стихию, – тогда у него легко может зародиться отрицательное и даже ироническое отношение к своему прежнему “нормативизму” и к задачам нормирования языка. И чем наивнее была его прежняя вера в существование норм, тем бурнее может оказаться, как у всякого новообращенного, его новое отрицание их» [124, 53].

Итак, в соответствии с первой точкой зрения, языковед, оставаясь в рамках такой дисциплины, как культура речи (или, может быть, риторика, если последнюю понимать широко), действует в союзе с логикой и квалифицирует все противоречивые конструкции и заключения говорящего / пишущего о каких-либо явлениях действительности как не соответствующие **речевой** норме. Вторая точка зрения заставляет его усваивать онтологический взгляд на мир и концентрировать внимание на том, как **язык** со своими категориями и формами в опосредованном виде отражает существующие в действительности противоречивые отношения между отдельными элементами бытия. Именно эта объективная точка зрения на противоречие и принимается в предлагаемом исследовании.

Отношения противоречия, являющиеся всего лишь одним из вариантов синтаксических отношений в целом, выражаются на самых разных уровнях – на уровне простого предложения (*Несмотря на поздний час, гостя дожидались*), на уровне сложного предложения (*На улице было скользко, но она все равно надела сапоги на высоких каблуках; Несмотря на то, что у меня оставалось мало времени, я все-таки зашла к ней на чашку чая;*)[1] и, наконец, на уровне текста (*В последнее время пенсионеры уже выиграли ряд гражданских дел о пересчете своих и так достаточно небольших пенсий. Решения районных судов использовать в качестве коэффициента 0,7 были утверждены Президиумом областного суда. Между тем, существует негласная установка всячески «притормаживать» рассмотрение подобных категорий гражданских дел* /из газет/).

В данной статье нам бы хотелось остановиться на анализе сложносочинённых предложений, выражающих отношения противоречия-ограничения.

В соответствии с наблюдениями многих исследователей в предложениях с отношениями противоречия-ограничения речь идет о таких двух явлениях, из которых «второе ограничивает возможность осуществления, результативность или полноту проявления первого» [6, 671], [17, 7], [20], [1], [7] и др.].

Согласно мнению авторов Гамматики-70, выделяется две разновидности таких предложений: а) предложения со значением препятствующего ограничения, где «сообщается о таких двух явлениях, второе из которых мешает осуществлению первого или устраняет его результат и делает неосуществимым то, что могло бы следовать за ним»: *Хотела поехать, но не было денег на дорогу*; б) предложения со значением уточняющего ограничения, где «вторая часть обозначает явление, уточняющее границы и характер явления, обозначенного в первой части (и вытекающих из него последующих явлений)»: *Это была шутка, но шутка прикрывала какое-то серьезное возражение* [6, 672].

Правда, это мнение не является единственным. Так, Н.Н. Холодов, анализируя указанные типы предложений с противоречием-ограничением

[1] Все примеры этого ряда взяты из разговорной речи

на примере сложносочиненных конструкций с союзами *но* и *да*, выделяет следующие значения ограничительности: ограничение полноты проявления различных действий, состояний и т.д.; ограничение положительности или отрицательности тех или иных фактов, явлений и т.д.; ограничение сходств и различий; ограничение явлений наиболее общего порядка явлениями частного характера [18], [20].

В ходе проведенного исследования нами было установлено, что предложения, в которых противительный союз (или соединительный союз при поддержке контекстуальных средств) обозначает какое-либо противодействие или ограничение, могут обладать несколькими вариантами этого противодействия.

Вариант первый: действие, обозначенное во второй части, не реализуется, несмотря на все усилия, предпринятые действующим лицом в первой части, т.е. в таких предложениях имеет место безрезультатность всех предпринятых усилий: *Пощелкал стопором, нашел север и юг, покрутил, пытаясь обмануть стрелку, но ничего у него не вышло* [А. Приставкин].

Вариант второй: действие во второй части не реализуется, несмотря на его желательность, указанную в первой части. Это так называемые предложения неосуществившегося намерения: *Мне хотелось воды, чтобы смыть из горла тошноту, но я боялся вспугнуть девушку* [В. Астафьев]. В таких предложениях налицо нарушение принципа активности: у человека, имеющего какое-либо желание и стремящегося осуществить его или узнать средства для его осуществления, ничего не получается [14, 442].

Вариант третий: действие во второй части продолжает осуществляться, несмотря на его ненужность, обозначенную в первой части: *Он знал, что там сейчас бетонированная набережная, но рыбаки приходят все равно* [Ю. Трифонов].

Как видно из приведенных примеров, при выражении отношений противоречия-ограничения мы имеем дело с противоречием двух ситуаций.

От сложносочиненных предложений с отношениями противоречия-ограничения следует отличать смежные с ними ограничительно-противительные конструкции, в которых о противоречивости не может идти и речи: *Жаль было терять выигранный у них день, но ничего не поделаешь* [А. Маринина]; *Вряд ли там остался кто-нибудь из бандитов – но опять-таки, лучше не рисковать* [А. Антонов]. Как видим, в таких предложениях перед нами простое ограничение / уточнение содержания первой части.

Основным формальным средством оформления частей сложносочиненных предложений с противоречием-ограничением являются союз *но,* а также менее частотные союзы *а, и, да.* Следует сразу сказать, что традиционно к союзам, выражающим отношения противоречия-ограничения, относят слово *однако*. Большинством ученых оно определяется как аналог союза *но* [4, 235], [5, 34], [6, 673], [11, 27], [2, 301].

Мы, напротив, придерживаемся точки зрения Е.Н. Ширяева, который считает, что слово *однако* нельзя относить к сочинительным союзам, так как оно существенно отличается по своему характеру от близкого к нему

по значению союза *но*. Предложение *Было холодно, но лыжи скользили хорошо* «можно поставить в позицию различения союза, развернув предложение, например, таким образом: *Он сказал, что было холодно, но что лыжи скользили хорошо*» [21, 21]. Предложение же *Было холодно, однако лыжи скользили хорошо* нельзя развернуть так, чтобы «*однако* попало в позицию для различения сочинительного союза»: *Он сказал, что было холодно, однако что лыжи скользили хорошо* [21, 21]. Подобное предложение может быть трансформировано следующим образом: *Он сказал, что было холодно, но однако лыжи скользили хорошо.* Данное преобразование доказывает, что *однако* не занимает позиции сочинительного союза, при нем эта позиция всегда свободна и при необходимости занимается сочинительным союзом. Слово *однако* ведет себя «в этом отношении так же, как и слова *следовательно, поэтому,* которые часто выступают при сочинительных союзах, модифицируя смысловую связь между предикативными конструкциями» [21, 22]. К сочинительным союзам это слово относят потому, что оно регулярно с ними сочетается.

Доказательством данной точки зрения могут служить, на наш взгляд, также следующие обстоятельства: 1) слово *однако* (в отличие от союзов, выражающих отношения противоречия-ограничения) может менять свое место в предложении, приближаясь по выполняемой функции к вводному слову: *Мы его уже несколько раз приглашали в гости, он, однако, так и не пришел* [разг. речь]; 2) ни при одном сочинительном союзе не может стоять второй сочинительный союз; слово *однако* легко сочетается с союзами *но, а, и* (иногда полагают, что в этом случае *однако* является союзным словом, а не союзом, но доказательства этого не убедительны): *Уже все было готово к отъезду, но однако он решил остаться* [разг. речь].

На тех же основаниях к сочинительным союзам, выражающим отношения противоречия-ограничения, нельзя относить сочетания *все-таки, все же, все равно, впрочем, только, между тем, тем не менее, вместе с тем* и им подобные. Они, как и слово *однако*, являются словами-коннекторами, которые выполняют в том или ином отношении подобную (но не тождественную!) союзам функцию. Назначение коннекторов как специальных показателей нелогичности состоит в акцентуации внимания говорящего на выраженном в предложении значении противоречия. Поэтому конструкции, в которых они употребляются, мы будем относить к разряду бессоюзных сложных предложений, выражающих противительные отношения, и где «смысловые отношения между предикативными конструкциями эксплицируются специальными словами» [21, 22].

Сочинительными союзами нельзя считать также слова *же, ли, ну.* Слово *же,* несомненно, является частицей по той простой причине, что оно никогда не начинает вторую часть сложносочиненного предложения, что характерно для сочинительных союзов: *На людях Прутков вел себя благопристойно и тактично, дома же с ним происходила странная перемена: он превращался в грубого и невоспитанного человека* [разг. речь].

Слово *ну* также является частицей, служащей в резюмирующих контекстах для усиления, подчеркивания выражаемой мысли: *Он ошибается, ну так что же?* [разг. речь].

Слово *ли* есть вариант разделительного двойного союза *или…или*. Ср., напр.: *Я не знал, пойдет ли он в кино – Я не знал, пойдет он в кино или нет.* Союз *или … или* всегда предполагает альтернативу, причем оба ее члена названы. Союз *ли,* как вариант этого разделительного союза, предполагает непосредственное формирование экспликации только одного члена альтернативы, второй член только подразумевается.

Таким образом, к числу союзов, выражающих отношения противоречия-ограничения, мы будем относить союзы *но, а, и, да.*

Структура сложносочиненных предложений с союзом *но* сложилась уже в древнерусском языке, где определилась его синтаксическая функция как противительного союза [15, 184]. В стилистическом отношении этот союз традиционно расценивается как книжный, но в последнее время наблюдается тенденция к его стилистической нейтрализации [11, 26], [15, 184]. Чаще всего предложения с союзом *но* выражают отношения ограничения, где «второе предложение обозначает факты, ограничивающие даваемое в первом предложении утверждение [3, 225], [1, 59], [10, 83], и заключает в себе значение внешнего предела следования (ограничения) и указывает на конец развертывания определенного сюжета или мотива.

В тех случаях, когда мы говорим о конечности в развитии действия или состояния, то ограничительное значение «может быть интерпретировано как противительное, поскольку действие, прекратив свое движение к закономерному для него результату, часто продолжается в другом, как бы противоположном его внутренним тенденциям, направлении» [10, 88].

Одним из древнейших значений союза *а* было соединительное, но уже к XII-XIII веку употребление союза *а* в этом значении становится редким и из соединительного значения в рамках литературного языка развивается противительное [13, 31-31]. Как считает А.Н. Гвоздев, этот союз характерен для тех предложений, где содержание одного противоречит содержанию другого и ограничивает его. В таких случаях союз *а* можно заменить союзом *но,* для которого такое значение является типичным [3, 223]: *Они стараются изо всех сил, все равно ничего не получается* [разг. речь].

Что касается слова *ан,* то оно является разговорным вариантом союза *а* и в сочетании с частицей *нет* сигнализирует не столько ограниченность, сколько субъективно-модальную сторону (досаду, сожаление, осуждение), нередко с оттенком неожиданности и внезапности последовавшего действия [10, 132]: *Казалось бы, нейтральная тема – дети, ан нет, и тут мерзкий старикашка ухитрился сказать нечто такое, от чего Зотова аж передергивает* [А. Маринина].

Союз *и* является типичным соединительным союзом, основным значением которого считается значение следования. Кроме этого значения синтаксическим контекстом обусловливается и ряд его других производных значений, среди которых выделяется и значение ограничения.

Предложения, выражающие отношения противоречия-ограничения союзом *и*, по мнению Н.Н. Холодова, в структурном и смысловом отношении образуют две обособленные друг от друга группы: 1) собственно ограничительные предложения и 2) предложения со значением ограничения ограниченного.

Предложения первой группы являются наиболее употребительными и разнообразными. Сочинительная связь здесь «указывает на исключение каких-то единичных фактов из той всеобщности, которая устанавливается в первой части» [19, 237]. Эти предложения характеризуются тем, что противительное значение в них весьма ослаблено, т.к. в них, с одной стороны, выражен оттенок соединительного значения, а с другой – подчеркивается незначительность ограничивающего фактора: *Кругом было пустынно и тихо, и только небольшой ветерок шевелил первые весенние листочки* [из газет].

Предложения второй группы являются сугубо противительными, т.к. «они характеризуются резким противопоставлением, вплоть до появления оттенка несоответствия [20, 240]: *У него оставался один сын, и того забрали на войну* [разг. речь].

Первичным значением союза *да* было соединительное. Противительное значение возникло позже, в эпоху формирования русского национального языка. Следует сказать, что в противительном значении союз *да*, по наблюдениям Н.Н. Холодова, встречается почти в четыре раза чаще, чем в соединительном [20, 240].

Союз *да* является, по мнению многих ученых, разговорным вариантом союза *но* [4, 240], [6, 673], [20, 5-26], [11, 26]. Что касается ограничительного значения союза *да*, то он, в отличие от союза *но*, может быть определен, по мнению Н.И. Кручининой, как смягчительно-ограничительный союз [10, 130]. С.О. Карцевский квалифицирует *да* как увещевательный союз, символизирующий в диалоге пассивное противодействие собеседнику, когда момент несогласия не подчеркивается, а, наоборот, смягчается. Эта особенность союза характерна и для монологической речи [8, 125].

Как видим, указанные союзы отличаются друг от друга оттенками выражения отношений противоречия, а также стилистически: некоторые из них (*но, а, и*) употребляются как в разговорной речи, так и в официально-деловых, художественных, научных и прочих текстах, другие (союз *да*) – являются разговорными.

От перечисленных союзов в сложносочиненных предложениях с отношениями противоречия-ограничения следует отграничивать омонимичные с ними союзы сопоставительных предложений, в которых содержание частей сопоставляется и специально подчеркивается различие тех фактов, о которых сообщается в составных частях: *Не знаю, кто как, - а я всегда любила ходить в столовые* /из газет/; *Но вы же знаете, как это субъективно: опер может считать дело очевидным, а с точки зрения следствия – перспектив никаких* [Е. Топильская]; союзы распространительных предложений, в которых вторая часть является поворотом в изложении мысли, переходом к новой теме или оговоркой к уже сказанно-

му, что нередко может подчеркиваться вводным словом: *Результаты подросли, как это отразилось на здоровье и судьбе спортсменов, никто не наблюдал, да, впрочем, это никого и не интересовало* [С. Лазарев]; союзами присоединительных предложений с усилительной частицей *и: Обидно, конечно, что само стихотворение не напечатано, но я его и сам бы придумал* [А. Приставкин].

Союзы в сложносочиненных предложениях, выражающих отношение противоречия-ограничения, могут сопровождаться дополнительными сигнализаторами противоречивости – специальными лексическими показателями. Таковыми являются коннекторы, употребляемые в тесной взаимосвязи с союзами:

а) усилительная частица *все-таки: Почему-то у меня возникло нехорошее предчувствие, очень не хотелось снимать трубку, но я все-таки это сделала* [М.Гладкова]*; Знаешь, я боялась, что вы не придете, а вы все-таки пришли!* [из газет]*;*

б) эмоционально-экспрессивные частицы *тут, ведь*, которые усиливают и одновременно акцентируют внимание собеседника на выраженном в предложении противоречии: *Я умею есть и глотать мгновенно, не жуя, но тут у меня какой-то кусок застрял в горле, и я закашлялся* [А.Приставкин]*; Только же не думал не гадал, а ведь случилось же* [он же]*.*

Как видно из приведенных примеров, коннекторы в одних случаях передают моносемантическое значение союзов (*но, а*), а в других – сообщают ему это значение, которое союзом самостоятельно выражено быть не может (*и*).

Литература

1. *Бабалова Л.Л.* Об употреблении союзов *и, а, но* в сложном предложении / Л.Л. Бабалова // Русский язык за рубежом. – 1980. – № 4. – С. 57-62.
2. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Высшая школа, 1978. – 439 с.
3. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык: В 2 ч. / А.Н. Гвоздев. – М.: Просвещение. – 1968. – Ч.2. Синтаксис.
4. Грамматика русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1953, 1954. –Т.I. Фонетика и морфология. Т. II. Ч. 2. Синтаксис.
5. *Гепнер Ю.Р.* Сложное предложение и принципы его изучения / Ю.Р. Гепнер. – Харьков, 1963. – 91 с.
6. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
7. *Здорикова Ю.А.* Сложносочиненные предложения с союзом *но* и соотносительные с ними текстовые построения: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю.А. Здорикова. – Иваново, 1999. – 17 с.
8. *Карцевский С.О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке / С.О. Карцевский // ВЯ. – 1961. – №2. – С. 125-131.
9. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
10. *Кручинина И.Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И.Н. Кручинина. – М.: Наука, 1988. – 212 с.

11. *Крючков С.Е., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения / С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
12. *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык / А.М. Пешковский // Избранные труды. – М., 1959. – С. 50-62.
13. *Попова И.А.* Значение и функции союза *а* в древнерусском языке / И.А. Попова // Научный бюллетень ЛГУ. – Л., 1945. – № 2. – С. 30-33.
14. *Санников В.З.* Значение союза " но": нарушение " нормального" положения вещей / В.З. Санников // Известия АН СССР. Серия литература и язык. Т.45. – 1986. – № 5. – С. 50-61.
15. *Стеценко А.М.* Исторический синтаксис русского языка / А.М. Стеценко. – М.: Высшая школа. – 1977. – 352 с.
16. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1987.
17. *Хандажинская А.И.* Из наблюдений над сложными конструкциями со значением ограничения в современном руссом языке / А.И. Хандажинская // Уч. зап. Даугавпилского пед. ин-та. – Даугавпилс, 1964. – Т.Х. Вып.6. – С. 3-19.
18. *Холодов Н.Н.* Ограничительные сложносочиненные предложения с союзом «но» в современном руссом языке / Н.Н. Холодов // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. – М., 1967. – Т.197. Вып.13. – С. 199-206.
19. *Холодов Н.Н.* Ограничительные сложносочиненные предложения с союзом *и* в современном руссом языке / Н.Н. Холодов // Уч. зап. Смоленского ГПИ им. К. Маркса. – Вып. XXIV. – Смоленск 1970. – С. 235-242.
20. *Холодов Н.Н.* Строение и значение сложносочиненных предложений с союзос «но» / Н.Н. Холодов // РЯШ. – 1974. – № 1. – С.71-76.
21. *Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е.Н. Ширяев. – М.: Наука, 1986. – 223 с.

Н. В. Федотова
Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия
имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

РАБОТА НАД МЕТАФОРИЧЕСКИМИ ЗНАЧЕНИЯМИ АВИАЦИОННОЙ ЛЕКСИКИ КАК КОМПОНЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) в военном вузе важную роль играет изучение военной лексики. В военном вузе, связанном с авиацией, особое внимание следует уделять авиационной лексике, которая необходима для общения в учебно-профессиональной сфере. «При обучении любому иностранному языку одним из важнейших направлений является лексическое, так как именно лексика, взаимодействуя в речи с грамматикой и фонетикой, является ведущим средством речевого общения в устной и письменной форме» [4, 121].

Знакомство с единицами семантической сферы «Война» начинается уже на подготовительном этапе обучения в рамках «Вводного фонетико-грамматического разговорного курса» с таких лексем, как: *бомба* (Урок 1, § 1), *танк, погон, окоп, автомат, атака, фронт, рота, граната, патрон, танкодром, форма* (Урок 1, § 2); *флот, тыл, колонна* (Урок 2, § 1), *полк*

(полчища), фланг, пост, устав, матрос, курсант, каска, космос, космонавт, космодром, скафандр (Урок 2, § 2)*, плац, боец, солдат, воин, аэродром* (Урок 2, § 5)*, штаб, штык, пушка, штурман, бушлат, планшет, эшелон, траншея, парашют, старшина, маршал, фуражка, оружие, порох, взвод, рота, застава* (Урок 2, § 7)*; мина, миномёт, знамя, армия, манёвр, звание, адмирал, полковник, гранатомёт, эсминец, броня, огнемёт* (Урок 3, § 1)*; мундир, стратегия, тактика, командир, орден, десант, противник, десантник, полководец, радиостанция, бронетранспортёр, радист* (Урок 3, § 3)*, позиция, зенитка, маузер* (Урок 3, § 5)*; сапёр, снайпер, капитан, карабин, гаубица, пехота, пехотинец, разведка, дивизия, офицер, дивизион, связист,* (Урок 4, § 2)*; танкист, ракета, гимнастёрка, полк, моряк, приказ, отряд, снаряд, крейсер, бригада, батарея, лётчик, пуля, блиндаж, пистолет, полигон, батальон, линия, госпиталь, подразделение, лейтенант, револьвер, вертолёт, самолёт, артиллерия, артиллерист* (Урок 5, § 1)*, китель, часовой, расчёт* (Урок 5, § 2)*, экипаж* (Урок 5, § 2) [3, 8-112].

В процессе дальнейшего изучения русского языка иностранными обучающимися происходит постоянное пополнение их лексического запаса военной терминологией. Следует отметить, что в процессе преподавания РКИ знакомство с некоторыми полисемичными военными лексемами целесообразно проводить в два этапа – сначала отработав их употребление в прямом, а потом в переносном (метафорическом) значении.

С метафорой, т.е. тропом или механизмом речи, который состоит в «употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеризации или наименования объектов, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [2, 296] иностранные военнослужащие впервые могут познакомиться уже в первом семестре подготовительного курса. Например, при изучении глагола «*болеть*». Можно быть больным чем-н., переносить какую-н. болезнь: «*Болеть ангиной*», а можно быть чьим-н. сторонником, поклонником, остро переживать успехи и неудачи кого-н.: «*Антон* ***болел*** *за футбольную команду Москвы*».

Во втором семестре подготовительного курса при изучении глаголов движения иностранные обучающиеся продолжают знакомство с глаголами в переносном значении: *часы* ***идут****, время* ***идёт****, годы* ***идут****, поезд* ***идёт****, автобус* ***идёт****, трамвай* ***идёт****, спектакль* ***идёт****, фильм* ***идёт****, занятия* ***идут****;* ***идёт*** *дождь,* ***идёт*** *снег; причёска* ***идёт****, платье* ***идёт****, костюм* ***идёт*** *кому? (3); кому? (3)* ***везёт / не везёт****,* ***повезло / не повезло****;* ***вести*** *себя как? хорошо / плохо;* ***вести*** *урок, занятие, спор, дискуссию, исследования,* ***вести / водить*** *машину;* ***носить*** *имя, фамилию,* ***носить*** *очки, одежду, джинсы, бороду, усы, причёску* [1, 173-174].

Безусловно, изучение РКИ иностранными военнослужащими не ограничивается только учебной программой: они общаются с другими носителями русского языка, смотрят фильмы и телепередачи, читают газеты и журналы на русском языке и др., где встречаются с употреблением некоторых военных лексем в метафорическом значении, что является абсолютно закономерным, так как военные метафоры очень популярны в

различных типах дискурса современного русского языка (в театральном [7], в медицинском [8], в спортивном [9], в обиходно-бытовом [10], в политическом [11] и др.). Преимущественно, это группы военной лексики, отражающие явления и процессы военной сферы в целом. Но существуют группы метафор, источником которых является лексика, относящаяся только к определённому роду войск, а именно к авиации. Например, *ас, аэродром / аэродромный, броня, взлёт, воздушный бой, воздушный взвод, дислокация, лётчик / лётчица (сбитый лётчик / сбитая лётчица), мёртвая петля, парашютировать / спарашютировать / парашютирование / парашютный, пике / пикировать / спикировать / пикирование, пилотаж (высший / наивысший пилотаж), разбор полётов, таран / таранить / протаранить, точка возврата / точка невозврата, фигура высшего пилотажа, эскадра и др.*

Приведём некоторые примеры.

Ас в значении «кто-л., достигший высокого мастерства в чем-л.»: «*У Елены есть дочь – моя единственная внучка Маргарита. Ей двадцать семь лет, окончила Институт телевидения и радиовещания имени М.А. Литовчина, стала* ***асом в компьютерных видеопрограммах…***» (Альбина Евтушевская: Счастливое платье // Коллекция караван историй, № 7, июль 2019). Направление метафорического переноса: «Лётчик высшего класса => тот, кто достиг высокого мастерства в каком-л. деле». В приведенном примере метафорический перенос осуществляется на основе общей семы «хороший специалист, знаток своего дела». Следует отметить, что данная сема служит для метафоризации и других лексем, например: «*Обычно писательница проводит героя в пяти миллиметрах от истины, в чём и заключается* ***фигура высшего пилотажа*** *дамского романа*» (Ольга Славникова. Ландшафты хеппи-энда // «Октябрь», 2001) [5], «*Я вообще считаю, что работа настоящего терапевта – вот* ***высший пилотаж*** *медицины*» (Игорь Андрианов. Где они, новые технологии-2, или Нужны ли нам новые лекарства? // «Знание – сила», 2005) [Там же]. В текстовых фрагментах, приведенных выше, направление метафорического переноса следующее: «Искусство управления летательным аппаратом в горизонтальной, вертикальной и наклонной плоскости => высокий профессионализм в какой-л. области».

Запасной аэродром вместо «кто-л., кем можно воспользоваться в случае необходимости»: «*Может, эта женщина полагала, что он всю жизнь страдать будет, сохнуть и ждать ее возвращения? Держала его за* ***запасной аэродром****?*» (Александр Щеголев. Черная сторона зеркала (2014)) [Там же]. Мотивирующая сема для метафорического переноса в данном примере – «вторичный, дополнительный». Направление метафорического переноса: «Участок, оборудованный специальными сооружениями, позволяющими обеспечить взлёт, посадку, размещение и обслуживание самолётов и других летательных аппаратов => кто-л. / что-л., кем / чем можно воспользоваться дополнительно».

Броня в значении «то, что является защитой от кого-л. / чего-л.»: «*Человек повёл себя непорядочно, ну что же? Грош ему цена, не мне! Без* ***брони****,*

может, и тяжело и больно, но зато есть ощущение жизни» (Ингрид Олеринская: Девушка с характером // Коллекция караван историй, № 11, ноябрь 2019). В приведенном примере метафорический перенос осуществляется на основе общей семы «защита». Направление метафорического переноса: «Прочная защитная обшивка самолётов => то, что является защитой от кого-л. / чего-л., что нельзя разрушить, на что нельзя воздействовать».

Взлёт вместо «творческий подъём»: «*Счастливое время! Отец был* ***на взлёте,*** *вместе с братом Вячеславом и другими артистами-экспериментаторами делал спектакль по Зощенко*» (Евгений Ткачук: Когда я приезжал с очередных съёмок, дочь меня не узнавала // Семь Дней. – 2019. – № 50. – 9–15 декабря). Направление метафорического переноса: «Отрываясь от какой-л. поверхности, подниматься с помощью двигателя на определённую высоту (например, о самолёте) => воодушевление, духовный или творческий подъём». Мотивирующая сема для метафорического переноса в данном примере – «движение вверх». Антонимическая сема – «движение вниз» – образует следующий пример. *Спарашютировать* в значении «упасть»: «*Я сказал маме, что этот цветок* ***спарашютировал*** *с потолка…*» (Виктор Слипенчук. Зинзивер (2001)) [5]. Направление метафорического переноса: «Снижаясь, полететь на очень малой скоростью (о самолёте, аэростате и т.п.) => упасть».

Воздушный бой вместо «драка между птицами»: «*Иной раз можно видеть и* ***воздушный бой*** *между пернатым хищником и стаей ворон*» (Н. Иванов. По лесной реке Усте // «Наука и жизнь», 2006) [Там же]. В текстовом фрагменте, приведённом выше, мотивирующей метафорический перенос семой является «борьба». Направление метафорического переноса: «Вооруженное столкновение воюющих сторон в воздухе => драка между птицами, происходящая в воздухе».

Дислокация в значении «местонахождение»: «*Иногда для разнообразия подруги меняли* ***дислокацию*** *и перемещались на участок к Ургант*» (Владимир Андреев: Любовь земная // Коллекция караван историй. – 2019. – № 6). В анализируемом контексте метафорический перенос осуществляется на основе семы «расположение где-л.». Направление метафорического переноса: «Распределение авиационных войск по аэродромам => нахождение кого-л. где-л.».

Сбитая лётчица вместо «кто-л., потерявший былую значимость в какой-л. деятельности»: «*И это естественно: представители старшего поколения уходят в тень. И Шарон Стоун, и Деми Мур – уже* "***сбитые лётчицы***", *имена из прошлого*» (Александр Васильев: «Оскару» нужна свежая кровь // Семь Дней. – 2019. – № 11. – 11-17 марта). В данном примере метафорический перенос осуществлён на основе общей семы «кто-л., потерпевший неудачу». Направление метафорического переноса: «Специалист, управляющий летательным аппаратом, который подвергся полному разгрому противником, был выведен из состояния боеспособности противником => кто-л., потерявший былую значимость в каком-л. занятии, деле, в какой-л. деятельности; кто-л., потерпевший неудачу и не имеющий воз-

можности её исправить». Следует отметить, что в современном русском языке данное выражение преимущественно встречается не в женском, а в мужском роде: «*Ты – в моем сердце* ***сбитый летчик****, Ты – мной прочитанный роман…*» [http://go.mail.ru/redir?type…], «*В "Габале" Семин доказал, что он не "****сбитый лётчик****", а тренер с большой буквы*» [http://go.mail.ru/redir?type…].

Протаранить в значении «ударить корпусом одного автомобиля корпус другого автомобиля»: «*Только сели в такси, как вдруг сзади сильный удар. Саша, пьяный, сел за руль и* ***протаранил машину***» (Галина Беседина: Мой крест // Коллекция караван историй. – 2019. – № 9). Метафорический перенос осуществлён на основе семы «столкновение». Направление метафорического переноса: «Применить в воздушном бою таран – удар винтом или корпусом самолёта как боевой прием, применяемый при отсутствии боеприпасов => осуществить случайный или преднамеренный удар корпусом одного автомобиля корпус другого автомобиля». При работе с данной лексемой, как и при работе с некоторыми другими лексемами, необходим страноведческий комментарий: «26 августа 1914 года, в районе города Жолква знаменитый лётчик Петр Нестеров (27 августа 1913 года на самолёте «Ньюпор» впервые успешно выполнивший «мёртвую петлю») вступил в воздушный бой с австрийским бароном Розенталем. Так как бой складывался неудачно, Нестеров попросту разогнал свой аэроплан навстречу противнику. Это назвали воздушным тараном. И здесь Нестеров был первым, а вот полёт – последним».

Точка невозврата вместо «определённый предел в чём-л.»: «*Мы вообще сначала не были уверены, что надо разводиться, хотели какое-то время просто пожить отдельно. Но потом я поняла, что уже пройдена какая-то* ***точка невозврата***» (Екатерина Олькина: Я стою рядом с Брэдом Питом, разговариваю и понимаю – нет ничего невозможного! // Семь Дней. – 2019. – № 10. – 4-10 марта). В анализируемом контексте метафорический перенос осуществляется на основе семы «предел». Направление метафорического переноса: «Потеря возможности воздушным судном вернуться туда, где был начат путь, поскольку горючего израсходовано столько, что при данном запасе топлива, с учётом влияния ветра, самолёт не может возвратиться ни на аэродром вылета, ни на запасной аэродром => определённая грань, после которой наши действия становятся необратимыми».

В процессе преподавания РКИ знакомство с некоторыми авиационными лексемами в переносном значении, безусловно, облегчает понимание иностранными обучающимися многих реалий современной жизни России. Кроме того, использование метафорических оборотов в учебном процессе обеспечивает повышение познавательной активности иностранных военнослужащих, «расширяет их коммуникативные возможности, благоприятствует созданию положительной мотивации на занятии, даёт стимул к самостоятельной работе над языком» [6, 271].

Литература

1. *Антонова В.Е.* Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень) / В.Е. Антонова, М.М. Нахабина, А.А. Толстых. – СПб, 2007. – 200 с.

2. *Арутюнова Н.Д.* Метафора / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 1998. – С. 296–297.

3. *Краснова А.А.* Спутник – 1. Учебник русского языка. Книга для учащегося / А.А. Краснова, Т.В. Меркулова, И.М. Мефодьева. – М., 1994. – 469 с.

4. *Крючкова Л.С.* Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие / Л.С. Крючкова, Н.В. Мощинская. – М., 2012. – 480 с.

5. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 04.04.20).

6. *Смыслова С.Л.* Метафорические лексемы в преподавании русского языка как иностранного / С.Л. Смыслова, Е.В. Чубко // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы 3-й Международной научно-методической конференции. – Воронеж, 2014. – С. 270–274.

7. *Федотова Н.В.* Военная метафора в театральном дискурсе современного русского языка / Н.В. Федотова // ФИЛОLOGOS. – Елец, 2020. – С. 80–87.

8. *Федотова Н.В.* Специфика употребления военной метафоры в медицинском дискурсе / Н.В. Федотова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – Воронеж, 2018. – С. 60–62.

9. *Федотова Н.В.* Специфика употребления военной метафоры в спортивном дискурсе / Н.В. Федотова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2018. – С. 378–383.

10. *Федотова Н.В.* Функционирование военной метафоры в обиходно-бытовом дискурсе современного русского языка / Н.В. Федотова // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – Воронеж, 2019. – С. 40–52.

11. *Федотова Н.В.* Функционирование военной метафоры в современном политическом дискурсе / Н.В. Федотова // Русская речь. – М., 2019. – С. 7–33.

Е.Г. Федулова
ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», Москва

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

Сколько бы методисты ни спорили о новейших технологиях и непосредственном построении самого урока РКИ, для обучающегося самым важным и трудным остаётся осознание системы языка, умение адекватно использовать языковые факты и, конечно же, запоминание большого количества новых слов. В этом случае работа преподавателя русского языка как иностранного не должна замыкаться лишь на области методики. Крайне важно понимать, что знакомство с новой лексикой должно осуществляться с учетом смежных наук – психологии, физиологии, логики, философии и даже риторики. При этом немаловажную роль будет играть учет национальных особенностей, накладывающий свой отпечаток на вышеперечисленные области.

Сегодня методика РКИ ищет новые пути в освоении иностранных языков, в частности, русского. Наиболее актуальным направлением явля-

ется фреймовый подход, позволяющий преподавателю работать со стереотипной информацией, сформировавшейся у студента-иностранца ранее, формируя определенные условия языковой коммуникации. Этот вопрос изучался в работах П.Б. Паршина, А.Н. Латышевой, И.И. Халеевой, Г.А. Тюриной и др.

В памяти носителя языка живут фреймы на основе образов, составляющих его жизненный опыт. Так он может соотнести свое прежнее образно-языковое знание (оно может быть и ментальным или языковым) с новым, что помогает ему осознавать языковые единицы и структуру русского текста (устного / письменного). Фрейм, таким образом, «способствует объединению собственно лингвистических (значения лексем) и экстралингвистических знаний» [2, 3].

Однако следует отметить, что этот подход не универсален. Так, в диссертационном исследовании Г.А. Тюриной представлена «новая усовершенствованная форма презентации лексики в учебном "фреймовом" словаре с опорой на структуру лингвистического фрейма» [2]. Анализ структуры существующих учебных идеографических словарей, проведенный ею, свидетельствует, «что структура словарной статьи в тематических словарях нуждается в дальнейшей разработке. "Фреймовая" структура словаря, в отличие от традиционной структуры, дает в "готовом виде" лексику для построения высказывания на ту или иную тему» [2, 3]. Совершенно очевидно, что описываемый тип фреймового словаря представлен как универсальный. На сегодняшний день именно в этом заключается основная ошибка в использовании фреймового подхода в целом.

Возвращаясь к истокам, к исследованию М. Минского, следует четко осознавать, что система фреймов искусственна и создавалась для нужд информатики в рамках создания искусственного интеллекта от человека (на основе его интеллекта) – к компьютеру, т.е. по образу и подобию связи, имеющейся в природе. Так, любая кибернетическая система – «интегральный робот», по М. Минскому, – должна распознавать информацию об окружающей действительности, о внешнем мире, чтобы принимать решения в тех или иных ситуациях, воздействуя на эту самую действительность.

Данная система универсальна для любого искусственного интеллекта, но говорить о ее универсальности для человека невозможно. Это нарушение закона философии, которая, в свою очередь, является базой (системой построения) для любой науки. Ведь наличие мировоззрения делает человека уникальным и единичным. Даже не рассматривая высший уровень мировоззрения – теоретический – можно сказать, что эмоционально-психологический и, тем более, логико-понятийный уровни будут отличаться не только у разных национальностей, но даже у носителей одного языка. Следовательно, и образы, возникающие на основе жизненного опыта, могут отличаться друг от друга.

Падежная грамматика Ч. Филмора, которую часто связывают с идеями М. Минского, также обладает рядом недостатков. В работе С.В. Рядинской и В.А. Мигачева «Падежная грамматика Ч. Филлмора и современное по-

нимание ролевой семантики глагола» они отмечены: «Отсутствуют четкие определения и критерии выделения семантических полей, неясен статус ролей в деривации предложения, степень полноты их набора и границы между «ролевыми» и другими элементами предложения», [1, 180]. Отвечая на вопрос о сино-тибетской языковой (китайский) или алтайской (корейский) семьях языков и даже ряде индоевропейских языков, Филмор подчеркивал, что речь идет не о «формальных» падежах, а о «глубинных». Если в русском языке падеж выражается флексией, то в других языках он может выражаться иными средствами, например, в английском – при помощи порядка слов или предлогов.

Также возникает вопрос: могут ли войти в данную категорию такие языки, как киньяруанда в Руанде (письменность там введена в 1922 г., до этого язык существовал в устной форме), являющийся государственным? Слушатели из этой страны обучаются в военных вузах уже не один год. Их язык не относится к флективным. Слова объединяются грамматически не с конца слова, а с начала, при помощи приставочных образований. Категория рода в русском языке представлена тремя позициями, в киньяруанде же их полтора десятка и разделение на роды происходит, скорее, семантически, чем грамматически. Предложение, соответственно, не имеет предикативного центра. Значит, говорить об универсальности падежной грамматики нельзя.

Также возникает и много вопросов об использовании фреймового подхода в таких группах обучающихся, как слушатели из Анголы и Никарагуа. Несмотря на то, что государственными в этих странах являются языки индоевропейской группы, в них существенны элементы национального языка: например, в Никарагуа испанский язык представляет собой смесь испанского и мискито – языка индейцев мискито-сумо-матагальпской (мисумальпской) группы языков) [7]. Зрительные образы явлений действительности, присущие носителям названных языков, могут значительно отличаться от европейских, столь привычных нам. Здесь особую роль будет играть синкретизм национальной культуры и культуры колонизаторов – испанцев в Никарагуа и португальцев в Анголе, «причины его возникновения и реализация в современном культурном пространстве мира» [6, 126].

Особую трудность представляет изучение предлогов со слушателями из стран Африки, ведь представление о пространстве, как и о времени здесь имеет совершенно иные критерии. Значит, и перенос фрейма с действительности данных носителей языка на европейские реалии может представлять определенные трудности. Так, нами был проведен сравнительный анализ значений предлогов «в» и «через» в португальском и русском языках, выделено их сходство и различие в речи. Среди причин, обусловливающих трудности в восприятии данной темы, на первый план, как показывает практика, выходят экстралингвистические факторы: национальные языки, место и способ расселения обучающихся, их социальная принадлежность, культурно-языковые особенности, языковая картина мира, мировоззрение, культурно обусловленные контакты, рас-

пространенность языка. Наличие вышеуказанных факторов предопределяет и методику обучения данной группы студентов / слушателей.

В настоящее время важно и влияние глобализма как на обучающихся, так и на сам процесс обучения русскому языку [5, 549]. В этом случае нельзя не согласиться со словами Дж. Фаста: «Совершенно иллюзорно полагать, что человек приспосабливается к действительности без помощи языка и что язык лишь является случайным средством в решении особых проблем связи и мышления. Дело в том, что так называемый «реальный мир» в значительной степени является результатом языковых привычек того или иного сообщества людей» [3, 275].

Также фреймовый подход не учитывает такую особенность обучающихся, как развитие правого или левого полушария мозга. Кому-то легко дается соотносительное, ассоциативное мышление (именно оно лежит в основе фреймового подхода), а у кого-то оно вызовет трудности.

Вместе с тем, несмотря на непроработанность некоторых аспектов, фреймовый подход может оказать большую помощь преподавателю в процессе работы с общеупотребительной лексикой на начальном этапе обучения русскому языку иностранных студентов. Как и предлагает Г.А. Тюрина, данный подход весьма актуален при создании тематических словарей, в процессе изучения таких тем, как «Семья и родственные отношения»; «Возраст»; «Облик человека»; «Организм человека»; «Забота о здоровье»; «Отдых»; «Наш дом»; «Квартира» и пр.

Тем не менее, это не все области применения данного подхода. Так, работая с профессионально-ориентированной лексикой, преподавателю нужно решить ряд проблем: осознание языкового факта обучающимся, умение использовать его в речи и запоминание. Особую значимость они приобретают на основных курсах обучения, когда курсанты (слушатели) должны приступить к изучению специальных предметов. В этом случае также возможно применение фреймового подхода.

Например, военнослужащие, обучающиеся в высших военных заведениях России, уже имеют воинский опыт, значит, им гораздо проще перенести свой языковой опыт на новые реалии. Особенно это касается военной лексики, которая в большинстве своем, как и многие термины, имеет индоевропейское происхождение. Это упрощает процесс ее осознания и запоминания испаноговорящими и франкоговорящими курсантами (слушателями). В этом случае можно говорить не только о ситуативном фрейме, но и о *языковом*. Например:

авиация – aviación (исп.), aviação (португ.), aviation (фр.)

артиллерия – artillería (исп.), a artilharia (португ.), artillerie (фр.)

батальон – batallón (исп.), batalhão (порт.), bataillon (фр.)

битва (баталия) – batalla (исп.), batalha (португ.), bataille (фр.)

бронетранспортер - transporte blindado (исп.), um veículo blindado (португ.), (фр.)

гарнизон – guarnición (исп.), a guarnição (португ.), garnison (фр.)

гвардия – Guardia (исп.), guarda (португ.), garde (фр.)

генерал – general (исп.), o general (португ.), général (фр.)

демаркационная линия – línea de demarcación (исп.), a linha de demarcação (португ), ligne de démarcation (фр.)

дивизион – división (исп.), a divisão (португ.), division (фр.)

колонна – columna (исп.), , a coluna (португ.), colonne (фр.)

командир – comandante (исп.), o comandante (португ.), commandant (фр.)

лейтенант – teniente (исп.), tenente (португ.), lieutenant (фр.)

линия – línea (исп.), linha (португ), ligne (фр.)

майор – mayor (исп.), o major (португ.), major (фр.)

манёвр – maniobra (исп.), manobra (португ.), manœuvre (фр.)

марш – marcha (исп.), marcha (португ.), mars (фр.)

парашют – paracaídas (исп.), parachute (фр.)

пункт – punto (исп.), ponto (португ.), point (фр.)

рекогносцировка – reconocimiento (исп.), reconhecimento (португ.), reconnaissance (фр.)

солдат – soldado (исп.), soldado (португ.), soldat (фр.)

фронт – frente (исп.), frente (португ.), front (фр.) и мн. др.

В качестве набора ситуативных фреймов может выступать тактическая карта с нанесенной на ней обстановкой. Каждый фрагмент карты представляет собой определенный фрейм с набором предметов и взимоотношений между ними. В качестве фрейма определяется тот или иной знак – тактический или топографический, который вступает в соотношения: агенс-пациенс, инструмент, реципиент, реализуя взаимодействие имени и предиката. Сама же тактическая карта вот уже не одно столетие в полной мере отражает глубинные падежи (отношения), в числе которых *агентив* – субъект действия, датив – затронутое действием лицо, инструмент – вовлеченный в действие предмет, фактитив – результат действия, локатив – пространство и место действия, объектив – затрагиваемый действием предмет/лицо [4].

Так, например, батальон и место его расположения на карте может выступать в роли фрейма. Его действия – суть глубинные падежи, известные и предопределенные соответствующей обстановкой.

Таким образом, фреймовый подход, в целом, может реализовываться не только на начальном этапе обучения иностранцев русскому языку, но и на основных курсах обучения, когда им приходится приступать к изучению специальных дисциплин, языка специальности. В частности, данный подход актуален для изучения специальной лексики в военных вузах и может стать основополагающим при создании специальных словарей и учебных пособий.

Литература

1. *Рядинская С.В., Мигачев В.А.* Падежная грамматика Ч. Филлмора и современное понимание ролевой семантики глагола / С.В. Рядинская, В.А. Мигачев // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст : материалы межвуз. науч.-практ. конф. – Белгород, 2006. – С. 175-180.

2. Тюрина Г.А. Фреймовый способ организации лексики в практическом курсе русского языка как иностранного: дис. ... канд. педагог. наук, спец. 13.00.02 / Г.А. Тюрина. – М.: МГУ, 2000. – 193 с.

3. *Фаст Д.* Язык тела. Как понять иностранца без слов / Д. Фаст. – М.: Вече, 1995. – 432 с.

4. *Fillmore Ch.* The Case for Case / Ch. Fillmore // Universals in Linguistic Theory, ed. by E. Bach, R. T. Harms, New York: Rinehart, and Winston, 1968. – P. 1–88.

5. *Федулова Е.Г.* Лингвоориентированное обучение как важнейший компонент методики преподавания русского языка иностранцам / Е.Г. Федулова // От билингвизма к транслингвизму: про и контра : материалы III международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ. – М.: РУДН, 2017. – С. 548–553.

6. *Федулова Е. Г.* Особенности преподавания русского языка студентам из Анголы / Е.Г. Федулова // Русский язык и литература в современном мире: проблемы и перспективы: тезисы научных докладов II Международного форума ИАРЯЛ. – Тегеран – Иран, 2018. – С. 126-127; Федулова Е.Г. Особенности преподавания русского языка студентам из Анголы / Е.Г. Федулова // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Иранская ассоциация русского языка и литературы. – 2019. – Вып.13. – С. 193-211.

7. *Heath G.* Grammar of the Miskito language / G. Heath. – Herrnhut, 1927. – 101 p.

Э.В. Щербакова
Воронежский государственный педагогический университет

ПОСТИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ НАЦИОНАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ: ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Преподавание русского языка иностранным учащимся – трудоемкий и в то же время творческий процесс. Творчество здесь, на мой взгляд, связано с усвоением и повышением культуроведческой компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному. В статье Е.В. Дишкант «Педагогические аспекты изучения русской национальной культуры иностранными студентами» обозначено определение данной компетенции: «Культуроведческая компетенция, являясь средством постижения языка национальной истории и культуры своего народа, включает в себя следующие знания: русского речевого этикета; наименования предметов и явлений традиционного русского быта, традиций, обрядов и обычаев; устного народного творчества; произведений искусства; русских невербальных способов общения» [1; с. 6]. Автор перечисляет разные виды материалов, которые могут быть использованы на занятиях с иностранными студентами. Это, прежде всего, художественные тексты русской литературы, произведения фольклора, искусствоведческие тексты, творения русских композиторов и художников, а также изделия декоративно-прикладного искусства.

Подобные материалы компактно собраны на сайте «Лингвострановедческий словарь «Россия»», который был создан Государственным институтом русского языка имени А.С. Пушкина [2].

На данном сайте организаторами предусмотрен и методический раздел в помощь преподавателям, который сейчас находится в разработке. В

связи с этим я хочу поделиться собственным опытом проведения занятий с использованием данного интернет-ресурса.

Иностранные студенты знакомятся с сайтом «Лингвострановедческий словарь «Россия»» при изучении, прежде всего, географии нашей страны. Для занятий мы выбираем такие темы, как «Москва – столица России», «Санкт-Петербург – центр культуры России», «Путешествие по Золотому кольцу России».

Первая тема – «Москва – столица России». Иностранные студенты открывают в браузере сайт «Лингвострановедческий словарь «Россия»». Преподаватель перечисляет названия городов разных стран и спрашивает студентов: «Что объединяет эти слова – Москва, Ашхабад, Иерусалим, Воронеж, Липецк, Нижний Новгород? Какое мы подберём общее название для этих слов?». Студенты отвечают на вопросы и в квадратике «Тематика» выбирают слово «Города».

Перед ними открывается один из разделов сайта, где названия всех наиболее значимых и известных городов Российской Федерации расположены в алфавитном порядке, а также важные слова для данного раздела.

Далее преподаватель спрашивает: «Как вы думаете, какой из этих городов является самым главным и почему?». Отвечая на вопрос, студенты переходят во вкладку «Москва», где содержатся тематические материалы разного характера об этом городе: «Энциклопедическая справка», «В культуре», «В языке и речи», сгруппированные в соответствии уровнем подготовки иностранных студентов (A1-A2; B1-B2; C1-C2), выбираемым преподавателем. Также в каждом разделе находится медиатека, где содержатся репродукции, фотографии, аудиозаписи, видеосюжеты и караоке.

Когда открывается раздел, все вкладки закрыты, и иностранные студенты видят только изображение Москвы и определение данного слова. Далее преподаватель задаёт обучающимся вопросы о том, какой они знают Москву, были ли в этом городе, что интересное там увидели, какое у них сложилось впечатление о городе. Затем студенты открывают медиатеку и в разделе «Фотографии» находят картинки и рассматривают их. Задача студентов – найти знакомые или особенно интересные для них места. По желанию, обучающиеся делятся своими впечатлениями.

Затем преподаватель задаёт вопрос о том, могут ли студенты рассказать об этих местах, и оказывается, что у них недостаточно знаний. Поэтому преподаватель переходит к первому тексту, который содержится в энциклопедической справке. Сначала проводится предтекстовая словарная работа – знакомство со словами, неизвестными студентам. Большинство этих слов выделены разработчиками сайта зеленым цветом в качестве гиперссылок, при переходе по которым студент попадает на отдельную вкладку, где приведено краткое значение слова, а также интерактивные материалы для более углубленного знакомства с данным феноменом. По желанию, студент сможет дополнительно самостоятельно изучить раздел.

Далее следует комментированное чтение иностранными студентами текста из энциклопедической справки. В завершение чтения преподаватель задает студентам вопросы, чтобы определить уровень понимания и

закрепить полученные знания. Вопросы не были представлены разработчиками, я уверена, что преподаватель самостоятельно сможет их составить. Привожу список примерных вопросов к тексту, который расположен в энциклопедической справке:

1. Где расположена Москва, почему этот город так называется?
2. Как называют жителей города?
3. Кто изображен на гербе и флаге Москвы?
4. Когда отмечается день города?
5. К какому году относится первое упоминание о городе?
6. Что вы можете рассказать об истории города?
7. Что вы знаете о радиально-кольцевом развитии Москвы?
8. Назовите знаменитые учреждения культуры, памятники архитектуры, учебные заведения, спортивные и торговые комплексы, расположенные в Москве.

Ответы на вопросы студенты записывают в тетрадь.

В завершающей части занятия преподаватель предлагает студентам интерактивные задания. В разделе «Прецедентные феномены» иностранные студенты выбирают задание «Города России. Москва». При определении города на карте преподаватель обращает внимание студентов, что Москва расположена на Москве-реке. Следующее задание связано с местами, о которых студенты хотели бы узнать подробнее ещё в начале занятия. Они выбирают одно из фото, составляют пазл и читают информацию. На этом занятие завершается. Домашним заданием будет самостоятельное знакомство с видеоматериалами по данной теме.

Следующие два занятия можно провести с использованием материалов русской живописи и русской литературы. В данном занятии я представляю лишь один из вариантов использования материалов, представленных на сайте «Лингвострановедческий словарь «Россия»».

Сайт также стал помощником при проведении занятий в дистанционном формате. Студентам были представлены так называемые маршрутные карты или маршрутные листы по сайту с кратким описанием заданий, и все обучающиеся выполняли задания верно.

Приведу пример маршрутного листа по теме «Путешествие по Золотому кольцу России»:

1. Откройте сайт «Лингвострановедческий словарь «Россия»».
2. Во вкладке «Тематика» выберите «Города».
3. В открывшемся списке выберите ключевые слова сегодняшней темы.
4. Прочитайте энциклопедическую справку и сделайте записи в тетради с основной информацией.
5. Прочитайте текст из вкладки «В культуре». Сделайте записи.
6. Во вкладке «Медиатека» рассмотрите репродукции картин.
7. Во вкладке «Интерактивные задания» откройте ссылку «Золотое кольцо России». Прочитайте данную информацию и изучите карту.

8. Во вкладке «Интерактивные задания» откройте ссылку «Золотое кольцо России. Город Владимир». Прочитайте текст, посмотрите фотографии города, сделайте записи в тетради, выполните задание.

9. Во вкладке «Медиатека» откройте «Видеосюжеты» и посмотрите видео «Владимир. Прогулки по городу».

10. Во вкладке «Интерактивные задания» откройте ссылку «Золотые ворота» и выполните задание.

Подобные маршрутные карты с использованием сайта «Лингвострановедческий словарь «Россия»» можно составлять и для других занятий по данной теме.

Вторым «осязаемым» источником культуры и истории для иностранных студентов становятся музеи. Очень полезно проводить так называемые музейные занятия в рамках преподавания РКИ. Приведу примеры.

В Музей истории ВГПУ приходят иностранные студенты во время изучения темы «Университет, в котором я учусь». На вводном занятии, до посещения музея, мы знакомимся с опорной лексикой, которая необходима для изучения данной темы. Также мы читаем текст – историческую справку о вузе, отвечаем на вопросы. Следующее интегрированное занятие мы проводим в музее. Экскурсовод рассказывает об основных вехах развития вуза, показывает стенды и экспозиции, а студенты дополняют информацию, полученную на предыдущем занятии.

В подобном ключе мы проводим занятия по теме «Воронеж в годы Великой Отечественной войны». В рамках изучения темы мы посещаем музейную экспозицию «Воронежская область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)». Эта экспозиция была создана преподавателями и студентами ВГПУ. Замечаю тот факт, что после посещения музея студенты сразу могут пересказать текст, а желающие даже могут провести свою экскурсию. Зрительная память помогает иностранным студентам запоминать больше новых слов по изучаемой теме, сразу сопоставляя их с конкретными образами.

Таким образом, повышение культуроведческой компетенции у иностранных студентов является также творческим процессом, и у преподавателя есть множество вариантов для реализации культуроведческого подхода в обучении языку.

Литература

1. *Дишкант Е. В.* Педагогические аспекты изучения русской национальной культуры иностранными студентами [Электронный ресурс] / Е. В. Дишкант // Вестн. Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер. «Педагогика. Психология. Философия». – 2018. – № 1 (09). – С. 5–13. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-aspekty-izucheniya-russkoy-natsionalnoy-kultury-inostrannymi-studentami/viewer (дата обращения: 12.08.20)

2. Лингвострановедческий словарь «Россия»: сайт. – М.:, 2014–2020. – URL:https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/index.php?title=Тематический_указатель: (дата обращения: 12.08.20)

V. НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Н.С. Артеменко
Воронежский государственный университет.
Научный руководитель – проф. О.А.Бердникова.

Традиционные лирические жанры и их трансформация в поэзии Ивана Савина

В начале XX века, когда происходит модернизация всех форм художественного сознания, многие поэты, тем не менее, обращаются к традиционным жанрам, художественно переосмысляют их в своем творчестве. Это явление особенно распространено среди поэтов-эмигрантов (И.А. Бунин, Вл. Ходасевич, Г. Иванов, С.С. Бехтеев, И.И. Савин). Причина его состоит, по мнению Н.В. Барковской, в «стремлении отграничиться от хаоса с помощью отточенной, совершенной, кристаллической художественной формы» [1, 89]. Очевидно, что такой интерес к традиционным формам обусловлен чувством оторванности от родины, стремлением создать творческую связь если не с политическим настоящим, то хотя бы с культурным прошлым своей страны.

В поэзии русского зарубежья, особенно в 1920-е годы, востребованными оказываются жанры послания и сонета. К ним обращаются поэты, чье творческое наследие только начинает открываться современному исследователю и читателю. Среди них – Иван Савин (Саволайнен). «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно», – так отзывался о нем великий русский поэт и писатель И.А. Бунин [3, 6].

Савин пишет сонет «О, этот бег последних лет» в 1922 году, в первый год эмиграции в Финляндию. Мы можем предположить, что именно этим фактом биографии поэта обусловлена тематика произведения. В нем – размышления о невозможности забвения «пяти расстрелянных годов» Гражданской войны, в которой И.И. Савин принимал деятельное участие как офицер Белой армии.

По композиции произведение полностью соответствует форме сонета: состоит из четырнадцати строк: двух катренов и двух терцетов. В первой строфе задается тема произведения: невозможность забвения («Какими радостями смоем / С души своей печалей след?») [4, 23], во второй идет её развитие: лирический герой не сможет забыть некоторые – самые главные – события; какие именно – раскрывает нам третья строфа (терцет), в ней появляется четкий географический локус – Россия, то главное, что не должно быть забыто. Во втором терцете происходит развязка: мы точно понимаем, что лирическим субъектом стихотворения является «сообщество» эмигрантов, которые плывут к «граниту чуждых берегов». Это со-

общество характеризуется яркой метафорой: «плывут пугающие трупы…». Такой образ призван подчеркнуть отсутствие будущего вдали от родины для людей, горячо любящих Россию и навсегда ее потерявших.

Необычной является тематика сонета, ведь изначально в таких стихотворениях полагалось говорить о любви, например, сонеты Франческо Петрарки, ставшие классикой этой формы, посвящены его чувствам к Лауре де Нов. Позднее это негласное правило неоднократно нарушалось (А.С. Пушкин «Суровый Дант не презирал сонета»). В сонете же Ивана Савина появляется политическая тема, и любовные чувства обращены к Отечеству, а не возлюбленной.

Другим традиционным жанром, к которому обращается И.И. Савин, является жанр послания. «В классической поэзии адресация играла, в первую очередь, жанрообразующую роль, формируя жанры оды, сатиры и послания. Новая – модернистская – поэзия начала XX в., наследуя богатую традицию, дает крайне разнообразный и необычный материал для изучения фактора адресации: наблюдается расцвет адресованных жанров. В модернистских поэтических течениях ученые отмечают разнообразие диалогически ориентированных жанровых форм, но основными жанровыми модификациями оставались посвящение и послание. В творчестве каждого отдельного поэта формировалось особое культурное пространство, структурированное разными типами адресатов – учителю, единомышленнику, оппоненту, абстрактному собеседнику, читателю» [2, 217].

В рамках модернисткой традиции эта форма представлена в творчестве И.И. Савина в двух типах, выделяющихся в зависимости от взаимодействия адресата и автора послания в тексте. Первый тип предполагает монологическое акцентирование авторского Я, адресат здесь теряет свою «образную воплощенность» и является только «поводом к высказыванию» [4, 23]. Такую жанровую модификацию являет собой стихотворение Савина «Chanson Triste» («печальная песня» – в переводе с французского), написанное в 1922 году. Адресатом послания является мать поэта, Анна Михайловна Саволайнен, что указано в заголовочном комплексе. Стихотворение звучит как поэтическое сетование лирического героя-странника на свою тяжелую судьбу: «Жизнь ли бродяжья обидела, / Вышел ли в злую пору… / Если б ты, мама, увидела, / Как я озяб на ветру!» [7]. Обращения («если б ты, мама, увидела») и утверждения («только б прийти незамеченным / в бледные сумерки, мать») как будто требуют от адресата ответной реакции. Однако коммуникации не происходит, поэтому такой тип послания можно отнести к диалогически ориентированному, но монологически организованному типу речи.

Второй тип посланий предполагает большую степень диалогичности между адресатом и адресантом. Автор здесь практически редуцируется, выполняя как бы нарративную функцию, его главная цель – воссоздать «лирический портрет» адресата [4, 23].

Этот тип представлен в лирическом цикле «Корнилову». Как следует из названия, произведение посвящено генералу Белого движения Лавру Георгиевичу Корнилову. Цикл состоит из двух стихотворений, написан-

ных в разное время. Первое, «В мареве беженства хилого…», написанное в 1924 году, представляет собой лирический портрет Л.Г. Корнилова. Адресатом является не сам Корнилов, а некая абстрактная общность, «вы» («Видите – руки Корнилова Русскую землю несут»), переходящее постепенно в «мы» («Он на посту заповеданном / Пал за страну и за нас») [7]. Под этими местоимениями понимаются, вероятно, русские эмигранты, те, кто будет хранить память о павших воинах: «Глубже храните и бережней / Славы Корниловской весть» [7]. Первое стихотворение цикла ориентировано и на прошлое, и на настоящее: «Есть умиранье в теперешнем, / В прошлом бессмертие есть», тогда как второе обращено в будущее: «Не будь тебя, прочли бы внуки / В истории…» [7]. То, что в первой части описано как недавние, болезненные для героя события, во второй превращается в «урок истории». Такая логически выстроенная ретроспектива призвана придать подвигам генерала Корнилова вневременное значение.

Во втором произведении адресатом является уже сам генерал Корнилов, что доказывают разные формы местоимения «ты». Второе стихотворение цикла создано через год после первого, в 1925 году. Такой временной разрыв свидетельствует о неиссякающем интересе Савина к генералу Л.Г. Корнилову, желании представить его как образец для подражания, возможно, дать собственный взгляд на его деятельность – взгляд современника и в какой-то степени сподвижника. Так И. Савин создает новую модификацию жанра послания, предполагающую более сложные формы отношений адресата и адресанта.

Ещё одним традиционным жанром, к которому обращается И.И. Савин в своем творчестве, является старинная поэтическая форма – терцины.

«Терцина (итал. ед. ч. terzina, от terza – третья) – староитальянская строфическая форма трехстиший, в которых рифмы идут в порядке aba, bcb, cdc, ded, то есть средняя рифма терцины рифмуется с крайними строками следующей строфы. Стихотворение заканчивается отдельно стоящей заключительной строкой, рифмующейся со средней строкой последнего трехстишия. Стихотворный размер терцины – обычно пятистопный ямб. Нечетная трехстишная строфа придает всему стихотворению (или поэме в Т.) своеобразный сдержанный характер» [5, 303].

Изобретение терцины принадлежит Брунетто Латини. Данте обессмертил эту форму в своей монументальной «Божественной комедии». Терцины разрабатывали также Петрарка и другие поэты Италии, используя их даже в сатирических текстах. В русской поэзии терцины встречаются редко (обычно с целью стилизации). Впервые к терцине обратился А.С. Пушкин («В начале жизни школу помню я…»). В эпоху Серебряного века терцины писали А.А. Блок («Песнь Ада»), В.Я. Брюсов («По меже»).

«Терцины» И.И. Савина продолжают эту традицию, с точки зрения формы это произведение идеально отвечает заявленному в названии канону:

Свистят ли змеи скудных толп,
Увит ли бешенством ненастным
Мечты александрийский столп, –

Покорный заповедям властным,
Безумных грёз безумный паж,
Я путешествую в прекрасном.

Озёра солнц и лунный пляж,
И твердь земли связал мой посох
Коврами небывалых пряж.

Я свет зажёг в подземных росах,
Я целовал девичий лик
С цветным цветком в багряных косах.

Я слышал рыб свирельный крик,
Я видел, как в очах Вселенной
Струился смутный мой двойник.

Всё человеческое – тленно.
Нетленна райская стрела
Мечты, летящей песнопенно.

И пусть бескрылая хула
Ведёт бескрылых шагом властным,
Сияя заревом крыла, –
«Свистят ли змеи скудных толп:
Я путешествую в прекрасном. (1921)

Стихотворение написано четырехстопным ямбом, в нем чередуются мужские и женские рифмы. Таким образом, И.И. Савин практически досконально воспроизводит итальянский канон.

С точки зрения содержания «Терцины» представляют собой «путешествие в прекрасном» – погружение лирического героя в мир творчества. В этом мире мечты живет чудесное создание, «муза»: «Я целовал девичий лик / С цветным цветком в багряных косах» [7]. В этом мире можно находиться только духам, для материальной оболочки он недоступен: «Я видел, как в очах вселенной / Струился смутный мой двойник»[7].

Миру мечты противопоставлен реальный мир, который видится лирическому герою в негативном свете: «Все человеческое – тленно. / Нетленна райская стрела / Мечты, летящей песнопенно» [7]. Здесь возникает и религиозный контекст, мир творчества сравнивается с раем, очевидно, только в нем поэта ждет вечное блаженство. В мире земном, тленном, властвует «бескрылая хула», которая враждебна лирическому герою: «И пусть бескрылая хула / Ведет бескрылых шагом властным!» [7]. Возможно, здесь, так же, как и в других произведениях И. Савина, есть отсылка к политическим событиям, «бескрылая хула», «бешенство ненастное» – это образное наименование революционной пропаганды, которая ведет «бескрылых» (людей, которым недоступен мир творчества) на борьбу. Однако в последней строке, безусловно, сильной позиции в стихотворении, поэт делает вывод о том, что земной мир все же не имеет власти над ним: «Я путешествую в прекрасном» [7].

Произведение И.И. Савина наполнено поэтическими аллюзиями, отсылающими читателя к разным пластам русской поэзии. Так, упомянутый в первой строчке Александрийский столп является аллюзией к произведению А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…», где Александрийский столп является символом императорской власти. В стихотворении Ивана Савина он оказывается «увит бешенством ненастным», что, очевидно, указывает на падение Российской империи.

Но ещё больше в стихотворении Ивана Савина аллюзий к произведениям поэтов Серебряного века. Например, мотив «путешествия в прекрасном» отсылает нас к творчеству Н.С. Гумилёва (стихотворения «В пути», «Возвращение Одиссея», «Паломник», «Странник»). С поэтическим миром О.Э. Мандельштама произведение Ивана Савина связывает мотив плена, образ тверди земли («Скудный луч холодной мерой»). К поэме В. Хлебникова «Война в мышеловке» отсылает нас строка «Я слышал рыб свирельный крик», среди анималистических образов в поэме есть описание «бога рыб», который повелевает судьбами мореплавателей. Образ «мира мечты», «двойника» является аллюзией к эстетике символизма, произведению «Двойник» Александра Блока.

Таким образом, Иван Савин «населяет» свой творческий мир образами, взятыми из произведений русских поэтов. Очевидно, это проявление тоски поэта по миру русской культуры, России, с которой он был разлучен в силу обстоятельств.

Как писала исследовательница творчества И.И. Савина М.Е. Крошнева в автореферате «Творческая судьба Ивана Савина (1899-1927)», «творческое мышление Савина формировалось и выходило к читателю в эпоху постсимволизма, в условиях эмигрантского периода 1920-х годов. Как художник Савин «вышел» из культуры Серебряного века. В лирике поэта встречаются многозначащие ночь, молодость, грусть, звезды – традиционные образы-символы для русской литературы» [6, 22].

Таким образом, в творчестве И. Савина происходит модернизация традиционных жанров. Четко соблюдая жанровые формы, поэт наполняет их политическим, злободневным содержанием, обусловленным катастрофическими реалиями начала XX века. Лирическое «я» поэта нередко приобретает черты эпической общности с теми, кто разделяет и переживает катастрофизм эпохи. Хаосу мира И. Савин, как и другие поэты эмиграции, противопоставляет мир культуры, традицию русской и мировой литературы.

Литература

1. *Барковская Н.В.* Апология хаоса в русском символизме: от деструкции к телеологии / Н.В. Барковская. – Екатеринбург, 2005.

2. *Бердникова О.А.* Поэтика адресованных жанров в творчестве И.А. Бунина / О.А. Бердникова // Проблемы исторической поэтики. – 2019. – Том.17. – № 4. (К 70-летию В.Н. Захарова). – Петрозаводск, 2019. – С. 215-242.

3. *Бунин И.* Наш поэт / И. Бунин // «Возрождение». – № 793. –1927. – С. 6.

4. *Дмитриев Е.В.* Фактор адресации в русской поэзии: От классицизма до футуризма / Е.В. Дмитриева. – М., 2003.

5. *Квятковский А.П.* Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М., 1966.
6. *Крошнева М.Е.* Творческая судьба Ивана Савина (1899-1927): автореферат дис…канд. наук. / М.Е. Крошнева. – Ульяновск, 2005. – 24 с.
7. *Савин И.И.* Стихотворения. Избранная проза / URL https://www.litmir.me /br/?b=175795&p=1 (дата обращения 12.08.20)

А. Витович
Воронежский государственный университет.
Научный руководитель – доц. А.В.Фролова

Литературные аллюзии в повести Василия Аксенова «Звездный билет»

Эпоха «оттепели» ознаменовалась появлением новых литературных явлений. Одним из них стала «молодёжная проза», авторы которой ориентировались на западных писателей – таких, как Э. Хемингуэй, Э.М. Ремарк, Д. Сэлинджер и др. Это отразилось в бунтарском характере героев, их оригинальном взгляде на жизнь, стремлении ломать косные каноны повседневности. Все перечисленные черты мы находим и в ранних повестях Василия Павловича Аксёнова.

В «Звёздном билете» (1961) в центре внимания вчерашние школьники, которые идут наперекор правилам, стремятся творить свою жизнь сами и готовы ради этого пойти на любой риск. Их свободолюбие проявляется не только во внешнем виде («Я смотрю, как мелькают впереди его [Димки] чешская рубашка с такими, знаете ли, искорками, штаны неизвестного мне происхождения, австралийские туфли и стриженная под французский ежик русская голова» [1, 198]), но и в образе мышления. Аксёновские герои стремятся найти себя в жизни, понять и познать мир. Именно этим обусловлено появление многочисленных литературных аллюзий в языковом строе произведения. Они выполняют различные функции: от характеристики героев до выстраивания магистрального сюжета.

Под литературной аллюзией мы понимаем намёк на какое-либо произведение или отсылку, вызывающую одномоментную ассоциацию с образом, мотивом, идеей претекста [4, 28], [3, 153]. В произведении В. Аксёнова находим отсылки к древнегреческой литературе и мифологии и к трагедиям Шекспира.

Первая «древнегреческая» аллюзия – легенда об аргонавтах. Особое значение имеет то, что автор, иносказательно называя главных героев участниками похода за золотым руном, выносит перифразу в заглавие второй части повести. Так уже в самом начале задаётся настроение и концепция путешествия «пожирателей километров». Легенда прочитывается в аллегорическом плане, так как, попав в текст-реципиент в форме аллюзии, она приобрела модифицированную семантику. На наш взгляд, поиски золотого руна олицетворяют в повести поиск и обретение героями себя и, как следствие, самостоятельности. Напомним, что, по легенде, возвращение золотого руна было необходимо Ясону, чтобы вернуть власть

её законному владельцу (и по совместительству его отцу) – Эсону. Отметим, что данная аллюзия поддерживается фонетически – созвучием антропонимов: Ясон (предводитель аргонавтов) и Янсонс (хозяин дома, в котором поселились герои Аксенова). Кроме того, совпадает топонимика в легенде и повести: море сопровождает героев на протяжении всей истории, и аргонавты совершали своё путешествие по морю на корабле Арго.

Е. Дронова причисляет такой тип аллюзий «к группе ситуативных окказиональных нарицательных имён» [2, 11]. Это значит, что аллюзия-антропоним и аллюзия-топоним в данном случае выполняют окказиональную функцию для «создания исторической соотнесённости» [2, 13].

Итак, происходит типологическое сближение ситуаций – путешествие за чем-либо, предполагающее достижение определённой цели, и последующее возвращение в исходную точку. Завладев золотым руном и пройдя через многочисленные перипетии на обратном пути, Ясон всё-таки возвращается на родину. Так и Димка, прошедший через жизненные испытания (в числе которых особое место отводится любовным) и обретший самостоятельность, возвращается (пускай и вынужденно) в уже разрушенный родной двор Барселоны. Кроме концептуального сходства в финальном сюжете возвращения, можно отметить и ситуативную схожесть: Арго попадает в бурю на обратном пути, и Димка накануне возвращения домой тоже переживает бурю, морскую и метафизическую.

Обретение самостоятельности Димки коррелирует с событиями жизни Виктора, причём действие «окрашено» всё тем же греческим колоритом. В ночь перед научным выступлением (вершиной карьерной самостоятельности героя) ему снятся «люди в греческих туниках <…> у них сугубо древнегреческие жесты» [1, 310]. Эти люди из сна становятся судьями для него, один из них выносит приговор: «За такие шутки надо морально убивать. Сбрасывать с какой-нибудь скалы в какую-нибудь пропасть» [1, 310]. Последняя фраза отсылает к спартанскому обычаю сбрасывать нежизнеспособных детей со скалы. В Спарте нежизнеспособность означала недееспособность (неспособность совершать действия самому), то есть невозможность стать полноценным членом гражданского общества. В ситуации Виктора этот принцип инверсирован: полноценным гражданином становится тот, кто не обладает дееспособностью (то есть способностью совершать действия самостоятельно), а дееспособного сбрасывают со скалы.

«Греческий» сюжет также составляет аллюзия на героев Троянской войны. Примечательно, что герои Аксенова характеризуют сами себя: Алик – Парис, Юрка – Ахилл, Димка – Менелай, Галя – Елена. Аллюзия здесь выполняет функцию характеристики персонажей, ведь герои Аксёнова по ряду качеств соотносятся и с гомеровскими. Так, спортсмен Юрка закономерно ассоциирует себя с неуязвимым Ахиллом. Хитрость и авантюрность Париса, из-за проделки которого и развязалась война, присущи Алику, бросающему вызов всему конформистскому миру. Очевидно и соотношение любовной линии: Димка-Галя – Менелай-Елена. Отметим, что мотив похищения возлюбленной, заявленный здесь ассоциативно, реали-

зуется в ходе дальнейшего развёртывания текста, но уже в другом аллюзивном контексте.

Любопытен ещё один эпизод аллюзивной характеристики персонажа через героя греческой мифологии. Димка проводит ассоциацию между Галей и Афродитой, богиней, рождённой из морской пены. Ассоциация не случайна, так как возлюбленная Димки появляется перед ним, выходя из моря: «Он почувствовал: Галя! Галя! Галя! Он почувствовал страх, когда Галя вышла из воды и направилась к нему с солнечной короной на голубой голове, со сверкающими плечами и темным лицом» [1, 254]. Примечательно, что герой испытывает страх при виде девушки. Любовный страх сопоставляется со страхом простого смертного, который не мог видеть богиню в ее обличии, перед божеством, перед чем-то недосягаемым и могущественным. Именно поэтому происходит своего рода развенчание мечтаний Димки:

«Что бы я сделал сейчас, если бы был греком?

Древним, конечно, но юным и мощным, точно Геракл?

О Галя!

Я бы схватил ее на пустующем пляже.

<…>

Димка не был греком, он боялся Гали» [1, 255].

Итак, Димка как бы «не вписывается» в этот божественный мир, где Галя – Афродита (заметим, что появляется и атрибут древнегреческой богини – зеркало, в которое смотрится героиня, причёсываясь). Но она не утрачивает своей божественности, так и остаётся некоторое время как будто недостижимой, неприкасаемой для него. Именно поэтому, «сломив сопротивление» этого божества, Димка бросается бежать. Он чувствует, что девушка имеет над ним особую власть, а потому боится её. Причём власть эта в непостижимости и открытости одновременно: Галя любит Димку и только ждёт от него смелого первого шага. Однако именно этой смелости Димке и не хватает: он, по его словам, «не был греком».

В повести есть ещё один аллюзийный любовный подтекст, который реализуется в отношениях Юрки и Линды. Он создаётся за счёт соотнесённости аксёновских героев с героями эстонской мифологии – Линдой и Калевом. Отметим совпадение имён героинь – Линда, совпадение качеств героев: Калев – богатырь, Юрка – спортсмен. Этим же обусловлена и постоянная игра, основанная на сопоставлении персонажей:

«– И вот она [Линда из мифа] плакала-плакала и наплакала целое озеро. До сих пор это озеро – единственный источник водоснабжения города.

Живая Линда повернулась к Юрке, мощному парню в красной рубашке и с закатанными рукавами:

– Нравится тебе Линда?

– Которая?

– Вот эта.

– Каменная она.

– А другая?

– Вот эта?

– Ты с ума сошёл!» [1, 267].

Аллюзии на эстонскую мифологию также выполняют окказиональную функцию, на что указывает не только сближение героев вплоть до их отождествления в некотором смысле, но и пейзажная параллель: «Они сидели на “горке Линды”. Сейчас здесь всё было так, как было на самом деле несколько тысячелетий назад. Небо на западе было красное, а чудовищно искривлённые стволы – черные, словно мокрые. Каменная Линда, по обыкновению, молчала. Живая Линда вздыхала» [1, 295]. В этом же эпизоде встречаем ещё одну аллюзию-топоним – озеро Юлемисте:

«Линда наклонила голову. Юрка совсем перепугался. Еще плакать начнет. Так и есть. Ревет.

– Эй, – сказал он и тронул ее за плечо, – что это ты, брат? Что ты засмурела, Линда? Хочешь помочь городскому водопроводу? Второе озеро накапать?» [1, 295].

Своеобразной «водной» аллюзией становится отсылка к произведению Хемингуэя («Димка читал Хемингуэя» [1, 268]), название которого не упоминается, но из контекста повести становится очевидно, что это «Старик и море». На это указывает не только общность «морской атмосферы», но и сюжетное сходство: главный герой Хемингуэя борется со стихией, и Димка также оказывается в ситуации противостояния ей.

Примыкает к «водному» сюжету и отсылка к «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина. Галя, наблюдая за тем, как мальчики ловят рыбу, размышляет: «Поймаю ли я золотую рыбку? И где она плавает, моя? Море такое громадное. А может быть, она сама приплывет ко мне и скажет: “Чего тебе надобно, Галя?”» [1, 251]. Примечательно, что эта аллюзия располагается между первыми упоминаниями о «Ромео и Джульетте» и становится своеобразным «мостиком» к введению шекспировских аллюзий.

Второй пласт аллюзий представлен рядом самых известных произведений Шекспира: «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло». Так, Галя, как бы отвечая на вопрос рыбки, мечтает: «– “Я хочу, чтоб было душно и пахло цветами и чтобы я стояла на балконе и смотрела на слабые огоньки Вероны”. А потом послышится шорох и появится Ромео. Он подойдет ко мне и скажет: “Кончай, детка, свои закидоны глазками и прочие шурымуры”. Он скажет это так же, как сказал сегодня, но на этот раз мы будем одни. А дальше уже все пойдет по Шекспиру. Но конец будет ненастоящий, так будет только на сцене. Вспыхнут все лампы, и мы встанем как ни в чем не бывало. Аплодисменты! Букеты! А в первом ряду аплодирует седой человек из кино. На самом деле это будет только начало» [1, 251].

Упоминание «Ромео и Джульетты» находим и в размышлениях Димки. Воспоминание о пьесе сразу переводит его мысли в сферу личных отношений с Галей: «Виктор знает стихи, а Галка – наизусть «Ромео и Джульетту». Галка, Галка, какая ты молодец, что дала мне по щеке! Как это хорошо получилось! Как здорово все – я в море, а она на берегу» [1, 250]. Становится очевидной аллюзийная соотнесённость героев: Галя – Джульетта, Димка – Ромео. Однако в ходе развития сюжета она изменится.

Уже сцена, содержащая образ Гали-Афродиты, даёт возможность отметить аллюзию на «Отелло» Шекспира. Она включена в текст имплицитно, без атрибуции, в форме аллюзийной цитаты, которая имеет ряд отличительных характеристик, таких как отсутствие «формальных маркеров» и «тесное взаимодействие с индивидуальным контекстом, из которого она изъята» [2, 13]:

«– Ах ты, подлая чувиха! – заорал он [Димка] и бросился на Галку. Хрипло ворча: “Молилась ли ты на ночь, Дездемона?” – он сломил ее сопротивление» [1, 256].

Отметим, что в данном эпизоде аллюзия выполняет нетипичную функцию. Будучи введённой автором в художественную ситуацию как фраза комическая, она обретает провиденциальный характер, предупреждая читателя о том, что ждёт главных героев. Ведь, как станет известно из хода повествования, Димка-Отелло действительно будет сгорать от поистине шекспировских страстей, ревнуя Галю-Дездемону к Долгову-Кассио.

Возвращаясь к аллюзии на «Ромео и Джульетту», нельзя не упомянуть ещё один эпизод. Димка и Галя пытаются спрятаться от чужих глаз, а их побег сопровождается повторяющимися фразами:

«– Ты бы хотел играть со мной в одном спектакле?

– Ну еще бы!

– Кого бы ты хотел играть?

– Разве ты не знаешь кого!

– И я бы хотела играть с тобой» [1, 260].

Здесь упомянутые аллюзии из сознания героев вырываются наружу и выражаются в форме диалога. Читателю становится очевидной связь героев на метафизическом уровне (совпадение мыслей и ассоциаций). С этого момента между Димкой и Галкой устанавливается негласный союз, скрепленный взаимным обещанием прожить вместе сценическую жизнь. И это имеет определяющее значение в их взаимоотношениях, так как Галя позиционирует себя в первую очередь актрисой, а Димка подсознательно поддерживает концепцию жизни артистической натуры и потому включается в игру. Так мотив игры становится определяющим в их любовной линии. Отношения героев как бы протекают на двух уровнях сразу: жизненном и артистическом, игровом.

Неслучайно симпатии Гали обращаются к актеру Григорию Долгову. Он ей интересен как человек сцены, в её восприятии он неотделим от актёрского амплуа (Долгов играл Гамлета). Актёр пленяет её завораживающими рассказами о спектаклях, где он главный герой, самоотверженный человек искусства, готовый сгореть дотла на сцене во имя театра. Долгов произносит фразу, которая окончательно перетягивает его в сферу «артистической жизни» Гали: «А вы бы смогли играть Джульетту на платформе из-под угля и под непрерывным моросящим дождём?» [1, 276]. Вопрос актёра становится для неё как бы сигналом совпадения. Именно поэтому выше мы говорили о том, что негласное соглашение прожить вместе сценическую жизнь становится определяющим во взаимоотношениях героев. Здесь Галя вновь испытала это совпадение ролей (Джульетта

– ее главное амплуа, и Долгов это разгадал) и приняла Долгова за Ромео (Долгов-Гамлет →Долгов-Ромео), поэтому Димка лишается своей роли. Но смена амплуа после встречи с Долговым происходит и в сознании Димки, причём раскрывается она несколько позже, уже в сцене ревности. В этом эпизоде Галя соотносится с Офелией (Галя-Джульетта → Галя-Офелия), возлюбленной Гамлета, роль которого исполняет Долгов: «Она [Галя] засмеялась. Колокольчики. Похоже на смех Офелии» [1, 281]. Кроме того, именно это игровое соответствие становится тем «пусковым механизмом», который провоцирует взрыв ревности. Так смена амплуа совершается ещё раз: Димка-Ромео → Димка-Отелло, Галя-Офелия → Галя-Дездемона, Долгов-Гамлет →Долгов-Кассио.

Однако перемена ролей Димки и Григория, которую Галя на какое-то время принимает за истинную, оказывается ложной. Это подтверждает Долгов:

«– Григорий, буду я когда-нибудь играть Джульетту?

– Уверен, Галчонок.

– А ты будешь Ромео.

– Нет. Это сейчас не моё амплуа» [1, 298].

Заметим, что если для Гали игра и жизнь неразделимы, то Димка, соглашаясь с этим, всё же пытается нащупать грань между ними. Ему важно понять, кто перед ним: Галя-Джульетта, Галя-Офелия или просто Галя. В этом проявляется его стремление к искренности. Она не только в том, чтобы жить так, как хочется ему, а не как продиктовали родители, но и в том, чтобы строить отношения на честности, чтобы быть честным, прежде всего, с самим собой. Он хочет отделять Галю от Джульетты, ведь влюбился он именно в Галю, а не в её сценическое амплуа: «Она думает, что я влюбился в нее на школьном смотре, когда она кривлялась в какой-то дурацкой роли. Пусть она так думает, черт с ней. А влюбился я в нее весной. Я был один. На бульваре в лужах плыли облака. Я увидел это, словно первый раз в жизни, и понял, что влюбился» [1, 333]. Стремление отделять настоящую Галю от её ролей проявляется в том, что её движения и реплики постоянно оцениваются по шкале искренности, правдоподобия. Так, её порыв доказать, что между ней и Долговым минувшей ночью ничего не было, выглядит наигранно, с точки зрения Димки («Если ты мне не веришь, я отравлюсь» [1, 281]). Неестественная реплика вызывает агрессивно-ироничную реакцию: «– Великолепно! Вы в новой роли, мадемуазель, в клипсах у вас, конечно, цианистый калий?» [1, 281].

Неизвестность и ревность полностью стирают границы между сценической жизнью и настоящей. Димка не понимает, играет ли Галя (то есть лжет ему) или говорит с ним искренне. Ревность и уязвлённое самолюбие заставляют его сделать выбор в пользу первого варианта и примерить на себя роль Отелло, в которой он и пребывает до шторма на море: «“А может быть, все-таки врет? Она ведь актриса. Так сыграет, что и не разберешься. Ну что ж – играть так играть”» [1, 282]. Так, когда он встречает Галю уже после разрыва с Долговым, Димка испытывает к ней презрение: «Актриса, притвора, обманщица…» [1, 348], «Джульетта! Звезда экрана!

Допрыгалась» [1, 349]. Кульминацией становится сцена объяснения Гали, в которой Димка жестоко отвергает её. Чрезмерной наигранностью он пытается отплатить Гале её же монетой:

«Я встаю и делаю трагический жест.

<…>

Смотрит на меня совершенно кинематографически. Глазками работает, дурища. Я усмехаюсь и басом произношу так страстно:

– Бери меня, срывай нейлоны, в груди моей страстей мильены» [1, 353].

Димку раздражают пышные, кажущиеся неестественными фразы Гали, он слышит в них фальшь. Для него они звучат, как заученная роль, за которой не видно настоящих чувств, а ему важна искренность: «Тьфу ты! Хоть бы помолчала. Хоть бы села рядом и помолчала часа два. Тараторит как заученное: “Втоптала в грязь”, “Могу ли я надеяться?” [1, 352], «Как она не понимает, что нужно именно молчать? Ведь все эти слова – блеф. Нет, она этого не понимает» [1, 353].

Продолжая отыгрывать свою роль, Димка оставляет Гале издевательскую записку, однако уже во время шторма горько сокрушается обо всех своих поступках: «У Джульетты не будет Ромео, а у Гали останется от меня только подлая пижонская записка. <…> Нельзя, чтобы у Гали осталась от меня только эта чудовищная записка» [1, 356].

Таким образом, аллюзии на шекспировские произведения неразрывно связаны друг с другом и выполняют не только характеризующую функцию, но и сюжетообразующую, так как с их помощью выстраивается один из магистральных подтекстов повествования.

Отметим, что греческие и шекспировские аллюзии соединяются в эпизоде псевдопохищения Гали. Напомним, что в системе греческих аллюзий Галя – это Елена, из-за похищения которой и развязалась Троянская война. Галю у Димки-Менелая «похищает» Долгов. «– Поволокли твою кадришку! Твою невесту ненаглядную!» – заявляет Фрам [1, 277]. Этот момент «похищения» и становится причиной ревности Димки, которая толкает его на необдуманный поступок, своего рода развязывание войны (попытка выстрелить в Долгова из ружья для подводной охоты).

Таким образом, в повести В. Аксенова «греческие» отсылки поддерживают магистральный сюжет произведения – обретение героями себя. Одними из главных испытаний для них становятся любовные перипетии, осмысленные писателем через шекспировские аллюзии. Аллюзии играют также характеризующую роль: с героями Троянской войны соотносят себя аксёновские персонажи, а актёрские амплуа раскрывают их любовные отношения. Кроме того, выделяются окказиональная (историческая соотнесённость сюжетов) и провиденциальная (предсказание дальнейшего хода развития повествования) функции литературных аллюзий в повести.

Литература

1. *Аксёнов В.П.* Малое собрание сочинений / В.П. Аксёнов. – СПб.: Азбука, 2017. – 672 с.

2. *Дронова Е.М.* Стилистический приём аллюзии в свете теории интертекстуальности (на материале языка англо-ирландской драмы первой половины 20 века): автореф. дис… канд. филол. наук / Е.М. Дронова. – Воронеж, 2006. – 28 с.
3. *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М.: Прогресс, 1979. – 397 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / С.И. Кормилов [и др.] – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 799 с.

О. И. Попова
Воронежский государственный университет.
Науч. руководитель – проф. О.А. Бердникова,

Жанр пасхального рассказа в раннем творчестве В. Свенцицкого («Из дневника странного человека» и «Христос в детской»)

Рубеж XIX–XX вв. породил в России немало тех оригинальных личностей, вклад которых в историю и культуру Отечества будет осмысливаться вновь и вновь. И если иногда кажется, что та или иная историческая фигура стала достоянием архивов и отдалилась от потомков, забыта, то неожиданным образом она снова возникает на горизонте вследствие актуализации тех или иные вопросов, важность которых вновь осознается через сто и более лет.

Наше исследование будет касаться некоторых аспектов раннего творчества оригинального мыслителя, писателя, публициста, общественного деятеля и, что особенно для нас значимо, духовного писателя начала XX века Валентина Павловича Свенцицкого (1881–1931). Интерес исследователей к творчеству и личности Свенцицкого переживает «второе рождение», что связано с открытием в нашу рубежную эпоху ряда забытых духовных писателей XX века.

В. Свенцицкий как самобытный писатель, а также его произведения исследуются в трудах С. А. Бесогоновой [2], Л. Ф. Алексеевой [1], А. А. Моториной [13], А. Ю. Закуренко [9], А. В. Харитоновой [18]. Нельзя не заметить, что основной акцент переносится исследователями на роман «Антихрист» и в меньшей степени – на художественную фантазию «Второе распятие Христа», о пьесах и ранних рассказах пишется совсем мало. Между тем праздничные рассказы писателя интересны как с точки зрения тематики, так и в аспекте жанрового своеобразия.

Современный исследователь И.А. Есаулов предлагает выделить особый архетип русской культуры – «пасхальный», значимость которого для русской культуры и литературы чрезвычайно велика: он сумел породить такие литературные явления, как «пасхальный мотив (в русской словесности становящийся лейтмотивом), пасхальный сюжет» [6, 8], «пасхальный хронотоп, жанр пасхального рассказа, пасхальный роман» [7, 44].

На возникновение жанра пасхального рассказа существуют разные точки зрения. Е. В. Душечкина в работе «Русский святочный рассказ: становление жанра» рассматривает жанр пасхального рассказа «как произ-

водный от жанра рождественского рассказа русской календарной литературы» [5, 198], развитие которой было обусловлено ростом популярности периодических изданий, в которых публиковались подборки материалов, приуроченных к тому или иному календарному празднику (Крещению, Масленице, Троице, Пасхе). Интерес к Рождественской теме поддерживался на протяжении всего XIX века, а последнее его двадцатилетие исследователи определяют как «святочный бум». Несмотря на главенство Пасхи в русском православном календаре, жанр пасхальных рассказов, по мнению исследовательницы, является вторичным [5, 198].

По мнению Т. Н. Козиной, к исходным формам появления пасхального рассказа можно отнести «литургическую поэзию, притчу и литургическую драму» [11, 8]. В. Н. Захаров считает, что Пасха многое дала русской литературе: мотивы, сюжеты, образы и что пасхальный «жанр возник спонтанно – и у него было много начал. Пасхальный рассказ был неизбежен в русской литературе» [10, 254]. Провозвестником жанра пасхального рассказа исследователь называет Ф. М. Достоевского, использовавшего пасхальные эпизоды в своих романах [10, 255].

При наличии расхождений во взглядах на генезис жанра пасхального рассказа существуют также различия и в критериях его выделения. Душечкина отмечает календарную приуроченность публикации произведений к новогодним праздникам, а также повторяемость мотивов рождественских рассказов в пасхальных: мотивы искупительной жертвы, чуда, раскаяния, встречи, нравственного перерождения и др. Праздник в текстах определялся временем, когда происходил духовный перелом в сознании человека, а безвыходные ситуации получали неожиданное чудесное разрешение [5, 205]. Козина выделяет строгие признаки пасхального рассказа: по идейному содержанию (преображение жизни, прощение обидчика и др.), цели (призвать к духовному пробуждению), истокам жанра, атрибутам (храм, колокольный звон, кулич и пр.), принципам развития и др. [11, 21]. У Захарова, во-первых, пасхальный рассказ соотносится с праздниками от Великого поста до Духова дня; во-вторых, назидателен – учит добру, напоминает евангельские истины; в-третьих, содержит сюжеты духовного проникновения, нравственного перерождения человека, прощения во имя спасения души и др. [10, 256]. По Есаулову, вся русская словесность «пропитана» пасхальным архетипом, «память» которого проявляется в литературных мотивах, сюжетах, жанрах и не сводима к тем или иным частным литературным проявлениям.

Рассматриваемые нами рассказы Валентина Свенцицкого «Из дневника “странного человека”» (1911 г.) [15] и «Христос в детской» (1912 г.) [16] в полной мере можно отнести к жанру пасхального рассказа.

Рассказ В. Свенцицкого «Из дневника “странного человека”» [15] был опубликован в журнале «Новая земля» в 1911 году (№15/16). Ведущий исследователь творчества В. Свенцицкого и составитель собрания сочинений С. В. Чертков соотносит главного героя рассказа – «странного человека» – с персонажем романа-исповеди В. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)», вышедшем в 1908 г. [14, 784]. Однако, в тек-

сте нет прямых отсылок к роману, и о нем можно говорить как о самостоятельном произведении, написанном в жанре пасхального рассказа.

Первый и главный признак жанра – время действия – с вечера Великой субботы до утра Пасхи; основная тема – внутреннее преображение главного героя, воскрешение его души, приобщение к пасхальной радости.

Повествование построено от лица героя-рассказчика, поэтому из его сбивчивой, сумбурной речи может сложиться впечатление об этом человеке. Он обращается к невидимым собеседникам («милостивые государи»), возможно, для того, чтобы найти опору в жизни, точку отсчета – того, кто восстановит его место и роль в этом мире, подчеркнет его, тоже когда-то «милостивого государя», наличное существование.

Одним из часто повторяющихся мотивов рассказа является «голод» и всё, что сопряжено с состоянием голодающего человека: воспоминания о еде, о щедром пасхальном столе, о корочке хлеба. Герой, голодающий три дня, красочно представляет себе праздничную снедь, хотя готов и отказаться от нее («роскошь»), но не представляет себе «голодной» Пасхи, без хлеба. Вместе с тем, мы понимаем, что он, как монах, неосознанно несет строгий пост с самого Чистого четверга и таким образом участвует в подготовке к Великому дню, хотя мысленно все обращения его – к людям, а не Богу.

Он одинок, оставлен, и одиночество накануне Пасхи ощущается им особенно остро. В его воспоминаниях о детстве – семья и пасхальная радость, дом и благополучие. Но потом произошло нечто, что позволило ему именовать себя «преступником» и «исчадием ада», «отверженным». Впрочем, он заявляет, что он «горд» и время от времени напоминает об этом себе и воображаемым слушателям. Но чем больше мы его слушаем, тем больше понимаем, что он выдаёт желаемое за действительное, этот человек давно сломлен, и от былой гордости его не осталось следа. Он испытывает голод физический и голод духовный, острую потребность в пище и потребность в приобщении к пасхальной радости, к человеческому сообществу (семье ли обычной, или семье – православным в храме, или семье общечеловеческой – всеобщей). «… Ведь сейчас “Христос воскрес” запоют – до оценок ли тут: кто лучше да кто хуже… Радоваться, обниматься надо и быть всем вместе. Главное – всем вместе. Коли Христос воскрес – разве можно врозь быть?» [15, 523-524] – так размышляет он, стоя на холме за городом, куда нечаянно вышел, предаваясь мыслям.

В беззвучный диалог с героем вступает предпасхальная окружающая его природа: «великолепная ночь», «звёзды, точно вымытые драгоценные камни», воздух, «насыщенный запахом молодой растаявшей земли», «простор», «тонкие стволы березок», «кусты вербы с мохнатыми пушистыми почками». Проникшись обновлённостью и необычностью природы, он возвращается в памяти к своей прежней любви («Я люблю тебя, милая! Люблю твои косы, твои глаза <…> Потому что землю люблю. Запах талого снега <> и простор, и свободу безбрежную… И зачем мне Бог дал такое нелепое, неугомонное, ненасытное сердце?»). Уйдя из праздничного города, он собирался петь «Христос воскрес» в одиночестве, потому что «горд». Но душа его тоскует («Как бы хорошо, если бы последние годы

моей жизни оказались сном»), а ум возвращается снова в детство: к заутрене, к непосредственной детской радости («… В церковь придешь и готов прыгать от счастья <…> так бы и бросился на шею к первому попавшемуся соседу и заплакал от умиления…») [15, 524].

Поворот в развитии сюжета происходит после того, как герой слышит пасхальный звон к заутрене: «Господи! Да ведь это звонят!.. К заутрене звонят!.. <> Разве можно теперь одному быть <…> Не хочу я быть один…» [15, 524]. И с ним случается, как он заявляет, «маленькое и нелепое происшествие»: он опрометью бросается в город и бежит до тех пор, пока хватает сил («ноги задрожали», «в глазах черные круги пошли», «того гляди свалюсь»). Полуживой от голода он начинает терять сознание и, случайно услышав рядом с собой голос простой женщины, баюкающей маленького ребенка, которая не смогла быть на службе в эту ночь, обращается к ней: «Голоден я… пропал я… никому не нужен…». И «простая деревенская баба», как называет ее рассказчик, одна пожалела его в эту пасхальную ночь, спасла от голодной смерти. «Этого я никогда не забуду, милостивые государи», – заверяет своих невидимых собеседников герой рассказа.

Мы стали свидетелями двойного чуда: первого, самого очевидного – спасения человека, умирающего от голода, другим – самым обычным, малоприметным и, в общем-то, таким же нуждающимся в поддержке человеком; второго – менее очевидного, но более глубокого – чуда вечного «возвращения блудного сына». Свершилась пасхальная победа над смертью: физической (голодной) и метафизической.

Первое чудо произошло благодаря примирению главного героя с обстоятельствами и принятию своей участи – бесприютного скитальца, нуждающегося в помощи. Второе стало возможным, благодаря движению его души к людям, к всеобщей пасхальной радости, к самой жизни, к Богу, хотя о последнем стремлении напрямую автор не говорит. Однако, рассматривая описанное пространство праздника («настоящая пасхальная ночь»), весеннюю природу, яркие детские воспоминания рассказчика, непосредственные движения души («нелепое сердце»), мы понимаем, что чудо дается по вере, и концовка рассказа – это хвала Пасхе, вечной жизни и надежде.

Рассказ В. Свенцицкого «Христос в детской» (1912 г.) имеет более традиционную форму праздничного рассказа, он был опубликован в еженедельной общественной, литературной и политической газете «К новой земле» весной 1912 г. в третьем номере (предположительно – в апреле). Праздник Пасхи в 1912 г. приходился на 25 марта (по ст. ст.), таким образом, появление рассказа в печати пришлось на Пасхальные дни.

Сюжет рассказа связан с образами детей: накануне праздника Пасхи маленькие брат и сестра знакомятся с понятием смерти и воскресения, и затем один из героев переживает встречу с Христом.

Главные герои повествования – брат и сестра: Коля и Олинька; они еще не обходятся без помощи няни, но уже способны открывать мир, познавать его правила и ценности. В центре повествования – проблема жизни, смерти и воскресения. Действие рассказа также происходит в Великую субботу.

Условно рассказ можно разделить на три части: в первой Коля сталкивается с поломкой своей игрушки – заводного гусара («раздавился заводной гусар») и заявляет сестре: «Я решил скончаться от разрыва сердца» [16, 531]. Мотив «внезапной смерти» в начале рассказа появляется дважды: как «игрушечная смерть» и как «воображаемая смерть», и тут же возникает ответный мотив – «страдание» и слезы – реальные, а не игрушечные – сестры мальчика. Няня успокаивает детей и сообщает им о приближающемся празднике Пасхи, к которому нужно выучить соответствующую молитву. Здесь же в тексте появляются ключевые мотивы: «Христос воскрес» и «Воскресение Христово», «распяли на кресте», «гроб», «стража», «молитва». Первое объяснение няней смысла произошедшего события, связанного с распятием Христа, для Коли пока никак не отозвалось в душе.

После того, как герои выяснили, что починка-«реанимация» игрушки не возможна, Коля убеждается, что «гусар скончался», на что возражает няня: «Умирают люди. А игрушки ломаются». «Но что значит “умер”?» – уточняет мальчик. «Умер? Жить перестал», – отвечает ему няня. Коля задумывается: «Не может быть!» [16, 532]. Действительно, маленькому сердцу трудно представить отсутствие жизни, эту чудовищную дисгармонию.

Сюжет со сломанным гусаром напоминает нам рождественскую сказку Э. Гофмана «Щелкунчик и Мышиный король» [4], в которой также происходит в одном из эпизодов поломка-«болезнь» главного героя – игрушки Щелкунчика, заколдованного принца кукольного королевства. Однако сходство это внешнее. Ни волшебства, ни превращения кукол в людей и наоборот в истории Свенцицкого нет, это не «пасхальная», по аналогии с «рождественской», сказка о метаморфозах куклы, в которой тема Рождества Богочеловека уходит на задний план, уступая чудесному, напротив – перед нами история, в которой Христос становится одним из действующих лиц, не разрушая при этом ткань повседневности.

Во второй части жизнеутверждающе описывается весенняя прогулка детей, их радость солнцу, забавы, беззаботность. Здесь в рассказе появляется неизменный атрибут праздника – «радость», пока без именования ее «пасхальной», но выражаемая с помощью таких эпитетов, как «свежий, ласковый ветер», «всё новое, яркое, сияющее», «небо голубое», «голубое поле». Дети резвятся, бегают и радуются солнцу. Коле весело, и хочется «чтобы все были вместе», «играли бы и смеялись». Как мы помним, действие происходит в Великую субботу, и природа уже начинает готовиться к великому празднику, пробуждается к торжеству. «Нянечка, Христос воскрес!» – кричит няне Коля. Это наивысшая эмоциональная точка сцены на природе, жизнеутверждающая и яркая.

В вечерних размышлениях мальчик обращается к грядущему празднику, событиям, ставшим его причиной: распятию и воскресению. На вопрос «Что значит “распяли”?», Коля получает прямой ответ няни: «К кресту прибили. … Руки и ноги. … Гвоздями». Это впечатляет ребенка, и он по-новому воспринимает привычную до того икону «Воскресение Христово», задумывается. Повторяются в тексте мотивы «гроб» и «воины», но не в рассказе няни, а как описания изображений на иконе. Коля боится

одного из нарисованных воинов, но няня молитвой и присутствием помогает преодолеть страх. И здесь же возникает мотив преодоления смерти, победы над ней: «Как хорошо, нянечка, что воскрес… Я бы тоже так сделал…», – заявляет ребенок.

В третьей – заключительной части – автор описывает чудесное событие – появление Христа в детской, как мы узнаем позднее, – сон Коли. Здесь переплетаются мотивы «сна», «игры» и мотив «пасхального чуда». Вначале Коля предлагает, играя, «воскреснуть» под иконами самим из «гроба»-одеяла. Сестра, конечно, соглашается. Если «сейчас Он воскресает», то ничего не мешает детям «воскреснуть» тоже. Но во время игры они видят входящего в двери Христа, узнают Его и бросаются навстречу.

«Я весь день о Тебе думал, – быстро говорил Коля, – как Тебе больно было. И гвозди… А потом воскрес… Как хорошо!.. Так всегда надо. Пусть распинают. По-ихнему не выйдет… Я ведь так говорю? Я не боюсь…» [16, 537]. Затем следует небольшой разговор о том, что Христос придет к ним еще, потом Коля говорит о гусаре, о его «смерти». Снова появляется в тексте мотив «страдания», но уже страдания как «Страстей Господних» («Господи… как больно-то Тебе… не хочу так… не надо так…»). Важный момент наступает, когда Коля спрашивает: «Ты навсегда к нам? Да?». И Господь подтверждает, что это так. Но не отвечает на вопрос: «И больше не будет так?», то есть, не будет страданий и боли? Страдания будут. «Пусть у всех! … Пусть всем больно…» [16; 538], – принимает решение Коля.

Далее в рассказе возникает мотив «стигмат», который характерен для католической церкви, выходит за рамки православной традиции, что ставит это произведение в особый ряд в жанре пасхальных рассказов. На детских ладонях появляются раны – следы от гвоздей. Коля заключает: «Олинька, мы тоже воскреснем! Господи… миленький мой… Как хорошо-то, как хорошо-то!..». Происходит логическое завершение повествования: «двойная смерть» и «страдание» в начале заканчиваются «распятием» и «всеобщим воскресением» в конце, т. е. жизнь побеждает.

Появление в финале няни и пробуждение Коли ото сна не снимают возвышенного настроя рассказа и не добавляют ему «волшебности», потому что «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф, 5:8). Детская открытость и чистота удостоверяют произошедшее (этот эпизод явления Христа во сне Коли коррелирует с аналогичным из жития свщмч. Петра архиеп. Воронежского, которому в детстве во сне также являлся Христос, после некоторых выражений мальчишеского несогласия и неприятия по отношению к близким [17]). Детская вера – чиста и сильна. Поэтому рассказ производит особое впечатление как раз за счет контрастности описания детской простоты, непосредственности и в то же время открытия силы этой простой веры – идти за Христом до конца, даже если будет больно и страшно.

В пасхальных рассказах В. Свенцицкого даются принципиально разные герои: отверженный бродяга и дети. Принципиально различны траектории развития сюжета, ведущего к конфликту – воспоминания о былой жизни и неприкаянность в настоящем у «милостивого государя» и детские-недет-

ские размышление Коли о жизни и смерти, о распятии и Воскресении. Но объединяет эти рассказы мотив воскрешения, преодоления человеческой отчужденности, обособленности от Бога и Пасхальность как обыкновенное и непостижимое чудо. Это позволяет отнести оба рассказа к типичным произведениям пасхального жанра русской литературы, в котором так явно проявляется «пасхальный архетип» русской культуры.

Вместе с тем эти рассказы уже написаны писателем, отразившим мироощущение человека начала XX века как века страданий и смертей. Готовность разделить крестные страдания Христа героями его пасхальных произведений в какой-то степени делают рассказы Свенцицкого провиденциальными, т.к. поколению ровесников века пришлось в полной мере принять на себя подвиг исповедничества, несения креста в эпоху противоборства большевистского режима с Православием.

Рассказы В. Свенцицкого интересны и в ином аспекте: пасхальная тема взаимосвязи смерти и воскрешения в их детском восприятии появится позже в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» [3], в автобиографической повести и К. Лукашевича «Моё милое детство» [12], в романе И. Шмелёва «Лето Господне» [19].

Литература

1. *Алексеева Л. Ф.* Повесть Валентина Свенцицкого «Антихрист» (1908) в контексте литературного процесса / Л. Ф. Алексеева // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 84. – С.69–73.
2. *Бесогонова С. А.* Рецепция поэмы Ф.М. Достоевского «Великий инквизитор» в повестях А. А. Золотарева и В. П. Свенцицкого / С. А. Бесогонова // Филологические чтения : материалы конференции. Ярославль, 2018. – С. 313–317.
3. *Бунин И.* Жизнь Арсеньева // И. Бунин. Собр. соч.: в 6-ти томах. – М., 1988. Т.5.
4. *Гофман Э.* Щелкунчик и Мышиный король / Э. Гофман. – М., 2019. – 64 с.
5. *Душечкина Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. – СПб.,1995. – 258 с.
6. *Есаулов И.* Новое понимание классики. Иван Есаулов о пасхальности русской литературы / И. Есаулов // ItBOOK. – URL: https://itbook-project.ru/novoe-ponimanie-klassiki.-ivan-esaulov-o-pasxalnosti-russkoj-literaturyi.html (дата обращения: 04.07.2020).
7. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М., 2014. – 514 с.
8. *Есаулов И. А.* Пасхальный архетип в поэтике Ф.М. Достоевского / И. А. Есаулов // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. – Петрозаводск, 1998. – С. 354–360.
9. *Закуренко А.* Проблема погружения во зло. Проза исповедника о. Валентина Свенцицкого / А. Закуренко // Возвращение к смыслам. Старые и новые образы в культуре: опыт глубинного прочтения. – М., 2014. – С. 190–196.
10. *Захаров В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы / В. Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. – 1994. – №3. – С. 249-261.
11. *Козина Т. Н.* Эволюция пасхального архетипа: монография / Т. Н. Козина. – Тамбов, 2019. – 80 с.

12. *Лукашевич К.* Мое милое детство (Из воспоминаний) / К. Лукашевич // Пасха в детстве : Рассказы и воспоминания : [сост. Т.В. Стрыгина]. – М., 2016. – С. 67-130.

13. *Моторина А. А.* Русская художественная проза XX – начала XXI века : изображение духовного состояния человека в кризисную эпоху : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. А. Моторина . – М., 2018. – 26 с.

14. *Свенцицкий В.* Антихрист. Записки странного человека / В. Свенцицкий // Собрание сочинений. – М., 2008. – Т. 1. – С. 58–225.

15. *Свенцицкий В.* Из дневника «странного человека» / В. Свенцицкий // Собрание сочинений. – М., 2008. – Т. 1. – С. 520–525.

16. *Свенцицкий В.* Христос в детской / В. Свенцицкий // Собрание сочинений. – М., 2008. – Т. 1. – С. 554–561.

17. Священномученик Петр (Зверев), архиепископ Воронежский. Житие. – URL: https://azbyka.ru/days/sv-petr-zverev-voronezhskij (дата обращения: 04.07.2020).

18. *Харитонова А. В.* Тление vs Воскресение. Картина Г. Гольбейна в художественном мире романа Ф. М. Достоевского «Идиот» и тема смерти в романе В. П. Свенцицкого «Антихрист» / А. В. Харитонова // Stephanos. – 2016. – № 1 (15). – С. 134–139.

19. *Шмелев И.* С. Лето Господне : Повесть / И. С. Шмелев. – М., 2001. – 446 с.

Д.Н. Гальцова
Воронежский государственный университет.
Научный руководитель – проф. В.И. Дьякова

Описание говора села Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области

В рамках диалектологической практики, проходившей в июле 2019 года, было проведено исследование говора села Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области. Данное село расположено на левом берегу Дона, возникло около 1710 г. на месте Калитвенской заставы Острогожского полка [1; с. 82].

В статье рассматриваются фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности изучаемого говора, проводится их систематизация. Материалом исследования являются тексты, записанные на диктофон во время спровоцированных и неспровоцированных бесед с коренными жителями Гороховки. Диалектоносители являются представителями традиционного говора. Возрастной охват составляет от 55 до 90 лет.

В результате исследования нами выявлено, что для говора села Гороховка ***в фонетической системе*** характерны следующие явления.

I. Вокализм

1. Пятифонемная система ударного вокализма: <а> – *даjа′ркъ*; <у> – *у вајну′*; <и> – *пашл′и′*; <о> – *рабо′тъја*; <э> – *д′е′лът′*. Закрытые фонемы отсутствуют.

2. Переход [а] в [е] между мягкими согласными не выявлен: *ап′а′т′, гр′а′с′*.

3. Наблюдается отсутствие перехода [е] в [о] после мягких согласных в окончаниях глаголов и местоимений: *//ты, гъвар′и′т′, ид′и′ зъ гуло′м*

wста'н', ты ско'л'к'а рас ***пъдайд'е'ш*** *и хл'е'бушкъ* ***нъб'ир'е'ш***//; // ***juje'*** *мат' л'уб'и'лъ γато'в'ит'//.*

4. В говоре села Гороховка распространено фонетико-морфологическое явление, характерное для глаголов с корнями -кот-, -сод-, -дор-, -плот-: *ко'т'ьш, пасо'д'ьш, до'р'ьт'.*

5. В сфере безударного вокализма после твёрдых согласных исследуемому говору свойственно недиссимилятивное аканье: *п**а**кла'л, п**а**сва'тъл'ис'а, бър**а**на', адн**а**р'а't, ув**а**з'и'л'и, нъ п'ьр'ьд**а**ву'ју, с М**а**сквы'.* Однако элементы диссимилятивного аканья сохраняются у представителя архаичного слоя говора (женщина 1929 г.р., уроженка Гороховки): *мълъка', вълна', съма', бръса'јут'.*

6. В области безударного вокализма после мягких согласных для говора села Гороховка характерен диссимилятивный тип яканья, однако можно отметить тенденцию к разрушению: *д'**и**ва't', з'**и**рна', п'**а**кл'и', н'**а**су', γ д'в'**и**р'а'м, гл'**а**д'и'.* Подтип яканья можно определить как суджанский с тенденцией к разрушению: *нъ з'**и**мл'е', пръв'**и**д'о'нъ, Д'ьр'**а**зо'ўкъ, п'**а**шко'м.*

II. Консонантизм

1. Звонкая заднеязычная фонема <г> реализуется во фрикативном звуке [γ]: *γо'лът, нъγл'ада'ја, у γаду', γаро'хъўкъ, д'е'н'γ'и, γаро'т.* В слабой позиции звук [γ] чередуется с [х]: *с'н'ех, друх, крух, нох.* Кроме того, наблюдается замена [γ] фрикативного звуком [и] в слове *где*: ***//ид'е'*** *тр'и,* ***ид'е'*** *два, так и жы'л'и//.* Вследствие утраты [γ] фрикативного происходит упрощение группы согласных: *//шо пръ* ***тада'*** *wспам'ина'т'//.*

2. В позиции перед гласными присутствует [в] губно-зубной: *вајна', тра'вы, хваро'бъ, нъ св'ина'рк'ь.* В позиции перед глухими и звонкими согласными отмечается [w] губно-губной: *у Па'wлъwск, о'wцы, wдвајо'м, wну'ч'к'а, вал'цо'wкъ, марко'wкъ, духо'wкъ.* Результатом функционирования [w] губно-губного является форма *тэ'так*, образованная из сочетания «вот этак», в котором сначала утратился [w] губно-губной (*ут э'так*), а затем начальный гласный: *//и э'нт'им пъ ч'иты'р'ь ты'с'ьч'и пло'т'ут', а мн'е* ***тэ'тък, тэ'тък-тъ*** *н'и то'л'к'а мн'е, а ус'е'м нам, γаро'хъўцъм//.* На месте звука [ф] в говоре произносится [хв] в большинстве случаев: *у т'ихву', т'ъл'ихво'н, канхв'е'т.*

3. Присутствуют [л] и [л'] веляризованные: *л'у'б'ис̄'ь, пр'ицап'и'лс'и, аста'л'ис'а.*

4. Наблюдается различение аффрикат: *ч'ьч'ав'и'цъ, но'ч', цы'γън, цъла-ва't'.*

5. Шипящие [ж] и [ш] твёрдые: *д'ар'у'шк'и, жат', д'у'жъ.* Наблюдается отвердение мягкого шипящего: *ишо', же'нтыны, ръсч'ита'л'и, тава'р'ищ .*

Из позиционных изменений интерес представляют такие явления, как прогрессивная ассимиляция заднеязычных (*стро'јк'а, ч'а'п'ъл'к'у, крыл'е'ч'к'у*), утрата гласного [о] в начале слова (*γаро't*), межслоговая диссимиляция по лабиализации (*акро'п*), отвердение губных согласных *(с'ем, ма'мынъ)*, развитие j в глаголах (*рас't'је, с'ид'је't'*), произношение [ш] на месте [шт] *(шо)*.

Акцентологические явления в исследуемом говоре разнообразны. В сочетаниях существительного с предлогом наблюдается тенденция к переносу ударения на предлог: *на′ в′ьсну, за′ л′ътъ, на′ пъл′ьх, по′ лъгу.* В глаголах прошедшего времени наблюдается тенденция к переносу ударения к началу слова: *спа′лъ, рва′лъ, назва′лъ, к′и′дъл′и.* Подобная тенденция касается некоторых существительных (*ко′зу-тъ, с′е′м′ju**)*** и невозвратных глаголов (*пр′и′д′ьцъ, и′д′ьш).* Ударение ставится на последний слог в следующих словах: *бърана′, жыта′, туч′а′, хъладно′.* В данном случае можно говорить о лексикализации, так как охватываются определённые слова.

На морфологическом уровне говора села Гороховка выявлены следующие диалектные явления.

I. Имя существительное

1. Утрата среднего рода и замена его женским: *//**на′шу д′е′цтву** wспам′ина′т′ н′е′ч′ьвъ, о′ч′ьн′ **т′ижо′лъjь была′**//; //**wс′а т′е′лъ** у м′ин′е′ **ч′о′рнъjь была′**//.*

2. Сближение 3-го склонения с 1-ым склонением, которое проявляется в трансформации именительного падежа: *//н′ира′дъснъjь маjа′ **жы′з′н′а** была′//,* а также в употреблении флексии -е в предложном падеже: *//**на** э′тъj **п′ич′е′** и спа′т′ мо′жнъ//.*

3. Окончание -ы в им. п. мн. ч. у существительных среднего рода: *jа′jцы, р′ишо′ты.*

4. Окончание -ы в им. п. мн. ч. у существительных с суффиксом -ат-(-ят-): *//а мы, **пъцан′а′ты**, лажы′мс′и там//; //шо у′тръм jел, н′и по′мн′ьш, э′тъ ш так, **д′аўч′а′ты**//.*

5. Окончание -а в им. п. мн. ч. у существительных женского рода: *мът′ир′а′.*

II. Местоимение

1. Личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч. и возвратное местоимение *себя* в род. и вин. п. имеют окончание -е, характерное для южнорусского наречия: *//пр′ишл′и′, пъсва′тъл′ис′а **зъ м′ин′е′**, и то′къ ч′е′р′ьс м′е′с′ьц сва′д′бу иgра′т′//; //ид′и′ жыв′и′, **т′иб′е′** н′ихто′ н′и вы′gън′а//.*

2. В дат. п. данные местоимения сохраняют древние формы -тоб-, -соб-: *//хат′о′нку ста′л′и **саб′е′** д′е′лът′ //; //зап′и′сывъj, шо мы **таб′е′** ту′тъ gъвар′и′м//.*

3. Наблюдается сохранение интервокального [γ]: *jаγо′, каγо′, н′ич′аγо′.*

4. Сохраняются формы личных местоимений без начального *н*: *//а доч′ то′ жъ са′мъjь, паjе′хълъ ана′ **к jаму′**//.*

III. Глагол

1. Употребление [т′] на конце глаголов 3 л. ед. и мн. ч. I и II спряжения: *//jаγо′ н′ет, нъ jаγо′ бума′γ′и **и′дут′** на м′о′ртвъвъ//.*

2. Отсутствие конечного согласного в окончаниях глаголов 3 л. ед. ч. I и II спряжения: *//вajна′ дъ харо′шъгъ **н′ь даво′д′а**//; //ха′ту пръдава′т′ **бу′д′а**, **мо′жа**, кто и **ваз′м′е′**//.*

3. Особенности употребления возвратных глаголов с постфиксами -ся и -си: а) употребление постфикса -ся после гласного: *//што праду′ктъў нъgато′wл′у, ан′и′ **п′ита′л′ис′а**//;* б) наличие постфикса -си после соглас-

ного: *//ну и он ту'тъ* ***абра'дъвълс'и****, шо кварт'и'ръ сваjа', рабо'тъjа,* ***жан'и'лс'и*** *и там жыв'е'т'//.*

4. Наличие так называемого общего спряжения: *хо'д'ут', л'у'б'ут'.*

5. Удвоение суффикса инфинитива: *вы'jт'ит'.*

6. Глагольные формы. У страдательных причастий наравне с суффиксом -н- зафиксировано использование суффикса -т-: *//и ан'и' там адб'е'л'ивъл'ис'а, це'лыj д'ен' л'ажа'т', в'ес' б'е'р'ьх* ***усла'тыj****//.*

На синтаксическом уровне можно выделить следующие диалектные особенности:

1. Повторение предлогов при определении и при определяемом слове: *//****у ха'т'ъ у бал'шо'j*** *сва'д'бу иγра'л'и//.*

2. Диалектные особенности употребления предлогов: а) употребление предлога *за* для обозначения объекта речи: *//адна' п'и'шът'* ***зъ свайу' ха'ту****//; б)* употребление предлога *через* в значении *из-за*: *//м'ин'е' н'ь дава'л'и* ***ч'е'р'ьс jиjе'*** *je'c'm'//;* в) употребление предлога *против* в значении *в отличие*: *//ан'и' харо'шуjу п'е'н'с'иjу пълуч'а'jут'* ***про'т'ьў нас****//.*

3. Наличие предложного управления в соответствии с литературным беспредложным: *//ты ста'ршъ на два γо'дъ* ***ат м'ин'е'****, раска'зывъj//.*

4. Использование полных страдательных причастий в функции сказуемого: *//γру'пкъ у на'с* ***сло'жънъjь****//; //у на'с ба'бушкъ* ***пр'ив'из'о'нъjь*** *с Влад'и'м'ирскъj о'блъст'и//.*

5. Использование частицы *дак (дык)*: *//та'мъ wc'e je'дут' с су'мкъм'и,* ***дык*** *шо, м'ин'е' з γо'лым'и рука'м'и далжны' пр'ина'т'?//; //****дык*** *ны'нч'ь но'ч'ij напра'в'ил'и, нав'е'рнъ//.*

В результате сбора ***лексики*** в говоре села Гороховка выявлены следующие тематические группы лексических диалектизмов.

ТГ 1. Жилые помещения и их части

Се'нцы – входная часть традиционного русского дома: *//jа* ***у с'е'нцы*** *да'жъ н'ь зашла'//.*

Ха'та – дом: //**ха'тъ** была' така'jь ма'л'ьн'к'ьjь//.

ТГ 2. Дворовые постройки

Варо'к – загон для скота: *//****варо'к*** *– э'тъ сара'j аткры'тыj дл'а каро'в'и//.* **Время'нка** – постройка для временного проживания: *//ма'мъ у м'ин'е' дъжыва'лъ* ***у вр'им'а'нк'ъ*** *вон та'мъ у двар'е'//.* **Заку'тка** – сарай: *//****заку'тк'и*** *по' двъру стаjа'л'и, скат'и'нъ у н'и'х жыла'//.* **Ко'панка** – колодец за огородом для полива: *//там* ***ко'пънк'и*** *бы'л'и за γаро'дъм, бал'шы'jь къл'ъд'из'а' ры'л', из э'т'их* ***ко'пънък*** *и пъл'ива'л'и//.* **Сама'нка** – сарай, построенный из саманных кирпичей (сделаны из глины и соломы): *//тут жы'л'и* ***у сама'нк'ъ***, ***сама'нкъ*** *- э'тъ сара'j сама'йы//.* **Свину'шник** – сарай для поросят: *//дл'а пърас'а'т сара'j* ***св'ину'шн'икъм*** *зва'л'и//.*

ТГ 3. Домашняя утварь. Предметы быта.

Велёк – валек для выколачивания белья при стирке: *//ст'ира'л'и ч'ем,* ***в'ил'о'к*** *нъзыва'jьцъ//.* **Дерю'жка** – подстилка, сотканная из грубой пряжи, иногда использовалась как одеяло: *//****д'ар'у'шк'и*** *пр'а'л'и, патст'и'лк'и*

так'и'jь ад'ива'цъ, тада' ш ад'ja'л-тъ н'е' былъ//. **Каре'ц** – савок: *//саво'к ра'н'шъ нъзыва'лс'ь* ***кар'е'ц****//.* **Ката'лка** – скалка: *//****ката'лкъ*** *- э'тъ кру'глъjь, така'jь д'ър'ив'а'ӣъjь, раска'тывъjут' т'е'стъ jej//.* **Ка'чка** – колыбель: *//ну р'ибо'нък сп'ит'* ***у ка'ч'к'ъ****, мата'щъ ана' път пъталко'м//.* **Набо'жник** – полотенце на иконе: *//****набо'жн'ик*** *– э'тъ пълат'е'нцъ нъ ико'н'ь у кра'снъм ууалк'е'//.* **Оби'вка** – настенный ковёр: *//****аб'и'wк'и*** *бы'л'и, э'тъ т'ип'е'р'ьшн'ij ко'вр'ик, кавры' нъд крава'т'jу в'е'шъjут', а ра'н'шъ из ра'зных куско'ў шы'лъс'а, нъзыва'лъс'* ***аб'и'wкъ****//.* **Подзо'р** – кружево на простыне, которое спускалось ниже покрывала: *//****падзо'ръм*** *ун'азу' зъкрыва'лъс', раст'а'ɣ'ивълъс', штоб украша'лъс' крава'т'//.* **Рога'ч** – приспособление, с помощью которого вынимают чугуны из печи: *//****ръɣач'и'*** *бы'л'и ус'а'к'иjа,* ***ръɣач'и'*** *и ма'л'ьн'к'ijь, и бал'шы'jь, пат wc'e' ч'ууны'//.* **Рушни'к** – полотенце: *//****рушн'ик'и'*** *ма'мъ тка'лъ, э'т пълат'е'нцъ//.* **Толка'ч** – пест: *//вот э'т'и жо'луд'и съб'ира'л'и, пат-су'шывъл'и у п'ич'е', талкл'и' у сту'пъх,* ***тълкач'о'м*** *талкл'и'//.* **Ча'пля** – приспособление для вынимания сковороды из печи: *//****ч'а'пл'у*** *уз'ала' и даста'лъ скъваро'тку, паста'в'илъ//.* **Чува'л** – мешок: *//э'тъ скърада',* ***ч'ува'лъм'и*** *мы jиje' рва'л'и//.*

ТГ 4. Названия посуды

Гле'чик – кувшин: *//кuwшы'н* ***ɣл'е'ч'ик*** *нъзыва'лс'и, у н'ом мълако бы'лъ//.* **Дежа'** – посуда для замешивания теста: *//д'ър'ив'а'ӣъjь така'jь вот, у н'е'j зам'е'шывъл'и т'е'стъ, нъзыва'лъс'а* ***д'ижа'****//.* **Лото'к** – посуда, на которой мяли тесто; деревянное корыто: *//****лато'к*** *– э'тъ у ч'о'м стънав'и'л'и, т'е'стъ м'ас'и'л'и, кла'л'и* ***нъ лато'к****//.* **Маки'тра** – горшок: *//****мак'и'тръ*** *– э'тъ как ɣл'е'ч'ик, то'л'к'а тако'j то'лст'ьн'к'ij//.* **Напо'л** – кадушка: *//и вот мы ауурцы' сал'и'т',* ***напо'л*** *тада' был,* ***у напо'л'ь*** *со'л'им, э'тъ зна'ч'ит' у каду'шкъх//.*

ТГ 5. Лексика питания

Блинцы' – тонкие блины: *//бл'ины' – э'тъ к'и'слыjь, а* ***бл'инцы'*** *то'нк'ijь//.* **Бура'к** – свёкла: *//ты'кву па'р'ил'и,* ***бурак'и'*** *па'р'ил'и са'хърнъjь//.* **Галу'шки** – отваренные кусочки теста: *//ма'мъ у м'ин'е' wc'o* ***ɣалу'шк'и*** *д'е'лълъ, вада' к'ип'и'т', а ты так рв'е'ш и к'ида'jьш э'ту т'е'стъ//.* **За'тирка** – каша из тёртой муки: *//****за'т'иркъ*** *- ан'и' м'иша'л'и нъ вад'е', нъч'ина'jут' нът'ира'т' jиje', а пато'м вада' зък'ипа'jа, пр'иса'л'ивъjут' jиje' и их туда' к'ида'jут'//.* **Квас** – окрошка: *//****квас*** *зд'е'лъл'и, э'тъ как ш'ас акро'шкъ//.* **Обма'чка** – ряженка: *//то к'ихв'и'р вот, а э'тъ р'а'жънкъ, па-на'шъму па-ру'скъму –* ***абма'ч'к'а****//.* **Пампу'шка** – мучное изделие без начинки небольшого размера: *//****пампу'шк'и*** *- э'тъ п'ирашк'и' б'ъз нач'и'нк'и, т'е'стъ про'стъ д'е'лjьцъ//.* **Подо'вый хлеп** – хлеб, испечённый в русской печи: *//и на лапа'тку и пр'ам на по'т,* ***падо'вый хл'еб*** *был//.* **Рва'нцы** – отваренные кусочки теста: *//****рва'нцы*** *как ɣалу'шк'и, атрыва'jьш и туда у вад'и'ч'к'у, а пато'м с са'лъм п'ър'ижа'р'ьш//.* **Сливу'ха** – жидкая пшённая каша с добавлением картофеля: *//вар'и'л'и ка'шу* ***сл'иву'ху****, карто'шк'и ч'и'ст'иш, р'е'жыш, пато'м зъсыпа'jьш пшано' и во'р'иш//.*

ТГ 6. Лексика, связанная с отоплением

Гру′бка – небольшая печка с топкой, отдельной от русской печи: *//п′еч′ сама′ сабо′j, а* ***гру′пкъ*** *сама′ сабо′j, п′еч′ рас прато′п′ут′ у′тръм, а* ***гру′пку*** *два ра′зъ тап′и′л′и//.* **Загне′тка** – место в русской печи, куда ставились чугуны до отправки в печь: *//п′е′ч′к′у к′ирп′и′ч′ъкъм′и выклада′л′и, штоб ч′ууно′к стаја′л* ***нъ заүн′е′тк′ъ****//.* **Засло′нка** – дверка в русской печи: *//у п′ич′е′, шо б н′и жа′ркъ бы′лъ д′у′жъ,* ***засло′нкъj*** *закро′јьш, и он п′о′кс′ь//.* **Кружа′лки** – круглые отверстия в небольшой печи: *//гру′пкъ, у н′е′j была′ духо′wкъ жыл′е′знъјь, пав′е′рх ишо′ кал′о′с′ик′и, как ды′рк′и, адна′ ма′л′ьн′к′ьјь, друγа′јь бо′л′шъ, ну* ***кружа′лк′и****, и э′тъ wс′о у гру′пк′ь//.* **Кызя′к** – высушенный навоз, используемый в качестве топлива: *//дро′ў жъ н′е′ былъ,* ***кыз′ак′и′*** *бы′л′и, каро′в′ij наво′с с сало′мъj//.* **Лежа′нка** – место в русской печи, где можно спать: *//ја л′ажу′* ***нъ л′ижа′нк′ъ****, хърашо′, т′о′плъ, а тут м′ин′е′ сва′тът′ захо′д′ут′//.* **Под** – нижняя часть русской печи, выложенная кирпичом: *//са′мыj н′и′жн′ij у п′ич′е′ был* ***пот****//.* **Разгарни′ть** – разгрести жар: *//ч′ууунк′и′ пъ краја′м паста′в′иш, жаро′к э′тът* ***ръзγарн′и′ш****, ста′в′иш кuwшы′н мълака′ тап′и′т′//.* **Разгарта′ть** – разгрести жар: *//****разγа′ртывъл′и*** *пато′м э′тът жар, пато′п′ут′//.* **Сво′ды** – часть русской печи, сделанная дугой: *//****сво′ды****, ан′и′ так′и′јь пълукру′гъм, павы′шъ заүн′е′тк′и//.* **Ю′шка** – часть русской печи, задвижка, предназначенная для выхода дыма из печи: *//****ју′шкъ****, ид′е′ дым и′д′а, и зава′жывъјуцъ кры′шкъj тэ′тькъj//.*

ТГ 7. Названия частей прялки

Ви′лка – часть прялки, на которую помещается кудель: *//****на в′и′лку*** *во′лнъ уклада′лъс′а//.* **До′нце** – место в прялке, куда вставляется раздвоенная часть (вилка или рогачик): *//****у до′нцъ*** *раγа′ч′ик утыка′л′и, а нъ јаγо′ во′лну//.* **Пря′ха** – прялка: *//д′ед зд′е′лъл* ***пр′а′ху****, и вот с′ид′и′ш на јеj пр′ид′е′ш//.* **Рога′чик** – часть прялки, на которую помещается кудель: *//была′ па′лкъ, а пато′м* ***раγа′ч′ик****, с′уда′ лажы′л′и во′лну//.* **Ска′лка** – деталь прялки, на которую наматывались нитки: *//да но′ч′и пъс′ижу′ и* ***ска′лку*** *пач′т′и′ нъпр′аду′//.*

ТГ 8. Лексика ткацкого производства

Бёрда – деталь ткацкого стана, в которую вставляют нити основы: *//бы′лъ тако′јь пр′испъсабл′е′н′ијь,* ***б′о′рды*** *нъзыва′л′и, а пато′м ка′к-тъ н′и′тк′и у н′и′х уд′ива′л′и//.* **Бу′чить** – вымачивать: *//така′јь как мат′е′р′ијь, пато′м* ***бу′ч′ил′и*** *у бо′ч′к′ь ид′е′j-тъ ка′к-тъ ч′аво′j-тъ, зало′j зъсыпа′л′и св′е′рху, к′и′слъ та′мъ, штоб б′е′л′ьн′къјь была′//.* **Де′рганец** – мужская особь конопли: *//д′о′рγъл′и, када′ къналп′у′ с′е′јьл′и,* ***д′е′рγън′ьц*** *јес′т′ и ка′к-тъ ишо′ ад′и′н нъзыва′лс′ъ//.* **Мя′льце** – приспособление для разминания высохших стеблей конопли: *//бы′л′и сп′ица′л′ныjь* ***м′а′л′цъ****, стано′к от, а к јаму′ но′шк′и, нъ ч′ътв′ирых но′шкъх, а св′е′рху пр′ид′е′лънъ па′лкъ, вот тут вы′јьмкъ, хлоп-хлоп јаγо′, и он мн′е′цъ//.* **Набе′лки** – деталь ткацкого стана, предназначенная для прибивания нитей: *//****наб′е′л′к′и*** *– э′тъ ч′ем н′и′тк′и пр′иб′ива′јут′//.* **Поно′шки** – деталь ткацкого стана; подножки: *//а уту′т пъд наγа′м′и – э′тъ* ***пано′шк′и****//.*

При′шва – деталь ткацкого стана: *//**пр′и′швъ** была′, накру′ч′ивъјьш асно′ву, н′и′тк′и дл′и′ньјь//.* **Уто′к** – деталь челнока: *//а на ч′о′лнък′ь **уто′к** нъзыва′јьцъ//.* **Чёлнок** – деталь ткацкого стана, предназначенная для прокладывания нити между нитями основы: *//**ч′о′лнък** у стану′ туда′-суда′ хо′д′а//.*

ТГ 9. Названия одежды

Вышива′нка – вышитая рубаха: *//вы′шытъјь руба′шк′и бы′л′и, **вышива′нк′и** зва′л′и, рукава′ са′м′и, съматка′ньјь//.* **Га′чень** – пояс: *//**га′ч′ън′** шы′лс′ъ из ра′зных куско′ў тка′н′и, јим падв′а′зывъл′и ју′пку ил′и муш′и′ны зав′а′зывъл′и руба′ху//.* Одёжа – одежда: *//у м′ин′е′ была′ **ад′о′жъ** wс′а из Луга′нскъ//.* **Понёва** – шерстяная юбка замужних женщин: *//**пан′о′въ** была′ у ста′рых уже′ л′уд′е′ј, ју′пкъ така′јь//.* **Поддёва** – исподняя рубаха: *//**пад′о′вы** – э′тъ пад в′е′рхн′ују ад′о′жу шы′л′ис′ так′и′јь руба′х′и, **пад′о′вы**, как пато′м къмб′ина′цыы пашл′и′, а ра′н′шъ **пад′о′вы** бы′л′и//.* **Телогре′йка** – тёплая кофта: *//**у т′ълагр′е′јк′ъх** хад′и′л′и, э′тъ ко′wты так′и′јь д′у′жъ т′о′плијь//.* **Халя'ва** – голенище сапога: *//гъл′ин′и′шъ у съпага′ **хал′а′въ** нъзыва′јьцъ//.* **Хухва′йка** – вид верхней тёплой стёганой одежды; ватник: *//л′у′д′и рабо′тъјут′, **хухва′јк′а** нъзыва′јьцъ, ана′ ст′ига′ицъ р′атка′м′и, н′и′ткъм′и//.*

ТГ 10. Лексика, связанная с обмолотом зерна

Крути′лка – ручная мельница: *//**крут′и′лкъ** была′, мало′л′и, и мука′ сы′пълъс′а//.* **Ру′шка** – ручная мельница: *//а ру′шыл′и ра′н′шъ **ру′шкъј**//.* **Ру′шить** – молоть зерно на ручной мельнице: *//бы′л′и ка′мн′и, а св′е′рху ишо′ ка′м′ьн′, вот так там ру′ч′к′а была′, ка′к-тъ суда′ зъсыпа′л′и, так **ру′шыл′и**//.* **Цеп** – ручное орудие для молотьбы: *//па′лъч′к′а ишо′ была′, мълат′и′л′и јеј, **цеп** нъзыва′лъс′а//.*

ТГ 11. Названия трав

Беленцы′ – листья просвирника: *//кала′ч′ик′и, как ја саб′е′ уже′ по′мн′у, л′и′с′т′ик′и у н′и′х – э′тъ бы′л′и **б′ъл′инцы′** у на′с//.* **Белоголо′вник** – тысячелистник: *//**б′ълъгало′wн′ик** был, так тада′ тыс′ьч′ил′и′с′н′ик зва′л′и//.* **Бугайки′** – плоды ольхи (?): *//**бугајк′и′** – шы′шк′и у р′е′ч′к′ь бы′л′и, ан′и′ нъб′ару′т′ их у ло′тку, и мы жа′р′ил′и и так је′л′и//.* **Кала′чики** – просвирник: *//**кала′ч′ик′и** – э′тъ н′и′скъј куст раст′е′т′, и л′и′с′т′ик′ил′и′с′т′ик′и, а там ма′л′ьн′к′ијь-ма′л′ьн′к′ијь с′е′м′ьнк′и//.* **Куга′** – растение Arundo Phragmites L., сем. осоковых; вид камыша: *//**кугa′** на р′е′ч′к′ь расла′, је′л′и јује′ у го′лът//.* **Купы′рь** – растение Angelicasilvestris L.; дудник лесной: *//го′лъд был, как′и′j-тъ **купыр′и′** нъ лугу′ је′л′и//.* **Кую′тки** – корни растения (какого?): *//у го′лът ч′аго′ то′къ н′и је′л′и, **кују′тк′и** је′л′и – э′тъ ма′л′ьн′к′иј и так′и′ји, выка′пывъл′и јих//.* **Муче′нька** – корни куги: *//сла′ткъјь-сла′ткъјь **муч′е′н′к′а**, э′тъ кър′ишк′и′ ат куу′и′, ана′ така′јь как мука′, јеш, абма′жъшс′ь//.* **Огу′рчики** – плоды водяной лилии: *//л′и′л′ии на о′з′ър′ь, у н′и′х **ауу′рч′ик′и** так′и′ја вот, эт мы так нъзыва′л′и//.* **Пампу′шки** – семена просвирника: *//а са′м′и с′е′м′ьнк′и кала′ч′ькъвъјь – э′тъ бы′л′и **пампу′шк′и**//.* **Чёбор** – чабрец: *//кума, ја таб′е′*

wc'o зъбыва'jу ***ч'о'бър*** *пр'ив'е'с'т'//.* **Шку'рочник** – название травы (какой?): *//жо'луд'и је'л'и, кал'у'ку је'л'и,* ***шку'ръч'н'ик*** *је'л'и талкл'и'//.*

Кроме того, среди лексических особенностей необходимо отметить лексему *нетути*, характерную для изучаемого говора: *//ну у на'с д'е'н'ьх* ***н'е'тут'и****//.*

Интересным представляется употребление слова *сладко*. Очевидно, что в выражении *сладко было* оно имеет значение 'хорошо'. Однако интонация говорящего и контекст указывают на иронию: речь идёт о трудной жизни, тяжёлой работе: *//у'тръм пъдыма'ūс'а и ап'ат' с э'т'им'и ш л'уд'м'и' и'д'ьш на' пъл'ь на' д'ьн'.* ***Сла'ткъ бы'лъ****//; //ап'а'т' ч'и'с'т'ит', ап'а'т' γруз'и'т', ап'а'т' wc'o.* ***Сла'ткъ бы'лъ****//.*

Приведённый материал свидетельствует о том, что самые многочисленные тематические группы *(«Названия предметов быта», «Лексика, связанная с отоплением»)* тесно связаны с традиционным крестьянским бытом. Несмотря на социальные изменения, диалектная бытовая лексика говора исследуемого села находится в достаточной сохранности. Возможно, это связано с тем, что ещё не совсем исчезли бытовые реалии, передающиеся диалектными словами.

В говоре сохранилось большое количество диалектных *названий трав* (преимущественно съедобных). Вероятно, это связано с тем, что в голодное время, которое пережили практически все диалектоносители, травы были основной пищей.

Большое количество лексем в тематической группе *«Лексика питания»* можно объяснить тем, что в этих лексических группах в настоящее время происходят существенные изменения, информанты старшего поколения осознают разницу в наборе продуктов и приготовлении блюд тогда и сейчас, стараются отметить эту разницу.

В результате исследования можно сделать вывод, что говор села Гороховка Верхнемамонского района Воронежской области относится к Восточной (Рязанской) группе говоров южнорусского наречия. Согласно классификации типов говоров Воронежской области, предложенной А.Д. Черенковой, говор с. Гороховка относится к восточным талагайским говорам. На фонетическом уровне это подтверждают следующие языковые черты: недиссимилятивное аканье, отсутствие перехода [е] в [о] в глагольных формах, долгие и твёрдые звуки [ж], [ш]; на уровне морфологии – сохранение интервокального [γ] в формах местоимений, отсутствие конечного согласного в окончаниях глаголов 3-го л. ед. ч., а также употребление [т'] на конце глаголов в 3-ем лице; на уровне лексики – использование лексемы *дежа* [2, 152-153]. Собранный нами материал свидетельствует о достаточной сохранности исследуемого говора на всех уровнях языка.

Литература

1. *Прохоров В.А.* Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь / В.А. Прохоров. – Воронеж: Центрально-Чернозем. кн. изд-во, 1973.

2. *Черенкова А.Д.* Русская диалектология / А.Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2014.

Л.М. Бустос Санчес
ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» (Россия, г. Москва).
Научный руководитель – ст. преподаватель Е Г. Федулова

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОДСТИЛЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

На сегодняшний день научному стилю, наряду с официально-деловым, отводят важное место в процессе обучения не только носителей языка, но и иностранных обучающихся. В первую очередь, он должен решать практические задачи, которые должны быть связаны с учебно-профессиональной деятельностью будущих специалистов. Не менее важной является эффективная коммуникация, которая становится таковой лишь при условии соответствия ситуации общения. Обучающиеся должны адекватно и полно демонстрировать свои умения и навыки, языковые и речевые, в ситуациях учебно-научного и учебно-профессионального контакта.

Однако в каждом вузе существует определенная направленность изучения научного стиля, которая обусловлена, несомненно, теми предметами и дисциплинами, на которые ориентировано обучение в нем. В военно-учебных заведениях России научный стиль изучается в рамках военно-научного подстиля, который характерен для всй научной литературы данного рода специальностей.

Необходимость выделения военной составляющей в системе функциональных стилей отмечали Г.М. Стрелковский и Н.К. Гарбовский, подчеркивая, что такие подстили, как официально-деловой военный, военно-публицистический, военно-научный, военно-художественный имеют вполне сформировавшуюся структуру. Н.К. Горбовский отмечает: «Объективно существуют военно-административные тексты (тексты уставов, наставлений, приказов, донесений и т.д.) как разновидность официально-деловой речи, военно-публицистические тексты (тексты листовок, призывов, воззваний, обращений, очерков и статей) как разновидность публицистической речи, военно-научные тексты (тексты монографий, научных статей, учебников и учебных пособий по военному делу) как разновидность научной речи и, наконец, тексты военных мемуаров как разновидность художественной речи» [1, 41–42]. Следовательно, вполне очевидно, что «фактом языка признаются рече-языковые произведения военной науки, военного законодательства и делопроизводства, военной публицистики, художественной литературы по военной тематике, а также акты устной коммуникации военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных сил или лиц, связанных с деятельностью Вооруженных сил» [2, 4].

Несомненно, навыки работы с научным стилем будут использоваться слушателями и после окончания академии, ведь он учит логике построения мысли, высказывания, различного рода текстов, структурирует любую деятельность и формирует способность работать с большими и малыми объемами информации, отбирать ее в соответствии с заданными целями и задачами.

Особенно данная работа будет полезна слушателям-носителям индоевропейских языков, имеющих общую систему в области построения устного и письменного текста, схожий грамматический принцип языка – англо-, испано- и франкоговорящим, хотя на данный момент существует и категория обучающихся, которые не только не являются носителями индоевропейского языка как государственного при наличии национального, но владеют лишь языком, принадлежащим только одному народу.

Очевидно, что процесс научения владению научным стилем речи предполагает теоретическую и практическую стороны. Однако в действительности зачастую теория не находит воплощения в практике. Каковы же причины этого? Одна их важнейших – разнонациональные учебные группы на первом курсе обучения, в которых присутствуют представители разных языковых групп: индоевропейской (испанский, португальский, французский языки), аустроазиатской (вьтнамский язык), алтайской (монгольский язык). При этом следует отметить, что слушатели, говорящие на индоевропейских языках, не являются их прямыми носителями и не в полной мере владеют системой функциональных стилей.

Действительно, научный стиль и его военно-научный подстиль формировался в течение довольно длительного временного периода.

Следует отметить важную особенность научного стиля речи. Обладая общими признаками литературного языка, он, тем не менее, в рамках военно-научной сферы приобретает специфические особенности лексики, грамматики и стилистики. Военно-научный подстиль по своей сути уникален. Несмотря на ограниченность сферы его употребления, он включает как неизменные, постоянные структуры, так и изменяющиеся, подверженные влиянию других стилей.

Не случайно, сравнивая тексты военной тематики разных исторических периодов, можно отметить их сходство и различие.

«И пошел против нечестивого царя Бытыя, и встретили его около **границ** рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных **полков** Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же **силы** велики были и непреоборимы; один рязанец **бился** с тысячей, а два – с десятью тысячами <…>

…И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город – одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами – и взяли град Рязань месяца декабря в 21 день…» (Повесть о разорении Рязани Батыем, XIII в.) [5].

«Повесть о разорении Рязани Батыем», памятник XIII в., если и не отвечает особенностям военно-научного подстиля ни грамматически, ни композиционно, но уже содержит элементы военной лексики: граница, полки,

орудия, силы. Хотя «Повесть…» и относится к стилю художественной литературы, здесь присутствуют словосочетания, впоследствии ставшие устойчивыми: осадить город, взять город (ср.: осадить крепость; взять, захватит населенный пункт. Значит, уже в то время стали закладываться основы синкретизма военного языка как официально-делового и художественного.

Дальнейшее развитие военные тексты получили в официально-деловом стиле – указах, артикулах и пр. документах. Так, например, в «Уставе воинском о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно» в гл. 14 «О взятии городов, крепостей, добычей и пленных» (издан 25 апреля 1915 г.) читаем: «*Артикул 104. Когда* ***город или крепость штурмом взяты будут****, тогда никто да не дерзает хотя* ***вышнего или нижняго чина****, церкви, школы или иные духовные домы, шпитали, без позволения и указу грабить, или розбивать. Разве что* ***гарнизон*** *или* ***граждане*** *в оном* ***здачею*** *медлить, и великой вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно лишен будет живота*» («Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно») [7].

Несмотря на то, что текст относится к военной сфере, налицо все черты официально-делового стиля как уже сложившегося и активно функционирующего, и, в первую очередь, императивность: *никто да не дерзает, оный накажется*. В то же время в «Уставе…» прослеживаются элементы изобразительно-выразительных средств как реликт «летописности», «литературности»: *великой вред, накажется яко разбойник.*

Современный военно-научный подстиль, выросший из официально-делового стиля, несомненно, несет в себе его особенности: четкость выражения мысли (отсутствие синонимии), императивность, повторы в целях воздействия на читающего. При этом от научного стиля он взял термины и их определения, дефиниции и особое построение таких конструкций, как *что – это что*, *что является (чем)* и пр. Сложились и особые обороты речи, характерные только для военно-научного подстиля.

Изучение научного стиля речи, в частности военно-научного подстиля, сегодня является одной из основных задач обучения русскому языку иностранных военных специалистов. Действительно, от качества его освоения зависит восприятие слушателями материала специальных дисциплин.

Несмотря на длительную историю существования и формирования, в изучении научного стиля (военно-научного подстиля) существует ряд проблем, которые до сих пор не решены. Главное – отсутствие типовой учебной программы для обучения русскому языку иностранных военнослужащих. На это обращают внимание многие исследователи. Так, Л.В. Федорова подчеркивает: «В связи с создавшимся положением, когда требования типовых программ по русскому языку не могут быть выполнены из-за отсутствия теоретико-методического обеспечения данной части программы, актуализируются исследовательские (теоретические и прак-

матические) проблемы. Среди них:

- лингвистическое описание математического подстиля научной речи в его учебно-научной разновидности как фрагмента научного направления (например, теории вероятностей);

- создание интенсивной методики обучения языку математики на продвинутом этапе обучения русскому языку различных категорий обучаемых в военно-техническом вузе (курсанты, слушатели, адъюнкты) и её экспериментальной проверки» [6, 4].

В связи с вышесказанным научному стилю речи в учебном процессе уделяется большое внимание. Для этого на кафедре русского языка ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» разработана учебная программа, включающая 40 часов (из общих 102 часов), отведенных на изучение особенностей научного стиля речи, военно-научного подстиля, а также подготовлены учебные пособия и методические рекомендации.

К этому времени «слушатели должны приобрести первичные фонетические (произносительные), лексические (словарные накопления в объеме 700-900 общеупотребительных и специальных лексических единиц), грамматически знания и навыки, умение читать, писать, владеть (хотя бы пассивно) базовыми структурами книжного научного стиля», в общем, и военно-научного подстиля, в частности» [3, 2].

Следовательно, цель этого учебного комплекса – обеспечение языковой (речевой) подготовки слушателей к занятиям по специальности (тактика общевойсковых соединений и частей, военная топография и др.), научить читать, понимать содержание прочитанного и быть готовым отвечать на вопросы по изученной теме. Также впоследствии быть готовым к написанию и защите курсовых работ и магистерской диссертации.

Однако при этом остается факт наличия ошибок, допускаемых слушателями при использовании в ситуациях учебно-научного и учебно-профессионального общения научного стиля речи. Их можно объединить в следующие группы:

- лексические трудности (употребление синонимов, терминов, аббревиатур, сокращений и т.д.);

- грамматические трудности (предложно-падежные конструкции; ограниченная сочетаемость слов, характерная для военно-научного подстиля; конструкции с отглагольными существительными);

- синтаксические трудности (использование односоставных распространённых предложений; простых предложений с обособленными оборотами; употребление сложноподчинённых предложений);

- графические трудности (расстановка знаков препинания; использование прописной и строчной букв; выделение абзацев);

- трудности, связанные с осознанием и собственным построением научного текста.

Избежать ошибок возможно, но только в случае четко выработанной системы обучения научному стилю речи. Система должна строиться на принципах комплексного подхода. Во-первых, самой иерархии учебных пособий, последовательно развивающих и закрепляющих знание основ

научного стиля – с подготовительного до основного курсов обучения русскому языку. Во-вторых, особой организации учебных пособий, которые должны строиться на принципах:

- отобранного грамматического и лексического материала;

- дифференцированного учебного материала, ориентированного на разные категории обучающихся;

- специальных текстов, развивающих навыки понимания и владения научной информацией [4, 3].

В заключение отметим, что обучение слушателей-иностранных военных специалистов научному стилю речи, во-первых, создаст благоприятные условия для профессионального общения; во-вторых, будет способствовать развитию профильно-направленной лингвистической, социокультурной, прагматической, межкультурной коммуникативной компетенции в письменной форме и, наконец, повышению мотивации к изучению специальных предметов на русском языке, эффективности учебного процесса в целом.

Литература

1. *Гарбовский Н.К*. Сопоставительная стилистика профессиональной речи / Н.К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 144 с.

2. *Григораш Э.В*. Иноязычные заимствования в военном тексте: функционально-стилистический аспект (на материале датских текстов военной тематики) : дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.В. Григораш. – М., 2015. – 330 с.

3. *Краснова А.А*. и др. Русский язык. Обучение научному стилю речи. Учебное пособие / А.А. Краснова и др. – М. : Изд-во ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2013. – 202 с.

4. *Москалева М.М.* и др. Русский язык. Синтаксис научной речи как основной компонент учебно-профессионального общения. Учебное пособие / М.М. Москалева и др. – М.: Изд-во ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2017. – 232 с.

5. Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси : электронные публикации Института русской литературы Пушкинского Дома (РАН). Т. 5. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/default.aspx?tabid=4956 (дата обращения: 01.05.2019).

6. *Федорова Л.В.* Методика обучения научному стилю речи иностранных военнослужащих в военном техническом вузе : дис. … канд. филол. наук: 13.00.02 / Л.В. Федорова. – М., 1997. – 148 с.

7. Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов, и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. URL: http://nozdr.ru/militera/regulations/russr/1715_artikul/pre.html (дата обращения: 01.05.2019).

А. Торопчина
Воронежский государственный университет.
Науч. руководитель – доц. Панова М.В.

НАИМЕНОВАНИЯ ВОЛКА В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Лексика животного мира является одним из ключевых объектов изучения диалектологии, поскольку позволяет с разных точек зрения рассмотреть как семантические и структурные особенности лексем, так и отражение в наименованиях животных языковой картины мира диалектоносителей.

На материале воронежских говоров проведено немало исследований, объектом которых являются наименования диких животных, рассматриваемые в разных аспектах. Так, А.Д. Черенкова, обращаясь к наименованиям животных, иллюстрирует такое свойство диалектной лексики, как детализация реалий [13, 100]. Е.Н. Шестакова рассматривает синонимичные фразеологизмы с компонентами, называющими животных [14, 114]. Л.В. Недоступова изучает диалектизмы, относящиеся к сфере животного мира, в рамках природной лексики [6, 14]. Как часть лексики животного мира Т.В. Карасёва рассматривает наименования насекомых [5, 199].

Цель данной работы – описание семантических особенностей номинаций волка в современных воронежских говорах, а также положенных в основу наименований мотивировочных признаков.

Для выявления семантических особенностей номинаций животных была проведена тематическая и лексико-семантическая классификация. Исследуемая тематическая группа «Наименования волка» представлена следующими лексико-семантическими группами (далее – ЛСГ):

1) ЛСГ «Общие наименования волка»: ***бирю́к*** (*И* ***бирю́к*** *завуть, и валчишша. Н.-ЖВТ. Рам.*), ***во́лок***, ***волча́ка***, ***зверь*** (***Зверь*** *съел Бобр. СРНГ; ТЕРН.),* ***путе́мник*** *(Ле́тась у них* ***путе́мник*** *афцу загрыс. МТР. Эрт.)*;

2) ЛСГ «Наименования крупного, матёрого волка»: ***бирюча́ка*** *(****Бирюча́ка*** *летась афцу задрал. ТРЦ. Остр.),* ***волча́ка*** *(Как выбех* ***валча́ка*** *на дарогу! КЧГ. Нж.-Дев.)*;

3) ЛСГ «Наименования волка по возрасту»: ***перея́рый*** 'трёхлетний волк' (*Волк* ***пириа́рый*** *– трехгадавалый, самый злой*), ***перея́рок*** 'двухлетний волк' (*Мы видели в лису* ***пириа́рка****. ГНЛ. Семил.)*;

4) ЛСГ «Наименования самки волка»: ***волку́ха*** *(Я, как* ***валку́ха****, лижу адна. ДРК. Лиск.*);

5) ЛСГ «Признаки, относящиеся к волку»: ***бирю́чий*** *(Окала Кастёнак –* ***бирю́чие*** *лашки. БРЩ. Хохол.)*, ***волчи́ный*** 'волчий';

6) ЛСГ «Действия волка»: ***гуде́ть*** 'выть (о волке)', ***заводи́ть*** 'завывать (о волках)' (*И тут у Хвилькинам* (лесу) *чую: страшна воють* (волки). *Прям как* ***завяду́ть****, как галосють! КЧГ. Нж.-Дев.*), ***заво́ить*** 'завыть' (*Бирюк у лясу* ***заво́ил****. СР.ИКР. Лиск.*).

Анализ внутренней формы слов показал многообразие мотивировочных признаков, положенных в основу представленных наименований.

С точки зрения семантики можно выделить номинации, характеризующие волка по возрасту: *перея́рый* 'трёхлетний волк', *перея́рок* 'двухлетний волк', а также по особенностям жизнедеятельности: *путе́мник* 'волк' – возможно, характеризует волка как животное, ведущее преимущественно ночной образ жизни (ср. СРНГ: *потемни* 'темнота, потёмки' [10-30, 273]), при этом слово, вероятно, претерпело межслоговую диссимиляцию.

Лексемы, обозначающие действия волка, образованы в результате вторичной номинации, в основе которой лежит метафорический перенос. Отмечается перенос по издаваемым звукам: *гуде́ть* 'выть (о волке)' (ср. Фасмер: *гудеть* диал. 'плакать, голосить' [11-1, 470]), а также по сходству действий: *заводи́ть* 'завывать (о волках)' (ср. СРНГ: *заводить* 'начинать что-либо', 'начинать говорить' [10-9, 323]).

В основе ряда номинаций лежат общерусские слова, которые в диалектах приобрели иное суффиксальное, фонетическое или грамматическое оформление: *волку́ха* 'волчица', *волча́ка* 'большой, матёрый волк', *волчи́ный* 'волчий'; *во́лок* 'волк' (результат второго полногласия); *заво́ить* 'завыть (о волке)' (вероятно, проявление тенденции к выравниванию основы: контаминированы формы инфинитива (*завыть*) и простого будущего времени (*завоет*)).

Помимо слов с прозрачной этимологией, отмечены заимствованные лексемы тюркского происхождения: *бирю́к* 'волк', *бирюча́ка* 'крупный, матёрый волк', *бирю́чий* 'волчий; перен. глухой, страшный' (ср. Фасмер: *бирюк* 'волк, нелюдим', заимств. из тюрк. [11-1, 168]). Освоение заимствованного слова в диалекте отражает его суффиксальное оформление.

Многообразие наименований волка в воронежских говорах подтверждает мысль об отражении в языковой картине мира особенностей мировосприятия диалектоносителей. Лексемы, относящиеся к животному, дифференцируются по его полу, возрасту, особенностям жизнедеятельности, издаваемым звукам. Это отражает характерную для говоров тенденцию сегментировать действительность на основе выделения ярких, значимых деталей. В наименованиях волка в воронежских говорах не отмечено характерное для народного сознания соотнесение хищника с нечистой, демонической силой [3, 128]. Более значимым для диалектоносителей оказывается внешний вид, возраст животного, его образ жизни.

Анализ мотивировочных признаков, положенных в основу представленных лексем, позволяет сделать вывод об их в целом равной распространённости, однако в некоторой степени преобладают номинации, представляющие собой преобразованные в фонетическом, деривационном или грамматическом плане общерусские слова, что обусловлено взаимодействием диалекта с литературным языком.

Литература

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

2. *Блинова О.И.* Русская мотивология: уч.-метод. пос. для студ. вузов / О. И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 64 с.

3. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1998.

5. *Карасёва Т.В.* Названия насекомых в воронежских говорах / Т.В. Карасёва // Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник научных трудов. – Вып. 32. – Воронеж, 2014. – С. 199-217.

6. *Недоступова Л.В.* Природа и человек в лексике говора посёлка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области : автореф. дис. … канд. филол. наук / Л.В. Недоступова. – Воронеж, 2013. – 24 с.

7. *Попова З.Д.* Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. –М.: URSS, 2010. – 171 с.

8. *Радченко О.А., Закуткина Н.А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25-48.

9. Словарь воронежских говоров / [науч. ред. Ковалев Г.Ф.]. – Вып. 1-2. – Воронеж, 2004-2007-.

10. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып.1-49. – М.-Л., 1965-2016. – СРНГ.

11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; Пер с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Астрель, АСТ, 2003-2004.

12. *Филин Ф.П.* Очерки по теории языкознания / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 336 с.

13. *Черенкова А.Д.* Мировосприятие сельских жителей и отражение его в лексике природы (на материале говоров Воронежской области) / А.Д. Черенкова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. – СПб., 1998. – С. 98-102.

14. *Шестакова Е.Н.* Синонимия фразеологизмов в говорах Воронежской области / Е.Н. Шестакова // Материалы по русско-славянскому языкознанию (историко-диалектологические и сравнительные исследования): Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1985. – С. 113-119.

15. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (На материале рус. яз.) / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

Научное издание

Воронежская филологическая школа: Юбилеи, научные контакты, современная практика

Сборник научных статей

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2

Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,5. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии издательства.
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2.